

СМОНА

ISSN 0131 - 6656

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ ■ КРОВЬ

8'94

АЛАЯ

КРИСТИАН ШАРЪЕ ■ О СМЕРТИ СКАЖИ ЦВЕТАМИ

▲ Ф. А. ВАСИЛЬЕВ.
Деревенская улица. 1868 г.

▲ В. В. ВЕРЕЩАГИН. В покоренной Москве.

(Читайте стр. 116)

▼ Н. Н. ДУБОВСКОЙ. Притихло.

▲ В. В. ВЕРЕЩАГИН. В покоренной Москве.

8'94

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 19.05.94.
Подписано к печати 14.06.94.
Формат 84×108¹/₂.

Бумага «Газетная». Печать офсетная. Усл. п. л. 15,54. Усл. кр. отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Тираж 97 200 экз. Заказ № 1471. Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. № 166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака обращаться в издательство «Пресса»: 257-28-30, 257-41-03.

8 (1558) АВГУСТ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

Проза

36

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ. КРОВЬ АЛАЯ*Криминальная повесть*

178

ГАЙТО ГАЗДАНОВ. ШРАМ НА ОСТРОВЕ*Рассказы*

246

МЮРИЭЛ СПАРК. ЧЛЕН СЕМЬИ*Рассказ*

256

КРИСТИАН ШАРЬЕ. О СМЕРТИ СКАЖИ ЦВЕТАМИ*Текстовый рассказ*

Поэзия

31

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

146

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

Человек и общество

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ГУЛЯЙ... НЕ ХОЧУ!

14

ОЛЕГ ДЗЮБА. ЗОЛОТО ПОД НОГАМИ

99

БОГАТ ИЛИ БЕДЕН «ГЕРМЕС»?*Беседа с президентом концерна***ВАЛЕРИЕМ НЕВЕРОВЫМ**

104

БОРИС СОПЕЛЬНЯК. ПЮДИ И ДЕНЬГИ

154

ПРО ЭТО...*Беседа с главным врачом мед. центра «Андромед»***АЛЕКСАНДРОМ ГРИШИНЫМ**

162

ВЛАДИМИРСКИЕ СЮЖЕТЫ*Фотоэриписаж СЕРГЕЯ СКУРАТОВА*

На нашей
обложке
фотозюк
ЮРИЯ
ПРАКЧЕЕВА

218

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ. КРАСНОЕ СИЯНИЕ

Культура, музыка, искусство

116

АЛЕКСАНДР БЕНУА. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
В XIX ВЕКЕ

276

АНДРЕЙ КУЧЕРОВ. «ЛИЦЕЙ» ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Мораль и право

204

БОРИС КАМОВ. ОТ СКУКИ

Спорт

201

ВАЛЕРИЙ НОВИКОВ. СОШЛИСЬ СЛАВЯНЕ В РУКОПАШНОЙ...

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

9-94

3

■ ПОЛ ГЭЛЛИКО. «ЦВЕТЫ ДЛЯ МИССИС ХАРРИС»

«Мадам Кольбер привела миссис Харрис в другой мир, полный возбужденного оживления. Они стояли в кабинке, отделенной занавеской от коридора, казавшегося частью гигантского лабиринта таких же коридоров с кабинками вдоль них. В каждой кабинке находилось по женщине — точно пчелиные матки в сотах-ячейках, а по коридорам носились рабочие пчелы с медом и пылью — с кружевными, пенными платьями цветов сливы и малины, тамаринда и персика, горчицы и первоцвета, дамасской розы и орхидеи. — Чтобы доставить их заказчику...

Здесь, среди всей этой сумятицы, в самой середине этого гудящего, волнующегося и приводящего в экстаз любую женщину улья, стояла лондонская уборщица, одетая в «Искушение»...»

Читайте в следующем номере повесть о похождениях бедной английской уборщицы, возмечтавшей занять не больше, не меньше, как ... платье от Диора.

■ АЛЕКСАНДР КИЗЕВЕТТЕР. «САТРАП»

«В Грузии разразилась катастрофа, потрясшая душу Аракчева до самой глубины. Его любовница, Настасья Минкина, была зарезана дворовыми. Обезумевший от горя Аракчев неистовствовал, предавал истязаниям огулом всю дворню, плакал, стонал, носил на шее платок, смоченный кровью убитой, и, не испрашивая на то ничего разрешения, самовольно отстранился от всех дел».

АНОНС

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

ГУЛЯЙ...

Пенза в зеркале

4

Вместо пролога

«Вчера с городской биржи труда был направлен на работу последний безработный города» — такую заметку напечатала в 20-х годах одна местная газета. С профессиональной точки зрения — классический образец лаконичности и в то же время емкости информации: всего одна фраза, а так много сказано.

Если бы десяток лет назад кто-то обмолвился, что мне придется заниматься темой безработицы в России — ни за что бы не поверил.

Несколько поколений выросло, воспитанных в твердой уверенности: государство все им должно дать — бесплатное образование, профессиональное обучение, стипендию, работу, зарплату (пусть маленькую, но аккуратно выплачиваемую), квартиру (пусть даже

и через двадцать лет). Одним из главных завоеваний социализма считалось право на труд. У выпускников учебных заведений не болела голова о том, как заработать на жизнь. Работу обязаны дать — казалось, так будет всегда.

Теперь ясно — не будет. По крайней мере ни сегодня, ни завтра...

Безработица в России растет.

Биржа труда

Мы выбрали для командировки Пензу, так как по многим параметрам это типично «средний» российский областной город. Полмиллиона жителей; достаточно развитая промышленность (можно назвать такие хорошо известные заводы, как часовой или велосипедный); сеть научных и учебных институтов. Как и повсюду в Рос-

НЕ ХОЧУ!

грядущей безработицы

сии, идет сокращение кадров, а некоторые заводы вообще закрываются.

Пензенский городской центр занятости населения (а если называть вещи своими именами — та же биржа труда) образовался в июле 1991 года.

Статистика такова. К началу 1992 года в центре занятости было официально зарегистрировано 188 безработных (из них 159 — женщины). Спустя два года — шесть с половиной тысяч (женщин — 4510). Цифры в скобках со всей очевидностью говорят: у безработицы — женское лицо. (Правда, у нас всегда наблюдалась некоторая дискриминация по половому признаку, но никогда она не проявлялась так явно...) Под сокращение штатов попадает прежде всего слабый пол. Бывает даже, что увольняют женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком: кому нужен работник, ко-

торый три года сидит дома?!

С другой стороны, женщины часто вынуждены подавать заявления «по собственному желанию» — не каждая может выкладывать по 50—70 тысяч за детский сад. Это больше, чем зарплата. В результате многие детсады закрываются.

Словом, куда ни кинь — всюду клин...

Расположен городской центр занятости в абсолютно не приспособленном помещении на окраине Пензы. В узком коридорчике не протолкнешься сквозь очередь безработных: за день бывает 200—300 человек. После ремонта первого этажа станет несколько свободнее, но и это не решение проблемы: очереди-то увеличатся. По прогнозам специалистов, количество безработных в Пензе достигнет к концу этого года от семи с половиной до десяти тысяч.

Интересное явление: после лик-

видации множества партийных комитетов, Советов почему-то не находится подходящих зданий для жизненно важных людских нужд. Получив изрядный психологический удар в связи с потерей работы, человек вынужден в унижающей, на мой взгляд, обстановке, подпирать стенки под дверями кабинетов биржи труда... Может, поэтому люди из очереди неразговорчивы, а если и соглашаются ответить на вопросы — то без упоминания имени. По-человечески это понятно: они впервые очутились в столь непривычном положении. Причины, заставившие людей прийти на биржу труда, схожи: сокращается военно-промышленный комплекс, заводы сидят на финансовой мели. В таком положении оказываются даже те предприятия, которые, казалось бы, и в условиях рынка обязаны жить хорошо. Так, пензенский завод «Эра» делает авиатренажеры для гражданской авиации. Они всегда пользовались спросом, а теперь, по идее, спрос должен был увеличиться: у авиаторов не хватает горючего для тренировочных полетов — больно дорого.

Увы, нет денег и на тренажеры...

Побывал на приеме посетителей. Центр хорошо оснащен компьютерами, поэтому информация о вакансиях дается в считанные секунды.

Что предлагается, например, женщинам?

Нужны уборщицы (зарплата в пределах минимальной — по тому времени 14 620 рублей), вахтеры (20 тысяч), продавцы выездной торговли, кондукторы троллейбуса... Немудрено, что многие отказываются от такой малоквалифицированной работы и уходят ни с чем. Уж лучше сидеть на пособии и как-то подрабатывать частным образом.

Некоторые получают направления на работу, но это не гарантирует, что будешь работать: пока доехал — кого-то другого приняли уже. Ситуация на рынке труда меняется буквально ежечасно.

Часть организаций вообще не представляет данных о вакансиях в полном объеме. Мало ли причин: попрिдержать место для нужного человека или чье-то «сын-ка». Вот и приходится сотрудникам центра мотаться по городу, висеть на телефоне, добывая необходимую информацию.

За один квартал этого года в центр обратилось 4523 человека (в эту цифру входят не только официально зарегистрированные безработные). Удалось трудоустроить 920. В середине апреля в банке данных содержалось 655 рабочих вакансий и 184 инженерно-технических. А безработных, напомним, шесть с половиной тысяч. Вот и считайте...

Сотни людей идут в юридический отдел центра. В основном из-за конфликтов по финансовым расчетам. Нередко уволенный работник не может получить не только выходное пособие, но и зарплату за последние отработанные месяцы. А начальник разводит руками: мы «на картотеке», денег нет. И ничего нельзя сделать, даже через суд! Все, что может центр, — поставить на учет и назначить пособие.

Я посмотрел по спискам — очень многие получают минимальное — 14 620 рублей. Можно прожить?

Вот одно из заявлений, от инженера Надежды К.: «Прошу оказать материальную помощь в связи с отсутствием средств существования на питание...»

Статистика всего не знает

— Официальная статистика не отражает реальной картины,—

уверен директор центра занятости Сергей Башук. — Частичная безработица раз в десять больше. Скажите, если на мясокомбинате люди неделю работают — неделю «отдыхают», то как это назвать? А вынужденные отпуска?

Добавлю: а можно ли считать работающим человека, который не получает плату за труд? Особенно тяжелое положение на селе. Крестьяне не имеют зарплаты по полгода: город не спешит рассчитаться за давно полученную и «проеденную» продукцию. Перед началом посевной государственный долг пензенскому селу составлял 15 миллиардов рублей... Сельское хозяйство — единственная отрасль, на которую не распространяется принцип предоплаты.

Статистика не учитывает и подростков до 16 лет. Только с этого возраста можно зарегистрироваться в качестве безработного и получать хоть нищенское пособие. Но обязательного среднего образования у нас теперь нет, и многие четырнадцатилетние после восьмого класса оказываются на улице без какой-либо надежды на рабочее место. И система профессионального образования трудно приспособляется к рынку.

У выпускников ПТУ, техникумов, вузов — «свободное трудоустройство»: А берут их на работу в последнюю очередь, предпочитая более опытных специалистов.

— Никак не найдем общего языка с ПТУ, — говорил мне заместитель начальника отдела по работе с населением Анатолий Кулин. — Объясняем: не понадобится столько работников в сфере бытового обслуживания, общественном питании. Но нет — у них «план набора»...

Порядок выплаты пособий таков. Первые три месяца — 75 процентов бывшей средней зарплаты

(но не выше средней по области). Следующие три месяца — 60 процентов. И потом полгода — 45 процентов. А что дальше, если человек так и не получил работу? Шесть месяцев получает материальную помощь, после чего вновь регистрируется «официальным» безработным.

Молодежь и тут в самом бедственном положении: она же еще не успела нигде поработать — стало быть, и зарплаты никакой не имела. Посему положен ей минимум — 14 620. Кто-то устраивается в коммерческие палатки, а кто-то — в уголовные группировки, что облагают эти палатки «налогом».

Как обойти закон

Надо сказать, есть категория населения, которую положение безработных вполне устраивает. Более того — приносит выгоду. В газетах промелькнуло сообщение о том, как в одном городе привлекли к уголовной ответственности за мошенничество четверых бизнесменов. Организовав частные фирмы, они не снялись с учета в центре занятости и продолжали исправно получать пособие по безработице.

В Пензе до суда пока не доходило. Но здешний центр в прошлом году, с помощью налоговой инспекции, нашел 114 человек, получавших пособие незаконно. Эти деньги с них взыскали. За три месяца этого года — еще 39 человек... Речь идет не о тех, кто от случая к случаю торгует на базаре: понятно, что на 14 тысяч не проживешь. А о тех, кто поставил индивидуально-трудовую или торгово-посредническую деятельность на промышленную основу и фактически отнимает деньги

у настоящих безработных.

Есть и другие способы обойти Закон о занятости. Об одном из них мне рассказал безработный, пожелавший, разумеется, остаться неизвестным.

Перед увольнением он получал весьма неплохую зарплату. Поэтому 75-процентное пособие оказалось приличным. Но и он не сидел сложа руки. Времени свободного полно — ездил в Москву, скупал оптом товары, перепродавал у себя. Выходило вдвое больше прежней зарплаты.

Но вот истекли три месяца. Парень просит направить его на курсы переквалификации (тоже трехмесячные). С этого момента он перестает считаться безработным, но продолжает получать свои 75 процентов — уже в виде стипендии. Ну, а вакансия по новой профессии может найтись, а может и не найтись (ситуация-то на рынке труда, повторяю, меняется). Кроме того, никто не может заставить человека работать там, куда пошлют. Так что по окончании курсов парень получил статус вновь зарегистрированного безработного — то есть сохранил 75 процентов еще на три месяца.

Таким образом, поработав месяца три на хорошо оплачиваемой должности, можно за оставшиеся девять решить многие жизненные проблемы. Известны случаи, когда за полгода люди «делали» себе квартиры, машины. Но для этого нужно иметь организаторские и коммерческие способности. А как быть тем, кто действительно хочет, но не может найти место?

Клуб безработных

Безработица не так страшна, если кратковременна. Через полгода у человека возникает психо-

логический барьер: теряет веру в себя, боится продолжать поиски работы. (А большинство из нас попросту и не знают, как искать работу — привыкли, что на каждом заборе объявления «Требуются...»)

Практика показала, что многие не умеют элементарного: коротко и четко вести деловые переговоры, правильно заполнить необходимые документы и т. д. Не могут, как говорится, подать себя в выгодном свете, произвести впечатление.

Всему этому учат в «Клубе ищущих работу» (так он деликатно называется), созданном при пензенском центре занятости. Клуб арендует комнату в одном из домов культуры.

Сюда предлагают вступить тем, кто долгое время не может найти работу. Комплектуется группа, с которой проводится восемь занятий в течение месяца. Кто их ведет? Специалисты центра, руководители кадровых служб предприятий, психологи, юристы, предприниматели. Для каждого члена клуба составляется индивидуальный план поиска работы. Впрочем, сюда может прийти любой человек с улицы и получить информацию в банке вакансий, рекомендации.

Галина Якунькина нашла работу именно через клуб. Была мастером в автохозяйстве и ушла не по сокращению, а просто не смогла больше работать с хамом-начальником. У нее не было проблем с тем, как заполнять документы или говорить с кадровиками. У Галины проблема другая — «нежелательный» пол... Сейчас она — завхоз в Доме культуры.

— Я, конечно, не мечтала с детства стать завхозом. Муж говорит — ты зарываешь свой талант в землю. Я ведь закончила курсы маркетинга и одно время работала в частной фирме. Но

у той фирмы дела как-то не заладились, и вот я здесь...

Не у всех членов клуба дела складываются удачно. А молодой сварщик Михаил К. с направлением клуба обошел шесть предприятий — везде отказ. Настроение у парня — сами понимаете.

— Стыдно сидеть на шее у матери, — с горечью сказал он мне.

Так что и клуб — не гарантия трудоустройства. Из 12—15 безработных, набираемых сюда на месячный курс (больше нельзя — потеряется весь смысл индивидуальной работы), устраиваются 8—10 человек. Но показательно, что в Пензе стараются использовать любые формы помощи людям. 10 трудоустроенных в месяц? Это лучше, чем ничего.

Дают свои результаты и аукционы, ярмарки профессий в ДК. За один день подобной ярмарки получили работу 250 человек. Последняя цифра наводит на мысль, что острота проблемы безработицы в какой-то степени надуманна. Сравните сами: 250 в день — и 2500 за год устроившихся через службу занятости. Мне кажется, что нынешние биржи труда в принципе мало отличаются от бывших бюро по трудоустройству: сбор информации с предприятий и передача ее населению. Но если бюро работали в условиях избытка рабочих мест, то биржи — при дефиците. А изучение спроса и предложения на рынке труда, прогнозирование у нас еще в зародышевом состоянии. Вот и приходится изобретать ярмарки, аукционы, клубы... Что ж, раз они приносят результаты...

Татьяна Мельникова окончила Пензенский политехнический институт, работала инженером на «Химмаше», в управлении дороги «Москва — Самара». Попала под сокращение. Куда бы ни обращалась — инженеры не требовались.

Пришлось идти на биржу труда. Год регулярно отмечалась там, получала минимальное пособие. Судьба решилась на аукционе военных вакансий, организованном городским центром, — подписала контракт на службу связисткой в ВМФ.

Свое дело

А если не ждать счастливого случая и самому создать свое дело?

Ирина Подгорная работала в филиале института «Гипролесхоз»... Наверное, вы уже догадались: сокращение штатов, биржа труда, безуспешные поиски. Все верно. Так продолжалось около полугода. Но Ирина Николаевна, судя по всему, женщина энергичная и волевая. Не став больше ждать случая, открыла частную фирму «Домашняя академия». Это нечто вроде бывшей «Зари», но спектр услуг намного шире.

Можно «заказать»... психолога для подготовки ребенка к школе, репетиторов, преподавателя живописи и рисунка. Сводить детей в «воскресный класс», арендовать фирмой в школе.

Это, так сказать, из области духовной. А что из материальной?

К вам придут и постирают белье, сделают уборку, ремонт. Вскопают огород...

— Ирина Николаевна, — спросил я, — неужели в наше трудное время хватает людей, согласных, скажем, оплачивать услуги психолога?

— Мы даже не смогли выполнить все заявки.

(Видимо, это так, подумал я, вспомнив микрорайоны Пензы, застроенные двух- и трехэтажными кирпичными особняками.)

— И вы навсегда выбрали себе

дело? Не хотите когда-то вернуться к прежней профессии?

— Навсегда ли? Трудно сказать... Это во многом зависит от того, какая политика в стране будет. Во всяком случае, работаю с удовольствием. И, отметьте, центр занятости мне здорово помог.

Это действительно так. Легко сказать: «открыла частную фирму». На самое маленькое дело нужен первоначальный капитал, а откуда он у безработной?

10 Центр помог разработать технико-экономическое обоснование предприятия. Оплатил госпошлину за регистрацию фирмы, изготовление печати и т. д. А это немалые деньги. Кроме того, перечислил на счет фирмы безвозмездную субсидию в размере годового пособия Подгорной. Это не личное одолжение для Ирины Николаевны — таково общее правило для всех. Ведь безработные, открывшие свое дело, не только решили личные проблемы, но и создали рабочие места для других. Менее чем за год работы фирма Подгорной приняла через биржу труда около десяти человек. А за каждого взятого безработного биржа платит фирме 75 процентов его пособия. Оплачивает также обучение девушек-золотошвеек. Много людей здесь работают по договорам.

А вот Татьяна Майорова, мать четверых детей, решила заняться индивидуально-трудовой деятельностью — плести вологодские кружева. Закончила оплаченные курсы и, в свою очередь, согласилась принять на обучение еще несколько человек. Будет нечто вроде производственного объединения «индивидуалов».

Бывший инженер Галина Бекшаева стала шить на дому для пензенской элиты.

Бывший инженер-механик Николай Бердников занялся проек-

тированием нестандартной мебели...

А еще появилась такая тенденция: безработные объединяются в своеобразные бригады. Например, бухгалтер, снабженец, специалист по маркетингу и т. д. То есть в команды, готовые к созданию новых фирм. В прошлом году 45 безработных открыли собственное дело. Нельзя сказать, что предпринимательское движение обрело размах, но все же... Лиха беда начало.

Кстати, хочу отметить любопытную деталь: всем названным мной новым предпринимателям — за сорок. Между тем бытует мнение, что к условиям рынка легче всего адаптируется молодежь (на пожилых, мол, висит груз социалистических привычек, они растеряны и подавлены). Если посмотреть на юные лица продавцов коммерческих палаток, это действительно так. Но сами они ничего не производят, только покупают-перепродают! Ну, скажите, какое производство может организовать вчерашний школьник?

— Мы не поддерживаем «торгашей», — подчеркнул начальник отдела самозанятости и организации общественных работ городского центра Сергей Захаров. — Помогаем только тем, кто хочет заняться товарами народного потребления и услугами населению. Встав на ноги, они создадут рабочие места для молодых, а потом помогут завести и собственное дело. Предпринимательство, я считаю, — это активный способ борьбы с безработицей.

— Чем вы помогаете новым бизнесменам, кроме финансов?

— Можем организовать консультации профессионалов, обучить основам рыночной экономики, основам бухгалтерского учета, налогообложения. Сейчас создаем специальный учебно-методический

кабинет, который готовил бы предпринимателей. А еще есть идея организовать центр трудовой адаптации подростков. Помните, были межшкольные учебно-производственные комбинаты? Мы не собираемся копировать их. Но что-то делать надо. Ведь сейчас подростку-неумехе один путь — идти воровать. Мы готовы платить частным предприятиям, которые возьмут на обучение подростков.

Лук за работу

Когда-то Пенза слыла самым чистым и ухоженным городом России. Сегодня она поражает грязью и мусором даже в центре города. Правда, должен отметить, приехал я не в лучшее время года. Пробираясь кое-как к гостинице, подумал — вот же гигантский фронт работ для армии безработных!

В застойные времена чистота обеспечивалась просто: каждая улочка «закреплялась» за каким-либо предприятием. Попробуй не убери! Ответишь на бюро горкома... Так делалось практически по всей России.

На заре перестройки в разных городах появились было кооперативы по уборке улиц, дворов. Появились и тихо исчезли. Голыми руками много не наработаешь, а взлетевшие цены на спецтехнику, бензин сделали очистку городов невыгодной. А такая несложная процедура, как ежегодный техосмотр в ГАИ одного, например, «КамАЗа» стоит полтора миллиона. В пензенском коммунальном хозяйстве тоже идет сокращение. Простаивают машины: не хватает запчастей, горючего.

Везде говорят об отсутствии финансов; мало их и на организацию общественных работ. Что поделаешь — экономический кризис... Но вот что любопытно: в свое

время президент Рузвельт спас людей от нищеты и голода именно с помощью общественных работ. Значит, есть такая возможность и у нас.

Центр занятости направляет на общественные работы более трех тысяч человек в год. Большую часть — в село, на прополку и уборку. Платят там натурой — луком, морковью, капустой. Интересно, чем платил Рузвельт?..

Летом удалось временно устроить 70 подростков — чистили стадион, зоопарк. Центр занятости перечислил на оплату их труда 800 тысяч рублей. Подросткам досталось 450 тысяч. Хотя бы с детей не брали налоги...

Налоговая удавка

Откуда берутся безработные? Главный «поставщик», как мы знаем, — ВПК.

Якобы велосипедный «ЗИФ» (завод имени Фрунзе) выпускал по миллиону двухколесных машин в год. Но это составляло менее одного процента общего объема производства! Что там было еще — так я и не дознался...

В лучшие времена здесь работало до пятнадцати тысяч человек. Сейчас — семь, из них две в вынужденном отпуске. Но и оставшимся немногим лучше. Начальник отдела кадров Лариса Мартынова рассказывала о случаях годных обмороков на рабочих местах... Двадцать тысяч инженерской зарплаты — это 20 рублей по-старому. А что такое 17 тысяч пенсии после сорока лет работы?

У большинства заводчан есть родственники в селе. Картошкой, капустой, луком они обеспечивают себя сами — тем и спасаются. Но с весны до осени без выходных — сев, прополка, уборка...

Завод освоил выпуск детских и инвалидных колясок. Но это сущая мелочь по сравнению с прежней продукцией. Настоящая конверсия, связанная с переоборудованием цехов, требует огромных денег. У государства их нет. А что имеет завод? Шесть копеек прибыли с рубля. Нечем даже оплатить электроэнергию. Недавно «Пензэнерго» опломбировало за неуплату ряд производств. Будто от этого деньги появятся... А ряды безработных пополнились.

Прогноз на завтра

А как обстоят дела в целом по России? К лету 1994 года официально зарегистрированных безработных было 1,1 миллиона человек. Это 1,2 процента трудоспособного населения. Но средний уровень складывается из таких цифр — от 0,3 процента в Москве до 5 в Иванове. Как видно, особенно сильно пострадали исконно текстильные края. А ведь наши ткани — хорошего качества, вполне конкурентоспособны на мировом рынке...

Цифры в общем-то невеликие. Во Франции, к примеру, уровень безработицы — до 10 процентов. Но пока трудно сравнивать с ними нашу экономику и уровень социальной защищенности людей — безработные в Пензе еще не подъезжают к биржам труда на собственных машинах.

— Нас особенно беспокоит то, — говорила заместитель начальника сводно-аналитического управления Федеральной службы занятости Наталья Власова, — что за прошлый год вдвое выросло число длительно — более восьми месяцев — неработающих. 37 процентов безработных — молодежь 16—29 лет. Увеличивается доля неработающих подростков 14—16 лет. Каков прогноз? До конца года

количество официально зарегистрированных безработных может возрасти почти до двух миллионов.

— Когда свертывается производство неконкурентоспособных товаров — это можно понять. Но вот конкретные примеры по Пензе. Маслозаводы уменьшают прием молока, в результате крестьяне вынуждены забивать скот — сколько лет потом уйдет на восстановление поголовья! Между тем в магазинах — сплошь импортное масло, по качеству хуже российского. Пензенские часы известны надежностью, но попробуй найди их в продаже — «комки» полны тайваньских да сингалурских, не отличающихся ни качеством, ни дизайном. Может, во многом число безработных определяет импорт?

— У этой проблемы две стороны. Импорт нельзя запретить — не будет конкуренции, стимула улучшать качество товаров. Но вы правы: многое мы умеем делать не хуже, а то и лучше — то же масло, шерстяные ткани. В разумных пределах заслоны нужны, чтобы поддержать наших производителей. Ставит же Америка таможенные барьеры японским автомобилям, даже безотносительно их качества.

Каждая организация отчисляет в фонды занятости два процента фонда зарплаты, других источников средств у них нет. Но «полузакрытый» завод, естественно, перечисляет вдвое меньше. Вот и получается: чем больше безработных, тем меньше для них денег.

Сколько можно говорить о конверсии? Где программа — четкая, реальная, выполнимая?

А система налогообложения, от которой стонут все промышленники? Нигде в цивилизованном мире у предприятий не отбирают 94 процентов прибыли. Потому и

10-процентная безработица на Западе менее болезненна для людей, чем наша.

Вы думаете, почему зарплату стали выдавать магнитофонами, часами, чайниками? Логичней сдать их торговле, а с рабочими расплатиться деньгами. Но при таком варианте у завода заберут налог с прибыли. Приходится хитрить.

Наша налоговая система не дает «частнику» заниматься производством (и тем самым создавать новые рабочие места, помимо торговых). Частные промышленные предприятия — большая редкость. Чтобы уцелеть, ведут взаиморасчеты наличными, всячески «обходят» налоговую инспекцию — лазейки всегда найдутся. Грабя производителей, государство фактически грабит себя и плодит новых безработных. Выжить могут лишь небольшие фирмы (как у Ирины Подгорной), не требующие больших капиталовложений, дорогого оборудования.

Наконец, почти все мы, рядовые обыватели, оказались не подготовленными к безработице. Да нас никто и не готовил к тому, как вести себя в новых условиях. Психологический шок плюс неумение искать работу — особенности российской безработицы.

Одно утешение: наш человек — самый живучий в мире.

Вместо эпилога

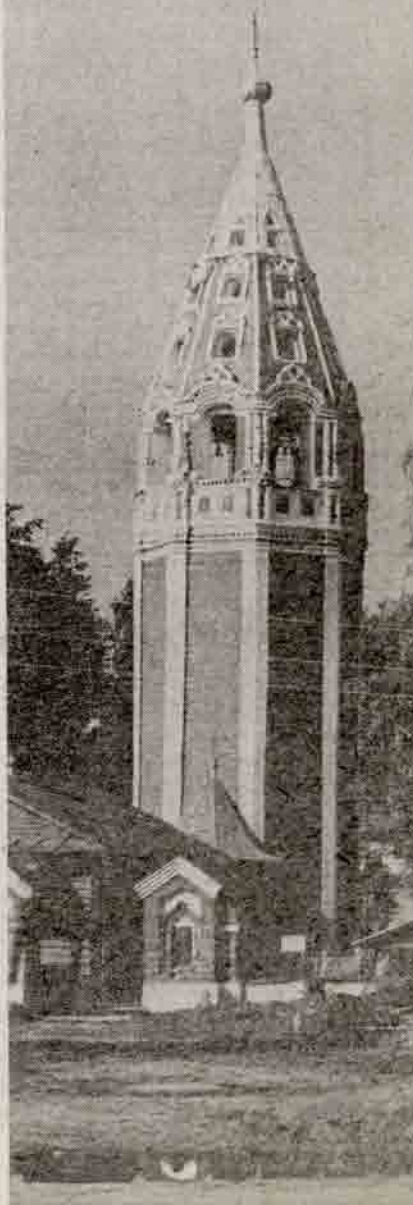
«Вчера с городской биржи труда был направлен на работу последний безработный...» Интересно, доведется ли мне когда-нибудь дать подобную информацию?

На тронутой ржавчиной спинке ажурной железной скамьи примостилась пестрая сойка. Мягкость моих шагов привередливую пичугу обмануть не смогла, и птица расшвыстелась от всей души, заглушив даже тракторный мотор, чад от которого стлался вдоль изгороди старинного помещичьего парка...

Я присел на теплый металл и оглянулся на усадьбу. За шестилетие, минувшее после двухвекового батюшковского юбилея, стены все еще не расстались с краской. Похоже было, что тщание встретить «круглую» годовщину великого земляка сочеталось в устюженцах с нечастой при ударных темпах аккуратностью. Достойный друг Пушкина в родовых пенатах бывал не слишком часто, а последние три десятка омраченных душевной болезнью лет и недавно провел в Вологде, но сбереженное земляками Константина Батюшкова имение полнилось таким обилием славных, а то и загадочных теней, что и в отсутствие поэта не наводило скуки при воспоминаниях о былых страстях и легендах...

Беды владельцев здешних мест начались с подозрительности императрицы Екатерины Великой и чрезмерной болтовни захолустного дворянства. Не любившая «пропускать врак без исследования» царица прознала, что где-то в глухомани объявился якобы потомок покойной Елизаветы Петровны и... английского короля. Незадачливого претендента на два престола вскорости схватили, распознав в нем подпоручика Ипполита Опочинина. Заехав в здешние места ради покупки лошадей для своего полка, Опочинин так спелся с помещиком Ильей Батюшковым, что приятели доболтались до намерений схватить Екатерину

ЗОЛОТО

ПОД НОГАМИ

ОЛЕГ ДЗЮБА

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Устюжна. Городская колокольня.

и заточить ее в монастырь. Царствие покровительницы муз и собирательницы стаи доблестных екатерининских орлов было блестящим, но отнюдь не милосердным к длинноязыким провинциалам. Незадачливые «заговорщики» попали под следствие, в проведении которого особенно усердствовал обер-прокурор Всеволожский, набравшийся таким образом опыта общения с самозванцами и удостоившийся в конце концов высокого доверия быть одним из судей Пугачева. Нелишним будет упомянуть, что деятельным помощником обер-прокурора оказался гвардии поручик Архаров, выбившийся в конце концов в московские обер-полицмейстеры, благодаря чему ревностных, но туповатых слуг закона и по сей день кличут «архаровцами».

Частый гребень чиновничьего усердия прошелся по окрестным усадьбам, выдергивая пред очи обер-прокурора то одного, то другого ошарашенного страхом помещика. Петербургские ревнители верноподданничества не скупилась на «увещания», как тогда нередко называли пытки. Речь велась уже не о монастырском затворничестве Екатерины, хитроумный Всеволожский кроил страшное дело о плане убийства царицы и был, кажется, не прочь притянуть к нему цесаревича Павла и впавшего в немилость Григория Орлова...

До отставного фаворита императрицы «смершевцы» восемнадцатого столетия так и не добрались, но Батюшкова заковали в железа и отправили в заполярную Мангазею. Остальных подозреваемых растолкали по державе. Безутешные родственники слали мольбы в Петербург, но столица отмалчивалась и лишь втихую, никого из близких ссыльного не извещая, повелела снять с него оковы

и увеличить содержание Батюшкова с двух копеек до медного пятака в день. Даже крестьяне, оставшиеся без помещика, а стало быть, и без защиты от проезжих лихоимцев, кинулись бить челом новгородскому губернатору. Все без толку, все словно в омут; разве что зимние ветры доносили порой из высоких широт завывание пург, выметавших из памяти следы злосчастного Ильи. Император Павел вернул, правда, несчастному чин и дворянство, дозволив въезжать в Москву и в Петербург, но монаршей милостью ссыльный воспользоваться не успел. Дата кончины затерялась в архивах, а могила сгнула вместе с покинутой людьми Мангазеей.

Имения и крепостные в конце концов перешли к Льву Батюшкову, но от причастности к страшным государственным тайнам верховная милость семейство не спасла, так как с перепугу или под пыткой Илья Батюшков впутал в чреватую эшафотом историю племянника Николая. Сибирских морозов отцу поэта, правда, испытать не довелось. Наказание свелось к приказу сидеть в своей деревне и не болтать, да только обернулось оно в конце концов манией преследования для него самого и безумием для его знаменитого сына.

Тайны устюженских усадеб впервые обожгли меня за двести с лишним верст от здешней речки Мологи. Прежде, собираясь в любой патриархальный городок, я заранее выпрашивал про тамошних чудаков-краеведов, в коллекциях и архивах которых можно еще найти напоминания о труднопредставимых временах, когда провинциальный обыватель не стыдился своего почтового адреса, не комплексовал, а жил, как получится и как придется. Однако главный

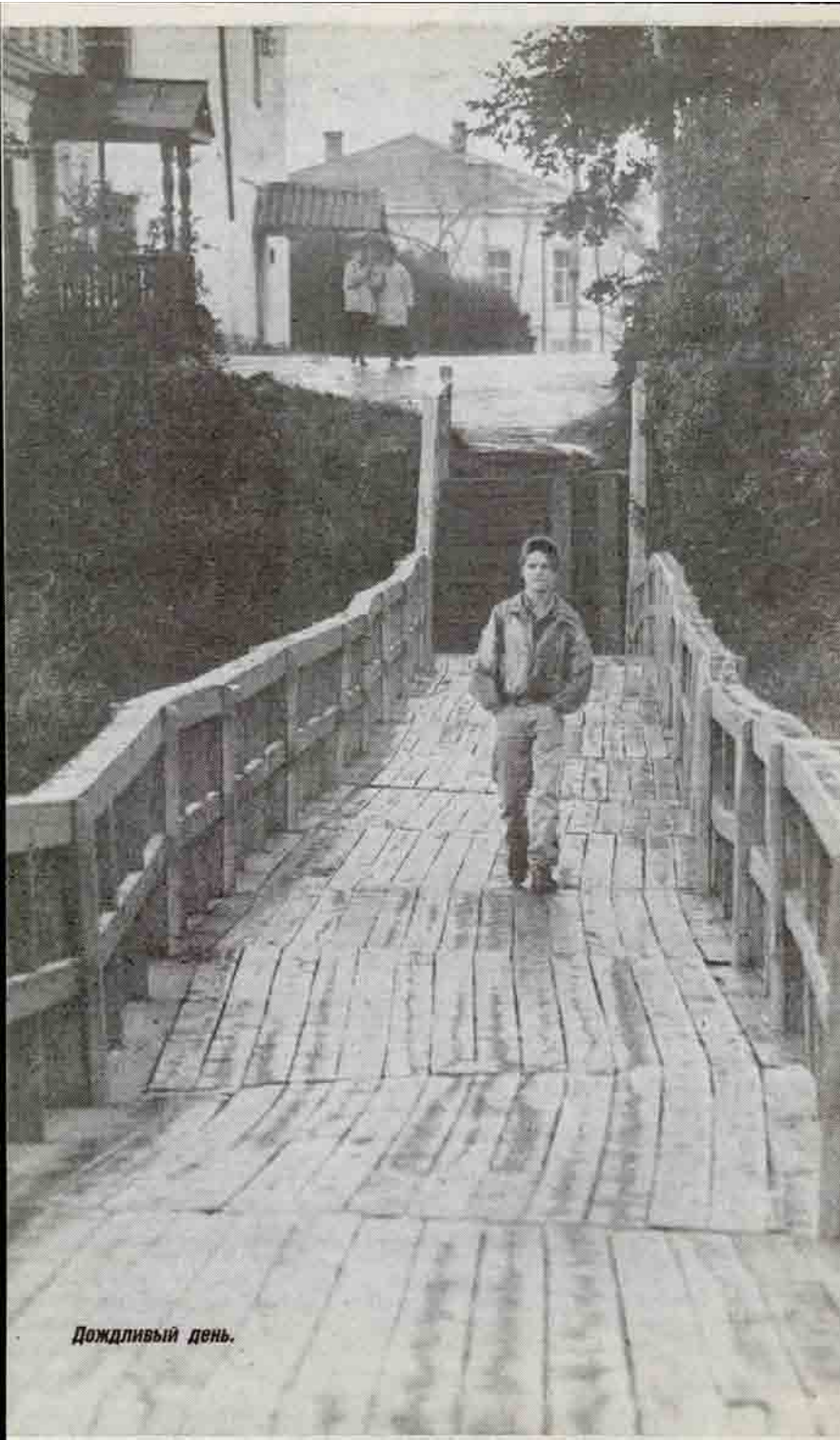
хранитель устюженской старины, как в пору именовать Петра Андреевича Колесникова, уже несколько десятков лет живет в Вологде, профессорствуя в педагогическом институте, и первая тропа к Устюжне началась для меня в его рабочем кабинете.

Там и узнал я, что лихой налет екатерининских сыщиков был для почтенных устюженцев едва ли не самым обыденным да к тому же немногих-то и затронувшим несчастьем. Ведь прежде были в истории города набеги татар и поляков, была моровая язва, выкосившая при Иване Грозном две трети его жителей и ввергнувшая в нищету остальных.

Петр Андреевич раскрыл тетрадь своих архивных выписок, с первых слов ошеломив меня перечислением бесчисленных устюженских ремесел и умений. Да если бы меня одного! Столкнувшись после нашей беседы с неким столичным деятелем, причастным к регулированию миграций из бывших советских республик, я прочитал ему список Колесникова, осовременив названия иных ремесел. Собеседник не дослушал и до половины, заявив, что такую компанию переселенцев хоть сейчас куда угодно на любых условиях готов порекомендовать. Да и как бы он, интересно, еще мог себя повести, если значились в перечне судостроители, бочары, плотники, оконничники, ведерники... Одних пекарей-калачников писец Бельский насчитал шестнадцать душ, а кроме них, лалотники, рукавишники, мясники, пивовары, красильщики, горшечники, свечники, рыболовы... Последние занимались делом воистину государевым. В 26 домах оброчной слободки под надзором приказчика, опять-таки Батюшкова, ловили красную и прочую рыбу, отправляли ее в Москву.

Хотите верьте, хотите нет, но все эти занятия для тогдашней Устюжны слыли, так сказать, подсобно-побочными промыслами. Ремесленной аристократией городка, гордо именовавшегося тогда Устюжной-Железнопольской, были металлурги и кузнецы. Из болотных руд здесь выплавляли металл, попадавший потом в руки гвоздарей, замочников, котельников, сковородников, не говоря уже про оружейных дел мастеров. Два с половиной века оставалось до звона онегинского брегета, три столетия должны были миновать, пока швейцарец Павел Буре добился права маркировать свои хронометры клеймом поставщика императорского двора, а богатевший на железе городок в семистах верстах от Москвы уже обзавелся собственным часовщиком. Если бы не чума, если бы не годы смуты, если бы не все прочие напасти нашей несчастной страны...

После Бориса Годунова к городу подступили поляки. Оружия в Устюжне-Железнопольской всегда хватало, но мирный, бездорожьем, топями от всех мыслимых границ отдаленный город никогда не тратил сил на укрепления. Предания старины далекой сохранили вести, что в пору набегов монголов на Русь отряды кочевников забирались и в эти болотистые дали. Но «разведка доложила точно», и устюженские кузнецы успели наковать вдоволь «чеснока», как звали в этих краях страшноватую для лошадиных копыт колючку из четырех железных шипов, один из которых всегда направлен вверх. Губительным для степных скакунов «чесноком» устюженцы усыпали все речные броды и сухопутные подступы к своему селению, и непривычные к пешему строю и лесной глухомани пришельцы отступили.

Дожливый день.

Передых...

Польских полковников Заруцко-го и Ясетского «чесноком» было не смутить. Городу без кремля или острога полагалось немедля сдаваться на милость вельможных панов, однако устюженцы предпочли взяться за топоры и успели-таки отстроить крепость, оказавшуюся полякам вкупе с литовцами не по зубам. С тех пор курганы в окрестностях прозваны «Немчиновыми могилами», хотя никто достоверно не рискует сказать, чьи останки покоятся в древних земляных холмах.

Воинская биография устюженцев на этом и прекратилась. Несколько бомб, по ошибке сброшенных на окрестности своими же самолетами в годы ленинградской блокады, можно всерьез не принимать. Знакомство с поляками тоже с тех самых пор не возобновлялось, а вот литовцы вдруг вспомнили о себе, когда местные власти получили вдруг письмо из Вильнюса с благодарностью за сохранение могилы свободолюбца и врача Вандаса Петериса. Земский врач, сосланный в Устюжну за подозрительное, по оценкам девятнадцатого века, стремление возродить культуру жемчужного края, не пришелся ко двору Литве. Устюженцы чтят его за безотказную добросовестную помощь при всех мыслимых хворях. Между тем Петерис был еще и писателем, мечтавшим возродить литературный литовский язык. Правда, печататься ему приходилось больше в Америке, где выходили газеты и журналы литовских эмигрантов. Профессор Колесников и поныне не может скрыть грустной улыбки, рассказывая, как на письмо устюженцев с просьбой прислать биографические данные Петериса литовские советские социалистические инстанции ответили, что взгляды покойного отдавали национализмом и ценности для сего-

дняшнего дня не представляют. Но устюженцы в посмертном уважении к своему доброму доктору отказываться не стали, удостоясь в конце концов похвалы от председателя литовского сейма Ландсбергиса...

Чуть по-иному сложись исторический пасьянс, и сюда, а не в Тулу пришлось бы помещать Левскову на место жительства своего Левшу. Ведь в Туле при Иване Грозном числилось не больше двадцати кузнецов, а Устюжна уже слыла, по-казенному говоря, главным оружейным цехом. Только вот после смуты ковать оружие было некому. Воеводы царя Михаила захотели разжиться самопалами для войска, да оказалось, что на весь городок осталось оружейников едва ли не три человека.

Что же, спрашивается, ждать теперь было от города, в котором не только кузнечные горны, но и печи-то в домах напрочь погасли? А он возьми да поднимись и в придачу к прежней ремесленной репутации прибавил себе известность стремительным взлетом торговых людей, снаряжавших караваны по тридцать возов. Если сосчитать весь устюженский экспорт да перевести его в сопоставимые меры веса, то получится, чего доброго, что купцы и мастеровые одного-единственного городка могли заполнять трюмы целых флотилий, в чем-то наступая на пятки испанским колониям и ганзейским портам.

А если есть что продавать, то и за покупками дело не станет. Лабазы ломились от товаров, и купцам в голову не приходило придерживать добро. Больше сотни лавок было в городе, и торговали они тверскими зеркалами, ярославским войлоком, олонекскими топорами, восточными пряно-

стями, рыболовными крючками, ладаном, изюмом, фимиамом, мылом из Костромы и Ярославля, оловом, ножами, медью... Свои меха устюженцы продавали по всему северу...

Эх, славны предания, да почему же все в них про старину да про старину?

...Четыре города спорили из-за ста миллионов. Зал областной администрации на время превратился в арену архитектурных и экономических единоборств, где двухсотлетняя Вытегра выясняла отношения с шестисотлетним Кирилловом, а одиннадцативековой Белозерск с Устюжной, обосновавшейся в летописях в 1340 году. Достоинств и преимуществ у всех оказалось премного. Препней славы тоже в достатке, и как жить дальше, никто не сомневался: ставка делалась на остатки былых достопримечательностей, а стало быть, на туризм. Общность судеб так бросалась в глаза, что еще до исхода конкурса, объявленного областной администрацией, соперники договорились создать лигу малых исторических городов. Но лига — выйдет из нее что-нибудь или нет — дело завтрашнее, а устюженцы тем и превзошли на этом конкурсе остальных, что, образно говоря, когда остальные города еще только выходили на старт, они уже мерили дистанцию.

Понятное дело, что финансовые инъекции нужны городу. Причем сотней миллионов (которая в конце концов досталась Устюжне) здесь не обойдешься, на миллиарды счет. Но те же конкуренты на стомиллионный приз лишь мечтают о реставрации обывательских да купеческих особнячков, без которых нет провинциального городского пейзажа, — в Устюжне восстановлением таких вот гнездышек квартиросъемщики занимают

ся всю и весьма охотно. Да и чего же не взяться за топор и мастерок, если районные власти помогают льготными кредитами, а то и надеждами на полное возмещение расходов. Значит, не так уж и беден район...

Соломон Гольдин, глава городской администрации, — устюженец коренной. Вроде бы чему удивляться, но до недавних пор местному уроженцу выбиться в первые люди на родине было почти невозможно. То ли местничества опасались обкомовские селекционеры, тасовавшие кадровую колоду так, чтобы одна служебная ступенька располагалась от последующей не ближе десятков километров до соседнего райцентра, то ли заботились о расширении кругозоров, знать мне и по сей день не дано...

Еще до назначения на должность Гольдину запомнилась сводка местной занятости шестнадцатого века, когда по удельному весу мастеровых город первенствовал во всем Российском государстве, а на шесть тысяч жителей набиралось около четырехсот нищих, вдов и убогих. Истекшие столетия тоскливо перевернули пирамиду народонаселения, и служащие бесчисленных районных контор вытеснили куда-то ремесленный люд, способный сам себя прокормить.

— Мы все забываем, что нищий — это профессия, способ существования. Можно жалеть его, сострадать, но все же при деле был человек, — не без горького юмора говорил мне Соломон Иосифович. — А у нас как получилось? Все бюджетники вынуждены на подачки жить. О врачах и учителях особый разговор. А вот любимая наша культура... Обязана районная администрация ей помогать? А как же иначе, но при этом

Вологодские «кружева». Мастер Анатолий Белов и дом, который построил он...

*Весь в папу!
(Художник
Руслан Лебедев —
сын художника
Евгения Лебедева.)*

*Главный инженер сыродельного завода
Михаил Буланов уверен: устюженский сыр — мирового качества!*

*Рабочий
стол
Констентина
Батюшкова.*

они что-то и сами заработать должны...

Когда возникла в городе идея создать свой духовой оркестр, глава администрации не возражал и субсидии для него постарался выделить, но подсказал придать ему статус малого предприятия. Лиха беда начало. Теперь уже и в районном музее возникла идея увеличить скудные финансовые возможности.

Я спросил Гольдина о торговом устюженском буме. Глава администрации только засмеялся в ответ. Верно, купцов в городе сейчас не меньше, чем при первом из Романовых. А должно быть еще больше. И ярмарки свои должны быть, ведь с географического перекрестка путей между Новгородом, Тверью, Петербургом, Вологодой город никуда не ушел. Купцы из крупных городов уже почувствовали в устюженцах серьезных партнеров-оптовиков и охотно везут товары. А уж соседние районы и города устюженцы успешно осваивают сами, торгуя по всем направлениям розы окрестных ветров... Потому-то в городе и не стало дефицита наличности, что свои коммерсанты после каждой поездки привозят кто миллион, кто полтора, кто больше в устюженские банки. Налоги они тоже платят в Устюжне, а не на стороне, так что не слишком многое производящий район в лучших традициях мировой экономики стал смелее глядеть в будущее с помощью той самой коммерции, что возродила край после великой Смуты.

Первый козырь, похоже, оказался на столе, и мы заговорили о втором, сулящем Устюжне взлет на престижнейшие орбиты международной торговли. Секрет устюженских намерений заключался в том, что еще лет десять назад город славился не только маслом

и сыром, но и всему северо-западу известной... водкой. (В злые военные годы устюженцы снабжали фронт не только наркомовской нормой алкоголя, но и выпускали противочинготную настойку на хвое.) Местный спиртзавод поставлял отличный ректификат, а чистейшая ключевая вода, секрет которой и поныне не очень понятен, наделял «Столичную» или «Московскую» устюженского разлива такой вкусовой гаммой, что ни у кого язык не поворачивался назвать здешнюю водку «злодейкой с наклейкой». Ко всему прочему отходы пищевого спиртопроизводства известны как отличный корм для скота, так что недовольных в районе не было.

Дальнейшее известно. Лигачевско-горбачевские указания, усиленные тщанием всех промежуточных инстанций, прокатились по Устюжне катком: остатки новенького чехословацкого оборудования по сей день ржавеют у стен спиртзавода, а спирт для медицинских и прочих целей приходится везти в область за тридевять земель и платить втридорога.

Не берусь судить, с каким камнем на душе покидали порушенное хозяйство заводские мастера, оставшиеся в одночасье без средств к существованию, но работать за годы бездействия они не разучились. Энергичный директор Вячеслав Славкин притягивал специалистов, и дело пошло к возрождению руин.

К тому же москвич Борис Смирнов, всю доперестроечную эпоху мечтавший начать выпуск бутылок с клеймом своего знаменитого предка Петра Арсеньевича, взялся за поиск адресов, где можно было бы по фамильным рецептам выпустить знаменитые смирновские водки и настойки. Потомок водочного короля оказался наслышан о недавней славе устюженских

крепких напитков, и вскоре работы пошли при деятельном участии наследника торговой марки. От этого город уж точно не прогадает — всерьез пополнит казну на акцизных и налоговых поступлениях. К тому же смирновскими рецептами весь спектр российских настоячных традиций не перекроить: в заводском штате уже появилась должность агронома, а на любовно подобранном, экологически чистом участке — посадки множества лекарственных и ароматических ягод да трав...

В июне 1819 года новгородский губернатор с неудовольствием отписал городничему Устюжню Ивану Макшееву о том, что в его городе поселился неизвестный в партикулярном платье с мальтийским крестом на сюртуке. Отправитель требовал разобраться, откуда и зачем прибыл инкогнито путешествующий визитер. Губернаторское письмо, по всей видимости, произвело действие, сравнимое с финалом гоголевской пьесы, ибо таинственный гость Устюжню успел назваться чиновником канцелярии шефа жандармов Бенкендорфа и, пользуясь доверчивостью и добротой, наполнил карманы взятыми «взаимы» ассигнациями.

«Ревизор» из Петербурга не стал ждать проверки подорожной, а умчал из города на «птице-тройке». Впоследствии выяснилось, что мистификатором был вологодский помещик Платон Волков. Жандармы «вычислили» авантюриста по упоминанию о мальтийском кресте, нацеленном для пущей важности. Александр I к тому времени уже запретил ношение Креста Святого Иоанна Иерусалимского, узаконенного в качестве российского ордена его отцом. Устюженские отцы города о царском указе запомнили, но сы-

шки из ведомства Бенкендорфа такую улику упустить не могли.

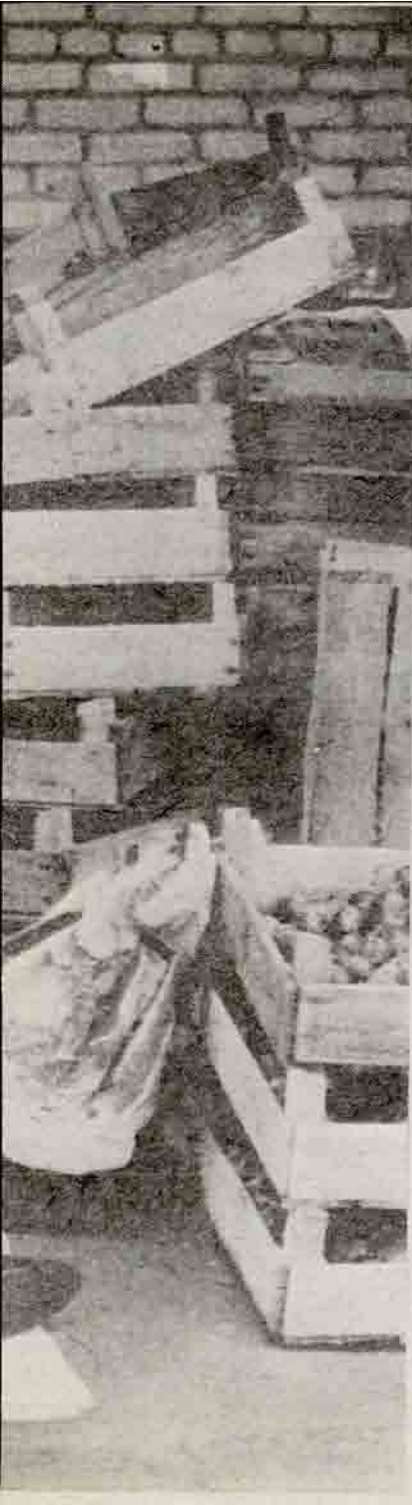
Известно, что сюжетом пьесы Гоголя одарил Пушкин. А вот откуда узнал сам Александр Сергеевич о провинциальном казусе? Споров здесь много, расскажу только о двух версиях, которые мне поведал несколько лет назад покойный ныне литературовед Виктор Гура. Заинтересовавшись невольным прототипом Хлестакова, Гура выяснил, что о похождениях Волкова Пушкин вполне мог услышать... от самого Волкова. Реальный мошенник был довольно разносторонней персоной — другое дело, что ни поэзия, ни журналистика, которыми он пытался заниматься, лавров ему не принесли. Но с Пушкиным Волков был знаком, так что немудрено задуматься, а не сам ли авантюрист похвастал поэту проказой молодости. Есть и другое объяснение давней легенды. Устюженский конфуз мог поведать Пушкину и художник Иван Линев, оставивший один из последних прижизненных портретов своего великого современника. Художник владел небольшим имением неподалеку от арены похождений Волкова и, несомненно, слышал эту историю.

Потомки городничего Макшеева его сходства с гоголевским Сквозник-Дмухановским никогда не признавали. И как их за это осудить, если реальный городничий ничего общего не имел с героем пьесы. Известно, что он храбро сражался в пору наполеоновских войн и ушел в отставку только после ранения. Бывая в Устюжье, я непременно заглядываю в музейный зал, где висит портрет Макшеева. Храбрый вояка пал жертвой доверчивости, но преподал урок всем последующим городничим. Теперь их никому не проведи!

Однако горделивым устюжен-

«Мы будем жить с тобой по-новому...»

цам куда больше по душе другой литературный эпизод, происшедший в начале нынешнего века, когда в усадьбу Даниловское впервые приехал передохнуть от петербургских загулов Александр Куприн. Железная дорога оставалась тогда далеко в стороне, и автору «Поединка» пришлось путешествовать на пароходике по не загубленной тогда еще мелиораторами и лесорубами реке Мологе. В Даниловское его зазвал последний предреволюционный владелец имения Федор Дмитриевич Батюшков. Приглашение не обошлось без дружеской корысти. Критику и литературоведу Батюшкову обидно было, что буйный нрав писателя слишком часто уводит того от письменного стола к трактирному застолью, и он надеялся, что вдали от «писательского» ресторана «Вена» перо живого классика куда прытче заскользит по бумаге, тем более что ближайший кабак располагался в дюжине верст от Даниловского...

В надеждах на купринскую трезвость Батюшков, конечно, дал маху. Куприн нередко сбегал из Даниловского в полюбившийся ему устюженский трактир Гамова, но умудрялся писать и в обеденном зале, откуда без усилий переносился в мыслях то к холмам Палестины, где премудрый царь Соломон встретил сторожившую виноградник Суламифь, то в жестокий мир персонажей «Ямы».

С железной скамьи в парке Даниловского видна глухая аллея, по которой уже 170 лет подъезжают к господскому дому все его владельцы и посетители. Предание гласит, что деревья сажали пленные французы, застрявшие в России после бегства Наполеона. Тенистый свод аллеи Куприн вспоминал и в эмиграции, горько скор-

Устюженская модница.

Земляки поэта Батюшкова.

30

бя по участи деревьев, порубленных, как он считал, после революции на дрова. Плохому поверить нетрудно, но, к счастью, ошибся Куприн! Помилованные крестьянскими топорами деревья и сейчас зелены. Цела и сосна, которую писатель выкупил у мужиков, уже поднесши пилу к основанию ствола. Предание гласит, что Куприн, случайно проезжавший мимо, пожалел дерево и, посулив вальщикам ведро водки, обязал мужиков оставить сосну в покое.

Как недавно все это было! Семь лет назад на празднике в честь батюшковского двухсотлетия старушка Анастасия Петровна из ближнего к усадьбе села уверяла меня, что Куприн частенько заходил к ее деду, служившему в усадьбе конюхом, подолгу говорил с ним о местном бытѣ за жбаном домашнего пива, сваренного бабкой рассказчицы. А профессору Колесникову, учительствовавшему в Устюжне в довоенное время, посчастливилось еще услышать звуки легендарного рояля, подтолкнувшие некогда Куприна к замыслу «Гранатового браслета».

Из мемуаров жены писателя известно, что сюжету знаменитого рассказа он обязан реальной истории. Но вот «Аппассионату», ставшую музыкальным лейтмотивом рассказа о безнадежной любви телеграфиста Желткова к княгине Шеиной, Куприн услышал в устюженских краях. Неподдалеку от Даниловского располагалось имение знаменитой пианистки Веры Сипягиной-Лилиенфельд. Ее пальцы и пробудили перед Куприным усадебный белый рояль, оживили в памяти писателя давний петербургский анекдот...

Профессор Колесников рассказывал мне о старой Устюжне и перелистывал кожаный с тиснением

альбом, врученный ему к восьмидесятипятилетию вместе с дипломом почетного гражданина города. Уникальную книгу собственноручно переплетал устюженский художник Евгений Лебедев, заполнивший страницы пейзажами городских уголков.

В пору процветания существовал в городе занятный свадебный обычай, из-за которого все женихи в день венчания принимались прихрамывать. Зато по возвращении из церкви хромота мигом проходила. А дело в том, что в сапог новобрачного полагалось поместить монету, как бы в утешение невесте за прощание с девической жизнью.

Обряд обрядом, но до избавления от золотого приходилось терпеть. Вроде бы и символ богатства под ногой, но далеко с ним не уйдешь. Обычай давно позабыт, а вот богатств под ногами всего города и теперь хоть отбавляй.

Так что все впредь?!

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ИРИНА ЗЛЬЦЕ-ШАХОВА
ВИКТОР ПАХОМОВ
ТАТЬЯНА ИЗОТОВА
АЛЕКСЕЙ БАБУШКИН

ДАНУТА АБРАМЧИК
ЕЛЕНА ПИЕТИЛЯЙНЕН
ДМИТРИЙ КОРОБОВ
ВЛАДИМИР ЗДОРОВ

ИРИНА ЗЛЬЦЕ-ШАХОВА,

26 лет,
биофизик, Москва

≡
*Дед на гармошке играет,
И под разливы гармошки
В воздухе замирают,
Вяло повиснув, мошки.*

*Терпкою пахнет махоркой
Враг комариного роя —
Дедова гимнастерка
Передвоенного края.*

*А на террасе к чаю
(Мимо пройди поди-ка)
Изнеможением рая
Первая земляника!*

*Чашек и блюдец лики,
Ложек звенящих сборки,
Шлют озорные блики
Сквозь колыханье шторы.*

*И не найдя занятия,
Чай не поспел пока,
Я улываю в объятых
Старого гамака.*

ВИКТОР ПАХОМОВ,

33 года, учитель,
Новороссийск

—
*В старинном парке запустенье,
Печальный топот медных крон.
И бродят по аллеям тени
Еще прадедовских времен.*

*Им нашей не понять культуры,
А мы не плачем о былом.
Доступен всем шедевр скульптуры —
Из гипса девушка с веслом.*

*Здесь перевернуты скамейки,
Следы попоек там и тут.
Ручьев опасливые змейки
Не оживят застойный пруд.*

*На бугорке аттракционы —
Для развеселой детворы.
Партийный бюст под сенью клена
И лозунг брежневской поры.*

*Я вижу в розовом тумане
Иную жизнь бесхозных мест:
Гуляют чинно горожане,
Играет праздничный оркестр.*

*Немножко флейта простудилась,
Поскольку дело в сентябре.
Во что все это превратилось?
Как можно жить — на пустыре?*

ТАТЬЯНА ИЗОТОВА,

19 лет, домохозяйка,
Москва

—
*Растворюсь в рябиновой пороше,
Забросаю волосы листвой.*

*Выберу наряды подороже
И воспряну прежней красотой.*

*То ли ветер злую шутку шутит,
Обувая ноги в бархат трав?
Кто меня убогую полюбит?
Кто поймет мой непокорный нрав?*

*Заблужусь, забудусь, заплутаю
В суете непризнанных миров.
В целом свете я одна такая —
Вольная от всех мирских оков.*

*Выйду к небу, улыбнусь рассвету,
Растворюсь в непройденном пути.
Мне одной дано не кануть в Лету,
Мне одной в бессмертие идти.*

АЛЕКСЕЙ БАБУШКИН,

21 год, шофер,
с. Вагай Тюменской обл.

*Уходящие дни уходящего года,
уходящее время — на белом снегу,
засыпают мечты, замерзает природа,
глухо бьется метель в этом тесном кругу.*

*И искрящийся снег, и спешащий прохожий,
сигарета в руке, в фонарях желтый свет,
я сегодня другой, на себя не похожий,
в гороскопе моем сотни тысяч планет.*

*Раскрутила погода уснувшие ветры,
раскидала как стаю голодных волков,
и последние дни, как последние метры,
с ощущением сбывшихся снов.*

ДАНУТА АБРАМЧИК,

42 года,
С.-Петербург

*И мучит подозренье,
что в час, когда прозренье
суть высветит мне истин,
непостижимых мыслью, —*

назад пути не будет:
как поцелуй иудин
дарует провиденье
высоты откровений.

ЕЛЕНА ПИЕТИЛЯЙНЕН,

32 года, учитель,
п. Чупа, Карелия

—
*Когда сползала с неба мгла
И наливались окна светом,
И тишина на снег текла
С отяжелевших зимних веток,
Когда фонарь, уснув, потух
В декоративной позолоте
И бывшей ночи зябкий дух
Лишился своей черной плоти,
Тогда вечерняя мечта,
Казавшаяся избавленьем,
Золой сожженного моста,
От прощенья исцеленьем,
Скользнула между двух времен,
Оборотившись лживым бликом,
Освободившись от имен,
Как от губительной улики.
Ей воплощенье не дано,
Она чем дальше, тем сильнее...
Не верю я уже давно,
Что утро ночи мудренее.*

ДМИТРИЙ КОРОБОВ,

28 лет, журналист,
Харьков

СЕН-САНС

*Милая, пойдём-ка слушать скрипку
в сдержанном покашливаньи зала.
Или ты слоняться не устала
по осенним тротуарам липким?
Нам не нужно джазовых ироний,
нам хватает и без них издевок.
Нам Сен-Санс печальный нужен снова,
ноты на пюпитре, как на троне,
и скрипач, что, как смычок, встревожен,
и арфистка, грустная, как струны,*

*и оркестр, качнувшийся, как ихуна,
в такт волнам мелодии, похожей
на костер зимой, на бабье лето,
на камин в окоченевшем доме,
на кошачий выводок в соломе,
на осенний вечер без сюжета...*

ВЛАДИМИР ЗДОРОВ,

52 года,
Москва

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ В КАМЕРЕ

*Двенадцатый удар
пробьют куранты в полночь,
Начнется новый круг. Наступит новый год.
Опять польются дни, как медленные волны:
Один лишь только счет,
Один лишь только счет...*

*И сколько ни гляди —
одни и те же стены...
В оттаявшем окне снежинка промелькнет —
Предвестница весны...
но что она изменит? —
Один лишь только счет,
Один лишь только счет...*

*Какой бы ни был день —
одни и те же лица...
Одна и та же дверь —
какой бы ни был год...
И ничего уже
не сможет измениться.
Один лишь только счет,
Один лишь только счет...*

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

ПРОРЫВ

Рисунки
ЛЪВА РЯБИНИНА

В подъезде остро пахло кошками. Гость помахал перед лицом рукой, отгоняя плотный запах, и позвонил в квартиру на первом этаже. Стальная дверь открылась. Гость нырнул в проем и тяжело перевел дух.

— Ну, Генка, к тебе прорываться, словно сквозь газовую атаку.

— А ты, Сережа, носи с собой противогаз, — ответил хозяин, принимая от гостя кейс и указывая на вешалку.

Когда тот снял плащ и прошел в комнату, друзья обнялись, похлопали друг друга по плечам, довольно улыбнулись.

Им было по тридцать восемь, дружили с детского сада, вместе закончили школу и университет, встречались раз в два-три месяца.

Сергей был депутатом, членом ВС России, лидером немногочисленной, но достаточно скандальной партии. Геннадий перебивался в каком-то СП и увлекался электроникой. Одна из двух комнат всегда была заставлена телевизорами, плеерами и другой аппаратурой, а на старинном комод сидели коты, и сколько их, не знал и сам хозяин. Коты приходили и уходили, вели себя независимо, поглядывали со своего пьедестала на людей равнодушно.

Хозяин стал быстро накрывать на стол. Гость достал из своего кейса бутылки, свертки с закуской, икру и балык.

— Надо тебя, Геннадий, подкормить, совсем плохой стал. — Сергей слащаво улыбался и поглядывал на хозяина заискивающе.

Странная была их дружба: с самого детства всегда верховодил Геннадий. Полноватый блондин среднего роста, с конопатым простодушным лицом, неряшливо одетый, с вечно грязными руками и постоянной улыбкой, он производил впечатление человека не очень умного и совершенно безобидного.

Сергей же, напротив, выглядел импозантно. Холеный, казалось, только выпшел из парикмахерской, бородка клинышком — волосок к волоску, руки ухоженные. Неглупый, но тщеславный, тянулся к власти, как наркоман к зелью. Он разыгрывал из себя мецената, который поддерживает талантливого непутевого друга детства. Геннадий с простодушной улыбкой подыгрывал Сергею, лишь иногда в его рыжих глазах мелькал огонек, как у кота, забавляющегося с мышкой.

Они с детства не любили, порой ненавидели друг друга, но, составляя одно целое, не могли существовать порознь. Геннадий, обладая железной волей, недюжинным умом, стремился к реальной власти и не любил ее внешнюю мишуру. И, глядя на лопухого конопатого Геннадия, вряд ли кому бы пришла в голову мысль, что он — «авторитет» среди высшей элиты уголовного мира, миллионер и мог купить друга детства и депутата вместе с его партией.

Хозяин, потирая ладони, оглядел стол и сказал:

— Хорошо быть депутатом, Сережка. Наливай и рассказывай.

— Все суетимся. — Сергей наполнил рюмки. — Интриги, Ген-

ка, сплошные интриги. Через год будем переизбираться. Останется съезд... неизвестно...

Сергей не знал о подлинной жизни Геннадия, но с детства был убежден, что тот всесилен и может буквально все.

— Моя карьера может закончиться. Если спикер выставит свою кандидатуру на пост Президента, то у меня появится шанс...

Хозяин ел, кивал, смотрел в тарелку, неожиданно чему-то улыбнулся и сказал:

— Президентом ты стать не можешь, суетлив больно, а министром в новом правительстве... стоит попробовать.

— Президент вряд ли проиграет на выборах и меня к кормушке близко не подпустит.

— Ты много болтаешь, фигурничаешь, надоел и левым, и правым...

— Если молчать и не высываться, так никто тебя и знать не будет,— возразил Сергей.— Вон Бисковитый чушь несет, аж уши вянут, а на прошлых выборах миллионы голосов получил.

— Так говоришь, выборы через год? — Хозяин выплюнул косточку маслины.— Срок солидный, мало ли чего произойдет. Ты приблизишься к Бисковитому, приблизишься, пусть он к тебе привыкает.

Несколько дней назад офицер службы безопасности спросил у Геннадия, каково его влияние на друга детства Сергея Сабрина. Геннадий Бланк неопределенно пожал плечами и поинтересовался, в чем, собственно, дело. «Оппозиция слишком разобщена,— ответил гебист,— неплохо бы слить их воедино». На том разговор и закончился.

Геннадий встречался с гебистом уже пятый год, но не считал себя осведомителем. Контактировал же на взаимовыгодных условиях, обменивался информацией, денег не брал, подписку о сотрудничестве не давал.

Помня просьбу гебиста, Геннадий посоветовал Сергею сблизиться с Бисковитым, а слова о министерском портфеле для Сергея были в данный момент не более чем болтовней.

Глава первая УБИЙСТВО

Старший оперуполномоченный по особо важным делам, полковник милиции Гуров вошел в приемную начальника Главка, щелкнул каблуками и, уронив голову на грудь, сказал:

— Здравствуй, Верочка! Я прибыл, готов служить, жду указаний!

— Здравствуйте, Лев Иванович! — Секретарь, миловидная, модно одетая девушка, безуспешно пыталась держаться серьезной и взрослой.— Петр Николаевич ждет вас.

В это время из генеральского кабинета вышли двое в прокурорских мундирах. Низенький и плотный, судя по петлицам — старший, зацепил взглядом Гурова, хотел остановиться, но передумал и вышел следом за подчиненным в коридор.

— Здравия желаю, — сказал Гуров, проходя в кабинет, — хотели видеть, я тут, готов к выполнению.

— Желаю, желаю, — ответил Орлов.

Гуров так привык к внешности начальника и друга, что давно не обращал внимания на мужиковатую простоту генерала, прекрасно зная об аналитическом уме, проницательности и огромном сыском опыте Орлова.

— Неважнецкие у нас дела, Лева. — Орлов открыл лежавшую перед ним тонюсенькую папочку, вынул листочек, разгладил короткопалой ладонью и брезгливо отодвинул. — Вот, девушку застрелили.

— Надо же! — Гуров усмехнулся. — В России убили девушку, ЧП, да и только! И кто же у нас папа?

— Инженер, а мама учительница средней школы. — Генерал взял лежавший перед ним лист, положил на край стола. — Полюбуйся! Девчонку застрелили в загородной резиденции спикера! — Неожиданно он повысил голос: — Они приказали министру, он приказал мне, я — тебе! Разберись!

— Не надо на меня кричать, господин генерал, — тихо ответил Гуров. — Есть прокуратура, Министерство безопасности, личная охрана спикера в конце концов.

— Лева, не надо. — Орлов подвинул лист к Гурову. — Прокуратура возбудила уголовное дело. Старший следователь по особо важным делам принял его к производству. Вот его поручение органам внутренних дел.

— Меня, что же, будут учить, как разыскивать убийцу? — рассмеялся Гуров, взял бумажку, взглянув мельком, убрал в карман.

— Кстати, я бы тебя туда никогда не послал, но твое имя назвали там! — И генерал указал на потолок.

— Откуда они меня знают?

— Слухами земля полнится.

— Я там потолкаюсь несколько дней, испишу килограмм бумаги, раскланяюсь и разведу руками.

Орлов мягко улыбнулся.

— Я наперед знаю, как все произойдет. Ты поплутаешь, возьмешь след, двинешься по нему и пойдешь туда, куда ходить не следует. Они, — генерал тронул телефонный аппарат, — потребуют тебя отозвать.

— Вот беда! — воскликнул Гуров. — Ты дашь команду, я ее выполню с превеликим удовольствием.

— За прошедшие годы я отзывал тебя трижды. Ты хоть раз подчинился? Когда ты вцепишься, тебя нельзя оттащить, тебя можно только убить.

— Ну, это вряд ли. — Гуров одернул пиджак, шагнул к дверям. — Так я пошел?

— Иди. — Орлов махнул рукой.

Дорога струилась сквозь лес, мелькали посты ГАИ. Обшарпанный «жигуленок» Гурова не останавливали, лишь провожали внимательными взглядами. Шоссе было без трещин и заплат, что наводило на мысль — асфальт в России делать умеют, только

на всех его не хватает, и шоссе это не для всех, и у будок ГАИ дежурят не милицейские.

Полковник заметил, как от последнего поста следом за «жигуленком» ушла штатская «Волга» и «повела» его ненавязчиво, но и особенно не скрываясь. У сыщика появился соблазн остановиться и поболтать с сопровождающими, но он вспомнил осунувшееся лицо Петра, и желание похохмить пропало. Позади ударил фарами мощный лимузин, легко обогнал, презрительно фыркнув, «жигуленка» и стремительно унес свое черное лакированное достоинство. Гуров прикинул, какой бензин кушает эта роскошь, в каком количестве и на сколько дней хватило бы полковничьей зарплаты, если бы джинн выскочил из бутылки и подарил ему, Гурову, такую машину.

«Жигуленок» уперся в зеленые железные ворота, «Волга» развернулась и замерла неподалеку. На воротах не было надписи, но, судя по полученным Гуровым инструкциям и сопровождению, он прибыл куда следует. Сыщик посигналил, опустил стекло и закурил. Рядом с воротами открылась дверь, вышел мужчина в штатском, лет тридцати. Гуров сразу оценил легкую мягкую походку, четкие, неторопливые движения штатского.

— Здравствуйте, Лев Иванович, — сказал охранник глубоким приятным голосом. — Если не возражаете, я сяду в вашу машину, покажу, куда проехать, где припарковаться.

— Здравствуйте, не возражаю, — ответил Гуров.

— Спасибо, — охранник сел рядом. — Я начальник охраны, Егоров Илья Иванович. Мне будет приятно, если вы будете меня называть просто по имени.

Они ехали сосновым бором, никаких строений не было видно. Охранник Гурову понравился, однако он не удержался и, не скрывая сарказма, спросил:

— Судя по речи, вы выпускник Оксфорда или Кембриджа?

— Мы с Тамбовщины, — спокойно ответил Илья. — Кое-чему в столице обучены. — И обаятельно улыбнулся.

Гуров подумал, что из парня можно сделать союзника. Остановив машину, достал сигареты, начал шарить в карманах. Начальник охраны мгновенно щелкнул зажигалкой, протянул Гурову.

— Поезжайте, Лев Иванович, иначе в доме начнут волноваться, куда это мы запропали? Здесь направо, пожалуйста.

Они подъехали к особняку со стороны хозяйственных пристроек. Гуров понял, что припарковался на стоянке для служебных машин.

— Не угонят? — спросил Гуров, выходя из машины.

— Будем надеяться, — в тон полковнику ответил охранник.

— Если у вас тут убивают, то машину угнать — плевое дело. — Гуров быстро взглянул охраннику в глаза.

Тот опустил веки и явно смешался. Сыщик успел увидеть в его глазах страх, возможно, злость. Взяв Илью за локоть, ощутил бугристые мышцы и сказал:

— Вы далеко не отлучайтесь. Если я решу этим делом заниматься, вы мне скоро понадобится.

— Меня допрашивали дважды.

— Я не люблю читать.

— Лев Иванович! — позвали с крыльца.

Гуров хлопнул начальника охраны по плечу, повернулся и увидел давнего знакомого, некогда майора КГБ Николая Васильевича Авдеева. Он шел от крыльца, протягивая руки, и быстро говорил:

— Привет, сыщик. Я так и думал, что приплот именно Гурова. На кой черт ты здесь нужен?

— Здравствуй, Николай! — Гуров от объятий уклонился, но руку пожал крепко, искренне, радуясь, что встретил человека знакомого, вполне профессионального. Лет пять назад майор Авдеев работал в Управлении по борьбе с торговцами наркотиками, золотом, антиквариатом. — Кого ты здесь представляешь?

— Ты не меняешься, — улыбнулся Авдеев, взял Гурова под руку, повел в дом. — Такой же стройный, элегантный и недипломатичный. Нет, чтобы сказать, мол, рад встрече, мозги слегка припудрить. Пусть никто тебе не поверит, но так принято, Лев Иванович.

— Я действительно рад. Ты выглядишь неважно, совсем седой, втихую пьешь, вижу, развелся и не женился. — Гуров отстранился, внимательно оглядел Авдеева с ног до головы. — Мне кажется, что ты взятку не берешь, на службе не преуспел, жизнью доволен. Вот, пожалуй, и все. Ну как? Я оправдал твои ожидания, исправился?

— Ты стал еще хуже, хотя, казалось, дальше и некуда! — рассмеялся Авдеев, открывая дверь и пропуская Гурова в просторную комнату.

Сидевший за столом мужчина быстро писал, на вошедших взглянул мельком — без интереса. Гуров узнал полненького человека в прокурорском мундире, выкатившегося из кабинета генерала около трех часов назад. Сейчас следователь был в добротном штатском костюме, при галстуке.

— Лев Иванович, знакомьтесь, ваш нынешний начальник, — заговорил нараспев Авдеев, получая от ситуации удовольствие, так как о взаимоотношениях прокуратуры и милиции был осведомлен прекрасно. — Старший следователь.

— Не паясничайте, Николай Васильевич, — не поднимая головы, следователь продолжал быстро писать. — При пожаре нет начальников и подчиненных, и, кстати, де-юре — одно, а де-факто — совсем иное. Лев Иванович сыщик, его дело — искать. Формально я поручение прокуратуры генералу Орлову передал, фактически, полковник, действуйте по своему усмотрению. Меня зовут Игорь Федорович. — Он отложил исписанный лист, застрочил на следующем. — Фамилия у меня простенькая — Гойда. — Следователь впервые взглянул на Гурова, улыбнулся и, словно опомнившись, начал писать еще быстрее. — Я прокурорский чиновник, зануда, потому напоминаю о законности любого вашего действия. Прежде чем шагнуть, уважаемый сыщик, десять раз прикиньте, куда собираетесь ногу поставить. Хозяин не в восторге, что сюда пригласили милиционера. В этом доме вам голову оторвут так быстро, что вы даже боли не почувствуете.

— Как кот Бегемот оторвал голову конференсье Бенгальскому, — вставил Гуров, которому надоело стоять и слушать болтливую писучего чиновника.

— Что? — Гойда взглянул на сыщика. — Черт побери! Не отвлекайте, мне через три часа докладывать, а я все еще место происшествия описать не могу.

— Убили здесь, в этой комнате? — Гуров недоуменно оглянулся.

— Не прикидывайтесь, не получается! У меня фотографическая память, я описываю кухню, где было обнаружено тело. Осмотрите кухню и можете сверить. — Гойда подвинул Гурову толстую папку, кивнул на второй стол. — Ознакомьтесь, здесь все, чем мы на данный момент располагаем.

Строеву Оксану Петровну обнаружили в 18 часов 35 минут в помещении кухни. По заключению врача, смерть наступила примерно в восемнадцать часов в результате проникающего ранения в затылочную часть головы. Вскрытие пока не произведено, и пулю не изъяли, по предварительному заключению выстрел был произведен с расстояния не менее двадцати метров.

Гуров просматривал протоколы допросов охраны, прислуги, водителей. Допрашивали дотошно, но по вопросам следователя сыщик чувствовал, что Гойда никакой версии не имеет. Шарит наугад.

Посторонних ни в доме, ни на территории не находилось, выстрела никто не слышал. Осмотрено личное оружие охранников, но из него за последние сутки не стреляли.

Оксана Строева, двадцать восемь лет, не замужем, образование высшее, работала горничной, прописана в Москве, проживала на территории госдачи, выезжала на служебной машине в Москву примерно раз в неделю, иногда два раза, порой не отлучалась две-три недели, в Москве ночевала крайне редко.

Ответы допрашиваемых состояли в основном из отрицаний: не видел, не слышал, не знаю, не подозреваю и т. д.

Единственный вывод, к которому пришел Гуров, просмотрев собранный за сутки материал, был прост и однозначен — прокуратура вела дело тщательно, скрупулезно, заботилась лишь о том, чтобы к ней нельзя было предъявить претензий.

Следователь закончил писать, сидел и, рассматривая свои ладошки, ждал, когда сыщик закончит знакомиться с материалами. Увидев, как Гуров перевернул последнюю страницу, вежливо, но с некоторым сарказмом спросил:

— Какие вопросы, Лев Иванович?

— Практически лишь один. — Гуров отодвинул папку с бумагами, достал сигареты. — Будем разыскивать убийцу или испишем еще килограмм бумаги и закроем дело?

Сотрудник безопасности давно ушел, но сыщик не сомневался, что комната прослушивается и разговор записывается. Гуров посмотрел на следователя ласково и поощрительно улыбнулся: мол, давай, выкладывай начистоту. Гойда болезненно скрипелся:

— Лев Иванович, я много о вас слышал, люди правы, у вас скверный характер.

— Я вам задал конкретный вопрос, господин следователь по особо важным делам.

— Зануда вы и провокатор, Лев Иванович,— как-то по-свойски ответил Гойда.— Мы сделаем все возможное, чтобы найти убийцу.

— Вот и прекрасно, вот и ладушки,— в тон ему произнес Гуров.— Тогда у меня уйма вопросов. Где результаты вскрытия и пуля? Почему не отражена попытка обнаружения места, откуда стрелял убийца? Почему нет списка людей, находившихся в момент преступления в доме? Здесь,— сыщик указал на папку,— написано, что посторонних на территории не было. Глупости, этому не поверит даже генеральный прокурор, которому вы собираетесь докладывать. Вчера было воскресенье. Если Ахат Тимурович находился на даче, то обязательно присутствовали сподвижники. Если отсутствовала вся семья, естественно, кто-то приезжал к обслуге либо охране. Когда коты нет, мыши резвятся. Где труп? Где врач, который проводил осмотр?

— Чувствуется хватка волкодава. Господин полковник, вы умница, только занимались бы своим делом.— Гойда встал, начал укладывать в кейс бумаги.— Кажется, вы с полковником Авдеевым знакомы?

— Николай уже полковник?

— Потолкуйте с ним, разберитесь, валяйте, действуйте. Надеюсь, когда я вернусь, вас здесь уже не будет! — Следователь церемонно поклонился и вышел.

Глава вторая СЫЩИК И ОХРАННИКИ

Когда следователь прокуратуры вышел, Гуров снял телефонную трубку, решил позвонить генералу, но гудка не было.

— Телефон не работает,— сказал полковник Авдеев, входя в комнату.— Я его отключил к чертовой матери! Лиши человека соблазнов, грешить перестанет, превратится в святого.

— И мы с тобой, господин полковник, останемся без работы,— усмехнулся Гуров.— Значит, я ошибся, Николай, ты на службе преуспел...

— Брось, Лев Иванович.— Авдеев махнул рукой.— Как я был шестеркой, так и остался. Взятки мне пока не предлагали, потому не знаю, беру я их или нет. Лица от меня действительно ушла — как ты проведал, понятия не имею.

— Будешь себя хорошо вести, скажу. А пока ответь на вопросы, которые я задал прокурору.

— Уверен, что я их слышал?

— Николай, будем уважать друг друга.

— Попробуем.— Авдеев нахмурился.— Вскрытие не проводилось, тело еще здесь, в морозильной камере. Место, откуда стрелял преступник, мы нашли, пытались подвести собаку, чуть не отравили. Химия. В момент убийства хозяин был в доме, гостевали три депутата ВС, их, естественно, не допрашивали.

— Водители тоже пользуются депутатской неприкосновенностью?

— Стреляли примерно в восемнадцать, тело обнаружили около половины седьмого, я прибыл в девятнадцать тридцать восемь, машины гостей в это время отъезжали. Даже ты, Гуров, не остановил бы их, поверь на слово. Я не трус, но место свое знаю, да и местная охрана мне не подчиняется.

— Илья и его ребята из службы безопасности, — возразил Гуров. — Ты полковник...

— Лев Иванович, извини, ты словно дитя малое. К какому управлению относится охрана, я не знаю. А Илья, который тебе понравился, подчиняется только хозяину и больше никому.

— Интересное кино, — пожал плечами Гуров. — Приятно будет работать.

— Не дадут тебе работать, к вечеру выгонят, — Авдеев помолчал, — хотя комнату выделили, пойдем, покажу.

— Ты мне лучше труп покажи. Пока меня не выгнали, я полностью приказ своего начальника, а он велел разыскать убийцу.

— Только разыскать? Тогда пустяк, мы это мигом.

Заиндевшее тело лежало на оцинкованном столе. Покойница была блондинкой, роста среднего, телом плотная, сложена пропорционально, лицо с правильными чертами, но хороша или дурна собой, определить сейчас было невозможно.

— Николай, ты ее живой видел? — спросил Гуров. — Она была привлекательна?

Авдеев ничего не ответил, лишь покачал головой, а из-за спины Гурова мягкий, спокойный голос произнес:

— Оксана пользовалась успехом.

Гуров узнал голос начальника охраны.

— Почему покойница в платье? Ее что, не осматривали?

— Лев Иванович, если у человека в голове дырка, зачем его осматривать?

— Ты, Николай, извини, сколько убийств в своей жизни раскрыл?

— Ты же знаешь, убийства не мой профиль.

— Знаю и, главное, вижу. — Гуров вздохнул. — Давай сюда врача, ведь вы его домой не отпустили, не так ли?

— Ну? — Авдеев замаялся. — Ты ее раздеть потребуешь? Платье каленое, не снимется.

— Разрежем. Командуй, Николай Васильевич, не тяни резину, и так сутки потеряли и черт знает сколько ошибок наделали.

Когда платье разрезали и тело обнажили, то на левом запястье и предплечье обнаружили кровоподтеки. Сыщик не торжествовал, смотрел на врача и полковника безопасности печально.

— Прикройте, — и, обращаясь к Авдееву, спросил: — Оставить тело здесь приказали, или это твоя инициатива?

— Дали понять, что факт убийства не должен дойти до журналистов. Ты же понимаешь, до выборов всего ничего. Здешний хозяин — основной претендент. Ему это нужно?

— Я политикой не интересуюсь, — думая явно о другом, сказал Гуров. — Мне нужна пуля, и срочно. А теперь покажи место, с которого, по вашему предположению, стрелял преступник.

Около молоденькой березки был вбит колышек. Колочие кусты боярышника опоясывали ухоженный газон, за ним — главный особняк. Три окна первого этажа распахнуты, отлично просматривалась фигура в белом халате.

— Повар, — пояснил Авдеев.

Гуров взглянул на часы, без пяти пять, стреляли в шесть. Авдеев понял, о чем думает сыщик, и пояснил:

— Обычно повар работает до семи-восьми вечера, но вчера у него был день рождения и его отпустили в тринадцать. Он все приготовил, поставил в духовку, требовалось только подать. Гости съехались к четырнадцати, в семнадцать хозяин с мужчинами пили кофе в библиотеке, женщины находились на парадной веранде.

— Кто обнаружил тело? В писанине следователя об этом ни слова.

— Мадам. Оксана пошла за мороженым и пропала. Мадам пошла искать...

— Меня пригласили по ее просьбе, — произнес задумчиво Гуров. — Обратились в наше министерство, назвали мое имя. Хозяин был против, но не пресек. Кто способен заставить мужчину поступить вопреки своему желанию? Николай, ступай на кухню, встань на то место, где была обнаружена девушка. А я отсюда посмотрю, как это выглядит.

— Отлично выглядит. — Авдеев начал раздражаться. — На такую проверку даже у меня мозгов хватило.

— Хочу сам взглянуть, пройдишь, сделай милость.

46 Когда полковник ушел, Гуров опустился на колени, начал рассматривать и обнюхивать траву. Почувствовав не свойственный земле запах, сыщик довольно улыбнулся, вынул из кармана полиэтиленовый пакетик, сорвал несколько травинок, упаковал.

Окна кухни располагались очень низко. Когда Авдеев появился в проеме, то был виден почти по плечи. Полковник махнул рукой, отодвинулся вглубь, скрестил руки, секунду постоял неподвижно. Гуров видел его от пояса и выше, а выстрелили в голову. Имея глушитель, убийца мог всадить две пули в грудь, но предпочел стрелять в голову. Такие снайперы-наемники сыщику встречались, но никого из них уже не было в живых. Время течет, подрастают новые таланты, не оскудевает земля российская. Если начнется мор профессионалов, то отличные стрелки исчезнут последними, лишь когда кончатся патроны.

Когда Авдеева срочно вызвали в резиденцию спикера, полковник, ознакомившись с делом, подумал: вот бы сыщика Гурова пригласить. Утром, узнав, что по неизвестной причине обратились за помощью в МВД, понял, что приедет именно Гуров, и испугался. Ситуация сложилась щекотливая, положение самого Авдеева далеко не однозначное, и если оперативнику-майору КГБ в свое время терять было абсолютно нечего, то сегодня полковнику СБ стало боязно. Это нищему пожар не страшен, нынче же Авдеев далеко не нищий. Он боялся взрывоопасного и совершенно неуправляемого сыщика Гурова.

Внешне Авдеев своей боязни не проявлял, держался с Гуро-

вым просто и открыто, но слегка переигрывал. Сыщик почувствовал в его поведении фальшивку, но копаться в причинах не стал, решив разобраться на досуге. А может, меня и действительно отсюда попросят, к чему зря голову ломать, рассудил Гуров.

По дороге в столовую Гуров передал Авдееву траву, которую сорвал, и попросил отправить в лабораторию провести экспертизу.

— Молодец,— сказал Авдеев,— потому и говорю, что ты сыщик, а я хоть и полковник, а шестерка.

Образец травы Авдеев еще утром отослал в лабораторию.

Они обедали в небольшой комнате при кухне, которую сыщик безо всякого интереса осмотрел, но ничего, как и ожидал, интересного не обнаружил.

— Николай, скажи, для наших избранных специальные фермы имеются, колбасные заводы, парники? — спросил Гуров, доедавая жареного цыпленка.

— Лев Иванович, не прикидывайся.— Авдеев вытер руки салфеткой, подвинул чашку с кофе.— С каким бы удовольствием я сейчас стакан коньяку махнул и в койку.— Он зевнул и потянулся.— Жизнь собачья, но я тебе скажу, здешний хозяин живет еще собачачей, работает много, спит мало.

— Мне его искренне жаль,— ответил Гуров.— А коньяк к кофе не полагается?

— Скажи, принесут.— Авдеев взглянул хитро и подмигнул.

Гуров ответить не успел, в дверях появился молодой человек.

— Здравствуйте. Лев Иванович, если не ошибаюсь,— вежливо произнес он.

— Здравствуйте, не ошибаетесь.— Гуров разгрыз нежное крылышко, обмакнул в соус и отправил в рот.— Какие проблемы, молодой человек?

Лицо посланца окаменело, стараясь даже не шевелить губами, он с трудом произнес:

— Вас просят наверх.

— Попросят? — Гуров взял салфетку, начал вытирать руки.— Сразу несколько человек? — Он повернулся к Авдееву, с интересом наблюдавшему за происходящим.— Где можно руки вымыть?

Угол комнаты был отгорожен занавеской, и не только сыщику, ребенку понятно, что там туалет.

— Направо, за угол,— ответил Авдеев, стараясь сдержать улыбку.

— Извините, я умоюсь, вылью чашку кофе и через пять минут прибуду.— Гуров поднялся.

— Вас просят сейчас же, Лев Иванович,— посылный вздернул подбородок.

— Еще один труп? Нет? Тогда через пять минут. Скажите, куда прийти, или подождите за дверью. Извините.— Гуров направился в туалет.

— Ты себя в дурацкое положение не ставь и не бойся с этим человеком,— сказал Авдеев.— Он сказал, пять минут, значит, так и будет.

Комната была большой, просторной и светлой. Гурову очень хотелось оглядеться, увидеть, как живут правители России, но он сдержался. Прошел по ковру, поклонился женщине, которая сидела за секретером, стоящим в проеме между окнами, и сказал:

— Здравствуйте. Гуров Лев Иванович. Вы хотели меня видеть?

Мадам, лет сорока с небольшим, строго одета, без всяких украшений, шатенка, причесана просто, со вкусом. Карие глаза, веки чуть тронуты тушью, над красивыми бровями взлет — высокий, массивный лоб. Они посмотрели друг другу в глаза, женщина слегка улыбнулась:

— Таким я вас и представляла. То-то Алла, рассказывая о великом сыщике, туманилась взглядом. Садитесь, Лев Иванович. — Она указала на кресло с высокой спинкой.

Гуров молча кивнул и сел, кресло оказалось в меру жестким, удобным, в общем, деловым.

— Слушаю вас.

— Меня зовут Лиана Мамедовна, можно без отчества.

— Очень приятно.

— Это правда, что у вас скверный характер?

— Не мне судить. — Гуров оглядел хозяйку, взгляд сыщика был настолько откровенно оценивающим, что лицо женщины порозовело. — Вам лично мой характер понравится.

— Вы самонадеянны.

— Безусловно, но в конкретном случае просто профессиональный опыт.

— Чай, кофе или что-нибудь покрепче?

— Покрепче.

Лиана позвонила, звук не успел растаять, как дверь приоткрылась, молодой прислужник застыл на пороге.

— Эрик, выcati столик, и ты свободен, — сказала хозяйка, полные губы у нее утончились, и сыщик понял, что прислужника мадам не любит.

Эрик подошел к инкрустированной стенке, распахнул дверцы, на верхней полке стояли сервиз, кофейник и бокалы, на нижней — бутылки и ведро со льдом. Он выкатил столик.

— Спасибо, Эрик, до завтра.

— Ахат Тимурович велел дожидаться его возвращения, — тихо, но уверенно произнес Эрик, отступая к двери.

— Меня не касается, иди. — Хозяйка махнула рукой, и Гурову стало неловко, словно он увидел человека в нижнем белье или в непристойной позе.

— Не обращайтесь внимания, дворцовые интриги. Налейте мне кофе, я пью холодный, а себе, что желаете.

Гуров поставил перед хозяйкой кофе, себе налил коньяку.

— В доме вообще-то не пьют, а вы еще и на работе, не боитесь?

— Если не пьют, не угощайте. — Гуров встал, прошелся по комнате, огляделся. — Ваш врач мужчина или женщина?

— Конечно, мужчина! Кто же доверит свое здоровье женщине?

— Мысль интересная.— Гуров подошел к окну, посмотрел в парк.— Вы при осмотре не стесняетесь? Не будем терять времени, выкладывайте. Почему вы настояли, чтобы приехал профессиональный сыщик? Вокруг вас спецслужбы больше, чем подслушивающих микрофонов в этой комнате.— Гуров развернулся, теперь он стоял спиной к свету, а Лиана вынуждена была повернуться лицом к окну.

Сыщик увидел, как взгляд женщины метнулся. Это мог быть и страх, возможно, негодование. Я ее перегрузил, понял сыщик. Но я обязан предупредить, что нас подслушивают, пусть терпит. Хозяйка мгновенно взяла себя в руки, надменно вздернула бровь.

— Микрофоны, здесь?

— Обязательно. Но нас с вами данный факт не волнует. Забудем, нам скрывать нечего. Я здесь, и меня интересует, почему я здесь?

Полковник Авдеев, слушая по радиации разговор, пробормотал:

— Ну, наглец! Сукин сын! Горбатого могила исправит!

— Значит, Президент приказал установить здесь подслушивающие устройства?

— Ему что, больше делать нечего? — Гуров усмехнулся.— Президент тут ни при чем, подслушивающие устройства устанавливали в прошлом веке. А в том, что ваша охрана нас слушает, не сомневайтесь.

— Безобразие, я сегодня же скажу мужу!

— Перестаньте! — перебил Гуров.— Был бы супруг зав. кафедрой, жил бы как человек. Хочет большой власти, будет терпеть. Лиана, я вас прошу, давайте по существу, иначе мое присутствие совершенно бессмысленно. Чего вы испугались?

— Убили мою любимую горничную. Здесь, куда мышь не проскочит.— Лиана указала Гурову на бутылку.

Гуров поставил перед ней бокал, взял со стола блокнот и ручку, написал: «Вперед!»

— Я тут огляделся, сообщить могу немного.— Гуров указал на блокнот и ручку, мол, пишите, и продолжал:— Стрелял, безусловно, профессионал. Не уверен, но думаю, что убийство совершено без заранее обдуманного намерения.

Говорил сыщик не для хозяйки, а любопытным, которые его слушали, хотел заставить их активизироваться. Мадам кончила писать, отодвинула блокнот и раздраженно сказала:

— Так я вам и поверила! Без подготовки, а тут рояль в кустах! Мне говорили, что вы — лучший сыщик России, а несете чепуху!

— Мыслите вы, особенно для женщины, недурно.— Гуров подошел, заглянул в блокнот и прочитал: «Вчера я подарила Оксане свое платье. Стреляли в меня!»

— Мыслите недурно,— повторил Гуров,— а выводы, извините, дилетантские,— и написал: «Глупости! Платье — простое совпадение».

Мадам фыркнула и выпила коньяк одним глотком.

— Докажите!

— И не подумаю.— Гуров вновь указал на блокнот.— Если у вас есть вопросы, пожалуйста. Докладывать вам я не обязан, делюсь своими соображениями из любезности, которой не рекомендую злоупотреблять.

— Ну дает! — восхищенно произнес Авдеев.— Много бы дал, чтобы видеть сейчас лицо этой стервы.

Услышав дерзость, мадам побледнела, но сдержалась и миролюбиво обронила:

— Наглец, каких свет не видывал.

— У меня есть и другие недостатки.— Гуров обаятельно улыбнулся.— Разрешите от вас позвонить, у меня в комнате телефон барахлит.

— Городской не работает, звоните по «кремлевке».— Лиана издевательски посмотрела на Гурова — и куда же ты позвонишь по нашему телефону?

— Спасибо.— Гуров подошел к столику, на котором стояло несколько аппаратов, повернул один с гербом Советского Союза, набрал номер и после первого гудка услышал:

— Орлов слушает.

— Добрый день, господин генерал. Гуров беспокоит.

— Добрый день, полковник. Как у вас дела? — сухо ответил Орлов, понимая, что по правительственной связи Лева говорит в присутствии посторонних.

— Обычная работа, Петр Николаевич. Я вас прошу прислать машину, передам рапорт. Вы же понимаете, что наша работа должна быть зафиксирована максимально точно.

— Хорошо, машина будет.— Орлов понял, что сыщик хочет сообщить что-то крайне срочное.— Через два часа водитель позвонит из проходной.

— Спасибо, господин генерал, всего доброго.— Гуров положил трубку, вернулся к хозяйке:— Премного благодарен, Лиана Мамедовна.

Пока сыщик разговаривал, мадам писала. Гуров зашел к ней за спину и прочитал: «Мне не нравятся ваши самоуверенность и пренебрежительное отношение к опасности, которая мне угрожает. Не забывайте, я настояла на вашем приглашении, и лишь я способна вас здесь удержать. Вы забываетесь...»

Гуров отобрал у нее блокнот и написал: «Уважаемая Лиана, не надо глупостей!» Показал написанное, вырвал исписанные страницы и положил их в карман.

Квартирка в домике для прислуги, выделенная Гурову, была маленькой и скромной — комната, душ, крохотная кухонька с газовой плитой и пустым холодильником. В комнате — письменный стол, кресло, удобная кровать, небольшой платяной шкаф.

Сыщик написал рапорт, в котором изложил свои заключения, добавив, что просит проверить связи убитой по месту жительства. Последнее подчеркнул, давая понять Орлову, что делать это совершенно не обязательно. Положив рапорт в конверт, направился к воротам.

На аллее сыщик, естественно, столкнулся с Авдеевым.

— Далеко собрался, господин полковник? — поинтересовался Авдеев.

— А ты не прибедняешься, — Гуров держался холодно, товарищеские нотки из его голоса исчезли, — ты действительно бездарный оперативник. Иначе бы поинтересовался, как прошла моя встреча на высшем уровне, а не куда я иду.

— Перестанем играть в пинг-понг, — миролюбиво сказал Авдеев. — И покажи мне свой рапорт.

— Мог бы и не показывать, но по старой дружбе, пожалуйста. — Гуров вынул из кармана конверт, который даже не заклеил. — Ничего нового, чистой воды бюрократизм.

— Спасибо. — Авдеев небрежно просмотрел рапорт, убрал в конверт, затем лизнул его и заклеил. — Разреши, я сам передам конверт водителю.

— Ради Бога, но только в моем присутствии.

— Ты мне не доверяешь? — возмутился Авдеев.

Гуров остановился, взглянул полковнику в глаза.

— Это ты говоришь о доверии? Ты наглец, Николай! — Гуров выхватил у него конверт. — Теперь присутствовать будешь ты, а передавать буду я.

— Если бы послужил в нашей конторе...

— Если бы у бабушки были колеса, была бы не бабушка, а трамвай! — Гуров положил конверт в карман, где у него лежал аналогичный, который и должен был попасть к Орлову.

— Извини, Лев Иванович, — Авдеев пожал плечами, — ты усложняешь мою жизнь. За нами будет наблюдать Илья Егоров, который мгновенно накает бумагу, что я допустил тебя контактировать с внешним миром.

— А ты его успокой, скажи, что мою писанину читал, ничего предосудительного в ней нет. Так, невинное, хотя и пространное, сообщение для прессы.

— Ну и юмор у тебя. — Авдеев даже приостановился, вытер лицо платком. — Как тебе мадам?

— Умная, волевая женщина.

— Ты с ней разговаривал недопустимо, ломаешь себе шею.

— Коли некуда падать, невозможно ничего сломать.

Некоторое время Авдеев шел молча, затем резко сменил тему.

— Надеюсь, ты не придал значения ссадинам на руке покойной? Она ведь могла их получить и два, и три дня назад.

— Конечно. — Слукавил сыщик. Хотя и не врач, но в травмах он разбирался. Покойную хватали за руку незадолго до смерти. Кожа у женщин чувствительная, синяки проступают сразу и на второй день начинают желтеть. У горничной они не успели налиться синевой. Скорее всего произошло столкновение с сильным, но цепким мужчиной за три-четыре часа до смерти.

— Что ты собираешься предпринять?

— Почему я? — Гуров недовольно хмыкнул. — Мы что, работаем каждый за себя? — Он вынул из кармана конверт, протянул Авдееву. — Передай водителю сам, я не хочу, чтобы тебя заменили, пришлют еще черт-те кого.

— Спасибо, Лев Иванович, ты — настоящий друг.

Гурову стало неловко, смутившись, он пробормотал:

— Не за что, я беспокоюсь о себе.

У ворот их встретил Илья Егоров. Он прохаживался, заложив руки за спину. Увидев офицеров, остановился.

— Пришла машина из МВД, водитель просит полковника Гурова. Я вас, Лев Иванович, задерживать не вправе, но уезжать до возвращения хозяина настоятельно не рекомендую. Если вы желаете что-либо передать, прошу это сделать через меня.

— Я написал рапорт своему генералу, — ответил Гуров. — Полковник у меня его забрал. Вы со своей секретностью совсем двинулись по фазе, играетесь, словно малые дети.

— Мы выполняем указания своего начальства, — сдержанно произнес охранник и протянул к Авдееву руку.

— Брось, Илья, не пыли, действительно смешно, хочешь, выйдем вместе. — Он показал конверт. — Рапорт обыкновенный, для нас с тобой ничего нового.

— Ваше право, полковник. — Охранник открыл перед Авдеевым дверь.

Когда тот вышел, Гуров шагнул к охраннику, сделал ложный выпад, Илья легко уклонился, сыщик той же рукой хлопнул его по плечу, отскочил и рассмеялся. Трюк был довольно прост, но действовал почти безотказно. Обычно нападающий делает финт одной рукой, а бьет другой.

— Выдохни и не сердись! — Гуров снова отступил. — Серьезный парень, заводисься по пустякам. Ну, не прав был полковник Гуров, да и черт с ним. У него одна служба, у Ильи Егорова другая. Так ведь по большому счету прав все-таки милиционер.

Гуров достал сигареты и зажигалку.

— Не предлагаю, вижу, что не куришь. — За воротами заработал мотор, Гуров продолжал: — Девчонку убили, тело не осмотрели, таковы факты.

Вернулся Авдеев и, рассмеявшись, сказал:

— Шофер твердит: давайте сюда Льва Ивановича. Умора! Пришлось предъявить удостоверение и заверить, что вы в полном здравии.

— Нормально. — Гуров самодовольно усмехнулся. — Сыщика Гурова в конторе уважают от постового до министра.

— Вот и врешь, новый министр наверняка тебя и в лицо не знает, — сказал Авдеев.

— Значит, неприятности у него впереди, — парировал Гуров. — Ладно, хватит трепаться. Илья, ты абсолютно уверен, что в твоих владениях не побывал посторонний?

— Да, у нас следовой полосы нет, но кое-какие ловушечки имеются. Я лично обошел весь периметр, все проверил.

— Коли убийца пришел со стороны, а я его все равно найду, такие случаи в моей практике случались, тебе оторвут башку так быстро, что ты боли не почувствуешь.

Авдеев вспомнил следователя прокуратуры и рассмеялся. Илья не понял причину веселья, насупился.

— Я за свои слова отвечаю.

Гуров склонил голову, задумался, хотя вопрос приготовил заранее:

— Гости вчера приезжали на двух машинах или на трех?

Охранник осуждающе глянул на Авдеева и нехотя ответил:

— На трех, господин полковник. Только вы на них время не тратьте. Господа из особняка не выходили, да и стрелять не умеют, а водители проверены-перепроверены. Кроме того, когда все собрались, я находился во внутреннем дворе.

— Извини, Илья Иванович, при таком раскладе я тебя возьму под стражу. — Гуров не улыбался, лицом затвердел. Неожиданно спросил: — Сколько человек под твоим началом?

— Сколько вверили, столько и служит!

— Прекрасный ответ, ты мне вообще нравишься. Только от камеры это тебя не спасет. Прежде чем отдавать команды и драться, подумай. Со стороны никто не приходил. — Гуров загнул палец. — Депутаты-делегаты и их супруги вне подозрений. Шоферы перепроверены и находились под твоим наблюдением. Остаешься ты и твои люди. Согласен? Значит, у тебя либо халатность, либо прямое соучастие.

Охранник отпрыгнул, схватился за кобуру, но пистолет сыщика уже крепко уперся ему в грудь.

— Молодой, а опаздываешь. — Гуров сунул пистолет в карман, взял Авдеева под руку, небрежно бросил: — До утра придумай что-нибудь, иначе уедешь со мной. — И, не оборачиваясь, добавил: — В наручниках.

Геннадий Артурович, сидя за столом, возился с микросхемой, тихо напевал. Хотя работа не ладилась, он пребывал в отличном настроении.

Здоровенный кот с бандитской мордой сидел на спинке кресла и, презрительно прищурившись, наблюдал за толстыми, но ловкими пальцами хозяина. Тот осмотрел микросхему в сильную лупу, отодвинул в сторону и сказал:

— Понимаешь, Бакс, эту штуковину проще выбросить, ведь в принципе она яйца выеденного не стоит, однако нельзя. Раз отступишь, второй, потом привыкнешь. Уразумел? Отступают слабаки, существа нервные, а мы с тобой такого права не имеем. Японцы — люди терпеливые, умелые, делают на совесть, но и мы с тобой не лыком шиты, одолеем.

Кот фыркнул и сильным длинным прыжком убрался на шкаф, где, потеснив сородичей, затих.

— Правильно, отложим до утра. — Хозяин встал, потянулся коротким округлым телом, взглянул на притаившуюся на шкафу колоню. — Я ложусь спать, чтоб ни звука, кастрирую! У кого свербит, форточка открыта, прогуляйтесь.

Он прошелся по комнате, подтянул тренировочные брюки, посмотрел на телефон, который тотчас отозвался негромким звонком.

— Слушаю вас внимательно, — самодовольно произнес Бланк.

Он слушал абонента долго, терпеливо, затем снисходительно спросил:

— Все? Почему не знаю? Сыщик Гуров прекрасно известен. Он служит в МУРе, сейчас опером-важняком в главке. Я могу на него досье написать не хуже штатного кадровика. Гуров ликви-

дировал Эффенди, Лебедева, два с лишним года гонялся за Роговым и прихватил его на порошке, разгромил сильную группу.— Он неожиданно хихикнул.— В общем, я знаю Гурова отлично, а вот он меня не знает... Мне не понятно, почему милицейского привлекли к такому делу. Хотя, что Бог ни делает, все к лучшему. Теперь спецслужбы перегрызутся, водой не разольешь! Не перебивай старших, дурачок! Мне больше не звонить и уж ни в коем случае не приходить. Надо будет, я тебя найду...

Глава третья НОЧЬЮ НИКТО НЕ СПИТ

Был конец мая, две недели стояла жара, но неожиданно похолодало. В десять вечера окончательно стемнело, мощные стволы сосен слились, стали стеной, их кроны закрыли тусклые звезды, фонари вдоль аллеи походили на огни посадочной полосы аэродрома.

— Пока хозяин не вернется, ты не ложись,— сказал Авдеев, когда они дошли до квартиры Гурова.— Уверен, что он не захочет тебя видеть, но чем черт не шутит.

Гуров не ответил, закурил пятаку за день сигарету, второй год безуспешно бросал курить.

— Ты серьезно собираешься задерживать парня?

— Не знаю, надо подумать.

— Тебе никто этого не разрешит.

— Он пользуется депутатской неприкосновенностью?

— Лев Иванович, не придуривайся, отлично же понимаешь, что спикер не позволит арестовать начальника охраны своей загородной резиденции. Такой скандал, да еще в год выборов, а ему осталось два шага до президентского кресла.

— Я далек от политики, обязан обнаружить убийцу. Зайдем, становится холодно.

Авдеев вынул из кармана крохотный передатчик, вытянул антенну, щелкнул тумблером:

— Второй, ты меня слышишь?

— Слышу хорошо,— донеслось из динамика.

— Я нахожусь в квартире нашего гостя.

— Понял.

— Николай, распорядись принести бутылку коньяку и что-нибудь пожевать,— попросил Гуров.— Черт побери, холодильник словно камера смертника в ожидании клиента. Ты бы видел, как меня принимают «авторитеты»!

Авдеев вновь вышел на связь:

— Второй, организуй нам ужин и пару бутылок минеральной.

— Уже готово, сейчас доставят.

— А нельзя обращаться по имени? — усмехнулся Гуров, проходя в квартиру и зажигая свет.— Разговариваете, как в тылу врага. Конспираторы. И много с тобой людей?

— Любопытный ты, сил нет.— Авдеев опустил в кресло, потер замерзшие ладони.— Я хотя и не курю, но дай сигареточку. Так что ты намерен предпринять?

— Следователь подробно допросил всех обитателей дома, кто где находился около восемнадцати часов. А меня интересует, кто где находился по минутам, с момента, как на ференду прибыли гости.

— Но ты не можешь допрашивать депутатов! — воскликнул Авдеев, услышав стук в дверь, сказал: — Входи, все свои!

Парень лет тридцати, полноватый, с обвисшими бульдожьими щеками, внес большую плетеную корзинку, ловко накрыл стол, корзинку поставил под стол и молча вышел.

— Дисциплина, конспирация! — довольно хохотнул Авдеев, задернул шторы, достал из-под стола бутылку коньяка.

— Пока хозяин не прибудет и не ляжет, я грамм в рот не возьму. А ты, камикадзе, валяй.

Гуров согласно кивнул, выпил рюмку, зацепив вилкой кусок ветчины, заинтересовался:

— Так ты служишь спикеру?

— Я служу России. Спецслужбы, Лев Иванович, всегда были в стороне от конкретных политиков.

— Ложь и демагогия. Спецслужбы — оружие и без направляющей руки лишь куча железа и электроники. Хватит об этом. Ты, полковник Авдеев, собираешься разыскать убийцу или отбываешь здесь номер?

— И то, и другое, и третье. А главное, пожалуй, просто хочу выбраться из этой истории без потерь, остаться на своей должности. Спросишь, как она называется? Отвечаю: старший помощник младшего дворника.

— Спасибо за откровенность. Значит, мне на твою помощь рассчитывать нечего.

— Потому, как ты себя ведешь, не рассчитывай. Но если зацепишься и я увижу, что хозяин твои действия одобряет, считай, что я в твоём распоряжении.

Полковник говорил откровенно, и сыщик понял, что в квартире станционной аппаратуры нет, а прослушивает сам Авдеев.

— Я тебе все это по старой дружбе говорю. Ты меня осуждать не торопись. Я после августа девяносто первого такого насмотрелся... Каждый за себя, Лев Иванович. — Авдеев выдержал паузу и раздельно повторил: — Каждый за себя.

Гуров доел бутерброд, выпил еще рюмку и сказал:

— Каждый за себя? У тебя здоровые инстинкты, Николай, и я тебя не осуждаю.

Сквозь шторы пробился свет мощных фар. Авдеев поднялся, положил на стол небольшую коробочку с единственной красной кнопкой.

— Если буду нужен, вызовешь. — И быстро вышел.

Личный охранник открыл дверцу бронированного лимузина. Спикер вышел, взглянул на стоявшего неподалеку Илью, пробормотал:

— Добрый вечер. — И остановился, словно хотел что-то спросить, да забыл, о чем именно.

— Добрый вечер, Ахат Тимурович.

Спикер болезненно улыбнулся, поманил за собой Илью и на-

чал подниматься по ступеням парадной лестницы. Когда они вошли в просторный холл, спикер нерешительно спросил:

— Ну, что у нас здесь? Запомнил, день очень длинный, людей много, все суетятся, говорят, голова кругом.

— У нас спокойно, Ахат Тимурович, — ответил Илья. — Прибыл милиционер, отвели ему квартиру, полагаю, что не следует постороннему оставаться на ночь.

— Полагаешь? — Взгляд спикера прояснился, губы растянулись в привычную улыбку. — Кто стрелял? Не выяснили... Молодцы. Ты службу несешь, прокуратура со вчерашнего дня копает, результат — ноль. Молодцы.

Спикер двинулся через холл к мраморной лестнице. Нарушая этикет, начальник охраны пошел рядом.

— Пожалуйста, переговорите с супругой, она с сыщиком около часа беседовала, может, на него и время тратить не стоит.

— Хорошо. Обязательно. — Спикер неожиданно остановился и, хотя был на полгодовы ниже Ильи, сумел взглянуть на него сверху вниз. — Не поладили? Боишься? Ты и должен бояться. Иди.

Лиана, как всегда, встречала мужа на втором этаже в дверях своей гостиной, где спикер обычно пил вечерний чай. Муж поцеловал жену в щеку, обнял за талию, произнес слова, которые повторял ежевечерне с того дня, как занял высокий пост:

— День прошел, мы живы, здоровы, значит, мы молодцы и победители.

Гостиная хозяйки представляла из себя небольшую уютную комнату, резко контрастирующую с официально помпезными залами второго этажа. Спикер любил комнату жены, только здесь он чувствовал себя по-домашнему спокойно. Но ее обустроивала жена, не советуясь с мужем, и из-за упрямства он не признавался, что комната получилась лучшей во всем особняке, а потому неизменно подтрунивал над простотой и уютом обстановки.

— Как твоё гнездышко? Притащила сюда ещё какую-нибудь подушечку-рюшечку? — произнес он, переступая порог и с деланным недовольством оглядываясь.

Жена отлично понимала, что мужу здесь нравится, и на его высказывания просто не обращала внимания.

— Все-то тебе расскажи. — Она мягко подтолкнула мужа к дверям. — Иди отмойся от своих мужиков, от тебя несет конюшней. Я тебя жду, дорогой.

— Слушаюсь, госпожа. — Спикер с коротким смешком, который выводил из себя оппонентов и даже Президента, сказал: — Я прямо из посольства Великобритании. При случае сообщу послу, что после встречи с ним от меня пахнет конюшней.

Выложенная черным кафелем купель пенилась перламутром. Спикер не мог похвастаться фигурой и стеснялся своего вялого коротковатого тела, но пышная пена скрывала ошибки, допущенные природой, и Эрику разрешалось сидеть на диванчике рядом с купелью.

Служка включил воспроизведение записанного на пленку разговора, состоявшегося между сыщиком и мадам.

— Ты олух,— заключил спикер по окончании записи.— Он задал конкретный вопрос и не получил ответа. А, судя по его голосу, он привык добиваться ответов. Тебя обманули как сопли-ка. Они гуляли по парку?

— Нет.— Эрик побледнел, облизнул пересохшие губы.— Разговаривали только в приемной вашего кабинета.

— Никаких звонков не было?

— Нет. Все, как обычно.

— На семь утра вызови этого прокурорского прихвостня. Иди.

— Спокойной ночи, патрон.— Эрик поклонился и исчез.

Спикер в просторном домашнем костюме походил на плюшевого мишку. Рукава были длинноваты, но он не позволял увечить дорогую импортную вещь и подворачивал их, от чего вид грозного правителя становился домашним и безобидным. Из огромной чашки, украшенной аляповатыми золотыми цветами, он пил слабенький, очень сладкий чай с лимонным экстрактом. Жена в атласном платье, подчеркивающем полноватую, но еще привлекательную фигуру, из крохотной рюмочки пригубливала ликер.

Спикер хотел спать, ему казалось, что, если бы представилась возможность, проспал бы сутки. Он пытался сосредоточиться на этом чертовом убийстве, рассовать по полочкам события последних суток, понять, откуда и почему прозвучал, казалось бы, бессмысленный выстрел и как можно воспользоваться ситуацией с пользой для себя. Он редко терялся, полностью контролировал свои действия, четко определял необходимые шаги, их последствия, иначе бы так и гнил на кафедре, а не руководил парламентом великой державы. Но сейчас он расклеился, квадраты на шахматной доске сливались, даже не различал цвета фигур, где белые, а где черные.

— Все образуется, дорогой. Ты сильный, мужественный и самый умный.— Жена кончиками пальцев коснулась его руки.— Ложись спать и отмени утренние дела.

— Если бы,— жалобно произнес он и взглянул на часы.— На семь я вызвал следователя. Ты говорила со своим милиционером, что он из себя представляет?

— Умен, дерзок.— Лиана бросила быстрый взгляд на мужа.— Он считает, что стрелял профессионал.

— Открыл Америку,— фыркнул муж.— А как любитель мог сюда пробраться? Ты не жалеешь, что мы пригласили постороннего человека?

— Дорогой, ты все сделал правильно.

Спикер хотел возразить, что милиционера потребовала именно она, но сработал рефлекс — если «все правильно», значит, это его и только его заслуга.

— Кому мешала Оксана, простая девка? — вздохнул он.

— Не забивай голову. Пусть убийством занимается профессионал.

— Глупая.— Он пожевал нижнюю губу — привычка, которую тщательно скрывал от посторонних.— Этот выстрел, возможно, важнее всех моих дел.

Из-за приоткрытой двери раздался приглушенный зуммер «кремлевки».

— Ни сна, ни отдыха измученной душе,— продекламировал спикер и пошел к телефону. Сняв трубку, выдержал паузу и равнодушно сказал:— Слушаю.

— Ахат Тимурович, вы ведете себя неразумно,— произнес низкий мужской голос.— Если история выплывет наружу, как вы объясните прессе и избирателям свое поведение? Разрешаете убивать людей в доме спикера парламента, прячете труп и молчите.

— Представьтесь, пожалуйста.— От неожиданного звонка к нему вновь вернулось спокойствие. Он четко увидел шахматную доску, цвет фигур, оценил позицию, которая была не из лучших, но давала возможность для сильной контригры.

— Мое имя вам ничего не скажет, зовите меня — Избиратель. Я желаю победы, хочу видеть вас Президентом.

— Спасибо, господин Избиратель,— ответил спикер.— Можете сказать что-либо конкретное?

— Могу. Утром все выплывет, обдумайте свою позицию. И еще — гоните этого мента, он человек опасный. Спокойной ночи, уважаемый Ахат Тимурович.

Спикер положил трубку, постоял у столика с телефонными аппаратами, словно ждал продолжения разговора, но, поняв, что его не последует, вернулся в гостиную, к жене. Она молча посмотрела на мужа. После небольшой паузы он сказал:

— Я, как всегда, прав.— В чем прав в конкретном случае, спикер не пояснил, поцеловал жену и отправился к себе.

Последние годы супруги спали в разных спальнях.

Шел третий час ночи, но Гуров еще не ложился. Чем больше он думал над происшедшим, тем больше запутывался. Сыщик впервые столкнулся с миром политиков и не мог найти мотив преступления. Кому выгодно? Почему? Любовь? Корысть? Власть? Личный мотив и корысть отпадают сразу. Девушка никакой властью не обладала и никому мешать не могла. Может, убили по ошибке, стреляли совсем в другого человека? Версия мадам? Даже если предположить, что она кому-то мешала, ее убрали бы совсем иначе. И уж, конечно же, поджидали бы не у окна кухни, где она могла появиться лишь случайно. Стрелял, безусловно, профессионал, однако сыщик чувствовал: убийство произошло спонтанно, без подготовки.

Девушка видела или слышала то, что ей ни видеть, ни слышать не полагалось, и ее заметили, схватили за руку, возможно, пытались запугать, купить, но не получилось, тогда дали команду срочно ликвидировать. Версия красивая, простая и достаточно правдоподобная. Даже мадам ткнула в слабое место. Убийца — один из водителей, который привез своего хозяина? Трудно поверить, что депутата Верховного Совета возит профессиональный убийца. Однако всякое случается, полностью исключить подобный вариант не следует. Чтобы дать команду шоферу, необходимо выйти из особняка и оказаться на глазах у множества людей. В машину можно позвонить, уговаривал себя сы-

щик. Выйти из комнаты якобы в туалет. В каком помещении высокие лица находились? Кто выходил? Где туалет? С какого аппарата была возможность позвонить? Но ведь никого не допросишь, ни одна шишка и разговаривать со мной не пожелает.

Гуров расхаживал по комнате. Произошло убийство, возбуждено уголовное дело. В качестве свидетеля можно допрашивать любого депутата. Теоретически. А практически — стоит в разговоре коснуться болевой точки, как тут же поднимается крик. Подозреваемый встанет и уйдет. Допрашивать этих людей бессмысленно. Следует избрать иной путь: не от хозяев к убийце, а от исполнителя к хозяину.

Обувь убийцы обработана химическим реактивом. Если это водитель, то следы на коврике в машине криминалисты найдут. Только кто их в машину пустит? Опять тупик. Чего я привязался к водителям?

Заклинился на синяках и на случайно подслушанном разговоре? Даже в узком кругу политики объясняются на эзоповом языке, и его простой девушке не понять. Никто из них девушку за руку не хватал, никакого криминала в особняке она не видела. Ни хозяева, ни гости никакого отношения к преступлению не имеют. Может быть, готовится покушение на спикера, а девушка каким-то образом узнала об этом, и ее срочно ликвидировали?

Исполнитель — один из охранников? Кто желает смерти хозяину поместья? Кто на такое решится и имеет возможность? Кто претендует на пост Президента? Сам Президент, и этот, как его? Бисковитый! Он и в прошлый раз себя выдвигал...

Размышления Гурова прервал негромкий зуммер. Сыщик взглянул на маленький приборчик, который оставил на столе полковник службы безопасности, нажал красную кнопку и сказал:

— Слушаю.

— Не спишь? — произнес Авдеев. — Никто не спит: ни хозяин, окно у него горит, ни мадам, так и охране спать не полагается.

— Долго разгоняешься, Николай! Прыгай!

— Не душевный ты человек, Лев Иванович. — Раздался короткий смешок. — Мы телефон исправили, можешь названивать.

— Премного благодарен, я всегда знал, что ваша служба — главные телефонисты России.

— Я лишь стрелочник, куда скажут, туда переключу. В твоей гениальной голове появилось новенькое, или, как Шарик, гоняешься за собственным хвостом?

Гэбист так точно определил состояние Гурова, что он разозлился.

— А ты хочешь, чтобы я гонялся за твоим хвостом?

— Не дай Бог! — шутливо испугался Авдеев. — Оставь мой хвост в покое.

— Какой номер у мадам?

— Зачем тебе?

— Хочу назначить свидание. Ты посмотри, какая ночь, скоро соловей объявится.

— Ты делаешь глупости, Лев Иванович, — вздохнул гэбист и продиктовал номер.

Полковник безопасности сказал правду. Лиана не спала. Перед глазами все время стояла Оксана. Такая сильная, жизнерадостная девушка... Пользовалась успехом у мужчин, и мадам была в курсе любовных забав молодой горничной. Вчера смерть Оксаны не потрясла, скорее опарашила. Потом она вспомнила платье, которое подарила девушке, и появилась страшная мысль, что стреляли в нее, мадам Гораеву, а девчонку убили случайно. Лиана вспомнила рассказ подруги о некоем сыщике, почти волшебнике, и она вцепилась в мужа мертвой хваткой. Супруг был так занят своими проблемами, что не стал вдаваться в подробности, а вызвал помощника и распорядился помочь жене, считая ее просьбу обычной женской блажью.

Так в загородной резиденции спикера парламента появился милиционер — полковник Гуров.

Стоя в ванной комнате, она сняла халат, невесомую французскую комбинацию, взглянула на себя в зеркало и порозовела от смущения. Седина в голову, бес в ребро: в сорок пять начала разглядывать свое тело, словно девчонка. Фигура недурна, однако тяжеловата, честно оценила Лиана, но живот можно подтянуть, а груди приподнять. А зачем?

Мужчины Лиану не интересовали, до Ахата у нее были две мимолетные связи, которые не доставили ей никакого удовольствия. Она рано вышла замуж. Несмотря на невзрачную внешность, доцент, а вскоре и профессор Гораев был в институте фигурой заметной. Ахат в статную, красивую студентку влюбился, а она стремилась вырваться из нищеты... Свадьба состоялась, Лиана стала профессоршей, позже депутатшей, а затем начался подъем, как в скоростном лифте, аж уши закладывало. Менялись квартиры, машины, старые подруги затерялись, новых не появилось, жены деловых партнеров мужа смотрели на Лиану сначала презрительно, теперь с тщательно скрываемыми завистью и недоброжелательностью. Муж дал Лиане все, о чем можно только мечтать, но так торопился, столько сил тратил на преодоление препятствий, что разбудить в ней женщину не сумел.

Сегодня, встретившись с милицейским полковником, Лиана ощутила себя женщиной не только обделенной, а просто ограбленной.

Сейчас, стоя перед зеркалом и критически рассматривая собственное тело, она не могла не думать о нем.

Когда Лиана встретила с полковником взглядом, то неожиданно почувствовала себя не хозяйкой дома, не женой второго, а завтра, возможно, и первого человека в России, а просто женщиной. Причем чертов сыскарь не делал для этого ни малейшего усилия, был вежливо сдержан, предупредителен и внимателен, лишь в глазах у него порой появлялись искорки.

Она надела халат, туго подпоясалась. Выйдя из ванной, достала из холодильника бутылку «пепси» и рябиновую настойку. Наполнив рюмку, выпила и шумно выдохнула, так, по ее мнению, поступают настоящие алкоголики. Зазвонил городской телефон. Лиана взглянула на часы и неуверенно сняла трубку.

— Слушаю. Видимо, вы ошиблись номером.

— Приношу свои извинения, Лиана Мамедовна, — услышала

она спокойный мужской голос. — Говорит полковник Гуров, знаю, что не спите, потому и рискнул позвонить.

— Что случилось, полковник?

— Мне необходимо поговорить с Ахатом Тимуровичем.

— Немедленно? Сказать ему, чтобы зашел?

Гуров сделал вид, что не понял сарказма.

— Можно и сейчас. С утра он окунется в государственные дела, а вы еще будете спать. Кроме же вас, Лиана, мне никто помочь не может.

Что-то, видимо, важное, раз в такое время звонит. Ахат, конечно, взбесится.

— Ждите звонка, — коротко сказала Лиана, не удержалась и добавила: — Однако берегитесь.

Лиана положила трубку и пошла к мужу.

Минут через десять в квартире Гурова раздался звонок.

— Выходи, я тебя провожу, — рявкнул полковник Авдеев.

Гуров хотел посоветовать беречь нервы и дыхание, но гэбист уже бросил трубку.

— С тобой конечно, — сказал Авдеев, встречая Гурова у входа в особняк. — Твое оружие. — Он протянул руку.

Гуров пожал руку полковнику и, усмехнувшись, ответил:

— Какие-то вы здесь нервные. Я, Николай, протокол знаю и оружие на такие встречи не беру. Да и зачем? Спикер наверняка стрелять не умеет.

Авдеев провел ладонями под мышками Гурова, но ничего не обнаружил. Пистолет находился сзади, под ремнем брюк. Чтобы остановить рвение гэбэшника, сыщик сказал:

— Ты мне изрядно надоед, будешь приставать, я сейчас в беседе с Ахатом одной фразой прикончу твою карьеру.

Они вошли в центральные двери, у которых прогуливался молодой парень специфической внешности. Гуров тщательно вытер ноги, увидев, что его туфли забрызганы росой, наклонился и аккуратно почистил их носовым платком.

Спикер сидел в кабинете за письменным столом, пил кофе, на приставном столике стояла чашка с минеральной водой.

— Здравствуйте, полковник, слушаю вас, — сдержанно произнес спикер, указывая на стул напротив.

— Здравствуйте, Ахат Тимурович. — Гуров сел, взглянул на хозяина внимательно, оценивающе. — Рад, что вы согласились на встречу и не кричите на меня.

— Я к хамству давно привык, переходите к делу, полковник.

— Не хочу пугать, но, поразмыслив над происшедшим, пришел к выводу, что вам угрожает опасность. — Гуров достал сигареты.

После продолжительной паузы спикер взглянул на часы:

— Мне осталось на сон меньше трех часов.

— Вы ничего не понимаете или не верите мне. Служба безопасности допустила выстрел, она может пропустить и следующий.

— Сегодня? — Голос спикера дрогнул.

— Думаю, дней через десять. — Гуров вытряхнул из пачки сигарету.

— Пепельницы нет, используйте блюдце. — Спикер откинулся на спинку кресла, расслабился, словно сообщение об отсрочке гарантировало ему не десять дней, а век спокойной жизни.

— Спасибо. — Гуров не закурил, катал сигарету по столу.

— Если сегодня, по вашему мнению, стрелять не собираются, дайте мне поспать, мне предстоит тяжелый день. — Спикер улыбнулся.

— У вас каждый день тяжелый. — Гуров неторопливо достал зажигалку. — Возьмите больничный, ОРЗ или еще какая-нибудь ерунда, чтобы не беспокоить депутатский корпус.

— Почему вы явились ночью, полковник?

— В другой день я к вам не попаду, а нам следует поговорить, если, конечно, вы хотите, чтобы я работал. А нет, так разбежимся по постелям. Лично я с радостью сяду в машину и уеду.

— Чем могу быть вам полезен?

— Вы — мне? — Гуров наконец закурил. — Я ничего не прошу, хотите работать, попробуем.

— Если вам ничего не надо, какого черта вы тут делаете? — вспыллил спикер. — Отправляйтесь куда хотите, я позабочусь о вашей карьере.

— Мне столько раз угрожали... Моя карьера? Плюнуть не на что, приберегите патроны, иначе в нужный момент останетесь безоружным.

— Пошел вон! — Спикер встал.

— Дурак и уши холодные! — Гуров махнул на хозяина рукой. — Извините, Ахат Тимурович. У меня такая присказка. Когда молодой оперативник глупость сморозит, я так выражаюсь, сейчас вырвалось. — В голосе сыщика, однако, никакой вины не звучало.

Несколько секунд спикер не мог закрыть рот. Когда с этой задачей справился, упал в кресло и рассмеялся.

— Давненько, давненько со мной не говорили по душам. Хорошо, выкладываете, как я могу вам помочь, чтобы вы спасли мне жизнь. Такая формулировка годится?

— Кто победит на выборах, если вас... Если вы тяжело заболаете?

— Президент! Кто же еще? Мы политические противники!

— Допустим, вы и Президент свои кандидатуры сняли...

— Такого не может быть! — перебил спикер.

— После вас двоих чьи шансы предпочтительнее? — упрямо продолжал Гуров.

— Ничьи, другие не котируются, — раздраженно ответил хозяин. Чувствовалось, разговор стал ему неинтересен.

— Бисковитый или Сабрин? — терпеливо настаивал Гуров. — Кто тщеславнее?

— Нетщеславных политиков не бывает.

Гуров понял, что разговор зашел в тупик.

— Мне работать или убираться?

— Я распоряжусь, чтобы позвонили министру и предоставили вам самые широкие полномочия.

— Благодарю, не стоит, прикажите только службе безопасности не висеть надо мной. К кому из ваших помощников я могу обращаться, если мне потребуется информация?

Спикер долго молчал, пытаясь среди своего ближайшего окружения найти умного, неболтливую, профессионального человека, вздохнул и ответил:

— Обращайтесь ко мне лично.

— Каким образом?

— Позвоните жене, она вам поможет.

— Премного благодарен, Ахат Тимурович. Разрешите идти? — Гуров встал.

Хозяин устало махнул рукой. Когда Гуров пошел к дверям, он спросил:

— А что делать с охраной? Они же допустили выстрел!

— На мой взгляд, начальник здешней охраны человек вполне профессиональный, его вины в происшедшем нет.

— Интересно, преступление произошло, а виновных нет. А вы сами, полковник, достаточно надежны и профессиональны?

— На данный вопрос вам может ответить мой начальник.

— Идите! Все вы одним миром мазаны.

— Мазаны все, только краска разная. — Гуров поклонился. — Спокойной ночи.

— Ну? О чем же вы столько времени беседовали? — нервно спросил Авдеев, встречая сыщика в парке.

— О твоей благонадежности и профессиональной пригодности, — ответил Гуров.

— Шуточки у тебя, Лев Иванович.

— Я имею свободный вход и выход, наблюдать за мной не рекомендуется. Пригласи ко мне начальника охраны. Да, вот еще! — Гуров остановился, взял Авдеева за лацкан пиджака. — Позвони своему руководству, к двенадцати дня я должен иметь фотографии, анкетные данные, адреса, телефоны и весь имеющийся у вас компромат на ближайших помощников, заместителей и иных лиц, которые крутятся вокруг Президента, спикера, Сабрина, Бисковитого. Они все мелькают по ящику, но я их не запоминаю.

— Сейчас четыре утра, я не могу звонить генералу. Такие приказания не отдают по телефону.

— Разумно, — миролюбиво согласился Гуров. — Что же делать? — Он был так искренен, что Авдеев в растерянность сыщика поверил и нравоучительно произнес:

— В девять помощник спикера должен по вертушке позвонить генералу, передать просьбу шефа, и тогда дня через два нарочный доставит в секретариат требуемые материалы. Извини, Лев Иванович, но у нас не розыск, мы не работаем по принципу, как вы выражаетесь, «хватай мешки, вокзал отходит».

— Да, да, я понимаю. — Гуров согласно кивал и улыбался.

Знай гэбист Гурова получше, то, увидев такую улыбку, продолжатель поостерегся бы.

— Ты розыскник, а тут политика! Все должно выполняться тонко, с соблюдением всех правил! — Авдеев поднял палец. — Ну, ничего, тебя, видимо, переведут к нам, ты со временем привыкнешь.

— Из стойла в стойло переводят лошадей, — тихо сказал Гуров. — Завтра в двенадцать здесь, в кабинете спикера парламента, должны находиться все документы, о которых я тебе сказал. И еще! — Сыщик сильно дернул за лацкан полковника. — К помощникам, естественно, обращаться запрещено, так как материал мне требуется именно на этих холоуев. Если шеф тебе не поверит, может позвонить Ахату Тимуровичу и лично от него получить подтверждение. О деле знаю я, ты и будешь знать твой генерал. Секрет, о котором знают трое, хреновый секрет. Если информация уйдет на сторону, ответите ты и генерал. Извини, но я себя из подозреваемых исключаю. И давай, родной, крутись, звони, поднимай ваше дремлющее болото, тащи ко мне Илью!

Сыщик подтолкнул гэбиста, тот еле устоял на ногах.

— Сумасшедший! Мы останемся не только без погон, но и без голов!

Ахат Тимурович Гораев, спикер и самодержец Большого Вече России, сидел в спальне жены ипил рябиновую настойку. Впервые за четверть века совместной жизни Лиана смотрела на мужа с участием и жалостью.

— Ахат, успокойся, милиционер просто наглец и карьерист. А напугал, потому что хочет всплыть на поверхность. — Она не верила ни одному своему слову, просто стремилась успокоить мужа.

— Не надо, Лиан! — Гораев пытался говорить твердо. — Да, я испугался, но разум не потерял. Он, конечно, наглец, но совсем не карьерист. Ну что за абсурд! Умереть за шаг до трона!

— Ахат, сними свою кандидатуру, — быстро заговорила Лиана. — Я никогда не лезла в твои дела. Оставайся спикером, поддержи Президента, собери съезд, скажи об единении нации. Ахат, ты же умница, ты их вокруг пальца обведешь.

— Мне приятна твоя забота, Лиан. Но ты говоришь женские глупости. Убийца не имеет отношения к Президенту, преступнику безразлично, где я нахожусь. Он будет стрелять, пока не попадет или пока его не схватят. Съезд собрать — все равно, что вытащить на всеобщее обозрение разлагающийся труп. Сейчас еще не все чуют запах, но если стадо собрать, засмердит...

— Что случилось, Ахат? — возмутилась жена. — Ну, убили кухарку, и только!

— Ты очень точно высказалась о рояле в кустах. Он не мог там случайно оказаться, его туда поставили.

— Откуда ты знаешь? Меня подслушивают?

— Тебе милиционер все объяснил, ложимся спать. — Спикер тяжело поднялся.

Полковник Авдеев заскочил в свою комнату, позвонил генералу. Шеф снял трубку после второго гудка, внимательно выслушал рапорт:

— Молодец, — похвалил он полковника, — держи меня в курсе. Я знал, что вчерашний выстрел отзовется. Значит, Гуров начал копать.

— При чем тут Гуров? — попытался возразить Авдеев.

— Молчи, — оборвал шеф. — Дела хреновые, но слава Богу, что пристегнули милицию. Когда козел отпущения рядом, спокойнее. Я понимаю, никакой бумажки мы от спикера не получим. Звонить ему я, конечно, не намерен. Ты держись в стороне, выполняй поручения инициатора розыска, с прокуратурой не контакь, напиши подробный рапорт, выскажись по сути вопроса отрицательно, но форму соблюди.

— Все ясно, товарищ генерал!

— Гребь все время в сторону. С Гуровым не спорь. — Генерал хмыкнул. — Он обязательно тебя раскусит, но у него, как и у нас, нет документа.

— Все выполняю, товарищ генерал!

Начальник охраны Илья Иванович Егоров мерз на садовой скамейке и, прихлебывая из термоса горячий кофе, туло смотрел на окна особняка, ждал, когда они погаснут.

Увидев в конце аллеи быстро приближающуюся фигуру, Илья достал пистолет и встал за сосну. Когда Авдеев проскочил мимо, Илья негромко окликнул:

— Николай Васильевич!

— Илья? — Авдеев повернулся. — Пошли, нас ждут.

— Кто? Неужто сам?! — Илья убрал пистолет, быстро зашагал рядом.

— Полковник Гуров.

— Не пойду! Он мне не указ!

Авдеев рванул за плечо остановившегося охранника и зашептал:

— Еще как пойдешь! Рысью побежишь!

По дороге Авдеев коротко объяснил, что получено специальное задание хозяина, а подробности сообщит Гуров.

— Есть новости? — спросил Гуров, наливая гостям чай. — Николай Васильевич, что ответила лаборатория по образцам травы, которую мы взяли с предполагаемого места нахождения преступника?

— Ничего интересного, обычный химический состав, характерный для Подмоскovie, — ответил Авдеев.

— А вы говорили, собака шарахнулась и заскулила, — удивился Гуров. — Может, вы спутали место?

— Я там вешку поставил, Лев Иванович.

— Странно. — Гуров помолчал, затем спросил: — Есть предложения, варианты, версии?

Илья молчал, Авдеев ответил:

— Розыск поручен вам, Лев Иванович, вам и карты в руки.

— Спасибо, Николай Васильевич. Если у меня поинтересуются, как мне помогает безопасность, я отвечу, что на высшем уровне. Хорошо, хорошо, не заводись, — остановил Гуров возмущенного было габиста. — Мою просьбу выполнили?

— Безусловно, к полудню будет ответ.

— И прекрасно, отдыхайте, полковник. А мы тут с Ильей беседы побеседуем, разговоры поразговариваем.

Геннадий Артурович, в прекрасно сшитом костюме, который скрывал недостатки нелепой фигуры, в свежей рубашке и модном галстуке, провел час в парикмахерской и стал походить на цивилизованного, преуспевающего бизнесмена. Затем он зашел в библиотеку, где пролистал подшивки нескольких газет за последний месяц, никаких выписок не делал, память Бланка не подводила. Закончив просматривать газеты, он облокотился на стол и, подперев ладонью круглую тяжелую голову, задумался.

Он уже знал, что Гуров траву на экспертизу послал и вот-вот выйдет на шофера Танаева. Бланк такой ход событий предвидел, готовил Карима Танаева на заклятие, но все произошло слишком быстро. Сыщик начинал раздражать. Ни к чему сильные противники. Зачем искать очередную жертву среди говорливых политиков, когда есть человек, ликвидировав которого можно убить двух зайцев. Гуров руководит розыском убийцы, проживает в усадьбе спикера, и смерть полковника газетчики и телевидение, да и западная печать приподнесут на высшем уровне. Танаева все равно придется отдать, да и черт с ним, отстрелянный патрон, пустая гильза.

И он отправился домой, к своим котам.

Вечером в прожженном кислотой костюме Бланк сидел в кресле, прикидывал, кого конкретно следует натравить на сыщика, чтобы ни одна живая душа не знала, что он, Геннадий Артурович Бланк, имеет к убийству хоть какое-то отношение.

Глава четвертая НОЧЬ ИСТЕКАЕТ, НАВАЛИВАЕТСЯ ДЕНЬ

66

Когда полковник вышел, Гуров спросил:

— Илья, как преступник мог проникнуть на территорию?

— Только через КП, другого объяснения у меня нет.

— Машины гостей встречал ты лично или кому поручал?

— Лично.

— Багажники проверял?

— Как можно? Депутаты Верховного Совета! — возмутился охранник. — Если я о машине предупрежден, никогда не проверю. Вы же, Лев Иванович, свободно проехали.

— Напрасно не проверяете, за халатность ответите.

— Перед вами? — Начальник охраны поднялся.

— Отвечают по закону перед судом. — Гуров взглянул на часы, пробормотал: — Извини, друг. — Сняв телефонную трубку, начал набирать номер. Вскоре услышал знакомый голос:

— Слушаю тебя, Лева.

— Извини, не мог позвонить раньше, для меня есть что-нибудь?

— Есть, но мало утешительного, — ответил генерал Орлов. — Обнаружен химический состав, который нашим экспертам не известен, предположительно изготовлен в Германии. Имею формулу. Будешь записывать?

— К чему? Мы же не будем по формуле искать. Возьмем соскобы, проведем сравнительную экспертизу. Спасибо, Петр, досыпай.

Илья все еще стоял, чувствовал себя неловко. Уйти нельзя, дисциплина, а сесть гордость не позволяла, вроде как бы сдался. Гуров, словно подслушав его мысли, улыбнулся.

— Садись, петух, мы не противники, в одном окопе оказались. — Опустился в кресло, допил оставшийся чай. — Вот так, дружок, очень даже желательно убийцу установить.

— Вы знаете, где искать?

— Только предположительно. Об этом чуть позже, пока отвлечемся, поговорим о себе и о том, как мы будем работать. Я тебя проверил и убедился: ты парень стоящий, мне повезло.

— Простите, Лев Иванович, когда вы меня проверяли?

— Не важно. Я убедился, что ты нормальный парень. Вынужден тебя кое в чем просветить, иначе можешь напортачить, и тебя убьют. — Выдержав паузу, сыщик продолжил: — Убийца опрыскал обувь неизвестной нам химией. Я взял образцы травы, часть отдал на экспертизу через полковника Авдеева, часть отослал своим криминалистам.

— Отослали? — Илья прищурился, прикидывая, когда и каким образом полковник передал что-либо с охраняемой территории. Вспомнив приходившую к Гурову машину, полковника Авдеева, который передал водителю конверт, выругался: — Черт побери! Полковник с вами заодно?

— Я его использовал втемную, ты не торопись, слушай. Сейчас при тебе Авдеев сказал, что эксперты ничего не установили. Это неправда, химия на траве обнаружена. Не спеши записывать полковника в суки и предатели. Существует множество иных объяснений: экспертизу еще не провели, Николай не захотел в этом признаться; начальство не считало нужным ставить полковника в известность; и последнее — Авдееву сообщили результаты, но приказали мне не говорить, пытаются работать без милиции. Обычные межведомственные интриги.

— Значит, с полковником все в порядке, — облегченно вздохнул Илья.

— Я этого не говорил. — Гуров смотрел мимо собеседника и думал, правильно ли сделал, приоткрыв парню карты. — Я работал с Николаем, когда он был майором, честным парнем, средним оперативником. С годами люди меняются. Я тебе выдал информацию, без которой ты не смог бы работать. У полковника свои задачи, лишнее ему знать ни к чему.

— Он обязательно поинтересуется, о чем мы так долго беседовали.

— Сыщик Гуров, известный зануда, мотал из тебя душу идиотскими вопросами, пытался уличить в соучастии, когда не прошло, начал обвинять в халатности. А в принципе ты особо не распространяйся, озлобленно замкнись, посылай полковника ко мне, мол, хотите знать, сами спросите у мента.

— Лев Иванович, переходите к главному.

Гуров молчал, оттягивая неприятный момент. Парень не готов к серьезной самостоятельной работе, но он, начальник охраны загородной резиденции спикера, может появиться в любом закрытом гараже и не вызовет никаких подозрений.

— Номера машин, на которых приезжали гости, у тебя, естественно, зарегистрированы.

— Ну? — Илья напрягся. — Осмотреть багажники, нет ли следов?

— В принципе следовало бы, только визуальный осмотр ничего не даст, лезть с аппаратурой преждевременно, да и, честно сказать, не верю я в багажный вариант. Нужно осмотреть место водителя. В таких машинах обычно имеется ковровое покрытие, мне нужен образец, возьми с собой пинцет. Сейчас и поезжай, пока машины не ушли из гаража. Охране скажи, выполняешь поручение мадам, дескать, зажигалку обронила, а супруг не знает, что она покуривает. Вопрос пустячный, но деликатный, и кто хочет остаться при должности, пусть держит язык на привязи.

— С этим будет порядок, там служит молчаливый народ. Но как я пост оставляю? Пока хозяин на территории, мне отлучаться не разрешается.

— Оставь за себя кого следует и поезжай, я за все в ответе. С Богом, а я вздремну часика два.

В пять утра Илья, поглядывая в зеркало заднего вида, спокойно вкатился в Москву. По столице уже шастали машины, и вскоре он убедился, что светло-серая «Волга» следует за ним уже несколько минут. Илья свернул в переулок, сделал петлю и вернулся на трассу. «Волга» исчезла, но вскоре вновь объявилась. Это не «наружка», они «ведут» меня одной машиной. Кто же это?

68 Ворота гаража, который обслуживал элиту депутатского корпуса, были открыты. Когда он, оставив свои «Жигули» у тротуара, вошел в полутемное, пропахшее бензином помещение, из будки появилась плотная фигура и преградила ему дорогу. Вахтер, Илья знал, что его год назад за пьянство вытолкнули на пенсию из бывшего девятого управления КГБ, увидав Илью, зевнул, поскреб небритую щеку:

— Угости закурить, никогда на дежурство не хватает.

— Не курю. — Илья не помнил, как зовут вахтера. — Кто уже выехал сегодня?

— Один подался. — Вахтер снова зевнул. — Видно, на базар, за кормежкой. А может, на дачу, за хозяином. А тебе чего?

— Взгляни в свой поминальник, интересно, кто так рано поднимается?

Бывший габист хитро взглянул, одернул комбинезон и не двинулся с места.

— Тридцать первая, семнадцать ноль четыре, водитель Танаев, машину заказали с вечера.

Это была одна из машин, приезжавших в воскресенье в резиденцию.

— С вечера, не путаешь? — небрежно обронил Илья и пошел в глубь гаража. — На обратном пути проверю.

— Проверяльщик нашелся, — пробормотал вахтер и пошел следом.

— Ты, приятель, пост не оставляй. Чего мне надо, я сам найду.

— Там напарник, а без сопровождения шастать по хозяйству никому не положено.

— А пить на дежурстве положено? Ты лучше пойдешь глотку прополощи, зубы вычисти. Тебя уже дальше гнать некуда!

В салоне «Волги» пахло бензином. Илья нагнулся, провел пальцем по полу. Сомнений не было, совсем недавно кто-то смоченной в бензине тряпкой протер все педали и пол под ногами водителя.

В другой «Волге» тоже все тщательно протерли, не забыли и дверные ручки.

Гурова разбудил телефонный звонок.

— С добрым утром, господин полковник, — ехидно произнес Авдеев. — Извини, что так рано.

Гуров взглянул на часы, было около полудня. Илья вернулся в семь, сыщик лег в восемь.

— Что ты принес в клюве?

— Заказанная вами пресса доставлена.

— Молодец, благодарю за службу!

— Рад стараться! — Авдеев довольно хохотнул. — Звонили из Белого дома, журналисты пронюхали, атакуют пресс-службу, нам велено никого не пускать, с писаками не контактировать.

— Это тебе велено, а я с удовольствием устрою пресс-конференцию.

— Все шутки шутишь.

— Для разнообразия могу и серьезно. — Гуров выдержал небольшую паузу. — Труп доставили по месту назначения? Медик-профессионал дал заключение? Пулю изъяли? В желудке обнаружен алкоголь? Когда у покойной был последний половой контакт? На все эти вопросы ты должен был иметь ответы двое суток назад.

— Двое суток назад она была еще жива! — огрызнулся Авдеев.

— Ты меня понял, — сухо произнес Гуров. — Где я могу взглянуть на пришедшие бумаги?

— Сейчас принесу, господин полковник, — устало ответил Авдеев.

В семь утра, когда Илья докладывал Гурову результаты осмотра машин, к особняку подкатил следователь прокуратуры. Сыщик ждал, что следователь вызовет его, потребует отчет, но тот вылетел из резиденции минут через пятнадцать. Машина развернулась и умчалась.

— У начальства на нас, грешных, нет свободной минутки, продолжай, я тебя слушаю.

— А чего продолжать, Лев Иванович, бензин есть бензин. — Илья вздохнул. — Машины возвращались в гараж до двух часов, а в пять уже прибыл водитель, забрал свою тачку, которую заказали вчера около двадцати двух. Я проверил журнал, заказ имеется. Так что мне похвастаться нечем.

— Не скажи, — задумчиво произнес Гуров. — Давай соснем, а позже на свежую голову прокачаем варианты.

И вот теперь вместо того, чтобы проанализировать ситуацию,

придется читать эти пустые справки, изображать заинтересованность и попусту терять время.

В дверь коротко стукнули. Вошел Авдеев и положил на стол портфель.

— Тут возникли кое-какие обстоятельства, — пробормотал Гуров, глядя на пухлый портфель. — Урок чтения придется отложить, мне нужно съездить в город.

— Кто разрешил? — вырвалось у гэбиста. — Извини, я неправильно выразился. Пойми, Лев Иванович, ты же не у друзей на даче — приехал, отъехал.

Гуров хотел ответить резкостью, но понял, что полковник прав.

— Николай, по части охраны старший здесь ты, розыск веду я, прокуратура отсутствует. К чему огород городить? Мне нужно захватить домой, взять бритву, рубашки, носки. Я хочу доложить своему генералу, посоветоваться. Он в курсе дела и большая умница. Хозяина нет, и раньше вечера его не будет...

— Позвони мадам.

— Спросить разрешения? Ладно, с меня не убудет. — Он набрал номер.

— Вас слушают, — ответил мужской голос.

— Беспокоит полковник Гуров, соедините меня с мадам Горевой. — Прикрыв трубку ладонью, он спросил: — Холуя зовут Эрик?

— Эрик Рихардович, — ответил Авдеев. — Крайне опасный парень.

— Лев Иванович, я вас слушаю. — Голос Лианы звучал ровно и спокойно.

— Здравствуйте, мадам. — Гуров состроил гримасу. — Мне необходимо съездить в город, в ближайшие три часа я вам нужен?

— У вас есть новости?

— Сожалею, мадам.

— Вы мне нужны, но могу подождать. Когда вернетесь, зайдите. — Лиана положила трубку.

— А что с этим? — Авдеев указал на портфель.

— Здесь сейфа нет, возьми к себе, потом займемся, — ответил Гуров и вновь снял трубку, набрал номер. — Еще лучше, если ты сам все посмотришь до меня. — Услышав голос генерала, официально произнес: — Здравия желаю, господин генерал. Докладывает полковник Гуров.

— Слушаю вас, полковник, — так же сухо ответил Орлов.

— Петр Николаевич, я хотел доложить и посоветоваться. Вы можете меня принять?

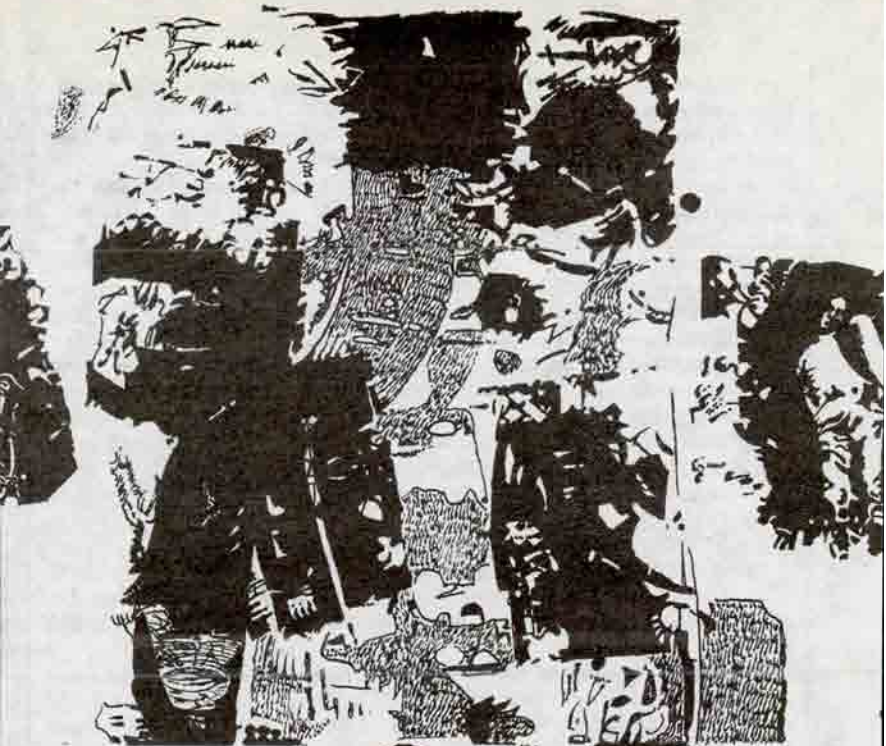
— Хорошо, полковник, жду вас к четырнадцати, — ответил Орлов.

Пока Гуров докладывал о происшедших событиях, генерал внимательно изучал свои ладони.

— Все? — спросил он, когда сыщик замолчал. — И что ты по этому делу думаешь?

— Девушка могла слышать или видеть, что ей не положено, ее схватили за руку.

— Стоп! — перебил Орлов. — Ты, парень, умом двинулся. Резиденция спикера не сходка «авторитетов» и мафиози, ничего там неположенного не произнесут, тем более не сделают. Ее мог схватить за руку обыкновенный ловелас.

— Хорошо, — согласился Гуров. — Оставим мои вымыслы, хотя иного мотива для столь поспешного убийства я не вижу.

— Эксперты обнаружили на траве слабые следы химии и высказали предположение, что реактив, который применяли, самораспадается. Его удалось обнаружить только потому, что ты запечатал конверт.

— Тогда зачем бензин?

— Я принимаю версию, что преступники услышали наш разговор, поняли, что мы осмотрим машины. Но, зная свойства используемого реактива, никто не стал бы беспокоиться. Зачем же уничтожать следы? Ты полагаешь, что водитель тебя куда-то приведет. Это обман, ты зря тратишь время и силы, тянешь пустышку. Тебе суят водителя под нос. Профессионалы не могли допустить столь грубый просчет.

— Чудится, мы имеем дело с двумя противниками. Они действуют параллельно и, скорее всего, не взаимодействуют. Возможно, на самом вершине пирамиды они едины, но у основания, где орудуют исполнители, расходятся и не ведают, что творит левая, а что правая рука.

— Версия красивая, но завиральная.

— Я тоже сомневаюсь, потому и пришел, — сказал Гуров. Он прогулялся по тесному кабинету. — Помоги определиться.

— А почему ты решил, что они работают параллельно?

— Мой давний знакомый из КГБ, сегодня полковник службы безопасности Авдеев, ведет себя странно. Поднялся на волне августовских событий, судя по всему, сторонник Президента... Но полковник все время врет, даже в малом. Убежден, информация о заключении химиков ушла к преступникам через Авдеева. Но ушла не напрямую, а, наверное, через вышестоящих товарищей из бывшего КГБ.

— Очень интересно, — пробурчал Орлов. — Давай по существу.

— Полковник выполняет определенное задание, не исключая, его используют втемную. Он среднего ума, а у «соседей» имеются люди очень толковые, и мне непонятно, почему на такое дело послан Авдеев. Неужели служба безопасности не заинтересована в розыске преступника и защите спикера?

— Не говори глупостей, — сказал раздраженно Орлов. — Два генерала и три полковника, это не служба безопасности, так, кучка дерьма.

— Авдеева и его начальника я считаю одной силой. А убийцу направила сила другая.

Друзья долго молчали.

— Не складывается, — наконец пробормотал Орлов. — Не хватает информации, давай отложим разговоры, перейдем к действиям. С чего ты думаешь начать?

— С водителя Карима Танаева. Они суят его мне под нос, я наживку схвачу, а уж время покажет, кто кого поймал.

— И для этого тебе нужна опергруппа. Причем твои оперативники, с которыми работал еще в МУРе.

— Ой, какой умный...

— А ты наглый. Кто там у тебя был? Станислав Крячко — еще тот задира. Сопливый парнишка, теперь он, конечно, ас, как его... Борис Вакуров, а третий, кажется, Светлов. Все верно? Свяжусь с МУРом, попрошу откомандировать оперативников в мое распоряжение. Но ты, полковник, понимаешь...

— Полковник понимает-понимает. — Гуров усмехнулся. — Совершенно секретное задание, и оперативник должен знать лишь то, что он должен знать.

Из министерства Гуров проехал на Петровку, из вежливости зашел к начальнику МУРа. Как всякий руководитель, когда у него забирают хороших работников, начальник был недоволен, буркнул, дескать, как руководить, так министерство, а как пахать, так муровцы. Гуров молча соглашался, затем клятвенно заверил, что отпустит ребят тотчас, как сможет, и прошел в отдел.

Знаменитая некогда опергруппа собралась в кабинете начальника отдела.

— Прошу, господин полковник! — Крячко вышел из-за стола, уступая свое место.

— Спасибо, Станислав. — Гуров сел в кресло и оглядел свою гвардию. — Рад видеть всех в здравии.

— Давай, Лев Иванович, со свойственной тебе прямоотой объясни, куда ты нас посылаешь и есть ли у нас надежда вернуться, — сказал Крячко.

— Мне нужен один человек. Он живет в Москве, работает водителем в гараже, обслуживающем ВС России. В силу занимаемой должности он, естественно, проверен, перепроверен и находится под приглядом службы безопасности. Сдается мне, что коллеги из безопасности чего-то недопроверили и недоглядели.

— Так и знал, что дерьмо. Лев Иванович, ну, не ожидал. Забирать начальника и двух старших оперов для установочной работы! — Крячко развел руками.

— Станислав, хватит! — одернул его Гуров. — Я с вами работать не буду, в случае ЧП связывайтесь с генералом Орловым, а не со мной. — Гуров положил на стол конверт, повернулся к Крячко. — Станислав, мне необходимы вся твоя смекалка и опыт, расколи этого парня. — Полковник указал на лежавший на столе конверт. — Как хочешь извернись, добудь его пальцы. Наружка и традиционный сбор информации ничего не дают. Я надеюсь на тебя и ребят. Удачи.

— Ну, коли так припекло, — Крячко улыбнулся, — расстаемся, Лев Иванович.

Авдеев сидел в комнате, которую отвели Гурову во временное пользование, и с ухмылкой наблюдал, как сыщик читает полученные документы.

Как Гуров и ожидал, ничего интересного в материалах, присланных из службы безопасности, не было. Если СБ и располагала

на депутатов и министров, советников и помощников Президента и спикера компроматериалами, то сообщать об этом милиция не собиралась. Сыщик отлично понимал, что, кроме фамилий и общеизвестных сведений о приближенных, никогда ничего не получит. Но, с одной стороны, ему и официальные данные были необходимы, в случае надобности не разыскивать же фамилии и телефоны. С другой — Гурову было интересно, как коллегиотреагируют на подобную просьбу, не предпримут ли попытки протолкнуть какую-нибудь дезу.

Закончив листать пухлую папку, Гуров беспечно спросил:

— Николай, ты лично за белых или за красных?

— Отстань! Какое это имеет отношение к убийству?

— Большое.— Гуров зевнул.— Почему ты мне соврал, что химики ничего не нашли в образцах травы, которые я тебе передал?

— Просто поделился полученной информацией.— Авдеев смотрел спокойно, чуть насмешливо.— Ты считаешь меня недоумком, Лев Иванович, я же знаю, что ты продублировал результаты экспертизы.

— Ты не так глуп, Николай, как выглядишь, однако линию поведения избрал сомнительную, топаешь по хлипким жердочкам, можешь плюхнуться в дерьмо.

Гуров добился своего. Авдеев разолился, насмешливое безразличие сменила неприкрытая злость.

— Ты не заговаривайся, мент! У нас с тобой звание одно, положение разное! В данном деле, если кто разобьет себе морду в кровь, так в первую очередь ты!

— И чего злишься? — Гуров рассмеялся.— Я же знаю, что ты ко мне относишься если не с любовью, то с большим уважением.

— Вот-вот! — почему-то обрадовался Авдеев.— Обрати внимание, я тебя величаю по имени-отчеству, а ты меня Николашкой кличешь.

— Николай Васильевич, мы с тобой вторые сутки по делу работаем, а ты так и не сказал своей версии.

— Какой версии? — опешил Авдеев.

— Убили человека. За что убили? Ты, полковник Николай Васильевич Авдеев, имеешь свою версию? Не для протокола, не для начальства, для себя лично.

— Возможно, но лишь для личного пользования.

— Прекрасно, меня это устраивает. Беседуй сам с собой, меня вроде бы здесь нет, можешь нести любую ахинею. Я, естественно, не скажу никому ни слова, вроде бы ничего не слышал, и обещаю не задавать ни одного вопроса.— Гуров передвинул кресло к окну и закурил.

— А зачем мне это, ведь розыск ведет милиция,— неуверенно произнес Авдеев.

— Для очистки совести и для собственной безопасности. Не торгуйся, Николай Васильевич, ты не на базаре.

Гэбист говорил длинно, путанно, мысли его были кургузыми, выводы неубедительными, никакой версии не прослеживалось.

Гуров слушал, пытался уловить, знает ли Авдеев о досмотре машин в гараже или нет, но Авдеев ни разу не проговорился. Не

знает, решил сыщик, иначе не удержался бы и о машинах упомянул. Видимо, я прав, убийца направлен другой силой, которая с конторой Авдеева не пересекается.

Наконец Авдеев выдохся и замолчал. Гуров выдержал паузу, словно обдумывая услышанное, и затем спросил:

— В этой макулатуре, — он положил ладонь на лежавшую на столе папку, — ты кое-что подчеркнул. В частности, выделил пустяковую справочку на лидера одной из партий... Фамилия у него подходящая, Бисковитый...

— Бисковитый Семен Владимирович, — подсказал Авдеев.

— Вот-вот, какая звучная и точная фамилия. Вовек не забудешь. — Гуров улыбнулся. — Ты подчеркнул сообщение о том, что Владимирович занимается онанизмом. Зачем обращаешь мое внимание на подобную чепуху?

— Подбрасываю компру, может, захочешь среди этой публики кого-то вербовать.

— Мысль интересная. А как ты полагаешь, Бисковитый авантюрист или мифоман и в реальность своих обещаний верит?

— Утверждать не могу, но, полагаю, в его компании никто ни во что не верит, просто каждый десятник горло перервет конкуренту, чтобы стать сотником.

Глава пятая СТАЯ

Номер в гостинице «Россия», хотя не люкс, однако вполне приличный: между спальней и гостиной — раздвижная стенка, меблировка стандартная, удобная. Кандидат в Президенты жил в Москве в двухкомнатной квартире, имелось помещение и для штаба кампании, но встречи и переговоры, о которых не следовало знать журналистам и рядовым избирателям, он проводил здесь, в скромном гостиничном номере.

Семен Владимирович Бисковитый сидел, развалившись в кресле, в руках держал бокал с коньяком, но не пил, на собеседников смотрел доброжелательно.

Кроме хозяина, в номере находился секретарь, Ивлев Юрий Павлович, который уже третий год сопровождал шефа, словно сиамский близнец. Еще молодой, лет тридцати, но от непрестанных забот и чужих подушек уже изрядно пооблез и выглядел гораздо старше. Группу поддержки, финансировавшую предвыборную кампанию претендента на престол, представлял Петр Саввич Юсов, крепко сбитый мужчина лет сорока.

— Не понимаю, что произошло в доме Гораева. — Юсов приложился к банке фирменного пива. — Почему так тихо и невнятно бормочет пресса? Левая, правая... В чем дело?

Секретарь взглянул на шефа. Тот бесстрастно изучал свой бокал, лишь после долгой паузы произнес:

— Юрка, я велел тебе разобраться. Выкладывай.

— Чего пишут, то и у меня. — Ивлеву страсть хотелось выпить, но шеф даже не пригубил, а трезвым он был святее папы римского. — Слухи разные, точно никто ничего не знает.

— Глупости! — Юсов опорожнил банку, швырнул в стоявшую

неподалеку корзинку и попал. — Занимаются прокуратура, милиция, безопасность, а спросить не у кого? Не берут деревянные, заплати зеленые! Ты что, Юрий Павлович, не понимаешь, раз козырь из колоды выпал, следует подобрать?

Бисковитый поставил бокал на стол, но, заметив, как вытянулось лицо секретаря, хохотнул:

— Разрешаю, Юрок, вмажь... — И совсем иным тоном обратился к Юсову: — Ты, Петр Саввич, чего всполошился? Может, девка с местным охранником спала да налево завернула?

— Такого убийцу заловили бы через час, — возразил Юсов. Несмотря на солидную комплекцию, он легко поднялся, взял из холодильника банку пива, чмокнул крышечкой. — Кроме традиционных вертухаев, туда пригласили полковника Гурова, важняка из главка угро. Я Гурова знаю, после убийства пошли третьи сутки, а он все топчется на месте. Может, убийство нам в масть, а может, вразрез, нужно знать.

— Гораев — политический труп, это я вам говорю, — важно произнес Бисковитый. — Рассуждать о том, кто стрельнул у него под окнами, — дело пустое, никчемное.

— Слушай, шеф. — Юсов поднялся, швырнул пустую банку в корзину и снова попал. — Ты занимайся своими речами, воздух нюхай, а я желаю знать подробности убийства. Я по своим каналам прокачаю, а ты, Юрик, шуруй в Белый дом, в Кремль, куда пускают, куда не пускают, тоже пролезь. — Он бросил на стол пачку долларов. — Землю носом рою, я должен знать, что говорят по поводу этого убийства. Держись, шеф! — Юсов отсалютовал хозяину, кивнул секретарю и вышел из номера. Прикрыв за собой дверь, проворчал: — Дерьмо собачье, зря бабки жжем!

«Вольво» Юсова была припаркована метрах в тридцати от зеркальных дверей гостиницы. Он вышел на улицу, полюбовался на свою лакированную красавицу и начал ловить такси. Машины катили мимо, и тогда Юсов пошел вдоль ряда служебных машин. Остановился около черной «Волги», перемолвился с водителем и открыл заднюю дверцу.

— Как интересно, — сказал Крячко и, повернув ключ зажигания, вывел свои «Жигули» следом за «Волгой». — Человек приехал на «вольво», а укатил на служебной «Волге».

Именно за этой «Волгой», за рулем которой сидел Карим Танаев, с утра каталась опергруппа МУРа.

Дремавший на заднем сиденье подполковник на замечание начальника не отреагировал, откликнулся капитан Вакуров.

— Ты хочешь сказать, что запомнил всех приехавших к гостинице за последний час? — запальчиво спросил он. — И кто на какой машине...

«Волга» обогнула гостиницу и припарковалась у северного входа. Юсов из машины не выходил. Крячко поставил «Жигули» в сторонке и только тогда ответил:

— Я с Петром Юсовым учился, потому и обратил внимание. Он работал у нас, позже в прокуратуре, затем, я слышал, ушел на вольные хлеба. Увидел, как он из «вольво» выходит, подумал,

что, судя по всему, Петька неплохо устроился.— Крячко постукивал пальцами по рулю.— Садись на мое место, я рядом с дедом устроюсь.

Оперативники быстро пересели. Светлов, не открывая глаз, вздохнул:

— Петька сызмальства огромную тягу к деньгам имел. Неужто увяз, и мы его брать будем?

— Значит, у вашего приятеля к Танаеву серьезное дело,— сказал Вакуров.— А попытка остановить такси — лишь прикрытие.

— Капитан, тебя пора представлять к майору,— усмехнулся Крячко.

— Если начальник друг, от него дождешься,— парировал Вакуров.— Интересная встреча, а Лев Иванович говорил, что наблюдение ничего не даст.

— Лев Иванович сыщик, а не Господь Бог.— Светлов выпрямился, потер ладонями лицо.— Наша задача получить пальцы водителя. Конечно, Петька Юсов полковника очень даже заинтересует.

— Борис, как только Юсов переговоры закончит и на своем «вольвешнике» уберется, мотай в контору и собери на него все, что можно. В кадры не обращай, сейчас не знаешь, где течет. А мы с дедом будем ждать, пока водитель не проголодается. Кафе, столовая, буфет, нам едино, нужен стакан из его рук.

— Понял,— ответил Вакуров и усмехнулся: — Хороши вы будете, если у него жратва с собой.

— Конец связи.— Крячко взглянул на часы. Разговор продолжался восемь минут.

Юсов вышел из «Волги», зашагал к своей машине. Вакуров чуть двинул «Жигули», Крячко коротко бросил:

— Стоять! Смотри за «Волгой».

Юсов отошел лишь метров на двадцать, остановился, начал прикуривать и, повернувшись, осмотрел стоявшие машины.

— Хоть и перекарасился, а оперативником остался,— чуть ли не с гордостью произнес Светлов.

— Я сейчас «Волгу» потеряю.— Вакуров газовал.— На набережную вырুলит, и с концами.

— Стоять.— Крячко наблюдал за Юсовым, который провожал взглядом «Волгу».— Лучше сто раз потерять, чем раз засветиться.— Теперь двигай, но по-тихому, не обращай на себя внимания.

— Уйдет,— переживал Вакуров.

— Не страшно, у Белого дома поищем, а нет, так завтра поутру снова от гаража возьмем,— спокойно ответил Крячко, задумался и после небольшой паузы продолжил: — Двигай домой, ты займешься Юсовым, я разыщу генерала Орлова, пусть передаст новость полковнику.

Гуров уже привык к неуютной казенной квартирке, к тишине огромного парка, молчаливым охранникам. Порой ему казалось, что живет он здесь давным-давно, а не трое суток, и находится не под Москвой, а черт знает где, в командировке. В усадьбу, так

полковник называл центральное здание, он не заходил, иногда прогуливался по внутреннему двору, молча раскланивался с прислугой. В первый день люди сторонились, увидев его, потом привыкли. Незнакомец с вопросами не приставал, держался по-свойски, то вовремя зажигалкой чиркнет, другой раз о погоде выскажется. А в основном сидит на скамеечке, закинув ногу на ногу, покачивает сверкающим ботинком и облаками любуется, либо веточку возьмет и чертит на земле. Вообще ведет себя непонятно, ничего не ищет, в служебные помещения не заходит, ничего не выведывает, похож на дачника.

Гуров сидел в своей квартирке за столом и занимался неприятным делом: рисовал схемы, составлял графики. Обычно сыщик всю информацию держал в голове, писать, чего терпеть не мог, не требовалось. Сегодня он запутался, уж слишком много действующих лиц, и, посмеиваясь, взял в руки фломастер. Начеркав несколько страниц, сыщик с отвращением посмотрел на результаты своей работы, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Петр Юсов знаком с водителем Танаевым и провел с ним конспиративную встречу. Танаев — единственная реальная зацепка в деле. Он находился здесь в момент убийства, он опередил Илью Егорова в гараже. Танаев баловался бензином, затирает несуществующие следы в салонах служебных машин? Не факт. А вот встреча Танаева с Юсовым, и что последний после встречи проверялся, — факт. И факт интересный. Только не следует его переоценивать. Возможно, случайное совпадение, людей связывает дело, не имеющее никакого отношения к убийству. Здесь Гуров начинал путаться и рассуждать противоречиво. С одной стороны, опыт доказывал, что случайные совпадения лишь следствие слабости розыска, не сумевшего найти логическую связь между событиями. С другой — тот же опыт убеждал, что жизнь порой состоит из самых несуразных совпадений.

Итак. Оксана Строева была убита выстрелом в голову с расстояния тридцать два метра. Оружие с глушителем, систему установить не удалось, калибр 7.65. Можно с уверенностью сказать, что стрелял профессионал. Таковы факты, далее начинаются предположения.

Сыщик сложил исчерканные листки в аккуратную стопочку.

Мотив преступления установить не удается. Классический вопрос — кому выгодно? — здесь не подходит.

Гуров достал бутылку коньяка, вышил рюмку и закурил. Необходимо снять напряжение, расслабиться, затем легче будет сосредоточиться. Гуров довольно пыхнул сигаретой, подобное объяснение его вполне устраивало.

Водители. Машины. Гараж. Бензин. Карим Танаев. Если Танаев убийца или соучастник, то знает, что никаких следов в салоне машины обнаружить не могут, и пачкать руки в бензине не станет...

Размышления прервал стук в дверь. На пороге появился полковник Авдеев.

Гуров сложил лежавшие на столе бумаги, убрал в карман, даже провел ладонью по пиджаку, проверяя, все ли на месте.

Таким жестом фраер указывает «щипачу», где именно лежит бумажник.

— Хозяина привезли, — сказал Авдеев, тяжело опускаясь в кресло.

— Что значит привезли? — растерянно спросил Гуров. — Сам не ходит?

— Целехонький, никто на него не покушался. Давление. Врач сказал: перенапрягся. Так что ему не до нас, в постель уложили. Разрешь?

Гэбист взял бутылку, наполнил рюмку Гурова и выпил. Выглядит он плохо, смотрел тускло, словно превозмогал боль.

— Вроде бы Гораев мужик крепкий, чего вдруг расклеился? Или в верхах штормит, Россию поделить не могут?

— Не слышал. — Авдеев вновь наполнил рюмку. — А тебе все шуточки. Россия не девка, чтобы из-за нее драться.

Гуров поднялся, достал вторую рюмку.

— Да на Россию они плевать хотели, их место у камелька волнует. А Гораев так близко устроился, аж дымится.

— Последний шаг, он трудный самый.

Авдеев поднялся, зашагал по комнатенке, коньяк «достал» гэбиста, лицо его порозовело, глаза ожили.

— Думаю, девку так, для страха пристрелили. Мол, ты, спикер, полагаешь, что ты Бог? А мы тебе указываем, ты лишь человек, и похоронить тебя, как любого смертного, несложно. Вот Ахат трое суток держался, а сегодня его страх и достал. Чего молчишь, или я не прав?

— Возможно, вполне возможно, — согласился Гуров и если бы не разучился краснеть, то стал бы от стыда пунцовым. Такой кукиш под носом не увидел! Не сыщик, а дерьмо на палочке! Мотив! Вот он, мотив! Пугают, силу выказывают, демонстрируют беспредел! А Оксану Строеву выбрали потому, что спикер де-вушку знал лично.

— Чего задумался? — спросил Авдеев.

— Понял, что ты умный, а я наоборот, и грустно стало, завидно. — признался Гуров. — Может, тебе и рука, державшая пистолет, известна? Тогда чего я тут делаю? Заберу бритву и зубную щетку и на Тишинский рынок, карманников выявлять да задерживать.

Авдеев криво улыбнулся.

— Много бы чего отдал, лишь бы убраться к чертовой матери! Но сюда, Лев Иванович, без приглашения не пускают и без приказа не выпустят.

— Трусоват ты, Никола! Дисциплина, служба, все верно, однако причину найти всегда можно, известно, у нас нет незаменимых.

— Хватит об этом! Чего делать-то будем? Версию имеешь?

Гуров собрался ответить, но зазвонил телефон.

— Полковник Гуров, — сказал он, сняв трубку.

— Лев Иванович, вас просят к Ахату Тимуровичу, — произнес тихий мужской голос.

Услышав частые гудки, Гуров положил трубку:

— Ни здравствуйте, ни кто говорит. Они достукаются, а дей-

ствительно уеду. За охрану спикера несет ответственность ваша служба. У вас работы меньше, оклады больше, вот и кодувайтесь.

— Не распускай хвост, иди, коли зовут.— Авдеев убрал со стола коньяк и рюмки.— Оружие оставь, после выстрела охрана во всех дверях, все равно пушку отберут.

Гуров обогнул особняк, взбежал по мраморным ступеням. Масивная дверь открылась, полковника встречал Эрик. Гуров не любил прислуживающих, Эрик же был ярким представителем холуйской породы, но полковник был вынужден признать, что парень элегантен. Среднего роста, тонкий в талии, в безукоризненном черном костюме, сверкающих туфлях, белоснежной рубашке, лицо чистое, с легким румянцем, льняные волосы гладко зачесаны назад. Все у парня было как надо, глаза подводили. Суетились и надменно цурились, выдавая суть Эрика с потрохами.

Вот и сейчас, встречая Гурова, парень достойно поклонился, укоризненно взглянул на часы, мол, могли бы прибыть и быстрее, все получилось недурственно. Но в репахущий момент взгляд Эрика метнулся в сторону, он стал похож на человека, который что-то потерял и не знает, где утерянное искать.

Спикер сидел в кабинете за столом. Увидев вошедшего Гурова, поднялся, указал на кресло.

— Здравствуйте, полковник, прошу садиться.

— Здравствуйте, спикер,— коротко ответил Гуров и занял предложенное место.

Подобное обращение для Гораева прозвучало непривычно. Улыбка скользнула по его губам и исчезла.

— У вас есть новости?

— Ничего серьезного.

— В моем доме убили человека! Прошло трое суток, а у следствия никаких результатов.

Гуров молчал, хотя сказать мог бы многое. Например, что сейчас, к великому сожалению, в России постреливают и убивают в разных домах. Но промолчал — не из уважения или страха перед хозяином, просто подобных разговоров Гуров не вел ни с кем, считая их бессмысленными.

— Лев Иванович, убежден, чего-то вы добились, имеете некоторые результаты, версии.

— Уважаемый Ахат Тимурович, как только я добьюсь конкретного результата, доложу. А сейчас... Извините...

— Вы мою заинтересованность понимаете.— Спикер снял очки, сжал пальцами переносицу.— Я могу помочь в работе?

Гуров пожал плечами:

— Теоретически — да, практически — нет.

— Поясните.

— Вы обидитесь.

— Не бойтесь, обещаю, наш разговор не отразится на вашей карьере.

— Извольте,— равнодушно произнес Гуров.— Мне нужно допросить вас и ваших гостей, находившихся здесь в день убийства.

— Допросить? Меня? — ошарашенно спросил Гораев.— За-

чем? С какой целью? — И решительно закончил: — Совершенно бессмысленно! Да и следователь прокуратуры беседовал с нами.

— Беседуют за чашкой чая. Свидетелей по уголовному делу, тем паче убийству, допрашивают. Извините, Ахат Тимурович, вы неважно себя чувствуете, прекратим бессмысленное препирательство. Я, с вашего разрешения, пойду.

Гуров встал.

— С моего разрешения, сядьте.— Гораев устало откинулся на спинку кресла.— Что конкретно вас интересует?

— Вам угрожали?

— Постоянно, только не в том смысле, который вы вкладываете в это слово.

— Анонимные звонки? Сомнительные предложения?

Спикер навалился на стол, усмехнулся, пытаясь придать усмешке чувство превосходства, но получилась лишь жалкая гримаса.

Гуров распахнул дверь:

— Врача!

Портьера раздвинулась, пробежал Эрик, в глубине дома прозвучал звонок, мужчина с саквояжем проскользнул в кабинет.

Гуров вышел в парк, закурил. Из подкатившей машины выпрыгнул начальник охраны, со стоявшей неподалеку скамейки поднялся полковник Авдеев, по ступенькам слетел элегантный Эрик, натужно выдохнул:

— Вас приглашает мадам!

— Я занят, передайте, позвоню позже.

— Вы не поняли?

— Что? Что ты натворил? — бормотал Авдеев.

Гуров взял коллегу под руку, прошел по аллее:

— У него скакнуло давление. Несчастный замордованный человек.

— Несчастный? — Авдеев смачно сплюнул под ноги.

Из дома выскочил Илья, подбежав, схватил Гурова за плечо.

— Что вы с ним сделали?

Гуров не двигался, уперся взглядом в лоб охранника, молчал, пока тот не убрал руку. Затем взглянул на Авдеева и сказал:

— Вы тут от безделья осатанели. Вас бы на земляные работы пристроить, а вашему хозяину дать самую большую лопату. Неврастеники.

В гостиной мадам Гораевой было уютно, тихо. Строгий костюм английского покроя подчеркивал пышные формы зрелой женщины. Гуров отметил искусно наложенный макияж, скромные серьги, отсутствие других украшений, лишь обручальное кольцо врезалось в полный палец, видимо, оно не снималось.

— Чай, кофе? — спросила мадам.— Не стесняйтесь, обслужите себя сами.— Она указала на столик с чашками и фарфоровым чайником.

— Спасибо.— Гуров сыпанул в чашку четыре ложки гранулированного кофе, добавил чуть-чуть сахара, залил кипятком.

— Лошадиная доза, значит, и здоровье лошадиное.— Мадам

пригубила жиденский чай. — Вы не знакомы с гипертоническим кризом?

— Сожалею, у меня плохо со временем. — Гуров решил дипломатические уловки отбросить. Или он заставит себя уважать и получит возможность работать, или уедет, пусть нанимают другого.

— Ахат работает по шестнадцать часов в сутки. — Мадам смотрела недобро.

— Сочувствую. Лично я обожаю поспать.

— Вы человек жестокий. — Женщина не спрашивала, утверждала.

— Кофе великолепен, мадам. У вас ко мне дело, или вы меня пригласили для светской беседы?

Лиане стало дурно. Она, супруга второго, пока второго, лица Великой Державы, должна терпеть издевательства какого-то ничтожества.

Гуров смотрел на хозяйку с плохо скрываемым любопытством.

— Предлагаю нашу беседу отложить. Тем более что новостей у меня, к сожалению, нет. Извините. — Гуров встал. — Спасибо за кофе.

— Оставайтесь и можете курить. — Лиана взяла себя в руки. — Я верю, вы великолепный сыщик, но не понимаете ситуации.

Гурову стало скучно, хотелось на волю, остаться одному и подумать. Если Авдеев прав и девушку убили только лишь затем... Гуров хотел улыбнуться и пошутить, не получилось ни того, ни другого. Он лишь молча кивнул, внимательно посмотрел на хозяйку, перевел взгляд на стол и только сейчас увидел листок блокнота, лежащий рядом с чашкой мадам. На листке было что-то написано.

— Верно. — Лиана тронула листок кончиком пальца. — Вы не смотрите телевизор, не слушаете радио?

— Практически нет, — ответил Гуров. — Когда работаю, смотрю развлекательные программы. — После паузы зачем-то добавил: — Редко, крайне редко.

— Значит, вы совсем темный.

— Безусловно, — радостно согласился Гуров, заставил себя оторвать взгляд от листка. — Значительно темнее, чем вы можете представить.

— Тогда вы не можете расследовать это убийство.

— Не знаю.

— Чего не знаете? — Лиана удивленно посмотрела на Гурова. — Нельзя расследовать политическое убийство, ничего не смысла в политике.

— Наверно. Я никогда не разыскивал убийц среди политиков... — Гуров смешался. — Я хотел сказать, что не разыскивал убийц, совершивших преступление по политическим мотивам. Однако...

— Может, не стоит и начинать? — перебила Лиана.

— Однако розыск убийц — моя профессия, — упрямо продолжал Гуров. — Вы ведь не пошлете на розыск политолога? Застрелили девушку, вся вина которой заключалась в том, что она служила в этом доме. Убил наемник-профессионал. Послали его

тоже профессионалы. Организовать убийство, знаете ли, не у микрофонов суетиться, у ваших политиков на такое дело ума не хватит и кишка тонка. Я достану его! А какие там мотивы, какой политики, пусть прокуратура да ваш супруг разбираются!

— И вас не интересует?

— Абсолютно!

— Чего же вы лезете? На таком деле можно голову потерять.

— Чего лезу? — опешил Гуров. — Человека убили! — Он кашлянул, застеснялся своего пафоса. — Начальник велел, я офицер, обязан...

— Начальник? — Лиана перевернула лежавший перед ней листок. — Генерал Орлов? Звоните. Он вас разыскивает.

— Так какого черта? — пробормотал Гуров, подошел к столу с телефоном, быстро набрал номер, услышал голос друга и сказал: — Я слушаю тебя.

— Срочно приезжай! Давай в Кремль, тебя вызывают в аппарат Президента.

Геннадий Артурович Бланк впервые не мог найти исполнителя.

Он был превосходный психолог и стратег и, решив ликвидировать шустрого сыщика, подошел к решению вопроса обстоятельно, с присущей ему серьезностью. Бланк остановил свой выбор на быстром на расправу торговце наркотиками. Он позвонил ему и вкрадчивым голосом посоветовал очередную партию товара задержать. Так как Бланк назвал точный объем партии и ее местонахождение, при этом не грозил, не требовал денег, а лишь предупредил об опасности, «авторитет» поцокал языком и поинтересовался, какие есть способы избежать задержки груза. Бланк назвал свою кличку и повторил предупреждение.

— Я тебе много должен, Профессор, — сказал «авторитет». — Скажи, кто мной занимается. Я буду тебе должен еще больше.

Тогда Бланк, словно бы нехотя, назвал фамилию и должность сыщика.

«Авторитет», лицо кавказской национальности, как сейчас принято говорить, имел за собой не одну загубленную жизнь, уже давно находился в розыске, кроме вышки, его ничего не ждало. Бланк не сомневался, какое решение примет столь «заслуженный человек», однако ошибся. Тот долго молчал, снова поцокал и сказал:

— Хорошо, спасибо, брат. Скажи, через кого я должен передать твою долю?

Бланк назвал посредника и, разочарованный, повесил трубку. Еще двое убийц отказались иметь дело с полковником Гуровым. Бланк чуть было не пал духом, когда неожиданно объявился посредник. Тот намекнул, что, кажется, догадывается о затруднениях Профессора и, возможно, существует человек, способный эти затруднения разрешить.

— Профессор, — сказал он, — на свете много соблазнов, у людей много страстей. Власть. Золото. Женщины. Существует один человек, который жить не может без героина. Человек не знает не только тебя, не знает и меня, но я этого человека знаю...

Глава шестая ИНТРИГИ

Около тридцати лет, рост примерно сто семьдесят пять, вес около семидесяти, волосы русые, лицо овальное, кожа чистая, глаза карие. Одет: темно-серый однобортный импортный костюм, белая рубашка, галстук вишневого цвета в косую полоску. Особые приметы: тихий, интеллигентный голос, слова чуть растягивает, часто смотрит на свои руки... Примерно так описал бы полковник Гуров чиновника, который его принял в Кремле около половины одиннадцатого вечера.

Имени-отчества Гуров не расслышал, чиновник произнес его вскользь, выделил только одно слово — помощник. Чей конкретно помощник — не уточнил, полагая, что посетитель должен сам знать. Гуров не представился и кабинет осматривать не стал — надоели ему кабинеты, полированная мебель, телефоны-факсы-шмаксы, — сел на предложенный стул и начал изучать ухо помощника. Полковник не был злым, просто не любил чиновников.

— Лев Иванович, нас интересует, как продвигается расследование. — Помощник безуспешно пытался перехватить взгляд Гурова.

— Следствие ведет прокуратура. Я занимаюсь розыском, — поправил Гуров и невольно улыбнулся.

— Вы не улыбайтесь, а докладывайте, — сухо произнес помощник. — Когда убийцу поймаете?

Гуров хотел ответить, что ловят бабочек, преступников задерживают, но сдержался и лишь пожал плечами.

— Стараюсь.

— Когда? Нас интересует когда?

— Жизнь покажет. Полагаю, как ФБР убийцу Джона Кеннеди разыщет, тут и я подспею.

— Как? — У помощника отвалилась нижняя губа, и Гуров отметил, что в словесном портрете нужно упомянуть мелкие редкие зубы.

— Вы не ФБР, и мы не в Америке... — Его прервал телефонный звонок, чиновник поспешно схватил трубку, как подхватывают кастрюльку с убегающим молоком. — Слушаю! Да. Здесь. — Он покосился на Гурова. — Беседуем. Оптимистично. Хорошо. — И осторожно положил трубку.

— Уважаемый Лев Иванович. — Помощник сцепил пальцы в замок. — Начинается предвыборная кампания. Сегодня зарубежные радиостанции и отдельные газеты упомянули о прискорбном инциденте, все переврали, заявив о покушении на спикера парламента. Одна газета даже осмелилась изобразить Президента с пистолетом в руках.

Самое время спросить, а есть ли у Президента алиби, Гурова так и подмывало съехидничать, но он лишь вздохнул. Помощник по-своему расценил вздох полковника и приободрился.

— Мы все очень болезненно восприняли известие о выстреле, который прозвучал столь не вовремя.

«Не прозвучал, а убил ни в чем не повинного человека», — мысленно прокомментировал Гуров.

— Сегодня шепот, завтра разговор, затем крик. Начнут клеймить правительство, исполнительную власть, они не в состоянии обуздать... Вы понимаете?

Гуров встрепенулся:

— Конечно. В России стреляют на каждом углу, а тут, надо же, предвыборная кампания! В Москве и Питере трупы и считать перестали!

— Да-да. Согласен, — бормотал помощник. — Но нас, Лев Иванович, интересует лишь одно конкретное дело и перспективы... Дверь кабинета открылась, и на пороге, улыбаясь, возник невысокий плотный мужчина.

— Лев Иванович, сколько лет!

Крепкая, литая фигура, размашистые жесты, Виктор Юрьевич Сазонов! Шесть лет назад работал на Петровке в управлении кадров.

— Не узнал! — Сазонов всадил свою ладонь в руку Гурова.

— Здравствуй, Виктор Юрьевич. — Гуров изобразил улыбку.

— Извини, Олешка, я у тебя героя забираю, — сказал Сазонов, махнув по помощнику взглядом. И сразу стало ясно, кто тут начальник. — Заглянем ко мне, вспомним, как служили-воевали!

Сазонов обнял Гурова за плечи, повел к дверям, словно больше в кабинете никого и не было. Гуров не выдержал, обернулся. Помощник, словно ему и не плкнули в лицо, суетливо раскладывал на столе бумажки.

В другом безликом кабинете, размером побольше, Сазонов прошелся по ковру, взмахнул рукой.

— Располагайся, Лев Иванович, чувствуй себя как дома.

— Просторно живете. — Гуров подошел к окну.

— Теперь наша власть! — хохотнул Сазонов, хитро прищурился и достал из шкафа бутылку коньяка, рюмки, лимон и воду.

Когда они виделись последний раз, Сазонов клеймил зеленого змия, ратовал за трезвую Русь. Гуров не удивился ни коньяку, ни вообще пребыванию Сазонова в Кремле, судя по всему, не на самой последней должности.

— Лев Иванович, кто старое помянет, тому глаз вон! — Сазонов щедро плеснул в стаканы. — В ЦК меня тогда силком забрали! Я же не самолично в ту банду рвался.

Не упомяни чиновник о своем уходе с Петровки в аппарат ЦК, Гуров бы и не вспомнил той паскудной истории.

Кадровики на Петровке всегда носят форму. Неожиданно Сазонов появился в «конторе» в штатском. Начал бегать по коридорам, сыпать указания. Выяснилось, он уходил в ЦК. Перевод кадровика в административный отдел ЦК был не просто повышением, а «скачком» человека в совсем иное качество. Инструктор административного отдела ЦК разговаривал с начальником управления на равных, остальных, которые суетились по коридорам, корпели над бумагами, выезжали на рынки, вокзалы, мерзли либо парились в засадах, такой человек просто не замечал.

Три дня Сазонов сдавал дела, с озабоченным лицом шастал по огромному зданию, появляясь в отделах, где бывшему кадровику совершенно нечего делать. Наконец залетел в МУР, в розыскные

коридоры, где за недолгую службу не бывал ни разу: в кадрах он курировал другое управление.

Сейчас Гуров не мог вспомнить, из-за чего начался сыр-бор. То ли кто-то из оперативников матюгнулся прилюдно, а может, взглянул на будущего руководителя непочтительно. Но Сазонов неожиданно тонким голосом закричал:

— Ах ты, мент! Да я с тебя погоны сниму!

Как раз в этот момент и вышел из своего кабинета Гуров. Он знал Сазонова в лицо, знал, что кадровик уходит в ЦК, и как можно миролюбивее сказал:

— Виктор Юрьевич, московская милиция тебя в большие люди вывела. С тебя по русскому обычаю причитается.

— А, герой нашего времени! — воскликнул Сазонов. — Герой плаща и кинжала. Ты, Гуров, учти, я твои дела теперь лично смотреть буду!

Гуров, крепко взяв Сазонова под руку, повел его по длинному коридору.

— Отпусти... Больно...

— Это еще не больно, — улыбался Гуров. — Вот когда я тебя, паршивца, подальше отведу, тогда сделаю больно...

Так они расстались пять лет назад, а сейчас Гуров стоял в кабинете Сазонова, понимая, что чиновник ничего не забыл, забывать и не собирается.

— Какое старое? — изумился Гуров. — Вместе служили на Петровке. Теперь ты в Кремле устроился, я в министерстве пригрелся.

— Да-да, верно. — Сазонов хотел тонко улыбнуться, но лишь торжествующе оперился. — Ты умный, понимаешь, что пригласили тебя не на рюмку коньяка. Мне приказано в срочном порядке ознакомиться с результатами твоей работы и доложить.

— Учли твоё боевое прошлое, потому оказали доверие, — понимающе произнес Гуров. — Не завидую... Результатов у меня нет, честно сказать, и не предвидится...

И тут Сазонов доказал, что в розыском деле кое-что соображает.

— Так не бывает, Лев Иванович. — Он кивнул Гурову и выпил свою рюмку. — Ты работал, значит, есть результат, пусть отрицательный. Расскажи.

— Не могу. Ты не имеешь допуска к секретной информации. — Гуров пить не стал, свою рюмку поставил на стол. — Ты сам служил, понимаешь.

— Ага! — Сазонов оживился. — Значит, информация существует! Выкладывай, я имею все допуски.

— Я даже не знаю твоей должности.

— Я советник по безопасности.

— Не уверен, что такая должность существует, — усмехнулся Гуров. — В лучшем случае ты в аппарате советника. И не будем тратить время. Ты употребил слово «безопасность». Так вот, обращайтесь в Министерство безопасности, пошлите официальную бумагу, большие генералы напишут вам ответ.

Чувствовалось, что ничего иного Сазонов услышать и не ожи-

дал. Гонор у него пропал, он вздохнул, как-то весь съежился. И Гуров неожиданно понял причину столь неожиданного вызова.

Президент, узнав о выстреле в резиденции спикера — своего главного соперника в предвыборной кампании, — видимо, шахрахнул кулаком: разбирайтесь, черти окаянные! Президент, как жена Цезаря, должен быть выше всяких подозрений. Прислужники вылетели из кабинета, собрались на малый совет, начали насыловать телефоны и вскоре услышали фамилию Гурова. И тут из-за последней спины, стремясь выслужиться, Сазонов и брякнул, дескать, полковник Гуров — мой наилучший приятель, свой парень.

— Тебя за язык тянули, подполковник? — спросил Гуров, умышленно назвав милицейское звание Сазонова. — Зачем похвастался, что знаешь меня? Теперь хлебай полной ложкой. Как я понимаю, от тебя результата ждут?

— Сегодня. — И чуть слышно добавил: — Сейчас.

— И кто именно?

— Госсекретарь.

— Так передай госсекретарю, что сыщик Лев Иванович Гуров может с ним перекинуться парой слов.

— Не положено, — словно в казарме, ответил Сазонов. — Он не примет... Да я и не знаю, где он сейчас, ведь каждая минута расписана.

— Когда будет положено, включите меня в распорядок дня. В моем доме крыша не горит.

Гуров направился к дверям.

— Полковник! Господин полковник! — Сазонов схватил Гурова за рукав. — Обождите! Я сбегаю узнаю! Присядьте. Вот журнальчики... Я быстро... Вдруг повезет!

Встречу с госсекретарем Гуров везением не считал. Он редко смотрел телевизор, но лицо госсекретаря представлял хорошо, и оно не вызывало симпатий. Но Президент не дурак, последние до трона не добираются. Стало быть, и госсекретарь у него должен быть с головой. Значит, от него можно получить качественную информацию.

— Лев Иванович, вы, как профессионал, считаете возможным раскрыть убийство? — спросил госсекретарь.

Худощавый, среднего роста, с узким незапоминающимся лицом, он походил на чиновника среднего ранга, а не на политического деятеля, занимающего очень высокое положение. И голову он по-птичьи держал чуть набок, отчего на собеседника смотрел одним глазом. В общем госсекретарь Римас Антонович Пукас — имечко для России подходящее — впечатление производил несерьезное.

Гурову высокопоставленный чиновник не нравился. Но сыщик отметил главное: что тот не пытается произвести впечатление, давить авторитетом, но и не заигрывает, а просто и четко определяет дистанцию.

— Установить убийцу? — уточнил Гуров.

— Естественно. А что же еще? — удивился Пукас.

— Исполнителя, возможно, установим.

— Нам этого достаточно. Я не специалист, но, насколько мне

известно, сегодня нет необходимости прибегать к варварским методам, чтобы вынудить человека рассказать правду.

— Я тоже не специалист, — сухо ответил Гуров. — И, кроме обычного, нудного допроса, иных методов расколоть преступника не знаю.

— Вы разыщите исполнителя, правду он расскажет в другом кабинете.

— Как знать, господин госсекретарь.

— Оставим. — Пурас провел ладонью по лежавшей перед ним папке. — Пресса на нас льет помой. И с каждым днем помоев будет все больше. Не исключено, что раздается второй выстрел.

— Обязательно. — Гуров согласно кивнул. — Не думаю, что профессиональный стрелок, вооруженный пистолетом с глушителем, находился под окнами резиденции спикера парламента с целью убить горничную.

— Вы так спокойны оттого, что не понимаете ситуации.

— Мне это надоело, уважаемый Римас Антонович. Стоило заняться делом, как мне постоянно указывают, что я чего-то не понимаю. В вашем распоряжении колоссальный аппарат безопасности, так разыщите в нем понятливого, а меня увольте.

Неожиданно для Гурова госсекретарь рассмеялся.

— Говорили, что вы с характером, господин полковник, но надо и меру знать. Согласен, вы все понимаете, приношу извинения, но постарайтесь, пожалуйста, работать быстрее.

— Я не умею.

— Скажите, Лев Иванович, вы хотели бы стать заместителем министра? — Госсекретарь взглянул испытующе.

— Конечно, нет! — ответил Гуров. — Я свободный уважаемый человек. А вы мне предлагаете кандалы и холуйство.

— Каждый министр — холуй?

— Любой выдвиженец обязательно холуй.

— Значит, по-вашему, я холуй?

Гуров понял, что, сделав неловкую попытку исправить положение, шагнул через край:

— Не будем переходить на личности, господин госсекретарь, и вернемся к делу.

Госсекретарь, проглотив оскорбление, выдержал паузу:

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Возможно, если ответите на мои вопросы.

— Спрашивайте.

— Почему делом занимается милиция, а не служба безопасности?

— Не знаю, слышал, что так пожелала мадам Гораева. Кажется, кто-то из ее подруг назвал ваше имя.

— Кто из кандидатов имеет шансы стать Президентом, если нынешний Президент и спикер выйдут из борьбы?

— Президент никогда не снимет своей кандидатуры.

— Вы улавливаете мою мысль, господин госсекретарь? — спросил Гуров. — Я пытаюсь определить лагерь, из которого дали команду. Убийство наносит ущерб Президенту, следовательно, стрелка направили не вы и не из вашей команды...

— Ну, спасибо, господин полковник, премного благодарен, —

перебил госсекретарь. — Убийство в доме спикера парламента дискредитирует исполнительную власть. Ребенку ясно, что все это чистой воды провокация, и убийство организовали люди самого Гораева. Кстати, вот вам и ответ на вопрос, почему розыск преступника поручен милиции, а не службе безопасности.

— Безопасность подчиняется вам, а не спикеру, — возразил Гуров. — Дайте команду...

— Приказ подписан, — вновь перебил госсекретарь, — прокуратуру мы тоже тряхнули. Но этот... Гораев не допускает наших людей в свои владения.

— Работы хватает им вне пределов заповедника.

— Заповедник? — Госсекретарь улыбнулся. — Точно сказано. Передам ваше определение Президенту, посмеемся. Так вы поняли, кто приказал убить девушку?

— Нет, господин госсекретарь, не понял.

— Но я же объяснил! Все просто, как таблица умножения.

— Слишком просто. — Гуров понял, что его пригласили лишь для того, чтобы натравить на спикера, словно служебную собаку, и рассердился. — Убийство организовал блестящий математик, давно забывший вашу таблицу умножения. И девочка только начало. Если мы не поймем ход мысли противника, не определим его конечную цель, то проиграем. И первой жертвой в политической борьбе станете вы, господин госсекретарь.

Госсекретарь, склонив голову набок, спокойно смотрел на собеседника.

— В худшем случае меня снимут, но место подыщут. Что будете делать вы, господин полковник?

— Меня, как говорили во время войны, дальше фронта не пошлют, парень. — Сыщик смотрел на высокопоставленного чиновника с сожалением и молчал.

— Хорошо. — Госсекретарь привычно погладил свою папку для бумаг. — Значит, вы полагаете, что убийство имеет непосредственное отношение к предвыборной кампании?

— Такой вариант не исключаю. Мы должны готовиться к худшему.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Работать. И прошу не мешать, если мне понадобится помощь, я обранусь.

— Ко мне? — удивился госсекретарь. — Считаете, что это так просто? — Он достал визитную карточку и написал два номера. — Один прямой, — и указал на аппарат, — второй домашний.

— Спасибо. — Гуров положил карточку в карман. — Скажите своим ребятам, чтобы они на мне не висли.

— Не беспокойтесь, прикажу им лично.

Когда Гуров открывал дверцу своего «жигуленка», к нему подошли двое в штатском.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа, — весело поприветствовал их Гуров. — Беседовать с вами буду только в кабинете моего начальника генерала Орлова.

— Нам приказали...

— Я еду в министерство, можете следовать за мной.

— Вы поедете с нами.— Коротко стриженный белобрысый парень с шеей профессионального борца положил широкую ладонь на дверцу «жигуленка».

— Послушай, парнишка.— Гуров отступил, создавая дистанцию для маневра.— Ты крепенький, вижу, но я тебя изувечу так быстро, что не успеешь ахнуть. И еще. Я договорился с госсекретарем, что вы оставите меня в покое.

Второй штатский, видимо, был поумнее.

— Не будем ссориться, Лев Иванович,— сказал он миролюбиво.— Нам приказали вас доставить...

Оперативника перебила рация, которая запищала в его кармане.

— Минуточку.— Он повернулся спиной.

Гуров наблюдал за происходящим с легкой улыбкой, но от блондина держался подальше, чувствовал, что парню хочется подраться, заломать строптивного мента.

— Вопрос решен, господин полковник.— Оперативник убрал рацию.— Желаю вам всего наилучшего, извините.

Блондин недовольно заворчал. Гуров подошел к нему вплотную и ткнул пальцем ему в грудь:

— Тебе повезло, сопляк. Учти, у меня прекрасная память на лица.

Блондин хотел схватить палец Гурова, но полковник резво отдернул руку и рассмеялся.

— Получше тренируйся, мальчик, чую, мы с тобой еще встретимся.— Затем сел в машину и неторопливо тронулся с места.

Орлов был в мундире, при орденах. В таком параде Гуров видел друга лишь однажды, лет пять назад, тогда они вдвоем парились «на ковре» в ЦК (не могли раскрыть квартирную кражу в доме, где воровать, по мнению властей, не полагалось).

Когда Гуров вошел в кабинет, Орлов разговаривал по телефону.

— Вам протокол известен.— Он подмигнул Гурову.— Я не отказываюсь от сотрудничества, но данное понятие подразумевает взаимопомощь, а не одностороннюю выдачу информации. Господин генерал, не надо на меня давить, иначе я вас отошлю к министру, и вы захлебнетесь в бумагах. Что? — Орлов прикрыл трубку, взглянул на Гурова.— Ты кого-нибудь из них бил?

— Вранье. Я никого пальцем не тронул. Они пытались насильно усадить меня в машину.

— Господин генерал, сожалею, но ваши офицеры — лгуны. И договоримся на будущее: если вам нужна информация, обращайтесь ко мне либо к министру, а полковника Гурова не трогайте.— Орлов положил трубку.— Ну-с, господин полковник, как будем жить дальше?

— Дружно, господин генерал,— ответил Гуров, присаживаясь на подоконник.

— Рассказывай.— Орлов прикрыл глаза.

Гуров коротко, без эмоций изложил свой разговор с госсекретарем, о более мелких чиновниках умолчал.

— Значит, в смерти девочки, компрометации исполнительной власти и Президента заинтересован спикер парламента,— подвел итог Орлов.— Тебя пригласили лишь для того, чтобы данный вопрос прояснить?

— Черт его знает! Политика. Они говорят одно, думают другое, имеют в виду третье. Не знаю, Петр, клянусь, не знаю! Я запутался.— Гуров достал сигареты, чиркнул зажигалкой.— Я не могу работать, если не понимаю сути происходящего.

— Убийца либо на территорию проник, либо там уже находился.

— Интересное кино. Либо начальник охраны врет, либо говорит правду. То же с полковником Николаем Авдеевым. Может, он белый, может, он красный. Конкретно я имею лишь шофера и его встречу с Юсовым. Нужны люди, техника, права в конце концов. Кстати, Станислав Крячко звонил? Удалось добыть пальцы шофера?

— Звонил, отпечатки получил, они по нашим учетам не проходят,— ответил Орлов.— И не могли проходить, идея твоя была завиральная. Каким образом судимый может возить члена ВС?

— Не знаю.— Гуров смутился.— Петр, мы не должны отпихиваться от службы безопасности. Там работают толковые ребята, и техника у них не чета нашей, да и прав поболее.

— Самое правильное, если шофера Танаева и его связи будут разрабатывать «соседи». Я бы сказал ему,— Орлов покосился на телефон,— о Танаеве...

— И они сами не назвали Карима Танаева, не предложили помощь? — удивился Гуров.— Ведь шофера установил начальник охраны, он их человек. Он что же, мне сообщил, а своему начальнику сказать забыл?

— Вот и я про это,— кивнул Орлов.— Конечно, охранник рапорт написал. Лишь забыл указать, что выполнял твое задание, выдал поездку за собственную инициативу. Безопасность не ведает, что нам Танаев известен, и помалкивает, а нашу информацию хочет получить.

— Ну и отдай им встречу Танаева и Юсова, пусть колупаются. Тебе что, жалко?

— Нет, конечно. Разговаривал бы гэбист по-людски, так пожалуйста, общее дело, все поровну. А раз он такое говно, так пусть сам в себе и плавает. Нам с тобой лавры нужны? Да пошли они к чертовой матери! Я имею приказ министра. Защита от такого паршивца лишь одна: мы должны иметь свой, конкретный результат.

— Я все понимаю, Петр,— ответил Гуров.— Но я никогда не работал в такой среде, они люди непонятные...

— Глупости,— резко перебил Орлов.— Не ломай голову над их моралью и философией, партиями, группировками, течениями и направлениями. Твоя задача выявить убийцу и обезвредить, а приведет ли он нас к заказчику — дело десятое.

— Я так не умею, Петр.

— Ты отлично знаешь, я не карьерист, спасающий свою шкуру, но сейчас нам не до жиру. Найди убийцу — и все концы.

— Извини, я не хотел тебя обидеть. Мне просто трудно, я пускаюсь...

— Ладно, ладно. Не будем расшаркиваться, давай лучше подобьем бабки. Убийцу разыскали, и стрелять он научился не в клубе ДОСААФ, и оружие к нему не с неба свалилось, и не правительство выдало.

— «Вальтер», калибр 7.65, как мне сообщили. Я засомневался,— сказал Гуров,— это пистолет не профессионала. А затем подумал, что классный стрелок мог воспользоваться и «вальтером», уж очень удобен для сокрытия.

— Согласен.— Орлов кивнул.— Могу добавить: пулю уже проверили, по картежке она не проходит, значит, из данного пистолета убили впервые.

— Полагаю, мы этот «вальтер» никогда не увидим, его уже разобрали и утопили. Такую уляку профессионал хранить не станет.

— Мы с тобой ходим на депутатов, которые все критикуют, отрицают и ничего дельного предложить не могут.

Гуров согласно кивнул и не ответил. Друзья долго молчали. Игру в молчанку прервал телефонный звонок.

— Я же просил,— недовольно пробурчал Орлов и снял трубку, выслушав абонента, без энтузиазма ответил: — Отчего же, помню... Здравствуй. У меня.— Он взглянул на Гурова.— Что-что?!

Орлов резко встал. Невольно поднялся и Гуров.

— Он выезжает.— Орлов положил трубку.— Застрелился начальник охраны Егоров. Следовательно просит тебя срочно приехать.

— Этого не может быть! — воскликнул Гуров.— Как бы они это ни обставили, но это убийство. Я Илью знал, меня на таком повороте не обведешь.

Геннадий Артурович Бланк стоял в центре комнаты и раскачивал над головой рыжего кота пояс от халата. Кот был мудрый, на провокацию не поддавался, но, чтобы угодить хозяину, изредка махал лапой, опрокидывался на спину, затем снова садился, поводил лениво головой, провожая взглядом приманку, и валился без сил.

— Да, Бакс, ты умен, слов нет, пустьшку ловить не станешь. И Гуров не схватит, а я и не рассчитываю. Однако, Бакс, дело в том, что я с тобой играю сегодня и буду играть завтра. А с Гуровым игры прекратят, потому что правители не желают держать котов, которые мышей не ловят.

Бланк швырнул пояс на диван, подошел к холодильнику.

Кот быстро сел, подобрал под себя лапы, приготовился. В соседней комнате раздались негромкие шлепки, и тут же на пороге появилось несколько кошачьих голов.

Бланк вынул из холодильника несколько кусков колбасы. Один бросил рыжему Баксу, который схватил колбасу на лету, положил на пол, прижал лапой и свирепо ощерился на стоявших на пороге сотоварищей.

— Верно, Бакс, личная собственность неприкосновенна.

Он швырнул остальные куски за кошачьи головы, и звери

вмиг исчезли, раздались всхлипы, рыдания, шипение. В соседней комнате началось сражение.

Рыжий Бакс поедал свой кусок неторопливо и с достоинством.

— Се ля ви, Бакс.— Бланк вернулся в кресло.— Либо Гуров смиритса и охоту прекратит, либо мы его убьем.

Глава седьмая СЕ ЛЯ ВИ, БАКС!

На шоссе у ворот резиденции стояли три «Волги». Гуров подъехал к воротам вплотную. Из боковой двери выскочил полковник Авдеев. Узнав «Жигули» Гурова, он крикнул в глубь «сторожки», и ворота медленно открылись.

Авдеев упал на переднее сиденье, схватил Гурова за рукав.

— Давай без нервов.— Гуров отстранил руку полковника.— Высокое начальство прибыло?

— Да. Заместитель генерального прокурора, два генерала от нас, ваш замминистра!

— Понятно. Значит, работать начнем не скоро.

— А чего работать? Все кончено, он застрелился!

— Прекрасно, значит, не будем работать, я упакую пожитки, выпьем по рюмашке и разбежимся.

— Ты можешь разбежаться, я обязан ждать команды, возможно, и самого Гораева.

Гуров оставил машину за хозяйственными постройками, зашел в отведенную ему квартиру и начал собирать вещи. Через несколько минут он бросил сумку на диван и вышел на крыльцо. Закурив, сыщик решал, идти на место происшествия или ждать, когда позовут. Он курил, смотрел в глубину парка, где стояла группа высокопоставленных чинов. Чего слетелись, ведь не понимают ни черта!

От группы отделился человек, направился в сторону пристроек, махнул рукой, явно обращаясь к Гурову. Он не двинулся с места, ждал и вскоре в приближающемся человеке узнал следователя прокуратуры Гойду.

— Здравствуйте, Лев Иванович.— Следователь пожал Гурову руку.— Это я попросил отыскать вас и пригласить, а вы прибыли и хоронитесь.

— Жду, когда разъедутся вельможи и последует команда, как строить мост, вдоль или поперек.

— Не добрый вы, Лев Иванович.— Следователь грустно улыбнулся.— Что меня, признаюсь, удивляет: сильные люди редко бывают злыми.

— Да не злой я, просто много раз битый,— ответил Гуров, погасил сигарету о подошву, выщелкнул окурочек в кусты.— Жаль Илью, хороший парень, мало что убили, еще и нмя изгадили...

— Вы даже труп не видели...

— Прикажут, посмотрим. А трупов я видел, к сожалению, множество.

— Он выстрелил себе под челюсть, прижав ствол вплотную. «Вальтер», калибр 7.65, с глушителем, отпечатки только Егорова. Уже установлено.

— Естественно. Так и должно быть,— равнодушно ответил Гуров.— Час назад я утверждал, что из этого «вальтера» больше никого не убьют и мы данный пистолетик никогда не увидим. Вот так я фраернулся, простой фокус не сумел предвидеть.

— Я вас не понимаю, Лев Иванович.

Гуров посмотрел в умные, грустные глаза следователя.

— Вы сколько лет работаете? — полюбопытствовал он.

— Около пятнадцати.

— Солидно, могли бы за такой срок научиться врать и убедительнее.

— Я не вру.— Гойда обиженно засопел.— Себя проверяю. Для того и попросил вас приехать.

— Мы с вами знаем, что парня убили, и доказать это несложно, дело техники. Ну, какого черта они сюда приперлись? — неожиданно вспыхнул Гуров.— Чтобы доложиться — как же, как же, я был на месте, видел... Элементарного чувства самосохранения не хватает. Ведь это опасно. Они признают самоубийство, прекратят дело. Что станут говорить потом, когда будет доказано, что это убийство?

— Они ничего не будут говорить, ни сейчас, ни потом,— сказал насмешливо Гойда.— Заместитель генерального мне уже объявил, чтобы я писал заключение по факту самоубийства, провел сравнительную экспертизу, подтвердив самоубийство заключениями медиков и баллистиков. Он сейчас уедет, а я останусь, и ваши генералы разъедутся, а вы останетесь. И в любом случае за все будут отвечать следователь и розыскник. Никогда не слышал, чтобы за провал дела ответил руководитель, какое бы указание он ни давал.

— Так нас отсюда официально не уберут? — встрепенулся Гуров.

— Вот когда мы все отпишем, когда они все бумаги обшлюнжают и решатся наложить резолюции, тогда уберут.

— Я докажу, что это убийство.

— Как это вы докажете, очень интересно?

— Игорь Федорович, кончай дурака валять, знай меру.

— Ну, хорошо, хорошо.— Гойда согласно кивнул.— Я прикажу провести экспертизу, на правой руке Егорова следов пороховых газов не обнаружат. Но этого маловато...

— Человек не стрелял, однако застрелился? — хмыкнул Гуров.— Мысль любопытная...

— Замордуют меня, Лев Иванович,— жалостливо произнес следователь.— Начнутся рассуждения: ствол был прижат к челюсти, на оружии отпечатки пальцев покойного. Из этого же оружия была застрелена горничная. Егоров — начальник охраны, и, кроме него, некому было убить ее. Что касается отсутствия пороховых газов на руке, могут предположить, что самоубийца руку обернул носовым платком, который потом либо ветром сдуло, либо кто из obsługi подобрал...

— Кстати, кто тело обнаружил?

— Садовник.

— Где?

— На скамейке боковой аллеи.

— Записки нет?

— Нет.

— Странно. Могли бы сварганить. И чего ты ко мне пристаешь, чего добиваешься?

— Помощи прошу, — ответил Гойда. — Ты опытный, сам говоришь, что талантливый, — подколот он и грустно улыбнулся. — У тебя должны быть идеи.

Сыщик хотел ответить, что идей у него, как у сучки блох, но решил не травмировать интеллигентного следователя солдатским юмором и сказал:

— Илья был парень непростой, раз подпустил убийцу вплотную, значит, хорошо его знал и доверял полностью.

— Думал уже, круг подозреваемых данный факт не сужает. Начальник охраны мог пустить на территорию своего знакомого, неизвестного нам человека.

— Илья был человек очень ловкий и быстрый и приставить пистолет к горлу не позволил бы, успел рвануться, отстраниться. Однако не успел. Что из этого следует?

— Понятия не имею, — признался следователь. — Твои заключения лишь подтверждают версию самоубийства.

Своей открытостью и простотой Гойда импонировал сыщику. Гуров по себе знал, насколько трудно бывает признаться, когда чего-то не понимаешь.

— Илью предварительно опоили каким-то наркотиком. Вскрытие. Исследование. Заключение. Я обреюсь наголо, если медики не найдут наркотик либо иную химию. А если твои руководители заподозрят, что человек сначала отравился, потом застрелился, тогда извини.

Гойда собрался было обнять сыщика, но по выражению его лица понял, этого делать не стоит, и сдержался.

— Спасибо, Лев Иванович, с меня причитается. Я не желаю тебе обращаться ко мне за помощью, но, ежели понадобится, верну долг непременно.

Следователь вернулся в стан руководителей; сыщик остался на своем крыльце. Вскоре начальники убыли, о полковнике Гурове никто не вспомнил, словно его и не существовало в природе.

— Заканчивайте и доложите, — произнес торжественно Гойда, вернувшись к Гурову. — Таково распоряжение властей. Завтра к полудню я закончу, в обед доложу, к вечеру господа вспомнят, как нас зовут, и очень захотят видеть.

Около десяти вечера Гуров сидел в кабинете спикера, смотрел на его усталое лицо — кожа в морщинах, серая, будто присыпана пеплом, — и слушал, как глава парламента отдает по телефону сдержанные и непонятные сыщику команды. Он не пытался вникнуть в смысл переговоров: своих забот более чем достаточно.

Почему, зачем, с какой целью убили Илью, непонятно. Если убийца находится здесь, на закрытой территории, то без крайней необходимости ставить его под угрозу разоблачения просто безумие. Операцию проводит человек талантливый, в этом сыщик не сомневался. А раз так, то противник не может рассчитывать, что

инсценировка проскочит. Может, ему наплевать, как воспримут убийство профессионалы, важно, как поведут себя руководители и политики, которых вполне устраивает именно «самоубийство преступника». Политикам необходимо успокоить общественность, а заговорщикам — убрать милицейского сыщика и снять боевую готовность оперативников безопасности.

Спикер положил трубку, посмотрел на сидевшего напротив милиционера. Лицо у полковника было спокойное, отрешенное.

— Вы меня звали, Ахат Тимурович? Я здесь и весь внимание, — не глядя на спикера, произнес Гуров.

— Насчет внимания сильно сомневаюсь, думаете неизвестно о чем. — Гораев говорил раздраженно.

Полковник ответом не удостоил, лишь пожал широкими плечами.

— Мне доложили, что вы сегодня беседовали с госсекретарем. — Гораев оттягивал разговор, ради которого и вызвал полковника. — О чем, если не секрет?

— Я не знаю, что у политиков является секретом, поэтому вам лучше спросить у госсекретаря, — тихо ответил Гуров.

— Вам же прекрасно известно, полковник, я не разговариваю с этим выскочкой, карьеристом и краснобаем без крайней необходимости.

— Такие интимные подробности мне неизвестны, господин спикер. — Гуров так выделил «господин», что Гораев понял намек и сказал:

— Господин полковник, к великому сожалению, мы с госсекретарем общаемся только в рамках протокола. Не желаете отвечать, ваше право. В конце концов нетрудно догадаться, что вас убеждали в моей заинтересованности в разразившемся скандале вокруг убийства несчастной девочки. Или я не прав? — Спикеру стоило больших усилий, чтобы не вспылить и не выгнать наглеца. Однако Гораев не мог отказать себе в удовольствии и не спросить: — А что, собственно, вы здесь делаете? Мне доложили, дело закончено, и ваше присутствие здесь бессмысленно.

— Я, офицер, подчиняюсь приказам генерала. Орлов, направивший меня, пока не отозвал.

— Я не знаю вашего Орлова, признаться, он меня мало интересуется. Хорошо. — Спикер откинулся на спинку кресла, сцепил на животе пальцы, почувствовал, что они дрожат. — Меня интересуется ваше мнение по поводу самоубийства.

— Мнение у меня имеется, но доказательства появятся лишь завтра после полудня, — ответил Гуров.

— Мы, слава Богу, не в суде, выкладываете мнение, завтра посмотрим доказательства.

— Начальника охраны убили.

— Я чувствовал, знал! — вырвалось у спикера. — Какого черта здесь толклись генералы, прокуроры, вся свора бездельников! Я, человек, далекий от сыска, сразу сообразил, что меня обманывают...

— Успокаивают, Ахат Тимурович, — поправил Гуров. — Генералы боятся вас, прессы, конечно, боятся Президента.

— А вы не боитесь?

— Почему же? Я тоже человек. Но в силу своей профессии более тренированный и менее уязвимый.

— Почему убийство? Почему все согласилось с самоубийством, а вы нет?

— Они видят то, что им желательно, а я вижу, что произошло. Кстати, следователь прокуратуры разделяет мое мнение. Повторяю, доказательства появятся лишь завтра.

— Какие доказательства? Как вы их получите? Насколько они будут убедительны?

— Думаю, вам завтра доложат, Ахат Тимурович.

— С удовольствием выслушаю этого докладчика.

Спикер опустил уголки тонких, плотно сжатых губ, взгляд его метнулся.

— Что же мне теперь прикажете делать, как жить? — спросил он, стараясь придать голосу иронические нотки.

— Принять версию самоубийства. Преступников мы не обманем, но журналистов успокоим. Оказался в личной охране психически неуравновешенный человек, печально, но ничего не поделаешь, — ответил Гуров. — Работайте, решайте свои проблемы, все, как обычно.

Гораев перестал изображать роль высокого государственного деятеля, носовым платком вытер лицо, шумно высморкался.

— Я вроде как подсадная утка?

— Вы человек, попавший в беду, — сдерживая раздражение, ответил Гуров. — Остается решить еще один вопрос. Почему, когда печальная история вроде бы закончилась, сотрудник уголовного розыска не уезжает из вашего имени? Ответ: вас подобные мелочи не интересуют.

— Лев Иванович, как вы представляете, кто и с какой целью убивает вокруг меня людей? — В голосе спикера зазвучали простые человеческие нотки.

— Пока не знаю, Ахат Тимурович, — вздохнул Гуров. — Но все тайное рано или поздно становится явным.

— Желательно раньше. Если позже, то я, видимо, об этом не узнаю. — Гораев сумел улыбнуться. — А мне интересно, я ужасно любопытный.

— Пока я гадючник, образовавшийся вокруг вас, не вычищу, дело не брошу. Мы будем вынуждены время от времени беседовать. Давайте договоримся. — Гуров перехватил настороженный взгляд спикера, понял, что искренность в данном случае неуместна, загнулся и уже из упрямства продолжал: — Если вы хотите у меня что-либо узнать, приглашайте и задавайте вопросы. Мы сегодня около часа потратили на хождения по кругу. Ахат Тимурович, я знаю, что вы спикер парламента, только мне на это, извините, наплевать. Когда у человека чирей, человек просто снимает штаны и показывает врачу свою задницу, а не пудрит ему в течение часа мозги, объясняя, какую королевскую задницу сейчас врач увидит.

Лицо спикера порозовело, он скомкал носовой платок, вытер пот. Гуров, матерясь про себя на несдержанность, встал.

— Спокойной ночи! — Он пошел к дверям.

— Вы хам! — выпалил ему вслед Гораев.

— Зато я умею вскрывать чирей, — бросил через плечо Гуров и вышел.

Как Гуров и ожидал, в парке прогуливался полковник Авдеев.

— Что происходит? — спросил он, подходя к Гурову.

— Ты где находился, когда это произошло?

— Перекусывал, кофе пил, у меня алиби, которое подтверждают три свидетеля. Такой ответ устраивает? — Авдеев смотрел вызывающе.

— Не кипятись, Николай, — миролюбиво сказал Гуров, взяв Авдеева под руку, пошел по аллее. — Знаешь, стопроцентное алиби обычно имеют только преступники. Но тебя это не касается. Я знаю: ты не мог убить.

— Спасибо.

— Не за что. — Гуров подтолкнул Авдеева к скамье. — Вот так, господин полковник, ходили втроем, остались вдвоем. Спрашивается, кто следующий? Ты или я?

— Что за чушь. Ни ты, ни тем более я никому не мешаем.

— Илья, кажется, тоже не мешал, однако его убили.

После паузы Авдеев сказал:

— Не хотел говорить, боялся — засмеешь. Самоубийство очевидное, а я не верю. Илья был честный парень, он не мог...

— А ты, Николай, честный? Ты постоянно врешь, и в малом, и в большом, просто какая-то патология. Я понимаю: ты офицер, обязан выполнять приказы. У твоего начальства свои цели, ты лишь исполнитель, точнее, осведомитель. Другого задания у тебя нет, верно? Ты обязан сообщать о всех событиях, разговорах, обо всем, что здесь услышишь, увидишь, не так ли? Николай, ты полковник! Неужели тебе не стыдно?

— Стыдно? — переспросил Авдеев. — Я ничего плохого не делаю.

Гуров увидел, как он раскис. Довериться ему даже в малом — сплошное безумие.

— Тебе лучше отсюда уматывать, Николай. Симулируй болезнь, к примеру, приступ радикулита, ни один врач не разберется. — Он встал и зашагал к своей квартире.

Гуров набрал номер Орлова, коротко сообщил о происшедших событиях, своих выводах.

— Все? — недовольно спросил Орлов. — Мне уже звонили, предложили тебя отозвать. Но раз ты считаешь, что завтра во второй половине дня у тебя будут доказательства, то действуй по своему усмотрению. Свяжись с Петровкой, Крячко ждет твоего звонка.

— Спокойной ночи, Петр. — Гуров набрал номер Крячко, услышав ответ, шутливо доложил: — Здравия желаю, господин подполковник, я здесь и весь внимание.

— Вольно, — буркнул Крячко. — Я хотел бы вас увидеть, Лев Иванович.

— Ваше желание — закон. — Гуров взглянул на часы. — Через сорок минут на двадцать третьем километре.

Окончание следует.

БОГАТ ИЛИ БЕДЕН

«ГЕРМЕС»?

Беседа с президентом концерна «Гермес» **ВАЛЕРИЕМ НЕВЕРОВЫМ**

— Валерий Иванович, вам, конечно, известно, что сегодня «Гермес» — наиболее часто упоминаемая в средствах массовой информации компания. Не боитесь ли вы, что акционеры начнут упрекать вас в «проедании» их доходов, в неумеренных рекламных затратах?

— Нет, меня это не беспокоит. У нас есть утвержденное собранием акционеров решение, что мы будем расходовать пять процентов на рекламу, но на самом деле мы никогда больше одного-двух процентов от чистой прибыли не тратили. Наши расходы на рекламу на порядок меньше, чем у фирм, которые не имеют ни нашего оборота, ни нашего имиджа. Мы всегда скупались на рекламные расходы и долго не прибегали к помощи прямой телевизионной рекламы. Эта скупость объясняется тем, что мы уже сегодня с трудом справля-

емся с потоком людей, которые к нам приходят. Наша «пропускная способность» определяется не рекламой, а возможностями наших пунктов — фондовых магазинов, которых только по Москве насчитывается полторы сотни. (Например, у ТНК «Гермес-Союз» их сто два.) Если же говорить о рекламной стратегии, то нам хотелось бы, чтобы акционеры приходили в «Гермес» со знанием дела, понимали, что и зачем они покупают. Поэтому мы предпочитаем газетные и журнальные публикации, где можно все подробно объяснить. Мы ведем рекламную кампанию в изданиях различной политической направленности. (Нам, кстати, долго не могли простить единственную публикацию в прохановском «Дне». Но, мне кажется, для читателей «Дня» наша реклама важнее, чем для читателей «Московских новостей». Потому что читатель «Дня» меньше или почти ничего не знает о том, как работают акции и начисляется дивиденд...) В результате мы получили вот что: на конец 1993 года десять процентов наших акционеров — люди с кандидатской степенью или двойным высшим образованием, иными словами, обладателями ценных бумаг концерна стало более половины всех кандидатов наук, живущих в СНГ; около 74 процентов акционеров компании на конец 1993 года — люди с высшим образованием. Из оставшихся 16 процентов одиннадцать — те, кто систематически читает газеты и журналы. И только 5 процентов составляют люди, купившие акции случайно. Контингент акционеров, приходящих к нам по телевизионной рекламе, сильно отличается от этой категории, которая сочла убедительной большую газетную публикацию. Последняя категория немногочисленна, поскольку со-

циологические опросы показывают, что сегодня более 70 процентов населения России не читает ни одной газеты. Поэтому с начала 1994 года мы ведем телевизионную рекламу.

— *А разве «Гермесу» не все равно, кто купит его акции — профессор или рабочий?*

— На собрании акционеров мы принимаем важные для развития компании решения, которые должно поддержать большинство. Если человек не понимает, что такое акционерное общество, что из себя представляет акция и каков механизм получения дивидендов, его очень трудно подвинуть на правильное решение. Так вот: когда мы проводим собрания, то тысячи человек голосуют по всем вопросам почти единогласно — это значит, что люди понимают, чего они хотят от компании. Для нас это важно: человек должен знать, чего можно и чего нельзя требовать от руководства фирмы, которой он доверил свои деньги. Сформировав костяк акционеров из экономически грамотных людей, мы начали вовлекать в нашу деятельность и других, используя для этого телевизионную рекламу.

С публикациями и особенно телевизионными выступлениями не все так просто, как может показаться неискушенному человеку. На сегодняшний день большинство средств массовой информации в России, как оппозиционных, так и правительственных, действуют в интересах международного капитала. Влияние осуществляется не за счет прямых указаний, а заданием определенного типа мышления и нужного в данный момент образа мыслей у журналистов и работников телевидения. Поэтому нам, как представителям одной из очень немногих крупных фирм, капитал которых независим от за-

рубежного, было особенно трудно получить возможность выступлений и упоминаний в популярных телевизионных программах. Многие газеты и телевизионные программы применяли к нам тактику замалчивания. Она не удалась. Поэтому в ближайшее время мы ожидаем ругань и критику в свой адрес. Провокационные газетные и телевизионные выступления уже начались. Хорошо, что нам удалось создать свою газету «Гермес», у которой тираж уже сегодня миллион экземпляров.

— Итак, с одной стороны, вы утверждаете, что «Гермес» экономит каждый рубль, а с другой — в многочисленных интервью подчеркиваете множество удачно проведенных компанией операций с деньгами. Нет ли здесь противоречия? Богат или беден «Гермес»?

— Вы хотите знать, почему мы живем скромно? Все деньги, которыми мы оперируем, принадлежат нашим акционерам, которые не относятся к категории самых богатых людей России. Знаете, как руководителей «Гермеса» называют в деловых кругах? «Крестьяне». Мы не ходим по презентациям, не бываем на фуршетах и банкетах... Я об этом прозвище узнал случайно и поначалу очень удивился. Спросил своих коллег по бизнесу: почему нас так называют? Они объяснили: «А как вас еще называть? Солнце встало — вы пошли работать, закатилось — вы отправились спать. Ночной жизни не ведете. Выходных не признаете. С утра до ночи пашете». Кстати, я до сих пор ни разу не был в казино: думаю, потому, что чувствовал бы себя там «белой вороной». Хотя, если бы мы ходили по тусовкам, к нам власти относились бы куда доверчивей. Думаю, они там в своих кабинетах чувствуют, что личный интерес для

нас не главное. А с такими людьми работать труднее, чем с тусовщиками: нас труднее купить. Однажды я задумался над своей жизнью и понял, что я и есть самый настоящий классический коммунист: у меня все общественное и никакой личной собственности нет. У меня нет дачи, квартира в Москве появилась только недавно... Иными словами, нет того, что составляет имидж богатого человека. Но я и не считаю себя богатым. Компания богата, я — нет... Такой вот парадокс. Порой я «затылком чувствую» дыхание наших акционеров, число которых около трех миллионов. А наши акционеры не такие богатые люди, чтобы мы могли заводить себе шикарный парк машин и обставлять импортной мебелью богатые офисы. Для нас важнее то, что акционеры «Гермеса» сегодня являются владельцами собственности, ценность которой в денежном выражении огромна. Было бы безумием пускать деньги на потребление в то время, когда так дешево продается огромная государственная собственность. Производство при нынешнем экономическом законодательстве теоретически в принципе прибыльным быть не может. Поэтому все крупные состояния в настоящее время создаются за счет перераспределения — в соответствии с действующим законодательством, в прямой или скрытой форме, — огромной собственности, созданной трудом многих поколений россиян. Руководителей «Гермеса» утешает мысль, что мы участвуем в этом перераспределении не в личных интересах, а принося доход миллионам наших акционеров. Я лично, чтобы не было соблазна, дал обет: при уходе из «Гермеса» личный капитал передать общине Храма Христа Спасителя.

— Вы не делаете секрета из

того, что у «Гермеса» есть вложения за рубежом. Нестораживают ли подобные заявления ваших акционеров, какстораживает порой вкладчиков отечественного банка наличие счета у его управляющего в швейцарском банке?

— Наша собственность за границей выполняет несколько функций. Она защищает деньги акционеров от возможных политических и финансовых катаклизмов. (При этом я убежден, что вкладывать деньги в России намного выгоднее, чем на Западе.) Однако собственность, о которой мы говорим, не основная, а дополнительная. К примеру, в России мы купили несколько судостроительных заводов, а за границей приобрели судоремонтные верфи. Это выгодно. Если мы продаем суда за рубежом, то нам выгоднее обслуживать их на собственной базе. Теперь выяснилось, что суда выгоднее не продавать, а эксплуатировать самим, а для этого тоже нужны «станции обслуживания». Так что наша зарубежная собственность связана с той собственностью, которая есть в России. Если мы по каким-либо причинам лишимся собственности в нашей стране, то нашу заграничную собственность тоже придется продавать, а доллары — раздать акционерам.

— Поскольку «Гермес» стал сегодня серьезной промышленно-финансовой группой, не думаете ли вы, Валерий Иванович, что кому-то захочется разорить такого конкурента?

— Это сделать сегодня невозможно. Наши деньги сосредоточены в разных сферах. Кроме того, «Гермес» уже сегодня формирует промышленно-финансовые группы изнутри. Недавно мы создали промышленно-финансовую группу (банки, заводы, верфи), обеспечи-

вающую судостроение. На повестке дня создание промышленно-финансовых групп, связанных со строительством, деревообработкой. Когда акционируется нефтяная отрасль, мы создадим крупную структуру, связанную с нефтедобычей, нефтепереработкой и реализацией нефтепродуктов. В международной практике структуры, подобные «Гермесу», называют транснациональными компаниями: они действуют на территории нескольких стран и имеют весьма разнообразные виды деятельности. Что же касается конкурентов, отживающих свой век органов власти и их попыток нанести нам ущерб, то мы считаем, что «Гермес» — компания чрезвычайно устойчивая в силу своей разноплановости и рассредоточенности ее капиталов. Это система, способная быстро залечивать свои раны. Компания сегодня развивается по своим законам и с каждым днем все меньше зависит от конкретных людей. Я мечтаю о том времени, когда созданная нами система будет вытеснять недобросовестных руководителей или людей, не соответствующих духу «Гермеса». Личный фактор нельзя недооценивать: советская система отвергала всех талантливых и одаренных людей и в конце концов рухнула. Я хотел бы, чтобы «Гермес» ни одного таланта не пропустил.

— В конце прошлого года вы приняли участие в выборах, выставив свою кандидатуру в Думу. Начинает ли это, что кресло президента концерна вам тесновато и вы хотите большей власти?

— Мне кажется, что уже сегодня на ситуацию в стране сильнее влияют негосударственные структуры снизу, чем многие чиновники сверху. Сейчас мне важнее находиться здесь. Кстати, за рубежом

должность президента транснациональной компании, каковой является концерн «Гермес», не менее (а в ряде случаев и более) престижна, чем должность президента страны. Однако скажу, что даже от одного моего участия в выборах курсовая стоимость акций резко подскочила. За то время, пока шла предвыборная кампания (а продолжалась она месяц), количество проданных акций увеличилось, к примеру, в Тюмени почти в пять раз! Любое участие руководителей компании, в том числе и мое, во всевозможных выборах и крупных политических мероприятиях неизбежно приводит к росту курсовой стоимости всех акций «Гермеса». Это приносит огромные доходы всем акционерам «Гермеса», а их будет к концу 1994 года 10—15 миллионов. Необходимость защиты интересов акционеров вынуждает нас участвовать во всех крупных политических кампаниях.

**Беседу вел
ВИТАЛИЙ СВЕТОВ.**

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

ФОТО ИГОРЯ КУРАШОВА

ПОДЪЕМ И ДЕНЬ

ГОЗНАК: репортаж с комментариями

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 10 марта 1978 года, г. Ставрополь.

Судебная коллегия по уголовным делам Ставропольского краевого суда разобрала в закрытом судебном заседании уголовное дело, по которому:

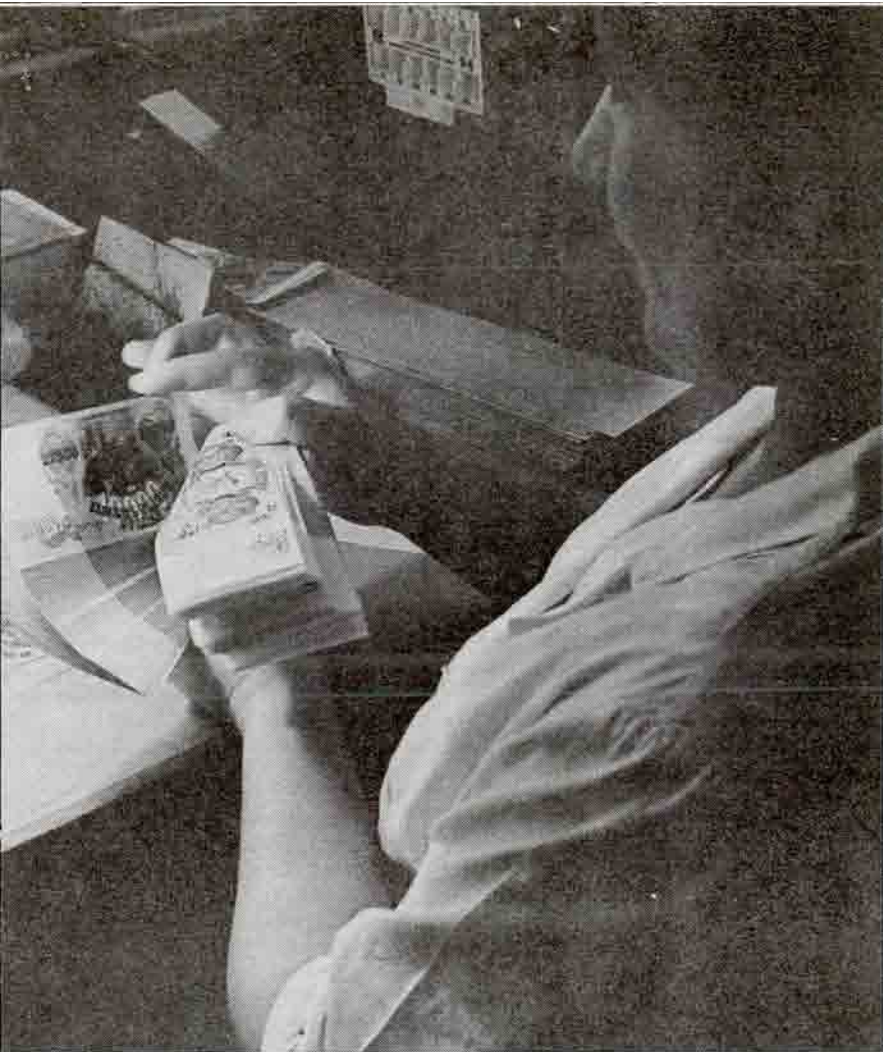
Баранов Виктор Иванович обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 87 УК РСФСР.

Рассмотрев в судебном заседании доказательства по делу, судебная коллегия установила:

В период с февраля 1974 года по апрель 1977 года подсудимый Баранов на специально созданном им оборудовании изготовил с целью сбыта и сбывал поддельные билеты Государственного банка СССР двадцатипяти-и пятидесятирублевого достоинства...

Всего подсудимый Баранов изготовил с целью сбыта 1249 под-

дельных билетов Государственного банка СССР, из которых 851 билет сбыл на рынках Ставропольского и Краснодарского краев, в городах Тбилиси, Харькове, Москве и других населенных пунктах.

Судебная коллегия приговорила:

Баранова Виктора Ивановича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 87 УК РСФСР, и подвер-

гнуть к 12 (двенадцати) годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима с конфискацией в доход государства принадлежащего ему имущества».

Я хорошо помню, какой неподдельный ужас вызвал этот приговор у «цеховиков», «артельщиков», «гастрономщиков» и других представителей тогдашнего «делового мира», ведь многие из них знали о Баранове и всерьез поду-

мывали о расширении его фирмы. В самом деле, зачем воровать, убивать, грабить, рисковать свободой, если конечную цель любого преступления — деньги можно добыть не с помощью ножа или пистолета, а соорудив печатный станок?! Тем более что Баранов, шофер по профессии, готовил свое дело почти десять лет и, судя по имевшейся у него библиотеке, заочно окончил не один технический вуз. А его станки! Десятки заводов и всевозможных НИИ бились бы над этой проблемой, а изобретатель-самоучка своими руками изготовил «Гознак на дому».

Сейчас библиотека Баранова и его подпольная мастерская занимают большую часть стен в Центральном музее МВД России, но если бы кто знал, сколько пришлось приложить ума, терпения и сил, чтобы все это оказалось в стенах музея. Пятнадцать лет не открывали этот стенд, пятнадцать лет никто не трогал эти книги, испещренные пометками знаменитого фальшивомонетчика, — и вот они в моих руках. «Справочник полиграфиста», «Теория и практика изготовления клише», «Техника репродукций», «Практикум по криминалистике», а рядом — микроскоп, пресс, сушилка для бумаги, клише глубокой печати, центрифуга, установка для производства водяных знаков... Да, зная то, что знал Баранов, и имея то, что имел он, печатать деньги было, как говорится, делом техники.

Ни длительные сроки заключения, ни смертная казнь не отпугивали любителей наживы от этого малопочтенного занятия ни сто, ни двести, ни тысячу лет назад.

В период расцвета Спарты, Рима и Карфагена деньгами служили шкуры животных. В своде законов прямо говорилось, что за оскорбление обидчик мог откупиться

шкурой лисицы, за пощечину — куницы, а за увечье — мехом соболя. Несколько позже деньгами стали ракушки-каури. На Цейлоне, например, за пять мешков каури можно было купить молодую рабыню. Именно в эти годы летописец зафиксировал имя первого венценосного фальшивомонетчика: им стал римский император Калигула. Когда казна опустела, он приказал собирать обычные ракушки и повелел считать их деньгами. Ни купцы, ни ремесленники эти ракушки, конечно же, не брали. Затея Калигулы лопнула, а сам он был убит.

Послужило это кому-нибудь уроком? Нет! Даже там, где деньгами служили собачьи зубы, человеческие черепа, листья табака или копченые циновки, время от времени предавали казни людей, пытавшихся всучить шакальи зубы или обезьяньи черепа. В Древнем Риме фальшивомонетчика-раба убивали на месте, а римского гражданина отдавали на съедение диким зверям — не помогло. Чуть больший эффект дало средство, которое в средние века называли бы иезуитским: по всей империи было объявлено, что за донос на фальшивомонетчика раб получает свободу и римское гражданство. Что тут началось! Патриции, сенаторы и даже консулы пуше огня стали бояться своих рабов: что стоило подкинуть в шкатулку фальшивую раковину и тут же кликнуть солдат.

А французский король Филипп IV! В историю Франции он вошел не только под именем Филиппа Красивого, но и Филиппа Фальшивомонетчика: он велел уменьшать вес монет и в серебро добавлять всякую дрянь. Недаром Данте в своей «Божественной комедии» поместил Филиппа прямо в ад. Именно тогда родилось мудрейшее изречение: «Легкие деньги

для страны худшее наказание, чем тяжелые войны».

А что же в России? Неужто наши «умельцы» хуже европейских? Да нет, шли с ними нога в ногу. Еще при Василии Темном высочайшей волей вес «деньги» был уменьшен с двадцати одной доли до восьми, разумеется, при той же покупательной способности. Разница, само собой, — в княжескую мощь. Есть грех и на втором царе из дома Романовых — Алексее Михайловиче. На девятом году правления он последовал совету боярина Ртищева, который привел к самым пагубным последствиям. В то время на Руси ходили серебряные монеты, причем из-за отсутствия своего серебра их переделывали из иностранных иохамсталеров (ефимок), сбивая латинскую надпись. Вот Ртищев и предложил делать полтинники, алтыны, гривенники, другие монеты из меди, а ценить их как серебряные. Но ведь медь в шестьдесят раз дешевле серебра! Когда подсчитали, оказалось, что на этом можно иметь четыре миллиона рублей чистой прибыли в год, то есть больше, чем от всех налогов.

Царь возликовал и приказал делать новые монеты «наспех, днем и ночью, с великим радением, чтобы вскоре денег наделать много». И наделали... Одного не учли: что за медные деньги никто ничего не продавал. Начался голод. Даже верные стрельцы стояли на паперти и просили подавание. А бояре жили припеваючи. Они скупали медь и, сговорившись с мастерами, тайком чеканили воровские деньги; серебро же прятали в подвалы. Вскоре пошли челобитные царю: «Мы, твои людишки, совсем пропадем, а бояре пузатые да монетки воровскими деньгами богатеют». Учинили сыск. Под пытками монетные мастера признались, что делали воровские день-

ги, а доходами делились с дьяками да подьячими. Лютой смертью казнили преступников: всех до единого заживо прибили к стене монетного двора, а руки и ноги отсекли.

А теперь несколько слов о золоте, вернее, о золотых монетах. Прежде всего попытаемся ответить на сакраментальный вопрос: липнет ли золото к рукам? Да, липнет, причем в самом прямом смысле слова. Если взять новенькую монету и взвесить ее на сверхточных весах, а потом дать ее подержать человеку и снова взвесить, монета станет легче. Один американский кассир сколотил на этом целое состояние. В начале века золотые монеты считали на тщательно отполированных деревянных столах — грохот, стук, звон... И вдруг один из кассиров принес из дома кусок сукна, расстелил его на столе и приступил к работе. Директор банка пришел в умиление: вот, мол, какой аккуратный работник. В конце дня кассир тщательно сложил суконку и унес домой. Утром все повторилось снова... И так изо дня в день.

Со временем сослуживцы обратили внимание, что каждый раз он приносит новый кусок сукна — если бы того же цвета, наверняка ничего бы не всплыло, но подстилки были то черные, то синие, то красные. Пригляделись. Проследили... Обнаружилось, что дома хитроумный кассир сжигал суконку на раскаленной сковороде и получал небольшой слиток золота: мельчайшие крупинки драгоценного металла застревали в ворсинках ткани, и этого было достаточно, чтобы каждый день обогащать изобретательного кассира.

Наказывать его не стали, потому что кассир дал объяснение тому, куда исчезает огромное количество монетного золота: оказывает-

ся, каждый год прилипало к рукам в банках мира и превращалось в пыль более 800 килограммов золота. После этого все страны решили изъять из обращения золотые монеты и полностью перейти на бумажные деньги — банкноты.

В России первые бумажные деньги — ассигнации — вошли в обращение при Екатерине II. 29 ноября 1768 года императрица подписала высочайший манифест следующего содержания:

«...Итак, с 1 января 1769 года устанавливается здесь, в Санкт-Петербурге и Москве, под покровительством нашим два банка для вымена государственных ассигнаций. Сим государственным ассигнациям иметь обращение во всей империи нашей наравне с ходячею монетою. Сверх того, повелеваем, чтоб все частные люди, которые будут впредь чинить денежные платежи в казенные сборы, вносили бы неотменно в числе каждых 500 рублей государственную ассигнацию в 25 рублей».

С большой неохотой расплачивался народ ненадежными бумажками, а потом вошел во вкус: это же не золото, не серебро и даже не медь, с бумажкой-то химичить проще. И пошло-поехало! Уже через два года императрица издает другой указ: «Известно нам стало, что в Санкт-Петербургский банк для вымена государственных ассигнаций вступило несколько подложных ассигнаций, то есть 25-рублевых, переписанных в 75-рублевых таким образом, что при первом взгляде и не будучи в том предуведомлену трудно таковую подложность распознать». Пришлось 75-рублевки из обращения изъять и впредь таковых не печатать.

Около четырехсот лет назад Френсис Бэкон сказал: «Деньги — очень дурной господин, но весьма

хороший слуга». Плох господин или хорош, но он — господин, и ему верой и правдой служили многие великие люди. Достаточно сказать, что к производству денег имели отношение такие гении, как Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини, Николай Коперник и замечательный русский механик начала прошлого века И. А. Неведомский — его машины для чеканки монет до сих пор работают на большинстве монетных дворов мира.

В 1924 году родился твердый советский рубль. До этого ходили самые разнообразные деньги, счет шел на триллионы и квадриллионы. При обмене за новый рубль давали 50 миллиардов старых.

Фальшивомонетчики и тут не дремали. Уже через год в Мюнхене, а потом и во Франкфурте-на-Майне появились подпольные типографии, которые выпускали поддельные червонцы. Немецкие банкиры ударили в набат: червонцы были конвертируемой валютой, и фальшивки наносили финансистам немалый урон. Германская полиция сработала оперативно, и уже в августе 1927 года типографии были накрыты, а фальшивомонетчики — арестованы.

Прошло четырнадцать лет, и подпольные граверы, печатники и художники, отсидев свой срок, вновь были «призваны на службу» — на этот раз в интересах третьего рейха. 18 мая 1941 года президент германского имперского банка Вальтер Функ провел секретное совещание, на котором была разработана «Операция Бернгард». До нападения на Советский Союз оставалось чуть больше месяца, но руководитель «Операции Бернгард» Гейдрих предложил начать бомбардировку Союза не с помощью люфтваффе, а изнутри, запустив в обращение миллионы фальшивых рублей. А заод-

но нанести удар по Англии и США, завалив их поддельными фунтами и долларами.

Сказано — сделано. Вскоре в замке Фриденталь появилось «химико-графическое предприятие» во главе с гауптштурмфюрером СС Бернгардом Крюгером — по его имени и назвали операцию. Печатные станки установили в блоке 18/19 концлагеря Заксенхаузен. Начали с английских фунтов стерлингов. 135 миллионов фунтов было запущено в обращение, но, надо отдать должное британским специалистам, они быстро распознали подделку. Рубли же, изготовленные в Заксенхаузене, ходили как на оккупированной территории, так и в глубоком тылу Советского Союза. Чем это закончилось, известно всему миру: в Нюрнберге Функа судили не только как нациста, но и как фальшивомонетчика.

Закончив этот исторический экскурс, вернемся в наши дни. Вот официальные данные Министерства внутренних дел России. Если за последние пять лет выявлено 70 фальшивомонетчиков, то за прошлый год — 492, а за три месяца этого года — 299. Только в прошлом году конфисковано у фальшивомонетчиков и изъято из обращения 9,5 миллиарда подпольно изготовленных рублей, 2,5 миллиона долларов США и на 19 миллионов рублей поддельных приватизационных чеков. По другим данным, эти цифры составляют лишь видимую часть айсберга, следовательно, в обращении находятся не миллионы, а многие миллиарды фальшивых рублей.

Чем вызван такой невиданный всплеск фальшивомонетничества? Можно ли с ним бороться? Вот что говорят об этом специалисты.

— Одна из главных причин — легкость изготовления денег с помощью современной техники, —

считает начальник отдела по борьбе с фальшивомонетничеством и подделкой ценных бумаг Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД России полковник милиции Н. С. Пономарев. — Как известно, существует пять способов изготовления поддельных банкнот: полиграфический, электрографический, фотографический, рисование и так называемое двукратное копирование. Наиболее опасный с точки зрения выявления подделок — полиграфический, так как банкноты, которые сходят с печатного станка, почти идентичны го-знаковским, и без применения специальной аппаратуры их очень трудно отличить от подлинных. Небезызвестный Баранов — типичный представитель этой группы фальшивомонетчиков. Фотографирование тоже дает неплохие результаты. Несколько лет назад мы разоблачили группу Костюка, который делал такие цветные фотографии с самых разных банкнот, что отличить их было практически невозможно. Рисование — это очень сложная и тонкая работа. Выполнять ее могут только профессионалы высочайшего класса. И они есть. В одной из колоний под Иркутском сидит целая группа так называемых «чистоделов»: они держатся особняком, и все остальные относятся к ним с нескрываемым уважением. Один из таких «чистоделов» прямо в колонии изготовил сто сорок тысячных купюр, причем сделал их настолько безукоризненно, что даже специалисты не с первой попытки отличили их от подлинных. И все же «чистодел» попал в заранее подготовленную ловушку. Подвела его, как ни странно, приверженность к аккуратности. Не буду раскрывать секрета, но примерно на том же несколько лет назад «погорели» аргентинские фальшивомо-

нетчики, которые перерисовывали изображение статуи, не заметив, что на оригинале она была шестипалая, а они ее сделали, как и должно быть в жизни, с пятью пальцами.

Метод двукратного копирования построен на принципе растворимости красителей. Когда-то он был довольно популярен, но сейчас практически отпал, так как Гознак по нашей просьбе улучшил качество красок. И, наконец, самый простой и самый распространенный способ подделывания денег — электрографический. Родился он сравнительно недавно с появлением цветных ксероксов. Качество банкнот — отменное, производительность — неограниченная. Именно таким способом «клепала» деньги Санкт-Петербургская группа, в состав которой входили экспедитор «Петробалта» Рузаев, а также «безработные» Исаченко и Кривцов. Следствие еще продолжается, так что о деталях говорить не буду, но две цифры назову: петербуржцы сбывали поддельных 5-тысячных банкнот на 15 миллионов рублей, а во время обыска у них изъяли таких же банкнот на 50 миллионов рублей.

— Купить ксерокс сегодня — проще простого. Выходит, что чуть ли не в каждой квартире можно установить аппарат и, не ведая забот, печатать деньги?! — спросил я.

— Да, — вступил в разговор начальник отдела экспертно-криминалистического центра МВД России полковник милиции Г. А. Бажакин. — Ограничений на приобретение ксероксов в России нет, как нет и обязательной регистрации этих аппаратов.

— Но должна же быть какая-то защита! Должны же быть какие-то секреты, которые неведомы фальшивомонетчикам!

— И секреты есть, и защита есть, но все это настолько скрыто, что обнаружить их отсутствие или наличие можно только в нашей лаборатории. Один из таких секретов — состав бумаги. В ней есть хлопок и другие вещества, повышающие водостойкость и износостойкость бумаги. Немало средств защиты и в красках: при проверке они реагируют только на строго определенные реактивы. Я уже не говорю о так называемых водяных знаках... И бумага, и краски — это средние средства защиты. Но есть и внешние: герб, портрет, текст, серия, номер. В гербе, портрете и даже в тексте можно найти характерные детали и «ловушки», о которых знаем только мы. Специалистам известно, что девять из десяти фальшивых банкнот делают на цветных ксероксах. А если применить голографическую защиту, то все фальшивомонетки тут же сойдут с ума и пойдут в дворники. Именно таким способом защищены две валюты в мире — финская марка и австралийский доллар. На ксерокс эти банкноты класть бессмысленно: вместо изображения получится белое пятно. Кустарным способом изготовить голограмму невозможно — настолько сложен этот процесс, да и простому человеку сразу видно, есть голограмма или нет: на свету она играет всеми цветами радуги.

— А есть нечто такое, чего не знаете даже вы?

— Есть. Так называемая глубокая защита — секрет Гознака. На этом предприятии вообще немало секретов, и это естественно, ведь там делают то, ради чего одни люди готовы на подвиг, а другие — на преступление.

Знакомство с этим уникальным предприятием началось для меня с посещения музея. Здесь хранятся подлинники всех банкнот, которые выпускались в России,

а также монеты, ордена, бланки паспортов, варианты гербов и многое, многое другое. Но меня интересовали деньги, поэтому ограничусь небольшим историческим экскурсом, связанным с выпуском именно этой продукции.

Итак, все началось с вторжения Наполеона. Французский император был, оказывается, не только великим полководцем, но и известным фальшивомонетчиком: после изгнания французов в России было выявлено 5,6 миллиона поддельных рублей, завезенных из Франции, — сумма по тем временам баснословная. Курс рубля к тому времени упал до 20 копеек — катастрофа! И тогда министр финансов Д. Гурьев представил Александру I доклад, в котором обосновал необходимость замены старых ассигнаций и «устройства особого заведения для изготовления бумажных денег».

Получив согласие императора, министр обратился к «сведущему во всех технических производствах» генерал-лейтенанту А. А. Бетанкуру с просьбой выяснить условия и способы изготовления новых денежных знаков. Испанец по рождению, член-корреспондент Французской академии, реализовать свои замыслы Бетанкур смог лишь в России — делом его рук стали такие уникальные сооружения, как Исаакиевский собор в Петербурге, здание Манежа в Москве, комплекс выставочной ярмарки в Нижнем Новгороде, оружейный завод в Туле и многое, многое другое. В 1816 году Бетанкур представил план устройства Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, а 21 августа 1818 года была отпечатана первая партия ассигнаций достоинством в 25 рублей. Этот день принято считать днем рождения Гознака.

Чтобы представить, насколько это сложное и дорогое дело —

производство денег, — скажу лишь об одном: далеко не все страны, в том числе и высокоразвитые, могут позволить себе роскошь иметь собственный Гознак. А Россия его имела, причем всегда! Не могу не сказать и о том, что изобретения выдающихся русских инженеров и ученых, таких, как Б. Якоби, И. Орлов, Б. Голицын, сделавших фундаментальные открытия в области изготовления денег, стали достоянием всего мира, а некоторые из них используются до сих пор.

— Отразились ли на деньгах реформы последних лет? — поинтересовался я у директора Московской печатной фабрики Гознака Е. К. Кузина.

— Еще как! Более скверных денег не было не только в истории нашей фабрики, но и всего Гознака. Думаю, что имею право на такую точку зрения, так как работаю здесь с 1947 года — сперва гравером, потом технологом, начальником цеха, главным инженером, а последние двадцать лет директором. В этом здании, кстати, раньше была парфюмерная фабрика Брокера, а с 1922 года запах денег напрочь отбил ароматы духов и кремов.

— А разве деньги пахнут?

— Когда их много — пахнут. Мы, кстати, легко узнаем друг друга по этому запаху.

— Вы серьезно?

— Абсолютно серьезно. Ведь деньги — это бумага и краски. Бумага имеет свой запах, краски — свой, все это впитывается в волосы и одежду, так что разит от нас довольно основательно.

— А не может это привлечь злоумышленников?

— Вы о фальшивомонетчиках? А что толку? Ну, похитят они художника или печатника — что дальше? Ведь наше производство организовано так хитро, что нет

человека, который бы знал все. Тот же гравер делает, скажем, только герб, сетку или текст, а что и как делает сосед, он не знает. Над одной банкнотой работают десятки специалистов, а все воедино сводит машина. Я уж не говорю о красках, водяных знаках и многом другом, что является защитой от подделок!

— И все же подделывают...

— Подделывают, но не изготавливают, а это не одно и то же. Любую, даже самую совершенную, подделку специалист отличит без особого труда.

— А каков век одной купюры? Сколько она должна служить?

— Мелкая — от пяти до восьми месяцев, крупная — до пяти лет. В конце восьмидесятых Госбанк ежегодно изымал из оборота полторы тысячи тонн старых купюр.

— Не слишком ли это расточительно? Причина в плохой бумаге или скверной краске?

— Если не возражаете, отвечу красиво: ничто не вечно под лунной. А если серьезно, то едва ли есть бумага прочнее денежной. Судите сами. Главный признак ее прочности — так называемая разрывная длина. Иначе говоря, разматывается рулон и фиксируется, при какой длине полотнище разорвется само по себе. Так вот разрывная длина денежной бумаги семь километров. Испытываем ее и на излом: наша бумага выдерживает три тысячи двойных перегибов. Что касается красок, то их применяется не менее десяти, причем с увеличением номинала растет как количество красок, так и всевозможных секретных добавок, которые выявляются с помощью специальных реактивов или под воздействием лучей известного лишь экспертам спектра.

— А выгодно ли печатать день-

ги? Какова себестоимость вашей продукции?

— Выгодно или не выгодно, сказать не могу. А вот себестоимость банкнот довольно высокая: сторублевая купюра обходится в восемь рублей, а десятирублевая — в двадцать пять рублей. Знаете что, — сказал вдруг директор, — сходите сначала в цех, на участки, пощупайте все своими руками, ощутите, что такое многомиллиардные суммы, а потом продолжим нашу беседу.

Побывать в святая святых Гознака, там, где рождаются эскизы и печатные формы новых банкнот, а потом подержать их в руках — такая удача выпадает нашему брату далеко не каждый день.

— Прежде всего хотел бы вас убедить, что любая банкнота или другая ценная бумага — это произведение искусства, — с некоторым нажимом начал знакомить меня с уникальным производством заслуженный художник России И. С. Крылков.

— В этом и убеждать не надо, особенно после посещения вашего музея. Купюры прошлого века, образцы 1923 года, украшенные оттисками со скульптур Шадра, или более поздние с изображениями красноармейца, летчика и шахтера, я уже не говорю о банкнотах 1947 года...

— К которым имеет прямое отношение ваш покорный слуга... А дело было так. В 1944 году, после возвращения из эвакуации, семнадцатилетним пареньком я пришел на Гознак и сразу попал в руки корифея нашего дела И. И. Дубасова. Мало кто знает, но теперь я полагаю, эту тайну можно открыть, но денежную реформу 1947 года Сталин задумал еще в 1944-м. Три года мы работали над новыми банкнотами, три года этим занимались десятки людей, но даже слуха о реформе не про-

сочилось за пределы фабрики. Вот как мы умели хранить государственную тайну!

— Даже полосу «Известий», на которой было сообщение о денежной реформе, во избежание утечки информации набирали не в типографии, а у нас, — вступил в разговор один из старейших граверов, А. А. Тимофеев. — Я-то сюда пришел в 1942-м, когда мне было всего пятнадцать, но доверие оказывали, как старому мастеру. Помните большущие сторублевки? Так вот все шрифты на металлической печатной форме прописывал я, зеленый салажонок.

— А я стал автором оборотной стороны рубля, — подхватил Крылков. — Если же учесть, что все образцы, а их было великое множество, утверждал лично Сталин, нетрудно представить, как меня распирало от гордости. Потом я имел отношение практически ко всему, что выпускала фабрика, но это было уже коллективное творчество.

— Значит, ваше авторство дензнаков всегда анонимное. А не было соблазна в какое-нибудь хитросплетение рисунков вставить свои инициалы? — спросил я.

— Да вы что! За это, несмотря на похвалу вождя народов, упекли бы куда подальше. У нас и без того было немало накладок. Привезает как-то «товарищ из ЦК» и говорит: «Что это за крестообразная сетка на облигации займа? Кто автор? Кто подрывает устои дружбы народов и финансовую мощь державы?» Начинаю объяснять, что сетка — это одно из средств защиты от подделки. «Убрать! — закричал он. — Из-за этой сетки на заем не подписывается мусульманская часть населения. Да и намек на решетку тоже наказуем!» Только отбились от этого обвинения, как свалилось новое. «Почему на одной из банкнот

изображена бутылка шампанского? Это что, намек на всеобщее пьянство рабочих и крестьян?» Пригляделись: действительно, завитки ленты напоминают горлышко бутылки.

— А история с «потерейным билетом», — напомнил Тимофеев.

— Да уж, хлебнул я с этим билетом, — вздохнул Игорь Сергеевич Крылков. — Эскиз билета придумал я, а когда сдавал, решил, что шрифт очень казенный, и перед буквой «Л» сделал что-то вроде фигурной черточки. Так надо же, нашлись начальники, которые заявили, что теперь «Л» читается как «П», особенно если отойти метров на пять. А вы говорите: инициалы... И все же я себя увековечил! — хохотнул Игорь Сергеевич. — Дело в том, что я являюсь автором хорошо известного «ваучера»: так вот на нем я свои инициалы поставил. Самое странное, заказчик меня не осудил, видимо, считая, что это является одним из дополнительных средств защиты этой ценной бумаги.

— Что касается защиты, то одно время это было моей профессией, — говорит Алексей Алексеевич Тимофеев. — Дело в том, что более двадцати лет я возглавлял специальный отдел по защите изделий Гознака и был Государственным экспертом по раскрытию фальшивомонетничества: именно в этом качестве участвовал в процессе над Барановым. Не посчитайте это нескромностью, но едва ли кто знаком с этой проблемой так, как я. Каких только фальшивок не держал я в руках! Но все это были жалкие подделки, и не более того. Сейчас, с появлением цветных ксероксов и другой множительной аппаратуры, подделки стали еще более убогими, поэтому скажу то, что вам наверняка уже говорили: подделать нашу продукцию можно, но сде-

лать аналогичную той, что сдаем в банк, невозможно.

— Вы проработали на Гознаке по пятьдесят с лишним лет. Одно это вызывает уважение. А есть ли у вас ученики? Сохранилась ли традиция, которую раньше свято блюли на Гознаке: «Учитель, воспитай ученика...»?

— Конечно! — воскликнули они в один голос. — Времен связующая нить — это основа основ Гознака. Назовем только две фамилии: Никитин и Саяпин. Познакомьтесь с этими ребятами, посмотрите, как они работают, и убедитесь в этом сами.

Род Никитиных отдал Гознаку более ста лет. Здесь работали мать нынешнего главного художника фабрики, отец, а теперь фамильную традицию продолжает и он — Владимир Никитин. С плодами его труда все население России сталкивается каждый день: Владимир — соавтор существующих сейчас денежных купюр.

— Соавтор я потому, что над эскизом каждой банкноты работало не менее десяти человек, но общая идея моя. Что бы мы ни нарисовали, это так и останется на бумаге, пока за дело не возьмутся граверы. Их труд куда более сложен, кропотлив и тяжок. Мы имеем дело с красками, а они — с металлом: что-либо исправить практически невозможно.

— Причем мы не просто переносим то, что изобразили художники, но и закладываем всякого рода ловушки, которые являются защитой денег, — объясняет гравер печатных форм Валерий Саяпин. — Посмотрите хотя бы сюда, — протянул он печатную форму центральной части десяти-тысячной банкноты. — Это самая сложная и самая защищенная часть. Чего здесь только нет — полоски, сеточки, черточки. А теперь возьмем лупу.

— Вот это да-а! — воскликнул я. — Это же не полоски, а текст. Как вы смогли сделать такие крошечные буквицы?

— Секрет фирмы, — улыбнулся Валерий. — На то я и гравер.

— А не может подделать этот текст другой гравер? — поинтересовался я.

— Исключено! — категорически заявил он. — Существует такое понятие, как «почерк мастера» — это, между прочим, тоже одно из средств защиты. Извините за аналогию, но подделать, скажем, Гогена или Веласкеса можно, но профессионал сразу отличит кисть этих мастеров от современного мазилки.

А потом мы пошли в печатный цех. В тот день печатали 10-тысячные банкноты. В цехе довольно много молодежи. Виктор Савкин работает здесь пять лет, а Геннадий Крошкин — всего два года. На первый взгляд их задача довольно простая: закладывая в машину листы бумаги, следить, чтобы она не останавливалась, а с другой стороны снимать те же листы, но с уже отпечатанными оттисками. Но в том-то и дело, что каждый лист, на котором двадцать восемь оттисков, надо проверить, посмотреть, не скомкан ли он, не размазана ли краска, не перепутаны ли ее оттенки и переходы. Здесь же эти листы тщательно пересчитывают и кипами по пятьсот штук отправляют на участок нумерации.

Номер тоже одна из ловушек для будущих фальшивомонетчиков. Дело в том, что в мире нет двух банкнот, имеющих один и тот же номер, — об этом заботится сверхсложная машина. А фальшивомонетки на том же ксероксе печатают тысячи купюр с одним номером.

— В ходу сейчас семь купюр, а печатных машин меньше. Можно ли переналадить машину, скажем,

с тысячной на пяти тысячную купюру? — спросил я начальника цеха.

— Конечно, можно. Мы так и делаем. Но на это уходит не менее двух недель.

Странное дело, но, пока банкноты в листах, они совершенно не воспринимаются как деньги. А вот на участке контроля, где похожая на гильотину бумагорезательная машина рассекает листы на части, обезличенная бумага становится деньгами. Мы подсчитали: каждые десять секунд работающий на ней Николай Черкашеников выдает 280 миллионов рублей.

Но это еще не все, впереди самое главное — проверка и контроль. За ярко освещенными столами сидит более ста женщин, которые ежедневно пропускают через свои руки многие миллиарды рублей. На первый взгляд все банкноты — близнецы, но почему-то время от времени то одну, то другую контролеры откладывают в сторону.

— В чем дело? Чем они вам не нравятся? — спросил я Галину Садриеву.

— Поля не стандартные, — не прерывая работы, ответила она.

— Поля как поля, — пожал я плечами.

— Я же говорю: не стандартные, на всех миллиметр, а на этой на одну десятую меньше.

— И вы это видите?

— Поработаете с мое — и вы увидите.

— А вы их воспринимаете как деньги, как несметное богатство?

— Здесь — нет. Здесь — изделия. А вот когда получу в кассе и распишусь в ведомости, тогда они — деньги.

— Странно. Ей-богу, странно, — вздохнул я. — Вы не поверите, но, глядя на вас, и я начал воспринимать их как изделия. Сколько

в каждой пачке? — спросил я у девушки, обслуживающей счетную машину.

— Тысяча штук.

— Значит, в каждой пачке десять миллионов?

— Выходит, что так.

— А в этом фургоне, в который их складываете?

— Два с половиной миллиарда.

— Господи, я таких денег отродясь не видел! Можно хоть потрогать?

— Можете не только потрогать, но даже отвезти на участок термической упаковки.

До машины, которая упаковывает пачки денег, метров десять, но я преодолел это расстояние не меньше минуты. Хоть на минуту, но я был миллиардером!

А вот Максим Самойлов, через руки которого за смену проходит не менее пятнадцати таких фургонов, абсолютно хладнокровен, спокоен и невозмутим. Между тем именно он сидит на последней операции, загружая уже упакованные в полиэтилен пачки, и именно после него изделия становятся деньгами.

Не буду рассказывать об осмотрах, досмотрах и контроле — он здесь, как вы сами понимаете, просто необходим, но вот что удивительно: когда мы вышли из цеха и вернулись в кабинет директора, он лукаво улыбнулся и, раздувая ноздри, шумно втянул воздух.

— Свои. Деньгами пахнете, как и мы.

Да, деньги — это деньги... Их любят и проклинают, копят и транжирят, складывают в кубышку и бросают на ветер, ради них идут на смерть и на преступление — иначе говоря, вся жизнь человеческая так или иначе крутится вокруг денег. Недаром в самые смутные времена на Руси ходила поговорка: «После Бога — деньги первые».

ИСТОРИЯ русской живописи

АЛЕКСАНДР БЕНУА

116

XXVII

Самой громкой славой среди представителей «реалистического» и «обличительного» направления пользовался художник, стоявший совсем в стороне от всех кружков и партий, никогда не участвовавший на передвижных выставках, отказавшийся от каких-либо связей с художественным миром и шедший вполне самостоятельным путем. То был Василий Верещагин — самое одно время популярное во всем русском искусстве лицо не только в России, но во всем мире, заставившее волноваться и горячиться до одурения не только Петербург и Москву, но и Берлин, Париж, Лондон и Америку.

Еще памятно, как 20 лет тому назад ломились на выставку Верещагина и какое чудовищное и огораживающее впечатление производили его пестрые и кровавые картины. Выставки эти, устроенные в комнатах без дневного света, увешанных странными чужеземными предметами и уставленных тропическими растениями, производили ужасный, непреодолимый эффект. Нам ясно помнится, как толпилась перед ярко освещенными электричеством громадными картинами непроницаемая, все растущая масса народа. Эти яркие или мрачные гигантские полотна, на которых шагали феерично разодетые индусы, богато разукрашенные слоны с магараджами на спинах, на которых тянулись по горам в глубоком снегу несчастные войска или поп в черной

Продолжение. Начало в №№ 1—7.

ИЯ тиси

В. В. ВЕРЕЩАГИН.
Бурлак с шапкою в руке.
Этюд к неосуществленной
картине
«Бурлаки». 1866.

ризе отпевал под тусклым небом целое поле обезглавленных голых покойников,— эти полотна действовали, как тяжелые кошмары горячки.

Памятны также и те фанатические толки, которые происходили в те дни по поводу верещагинских картин и статей за каждым званым обедом, в каждой гостиной и даже в таких домах, где ни до, ни после никогда о живописи не говорилось ни слова. «Верещагин — шарлатан и шут гороховый», — решительно утверждали противники; «Верещагин — гений, каких еще не было в искусстве», — не менее решительно, восторженно и неистово возражали им энтузиасты.

До Верещагина все батальные картины, какие только можно было видеть у нас во дворцах, на выставках, в сущности, изображали шикарные парады и маневры, среди которых мчался на великолепном коне фельдмаршал со свитой. Здесь и там, на этих картинах в очень умеренном количестве и непременно в красивых позах, были разбросаны pro forma несколько чистеньких убитых. Самая природа, окружавшая эти сцены, была причесана и приглажена так, как в действительности этого не могло быть даже в самые тихие и спокойные дни, и при этом еще все такие картины и картинищи были всегда исполнены в той сладенькой манере, которую занесли к нам во времена Николая I Ладурнер, Зауервейд и некоторое время проживавший у нас Раффе. Эту розовую манеру с успехом сумели перенять все наши доморощенные баталлисты (Тимм, Коцебу, Филиппов, Грузинский, Виллевалде и друг.), написавшие бесчисленные, очень

вылощенные, очень вкусенькие и убийственно однообразные баталии.

Все так были приучены к изображениям войны исключительно в виде занятого, приглаженного и розового праздника, какой-то веселой с приключениями потехи, что никому и в голову не приходило, что на самом деле дело выглядит не так. Толстой в своем «Севастополе» и в «Войне и мире» разрушил эти иллюзии, а Верещагин повторил затем в живописи то, что было сделано Толстым в литературе. Естественно, что когда вместо чисто плотных картинок Виллевалда русская публика увидела картины Верещагина, вдруг так просто, цинично разоблачившего войну и показавшего ее грязным, отвратительным, мрачным и колоссальным злодейством, что публика завопила на все лады и принялась всеми силами ненавидеть и любить такого смельчака.

Однако споры, которые велись тогда о Верещагине, с художественной точки зрения были безумны и бестолковы. Спор шел о «художнике» Верещагине, и, разумеется, спорящие не могли спеться, не могли убедить друг друга, так как самая постановка вопроса была сделана неправильно.

Правы были те, которые возмущались плохой живописью и другими техническими и формальными недостатками Верещагина. Многих совершенно естественно коробил весь «американизм» его выставок, все его бесцеремонное самодовольство. Правы были те, которые не находили ни духовной глубины, ни психического выражения в его картинах, а правдивость его красок и света называли фотографичностью. Однако правы были и те, которые были искренно потрясены выбранными сюжетами, удачной и умной подтасовкой композиции, которые ссылались на произведения Верещагина, очевидца и превосходного «знатока» всего изображенного, как на веские и драгоценные документы.

Не правы были только обе стороны, что они спорили. Однако в этой «неправоте» не они были повинны, но все те условия, которые владели в то время мнением образованной толпы в вопросах искусства. Те, которые бранили Верещагина во имя красоты, к сожалению, сами ничего в красоте не смыслили, но поклонялись К. Маковским, Семирадским и прочим брюлловским декадентам. Те, которые защищали Верещагина, требуя жизненности в искусстве, как будто догадывались, где начинаются истинная красота и истинное искусство, но, презирая форму, увлекаясь одним «содержанием», они попирали самое существо красоты и искусства. Недоразумение обострялось тем более, что самое понятие о живописной форме не только у нас, но и за границей как-то затемнилось с тех пор, как искусство по милости выставок, кунсткритикерства и прочего размена стало зависеть от грубой, равнодушной, невежественной толпы, занятой низменными, будничными интересами и ничего общего с высоким и святым делом познания красоты не имеющей.

Разумеется, картины Верещагина обозначали шаг вперед в смысле солнца, света и воздуха, но обозначали, скорее, какой-то научный, а не художественный шаг вперед. Так же точно

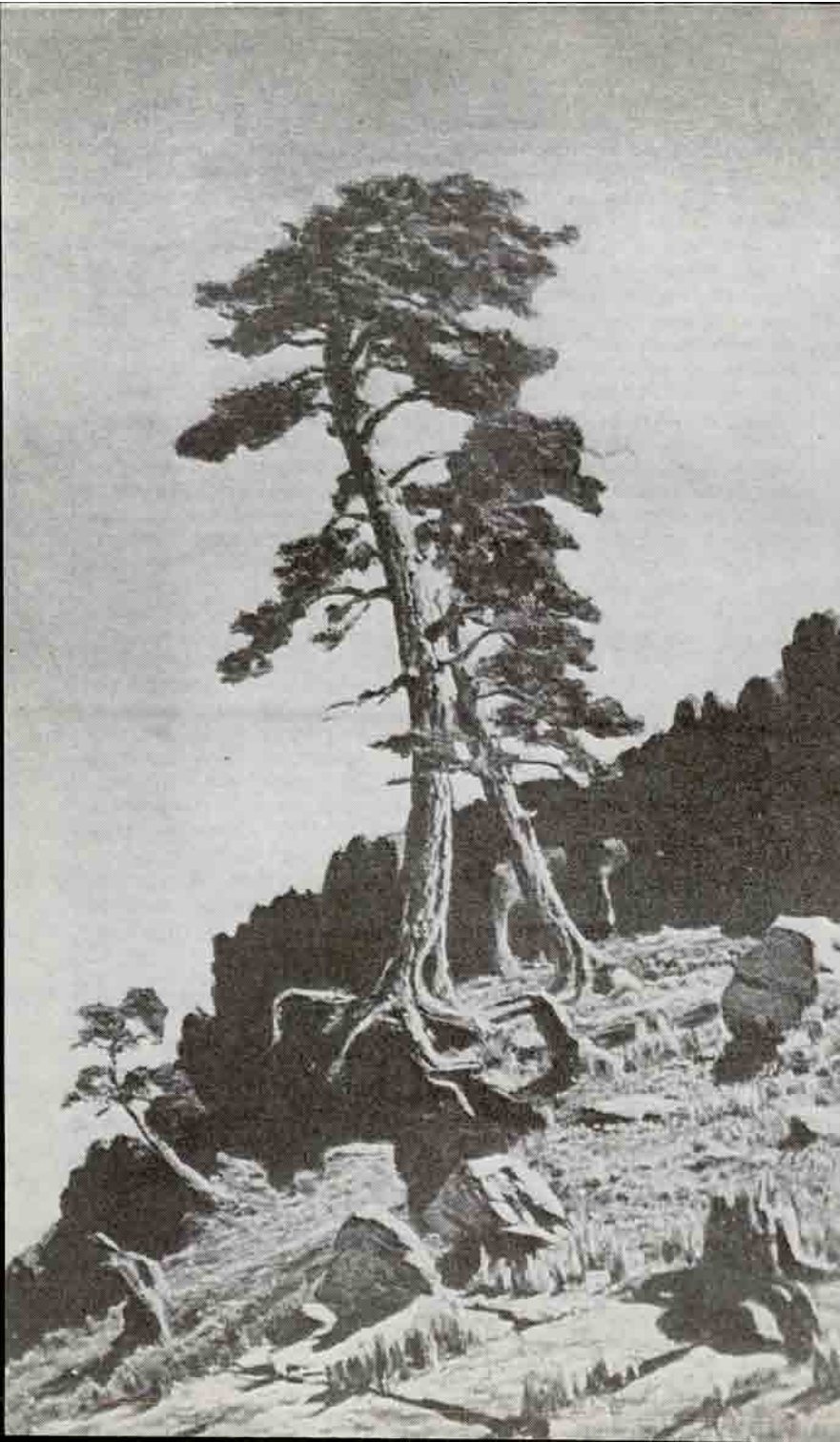

успехи красочной фотографии нельзя было бы обсуждать в истории живописи. Верещагин, как исследователь, ученый, этнограф, путешественник, репортер, имеет большое значение. Но так же, как нельзя назвать Ливингстона или Пржевальского поэтами, хотя бы их описания были бы сделаны с величайшей точностью, так точно и Верещагина нельзя считать истинным художником за то, что он высмотрел с громадным трудом и упорством, под всеми широтами света более верные, нежели у своих предшественников, краски. Из обозрения его картин видно, что эти открытые им новые краски не радовали его своей прелестью, не восхищали его, что он всегда и всюду оставался тем же холодным исследователем, если чем любующимся, то только самим собой, своим усердием, своей неустранимостью и неутомимостью. Нельзя даже сказать, что его этюды Индии и Средней Азии, очень верные и точные, яркие и светлые, имели бы влияние на развитие русской пейзажной живописи. Для этого они были слишком чужды настоящим художникам, они были для них столь же поучительны, как анатомические атласы, гербарии или фотографии. В них отсутствуют нерв, трепет, восторг: это сухие географические и этнографические документы.

Так же точно и батальные картины Верещагина. Они трагичны тем, что в них рассказано, но не тем, как это рассказано. Заслуга Верещагина перед человечеством, как повествователя очень верного и остроумного, пронизательного и сведущего о таком важном деле, как война, огромна, но заслуга этого храброго, до безумия неустранимого репортера, этого холодного, бездушного и бессердечного протоколиста, никогда не проникавшего в самую глубь явлений и даже не подозревавшего о существовании такой глубины, заслуга его перед искусством, стремящимся как раз найти в загадочной значительности форм разгадку высших тайн, равняется нулю. Верещагин не был никогда художником, но вся его неутомимая, бескорыстная, беззаветно преданная науке и «видимой правде» личность не лишена известной грандиозности и принадлежит к самому значительному и достойному, что в этом роде дала Россия.

XXVIII

Мы уже указывали выше, что начиная с 70-х годов в либерально-передовых кругах русского общества произошла крутая перемена в настроении. Разочарование и отчаяние привели к цинизму. Обличение 60-х годов перешло сначала в глумление, затем в насмешку, наконец, в жалкое хихиканье и подтрунивание. В живописи типичным представителем этого отношения к жизни было все творчество Владимира Маковского, очень талантливого художника и в то же время истинного декадента направленного и реалистического течения. Вл. Маковский не громил уже негодующими словами, но однообразно хихикал решительно надо всем, на чем останавливалось его холодное, в сущности, бессердечное внимание. Да и насмехался-то он не во имя какой-либо, хотя бы наивно понятой и даже чисто практиче-

▲ В. В. ВЕРЕЩАГИН. Наполеон и маршал Лористон («Мир во что бы то ни стало!»). 1899—1900.

ской, земной, но все же высшей идеи, но только из горделивого, отгаликивающего чувства своего превосходства над другими.

Не технические недостатки нас так ужасно теперь коробят в его творчестве. Наоборот, в техническом отношении Вл. Маковский никогда не отставал от своих товарищей и даже, скорее, ушел вперед в смысле живописи и света от худого малевания и жестких красок Перовых и Корзухиных. Он всегда очень остроумно пользовался техническими завоеваниями своих современников: Репина, Семирадского, Константина Маковского, позже Кузнецова и Серова; по временам его кисть обнаруживает довольно виртуозную бойкость; его краски, особенно в 80-х годах, не лишены известной свободы и яркости, неизвестных поколению 60-х годов; его рисунок, хоть и поверхностный и хлесткий, всегда отличался известной ловкостью и гибкостью. Но в истории искусства те, которые идут в хвосте у других, не могут сохранить значение выдающихся художников, хотя бы они все время и пользовались всем, что изобреталось нового и лучшего в их время. Тем не менее Вл. Маковский, который по сравнению со своими прототипами Федотовым и Перовым в самом характере является упадочником, так как его мелкое и ничтожное искусство никак не может считаться на одной высоте с серьезным, внимательным и горячим творчеством того и другого мастера.

Весь успех Вл. Маковского объясняется тем, что он разбавил веское, несколько даже тяжелое искусство своих предшественников жиденьким, умеренно подогретым бульонцем своего острячества, своей якобы объективности. Это пришлось очень по вкусу тому слабенькому и уже пришибленному арьергарду, который робко плелся за шестидесятилетним войском, говорившим по крайней мере в азарте и неистовстве — следовательно, все же в пылу горячки, следовательно, вдохновенно. Вл. Маковский был только тепл, и эта его «только теплота» объясняет в некоторой степени сочувствие к нему Достоевского, которому «бесы» до того были мерзки, что все, что являлось реакцией против них, хотя бы даже такой «только теплой» филистерской, антихудожественной реакцией, как живопись Вл. Маковского, ему было дорого.

Вл. Маковский не товарищ старым голландцам (так же, как не товарищ им Кнаус), но он и не товарищ Хогарту, решительному и смелому грубияну, отлично знавшему английскую жизнь, без стеснения издевавшимся над тем, что было в ней действительно порочного, и представившему ее в подстроенном, но все же изумительно правдивом виде. Вл. Маковский не товарищ ему не только потому, что не обладал его едким и ядовитым, искренним и сильным юмором, а лишь презрительной, вечной улыбочкой очень самодовольного, в сущности, равнодушного человека, но и потому, что у Вл. Маковского никогда не было, и теперь нет, знания жизни. Все его пресловутые «обывательские типы», «прямо выхваченные из действительности», — это полдюжины вечно одних и тех же натурщиков, которых он одевает, смотря по надобности, для того или иного «рассказика» или «тища», в разные костюмы, сажает среди подходящей обстановки и заставля-

ет, точно восковые фигуры в паноптикуме, позировать для дряненького, ничтожного «рассказика» или для слезливой, мелодраматичной сценки. Да и та полдюжина натурачиков: бритый старикашка, не то швейцар, не то актер, служащий ему решительно для всего, начиная от «действительного статского», кончая поваром или половым, обрюзгая, старая салопница (она же при случае и генеральша, и деревенская баба), развязный франт-адвокат, милостивая, скромная *ingé'nie* из народа (она же, когда нужно, барышня), косматый мальчишка и разудалый мастеровой — выбрана им не особенно удачно, так как они далеко не составляют коренных типов, хотя бы того же мелко-травчатого, обывательского населения. Картины Вл. Маковского — это сцены из «Александринки», разыгранные складно, бойко, иногда как будто весело, иногда как будто драматично, и все же казенно, холодно, по-лицедейски. Они вовсе не похожи на жизнь, и французы назвали бы живопись Вл. Маковского: *reinture de cabotine*.

Обсуждать всех остальных художников направленного течения невозможно. Их так много и они так одинаковы, как и в своих намерениях, так и в своих нехудожественных результатах, что пришлось бы, говоря о каждом, повторять одно и то же. Достаточно поэтому, если мы перечислим их и некоторые из их произведений. Сюда войдут: Неврев, обладавший большим сравнительно с другими мастерством живописи, но далеко не таким вниманием к жизни и пониманием ее; сладковатый и слезливый Лемох, вечно повторявший одних и тех же «сироток», «падчериц» и т. п., сентиментальные сценки из жизни крестьянских детей; в таком же духе работавшие, но еще более сладкие Пелевин, Платонов и Башилов, шутник Шурыгин, обрадовавший Стасова, осмеяв сластолюбивое наслаждение картинками Неффа; Калистов, представивший ревизию Воспитательного дома; Клодт, бравшийся за более «музыкальные» мотивы, за умирающих чахоточных и за мечтательных Татьян; Жуков, нарисовавший «Спор о вере»; Дмитриев-Оренбургский, сделавшийся впоследствии скучнейшим баталистом, но подававший когда-то надежды своей очень точно списанной с натуры сценкой «Утопленник в деревне»; слащавый академик Бронников, также представивший однажды бедное семейство, выброшенное домохозяином на улицу, а в другой раз художников в приемной у мецената, и, наконец, эпигоны этого направления: Касаткин, Творожников, Орлов, Богданов, Богданов-Бельский и мн. др., продолжающие из года в год ныть и плакаться над всевозможными грустными обстоятельствами русской жизни или указывать на некоторые успехи в ней, совершенно по рецепту, доставшемуся от их отцов и старших братьев, но далеко не с тем убеждением и той силой, как это делали эти старшие 20, 30 и 40 лет тому назад.

XXIX

Либерализм, охвативший в 60-х все русское образованное общество, утратил к началу 80-х годов, после двух-трех ярких

вспышек, свой жгучий и грозный характер. На смену ему явилось более спокойное, благодушное, склонное к созерцанию и самоуглублению состояние общественной мысли. Потерпев длинный ряд неудач в деле переустройства внешней стороны жизни, русские люди ушли снова в себя, стали искать помощи и утешения во внутреннем душевном мире. И в 60-х годах раздавался уже из лагеря славянофилов искренний, сердечный призыв к умиротворению и к познанию истинной сути и настоящих нужд России, но в общем шуме и свисте призыв этот не был тогда расслышан. К началу восьмидесятых годов одновременно усилилась правительственная реакция и поднялось значение славянофилов (турецкая война).

В 70-х годах все три течения еще уживались вместе: философски христианское с оттенком славянофильства, реакционное, пытавшееся водворить снова николаевские порядки, целостность и стройность в империи, и, наконец, либерально-позитивистское, толковавшее исключительно о земных потребностях и обличавшее только житейские пороки. Но в 80-х годах, когда у общества была отнята и последняя надежда на участие его в государственном переустройстве, когда все в силу того мало-помалу охладели к суетным вопросам политики, когда после двадцатилетней бури наступило надолго почти полное умиротворение, то тут в этом затишье все громче и громче стали слышаться речи тех русских людей, которым до сих пор внимали как-то рассеянно и мимоходом. Звезды Некрасовых, Щедриных, Писаревых и Добролюбовых стали меркнуть одна за другою, и только теперь стали оценивать по-должному священные слова Толстого, Вл. Соловьева, Страхова, Тютчева, Тургенева, Фета, Майкова и величайшего среди них великого художника-пророка Достоевского. В самом начале 80-х годов, за год до 1 Марта и своей смерти произнес Достоевский свою знаменательную речь о недавно еще столь презиравшемся Пушкине, и восторг, встретивший эту речь — совершенно немыслимый в 60-х годах, — лучше всего отметил ту колоссальную перемену, которая произошла в общественном настроении к этому времени. На смену культа позитивизма и науки возродился интерес к философии, к поэзии и к искусству.

С тех пор явилась возможность и для живописи освободиться от указки литературы и искать собственных путей. Художники постепенно пришли к сознанию своей настоящей силы и к пониманию истинного смысла своего назначения. Прошло, положим, некоторое время, покамест в живописи решительным образом не отразилось новое положение дел. Слишком мало связей было между передовой частью общества и нашими малокультурными, часто совершенно необразованными художниками. Но в воздухе носилось веяние свободы, и мало-помалу русское искусство, восторжествовавшее в 60-х годах над преданиями казенной школы, стало теперь высвобождаться и от другого гнета. Те силы в молодом поколении, которые не поступали в арьергард к старикам, которые входили в жизнь со свежей впечатлительностью, пламенным сердцем и личными взглядами, как истинно художественные натуры, уже не брались за кнут и указку, им хотелось в картинах не назидать, поучать или исправлять, но попросту

К. В. ЛЕБЕДЕВ. Освобождение русскими новых земель.
(Что-то случилось). 1904. ▼

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ. Оттепель. 1871. ▲

писать то, что им вздумается, понравится, *полюбит*ся. Вот эта бесхитростная любовь, эта непосредственная влюбленность в действительность (или в собственные грезы) и является отличительным признаком художников новой формации от их предшественников.

И художники 60-х, 70-х годов, отправляясь в деревню, на натуру, принимаясь писать, не могли не *любоваться* красотой действительности, не восторгаться характерными формами и прелестью красок. Иначе и не могло быть для тех из них, кто обладал настоящим дарованием, в ком жил истинный энтузиазм. Но непосредственное чувство восторга редко оставалось в них в своем чистом, светлом виде. Мигом в голове у них подымались заветы направления, которому они были преданы всей душой, и они тотчас же принимались искать способы, как бы употребить виденное для чего-либо «более содержательного» и поучительного, вместо того, чтоб давать свободу своему вдохновению или внимательно приглядываться к правде. Вот почему их произведения почти и не носят следов красоты и восторга от нее. *Красота* действительности отступала на второй план, а «идея» — школьная, прописная мысль, тысячу раз использованная в печати и беседах, распорядилась их творчеством, искажала его, направляла на ложь и даже на пошлость.

Новое поколение выросло во дни успокоения и уже ничего не желало знать о прописях и «полезной» деятельности. Оно стремилось лишь выразить то, что ему было любо, иначе говоря, именно ту тайну, которую называют «прекрасным». Вскоре между ними явились и такие, которые, идя дальше, отвернулись от обыденной прозы, отказались от последних тисков, от сыгравшего свою роль реализма и бросились в мир фантазии, обратились к прошлому или стали искать выражения небывалому и несбыточному, но тем более драгоценному.

Именно эти черты — влюбленность в красоту и отсутствие тенденциозности — и связывают всю донельзя разнохарактерную массу художников последнего двадцатилетия. Передвижники были сплочены «для доброй цели»: они хотели переобразовать русское общество, пособить старшим братьям-литераторам. Кроме того, их связывали крепкими узами увлечение реализмом, вера в его единственную необходимость, современность и своевременность. Им казалось, что «детские годы» для искусства прошли, прошли годы беспечных игр и наслаждений, и что взрослым нужно работать. Они считали, что пора бросить сказки, что пора трезво взглянуть на жизнь, на действительность и иметь дело только с нею, только из нее черпать содержание для своего творчества. Однако оказалось, что искусство и трезвость, искусство и принуждение, искусство и служба — мало вяжущиеся вещи. Свобода есть необходимое условие и основание истинной деятельности художника, и без нее теряется главная суть художника, весь смысл его назначения. И за последние 20 лет немало явилось реалистов. Серов, Коровин, Левитан, Малявин — это ли еще не реалисты? Но эти художники писали действительность не вследствие какого-либо мозгового увлечения и теоретического требования, а исключительно вследствие

бесконечного восторга от жизни, от природы, без принуждения, с неостываемым увлечением. Вот почему они и сошлись, и сплелись так с другими художниками, которые касались действительности лишь слегка, лишь для того, чтобы уйти затем от нее далеко в мир фантазии. Их связывало одинаковое отношение к делу: безусловная свобода, безусловное следование внутреннему импульсу.

Первый симптом освобождения от направленства показался в том, что та область живописи, которая по самому существу своему необходимо является свободной от проповеди и указки — а именно пейзаж, — стала вдруг с 70-х годов приобретать все большее и большее значение. Русские выставки 80-х годов были преимущественно выставками пейзажей, что и огорчало поголовно всех художественных критиков, усматривавших в этом явлении падение искусства. Однако падало вовсе не искусство, а лишь академическая рутинка, а также и направленство. На пейзажах, на непосредственном и простом изучении природы русские художники отвыкли от гнетущих канонов академизма и от требований либеральной эстетики.

Здесь кстати надо будет оглянуться назад и посмотреть, что было сделано в этой области со времен С. Щедрина до появления Шишкина.

XXX

Весь период между 20-ми и 60-ми годами XIX века в пейзажной живописи заполнен, в сущности, одним и не особенно утешительным течением, а именно так называемой Воробьевской школой, которую можно было бы также назвать академической, так как ею управляли школьный шаблон, манера, казенный установленный рецепт, а не правда, не свобода и не вдохновение природой. На смену искреннему, скромному творчеству Алексеевых и Галактионовых, на смену их любовному проникновению тихой красотой родной природы явилось дешёвое желание поразить зрителя «чудесами» природы, великолепием знаменитых «живописных» местностей.

И Тёрнеру, и Декану, вслед за Чайльд Гарольдом, не сиделось дома. Их тянуло из окружавшей их, приевшейся обыденности в неведомые страны, где они надеялись найти ненаходимое, вкусить таких наслаждений, какие только могут дать гашиш и галлюцинации. В желании перенестись из пошлых будней в какой-то праздничный и сказочный мир заключалось главное стремление этих истинных романтиков. Это желание вызвало их из обыденной обстановки и заставило отправиться в путь по белому свету. Но, разумеется, такое новшество, как и всякое другое, понравилось сейчас же и филистерам, тем более что неутолимый аппетит праздных людей, естественно, также не удовлетворяется одной действительностью и обыденностью. Во все времена пустые и поверхностные люди всеми силами стремились вылечиться от гнетущей их тоски и скуки. С этой целью были изобретены туристничанье, курорты и всякое шлянье по

белому свету. Те романтики рвались все дальше и дальше, вон из домашней конуры — от переполюнявшего их энтузиазма, от несогласия роскоши своего внутреннего мира с нищенской прозой окружавшей жизни. «Буржуи» пошлелись за ними, думая убежать от собственной пустоты, избавиться от роковой скуки. Это буржуазное стремление гулять по белому свету нашло себе отражение и в искусстве, отражение, сразу взятое под свое покровительство академиями, которым всегда приходились по вкусу всякая пошлость и мертвечина. Покровительство это выразилось, между прочим, в том, что стали с особым усердием «учить видописи», посылать пенсионеров-пейзажистов на многие годы за границу, поощрять и одобрять всю ту сладкую и миленькую фальшь, которую, на радость вернувшимся восвоиса туристам, эти пенсионеры привозили из своих путешествий.

Уже были у нас этого сорта художники и раньше. «Русский Гаккерт» Матвеев (при Екатерине II) удостоился, благодаря своим отвратительным римским ведутам, гораздо большего успеха, нежели современные ему искренние художники: старший Щедрин, М. Иванов и Алексеев. Таким же успехом пользовались также очень похожие на Матвеева Васильев и приезжий, безнадежно аккуратный немец Кюгельген. Но со времени успеха картин М. Воробьева, созданных им во время путешествия на Восток и в Италию (картин холодных, скучных и пустых, ничего общего не имеющих с его прежними очаровательными видами Петербурга), количество таких видописцев-туристов сделалось прямо огромным.

Академический пейзаж пережил три периода. К первому, самому еще приятному, принадлежат работы Воробьевской школы, в узком смысле. Они были сделаны в характере сухих, но зато точных топографических съемок и отличались от пейзажей Щедрина и Галактионова главным образом тем, что в них совершенно отсутствовали «интимность», любовь и настроение. Точки были выбраны не характерные, не с намерением тронуть зрителя, передать волновавшее художника чувство, но так, чтобы можно было сразу увидеть массу разнородных местностей и вся картина могла служить чем-то вроде панорамы или путевого плана. По этой узкой и ремесленной, но требовавшей добросовестности (а потому несколько симпатичной, хотя и не в художественном отношении) дорожке пошли братья Чернецовы, Рабус (интересный еще тем, что он сделал в Москве много видов зданий, большей частью ныне исчезнувших), Боден, Раев и много других. Последним отголоском этого направления была наша акварельная школа 50-х и 60-х годов с Клагесом, Скотти, Премацци, Лавецари и Бейне во главе. К этой же школе принадлежит отличный техник Вилье, а также кое-кто из архитекторов: оба Тона, Гедике, Резанов, Кракау и др.

Ко второму периоду академического пейзажа, отличавшемуся большей мягкостью, нежностью и элегантною и в связи с этим большей фальшью и слащавостью, принадлежат всевозможные сверстники Штернберга и Чернышева. На образование этих художников немалое влияние имели вошедшие тогда в моду «stahlstiche», изготовлявшиеся в Англии и Германии и отличав-

пились той «ласковой», «приятной», но и безвкусной ложью, которая является отличительным признаком всей эпохи так называемого *justemilieu*. За границей главными центрами этого направления были Неаполь, с его плеядой ловких акварелистов, и Дюссельдорф, в котором сосредоточились все столпы «аппетитного ландшафта». Русские художники этого типа почти все в наше время забыты, однако двое из них: один из самых первых и один из самых последних — до сих пор, по недоразумению, считаются какими-то реформаторами и пользуются громкой, но далеко не заслуженной славой. Это скончавшийся в молодых годах Лебедев и его дальний преемник, появившийся 40 лет после него и также в юных годах скончавшийся, Ф. Васильев.

Лебедева считали до сих пор у нас продолжателем Сильвестра Щедрина. Нам кажется, однако, что такая репутация создавалась не столько на основании его произведений, сколько на всевозможных «словах». Стоит откинуть эти слова лично знавших его современников, а также его собственные слова, встречающиеся в его письмах, и вместо этого внимательно изучить его произведения, как придется сознаться, что его ловкий карандаш и аппетитный мазок, его погоня за вкусенькими и часто дешевыми эффектами ничего общего с проникновенным и страстным творчеством, с истинно серьезным мастерством Щедрина не имели. И совсем то же самое, не глядя на весь восторг от него Крамского и на то, что почему-то его произвели у нас в какие-то родоначальники новой школы, нужно сказать и о Ф. Васильеве, так как на самом деле он был последним (чрезвычайно талантливым, но вполне на ложном пути стоящим) эпигоном того же направления, к которому принадлежали сам Карл Павлович в своих Азиатских рисунках, а затем Фрикке, Горавский, Сократ Воробьев, Гун, Мещерский, Дюккер, Лагорио — все наши «дюссельдорфцы». И Лебедева, и Васильева смерть похитила совсем молодыми, но оба они успели высказаться вполне. Захваленные свыше всякой меры, вряд ли могли бы они с годами подвинуться в своем развитии и уйти от той лжи, в которой пребывали и за которую именно их и хвалили. У обоих был крупный талант, оба были очень художественно одаренными и впечатлительными натурами, но чересчур гибкими и податливыми людьми, зараженными всякой окружавшей их фальшью.

Действительно, в глубине души у них жил истинно художественный огонек, но этот огонек прорывался в их картинах лишь крайне редко, будучи постоянно подавлен манерностью и шаблоном. Такие действительно хорошие вещи, быть может, не особенно поэтичные, но приятные одной своей славной, плавной и умелой техникой, своими красочными пятнами, как «Кастель Гандольфо» Лебедева, «Барки на Волге» или «Осенний пейзаж» Ф. Васильева, — редкие исключения в их творении. Про обоих многочисленные их любители говорят: «Каждый рисунокчик, каждый набросок, каждый этюдик их — картина». Это правда, но в том-то и кроется слабость обоих художников. Ни тот, ни другой никогда не подходили к природе просто, не всматривались в нее покорно, с благоговением и трепетом. И дома, перед собственным вымыслом, и в изучениях природы они сохраняли ту же

бесперемерность, ту же самодовольную осанку уверенных в своей ловкости маньеристов. Потому-то у них даже в самом небрежном наброске или этюде уже было все то, что для большинства любителей составляет прелесть картины, т. е. нарядность и шик. Но поэтому самому их трудно причислить к сильным и здоровым художникам. Разумеется, бесконечно жаль обоим этих милых и талантливых молодых людей, так рано сошедших в могилу, но приходится сказать, что их ранняя смерть, вызвавшая всеобщее сожаление, столь внезапно разбившая возложенные на них надежды, скорее, послужила в пользу их художественной репутации.

На других художниках этого «дюссельдорфского», сладенького и миловидного, но ходульного и лживого, направления останавливаться нечего. Никто из них, ни Сократ Воробьев, ни Эраси (еще один венецианец, перебежавший в неприятельский лагерь), ни Фрикке, ни Горавский, ни декоратор Бочаров, ни Лагорио, ни граф Мордвинов, ни Боголюбов, ни Н. Маковский, несмотря на свою, иногда порядочную, техническую умелость и ловкость, не сказали ни одного живого слова, ни разу не трепетали и не умилялись перед природой. Не могли же они что-либо серьезно и глубоко перечувствовать, и это перечувствованное передать, уже потому, что вечно странствовали, вечно меняли одно мимолетное впечатление на другое, ни во что не всматривались, не вникали, ничего не успевали полюбить и понять, зато тем самым великолепно угождали своим, столь же, как они, пустым и беспочвенным поклонникам.

130 Главная отличительная черта третьего и последнего периода академического пейзажа — это его, более ясно и определенно выразившаяся, зависимость от восторжествовавшего в 60-х и 70-х годах реализма. Академические пейзажисты третьего периода сумели воспользоваться находками, сделанными художниками-искателями, но притом они не пожелали изменить своего душевного отношения к делу, а лишь умеренно приладились к новому направлению, приглаживая и прихорашивая добытые открытия, в сущности, профанируя и опошля таким образом то, что было драгоценного и священного в тех находках. Сюда принадлежат талантливый, но позорно изманерничавшийся Клевер, Суходольский, Дюккер, поселившийся навсегда в Дюссельдорфе, Крачковский, отчасти и Орловский, несмотря на его реалистические теории, москвичи Каменев и Ясновский и, наконец, последние эпигоны реально-академического пейзажа: И. Ендогуров, Крыжицкий, Писемский, Кондратенко и мн. др. Сюда же принадлежал бы и Саврасов, если бы не его одинокая картина «Грачи прилетели», сделавшая его истинным основателем всей новой русской школы пейзажистов.

Прежде чем перейти к этой новой школе пейзажистов и ее источникам, следует сказать несколько слов еще об одном художнике — об Айвазовском, хотя и значившемся учеником М. Воробьева, но стоявшем в стороне от общего развития русской пейзажной школы. Общее имел, впрочем, Айвазовский с этой школой то, что и он разменял все свое большое дарование и свою истинно художественную душу на продажный вздор. Он перешел даже в этом размене, подобно Клеверу, через все границы

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ. Вечер. 1869.

приличия и сделался прямо типом «рыночного» художника, имеющим уже, скорее, что-то общее с малярами и живописцами вывесок, нежели с истинными художниками.

Одно имя Айвазовского сейчас же вызывает воспоминание о какой-то безобразной массе совсем тождественных между собой, точно по трафарету писанных, большущих, больших, средних и крошечных картин. Все волны, волны и волны, зеленые, серые и синие, прозрачные как стекло, с вечно теми же на них жилками пены и покачнувшимися или гибнущими кораблями, с вечно теми же над ними пасмурными или грозowymi облаками. Если б была возможность собрать эту подавляющую коллекцию в одну кучу и устроить из нее гигантский аутодафе, то, наверное, тем самым была бы оказана великая услуга имени покойного художника и искусству, так как только после такой очистки можно было бы оценить в Айвазовском то, что было в нем действительно хорошего.

А в нем было хорошее. Айвазовский действительно любил море и даже любил как-то сладострастно, неизменно, и нужно сознаться, что, несмотря на всю рутину, любовь эта нашла себе выражение в лучших вещах его, в которых проглянуло его понимание мощного движения вод или дивной прелести штиля — гладкой зеркальной сонной стихии. В Айвазовском рядом с негоциантскими, всесильными в нем инстинктами, бесспорно, жил истинно художественный темперамент, и только чрезвычайно жаль, что русское общество и русская художественная критика не сумели поддержать этот темперамент, но дали, наоборот, волю развернуться недостойным инстинктам этого художника.

Заслуга Айвазовского в истории русского общества (а тем более во всеобщей) невелика. Он ничего нового в нее не внес, то, что он делал (или, вернее, только желал делать), т. е. *эпическое изображение стихийной жизни*, было найдено Тёрнером, а затем популяризовано Мартином и другими англичанами, а также Изабэ и Гюденом. Айвазовский получил это наследие Тёрнера из третьих и четвертых рук (через заезжего французского художника Таннёра). Однако и за то ему спасибо, что он, единственный среди русских, сумел увлечься этим, хоть и сильно пораженным, но все же бесконечно драгоценным в художественном отношении, наследием. Никто из художников в России не находился на такой высоте, чтоб заинтересоваться трагедией мироздания, мощью и красотой стихийных явлений. Лишь один Айвазовский, идя по пятам Тёрнера и Мартина, зажигался на время их вдохновенным восторгом от великолепия космоса, являвшегося для них живым, органическим и даже разумным и страстным существом. Разумеется, смешно читать такие места в биографии Айвазовского, где говорится, что чем сложнее и глубже были темы, за которые он брался, тем быстрее он с ними справлялся. Это смешно и не говорит в пользу серьезности его отношения к делу, но уже то важно, что он брался за эти сложные и глубокие задачи. Нужно, впрочем, отдать справедливость Айвазовскому, что иногда, несмотря на ужасные рисунок и часто «подносную» живопись, ему все же удавалось вклады-

вать в них что-то такое, отдаленно похожее на грандиозность и поэзию.

Рядом с Айвазовским всегда называют Судковского, и даже многие при этом отдают предпочтение последнему перед первым. Здесь, однако, кроется недоразумение. В творчестве Айвазовского была хоть некоторая доза истинной поэзии. Судковский же, сухой, робкий и педантичный человек, очень мелкая художественная натура, вдобавок зараженная всякой академической условностью, не сумел сохранить и этой дозы, но превратил жизнь и поэзию своего прототипа в нечто добропорядочное, безобидное, аккуратное и совсем скучное и бездушное.

XXXI

Чем-то новым и свежим пахнуло от произведений двух художников, выступивших еще в 60-х годах. Только что, впрочем, было указано, что это новое пробралось сейчас и в творчество причисленных к Академии пейзажистов, однако пробралось оно к ним в столь умеренной степени и настолько вперемежку со всякой условной сладостью, что невозможно говорить одновременно и об этих компромиссных художниках, и о таких добросовестных и убежденных искателях правды, каковы Шишкин и барон Клодт.

Для нас, познавших теперь, через творчество Левитана, Серова и Коровина, истинную гармонию русской природы, основной характер и поэзию ее, картины Шишкина и Клодта не имеют больше того смысла и той прелести, какие они имели в свое время, появляясь на выставках рядом со всякой условностью, с напомаженными и приглаженными произведениями доморощенных «дюссельдорфцев». Мало того, нам, пожалуй, даже странно теперь считать Клодта и Шишкина за предвестников Левитана и Серова, настолько в них много подстроенного и прикрашенного. Недаром прожили оба по несколько лет своей молодости в пресловутом Дюссельдорфе и в Швейцарии, коверкая свое природное дарование под руководством разных последователей Калама, Ширмера и Кукука. Однако все это нисколько не уменьшает их исторической заслуги, и если попристальнее взглянуть в лучшие произведения этих мастеров, то станет ясно, что от них, и именно от них двух, пошло все дальнейшее развитие русского пейзажа, а следовательно, отчасти и всей русской живописи.

Оба они развивались в 60-х годах, следовательно, в эпоху наиболее острого столкновения самых разнородных начал в искусстве. Одновременно тогда раздавались в воздухе горячие призывы реализма, за которыми они и последовали, но продолжали лепетать и заманчивые, раздушенные ласковые речи представителей Академии: Фрикке, С. Воробьева, Премацци, Мещерского и др., имевших в любительских кругах огромный успех. Совершенно фатально всесильная академическая рутина наложилась и на Клодта, и на Шишкина свою несмыслимую печать. В особенности это сказалось на технике их, а отчасти также и на выборе тем, на всем их отношении к делу. Таких бодрых, вполне

независимых героев-художников, какими являются Моне, Сизле и Вистлер, шестидесятые годы в России не были способны создать.

Клодт был заинтересован не столько внешним видом, сколько интимной жизнью природы, и это составляет, бесспорно, его преимущество перед Шишкиным, это заставляет нас в нем в особенности видеть предшественника наших чудных поэтов родного пейзажа. Этот, впоследствии окончательно погибший от пьянства, человек в молодые свои годы был художником с очень впечатлительной, склонной к сентиментальной грусти натурой, безгранично *влюбленным* в свою родину. Его сладенко и прилизанно написанные пейзажи все же говорят о чутком его сердце и даже иногда (в «Лесных далях») о его понимании грандиозного, величественного. Клодт, очевидно, не заботился о том, чтобы сделать, подобно Мещерским и Лагорио, нарядный, «аппетитный» ландшафт. Ему хотелось передать свои чувства, взволновавшее его впечатление, а некоторая приглаженность и нарядность явились уже фатально, подобно заразе, от которой он не был в силах отделаться.

С внешней стороны живопись Клодта, вследствие кропотливого вылизывания ненужных мелочей и полного пренебрежения характерных, «больших» линий, напоминает подчас некоторых полузабытых теперь немецких пейзажистов начала XIX в., которые не без некоторого чувства, но уж больно аккуратно и чистенько изображали прибранную, начисто вымытую и заново покрашенную природу. И все же в его «Большой дороге» 1863 г. уже проглядывает, несмотря на плохую живопись и жалкие краски, очень искреннее настроение осеннего тоскливого ненастья, в его «Лесных далях» (того же приблизительно времени) наивно, но довольно убедительно переданы простор и ширь тонущего в серой летней мгле лесного океана, и в особенности в его «Пашне» 1872 г. есть какой-то намек на прославление, на понимание странной прелести и красоты земли, когда она весной — плоская и бесконечная, черная, взрытая плугом — вбирает в себя животворящие лучи солнца. Это намерение, хоть и выражено очень нудно и слабо у Клодта, все же само по себе, как намерение, имеющее что-то отдаленно общее с гениальными задачами Милле, заслуживает полного сочувствия.

Однако Клодт не мог ничему *выучить!* В нем иногда, правда, выражалось понимание внутренней поэзии природы, но он совсем плохо, по-дилетантски, знал ее внешние формы. Он был действительно далеким предшественником Левитана, но, не явись одновременно с ним и после него целый ряд художников, упорно занявшихся строгим изучением внешних форм, вероятно, появление такого мастера, как Левитан, было бы отодвинуто еще на многие годы. По пути Клодта нельзя было идти дальше. Да и пути, скорее, никакого не было, а были только почтенные и трогательные намерения. Нужно было сначала овладеть вполне формой, чтобы затем всецело выразить и внешнюю прелесть, и внутреннюю поэзию русской природы. Нужен был правильный строгий рисунок, внимательное изучение линий

и форм, а также правдивые, бодрые, яркие краски. Рисунок дал Шишкин, краски — Куинджи.

Шишкин охотно прибегал к фотографии, и фотографичностью отзывается все его творчество и в особенности его этюды. Однако именно в этих, смахивающих на фотографии, этюдах — вся заслуга мастера. Для борьбы с Академией нужны были тогда не песни и не стихи, а точные документы. Эти документы Шишкин редко давал в своих картинах. Принимаясь писать, на основании этюдов, свои крупные и сложные пейзажные композиции, он не в силах был удержаться от прикрашивания, приглаживания и подстроения, к которым он прибегал в угоду вкусам толпы, будучи в бытность свою в Швейцарии сам заражен этими вкусами. Его неопределимые заслуги перед русским искусством не в картинах, но в его бесчисленных рисунках, некоторых офортах и в сотне — другой масляных этюдов, в особенности тех, в которых он не гнался за трудными световыми и красочными эффектами и которые давали ему возможность обращать большее внимание на рисунок, нежели на живопись.

Только в этих беспритязательных, скромных вещах и проявилась целиком его сильная, своеобразная и даже внушительная фигура. В Шишкине — авторе этих этюдов, настоящем, природном Шишкине, — было что-то дикое и прямолинейное, даже чуть-чуть ограниченное и тупое, что приближало его скорее к венецианцам, напр., к Зарянке, нежели к духовно утонченным и просвещенным товарищам его, вроде Крамского или Ге. Эта ограниченность и дикость не лишена у Шишкина даже некоторой грандиозности. Шишкин в среде передвижников был одним из самых убежденных и верных стражей реалистской правды, положим, правды, односторонне понятой, узкой, ограниченной, но все же правды. Ее он защищал в своих этюдах от лжи нелепых, всеми принятых «законов изящного». Бесконечную пользу должны были приносить его рисунки и этюды, которые он привозил целыми пудами после каждого лета, проведенного где-нибудь на натуре. С громадным интересом набрасывались на них его приятели и поклонники, изумляясь их точности и строгости. Эти трезвые, здоровые изучения никого не заставляли трепетать и влюбляться в родную страну, но они служили очень полными, очень яркими напоминаниями о том, что, кроме Италии и Швейцарии, существуют и красоты русского родного пейзажа.

Однако Шишкин сам, повторяем, не сумел выяснить эту красоту, да он, в сущности, и не трепетал перед нею. Этот дикарь, этот железный человек исполнял в своем творчестве какую-то predetermined роль. Он как будто все время говорил своим товарищам: вот, братцы, как выглядят русские леса, русские холмы, поля, нивы, деревни. Я не ведал, что делал, в точности изображая их, но пойдите вы, молодые, поищите — быть может, в том, в чем я не сумел отыскать прелести, вы найдете ее и затем выразите в своих произведениях. Вот «образчики» России, посмотрите, не прекрасна ли она на самом деле? И его послушали, пошли и нашли эту прелесть. Теперь в созданиях Левитана, Коровина, Серова, Якунчиковой, Сомова мы уже видим не

В. Д. ПОЛЕНОВ. Русская деревня. 1889.

сухие, тупые съемки с натуры и не одни намеки на русскую поэзию, сквозь заимствованную в Дюссельдорфе слащаво-нелепую форму, а самую суть прелести, внутренний смысл и в то же время полностью внешнюю красоту русской природы. Шишкин главным образом помог разобраться в этих ее внешних формах.

Рядом с этюдами останутся несколько картин Шишкина, которые, в сущности, также можно назвать увеличенными этюдами, так как они написаны им с рабской точностью, с тем же вниманием, с каким Тыранов или Федотов выписывали свои *interieur's*. Такие картины Шишкина и изображают преимущественно *interieur's*, но не домов и комнат, а леса. Выписана каждая травка, былинка, всякая борозда в коре, все выпуклости моха, чуть ли не все иглы сосен и елок. Все застыло, замерло, засохло. Ничто не шелохнется. Напрасно «оживлял» Шишкин эти пейзажи слабо нарисованными фигурами зверей и людей, они от того ничуть не выигрывали в жизненности и скорее только теряли свою строгость и непосредственность. Характерно уже то, что Шишкину удавалось вполне передавать только хвойную растительность и серые бесцветные дни. Даже в рисунке у него не было ни на йоту теплоты и сочности, так сказать, колорита. Все, что требовало этой колоритности рисунка: густая, вкусная листва дуба, расслабленная грация берез, пышные моря желтеющих нив — все это не удавалось ему, или сейчас же получало какой-то *faux-air* Калама, или просто казалось убийственно скучным и холодным. Напротив того, хвойная растительность с ее определенными очертаниями, сухая и черствая, давала ему возможность вдоволь блеснуть своими качествами внимательного, безусловно строгого копниста. «*Sous-bois*» Шишкина так же относятся к «*Sous-bois*» Диаза, как этюд мужичка Щедровского или Морозова к картинам Милле. В одном случае — научная тупая точность, ничего общего с искусством не имеющая, в другом — красота, поэзия, высший синтез, самая суть дела.

Как колорит Шишкина, так и колорит всех его сверстников — абсолютно безразличен. В лучших случаях он правдоподобен, но никогда не правдив. Единственно Семирадский и Репин уже в начале 70-х годов сумели дать несколько истинно блестящих и верных в красочном отношении картин, но Сорренто и Капри Семирадского не могли научить, как смотреть на серые, тусклые краски России, а первые опыты Репина прошли в этом отношении почти незамеченными, так как и публика, и художники были исключительно заинтересованы не содержанием его картин. Для русской живописи необходимо было появление *своего* Моне — такого художника, который бы так ясно понял отношения красок, так точно бы вник в оттенки их, так горячо и страстно пожелал бы их передать, что и другие русские художники *поверили бы* ему, перестали бы относиться к палитре, как к какому-то едва ли нужному придатку. Краски в русской живописи, со времен Кипренского и Венецианова, перестали играть самостоятельную, значительную роль. К ним сами художники относились как к своего рода официальному костюму, без которого, только из предрассудка, неприлично предстать перед публикой. Все картины академического и передвижнического лагеря до 80-х гг., за

редкими исключениями, были, в сущности, или пестрыми, безвкусными по своей нарядности изделиями (Ив. Соколов, Мещерский, Зичи, К. Маковский), или туго, тускло, блекло раскрашенными рисунками. Исключениями (подтверждающими, впрочем, правило) можно считать яркую «Тайную Вечерю» Ге, два-три этюда Ф. Васильева и картины Репина и Семирадского. Роль русского Моне, показавшего прелесть самой краски, открывшего законы ее вибрирования, ее звона, сыграл в русской живописи, toute proportion gardee, Архип Куинджи. Его эффектные, яркие и ясные картины прямо ошеломили апатичную, тоскливо-приличную русскую публику и вызвали в свое время такие же ожесточенные споры, столько же волнения, восторгов и негодования, как и выставки Верещагина.

Куинджи был учеником Айвазовского, и только горячий, увлекающийся, истый южанин Айвазовский, с его пестрой и ясной, как радуга, как иллюминация, палитрой, мог из всех русских художников пробудить в своем молодом ученике, тоже южанине, столь же горячем и увлекающемся, как он сам, порывы к яркому и цветистому. Широко взятые, вольно раскидистые композиции учителя должны были благотворно действовать на юношу, который, не выдав еще ничего другого, не мог понять тогда их внутренней пустоты, но зато привыкал, увлекаясь ими, просто и свободно смотреть на природу.

Куинджи в начале своей деятельности и явился действительно как бы вторым, только до известной степени усовершенствованным изданием Айвазовского. Деревушки, расположенные на далеких плоских равнинах, распутица под тусклым заволоченным небом, буря на Черном море при закате солнца, вот темы Куинджи первого периода. В том же духе были и его степи, написанные впоследствии, но имевшие общие с этими первыми картинами, как достоинства — эпически стихийный замысел, ширь и простоту темы, — так и недостатки — некоторую сухость письма и вялость, безразличие красок. Не в этих вещах сказал Куинджи свое новое слово. Останься от него только такие картины, его бы так же забыли последующие поколения, как Клодта или Орловского. Для того, чтобы найти себя, ему нужно было побывать в Париже.

Положим, он отнесся скорее отрицательно к французским импрессионистам, вероятно, вследствие того, что их опыты находились уж больно в противоречии с тем, что он привык видеть на родине, но их пример подействовал на него, как и на Репина, помимо его воли, самым разительным образом. Во всяком случае, вернувшись домой, Куинджи создал картины, в которых главную роль играли уже не настроение и не поэтический замысел, а «самая соль живописи» — краска, к которой он и раньше не чувствовал отвращения, но которую он до поездки в Париж не познавал ясно, а главное, не познавал *самостоятельно*. В сущности, напрасно искать в его «Ночах», в его «Березовой роще», в его «Грозе» поэзии. Для поэзии, как оно не покажется странным, он недостаточно владел формой. Трактуются эти картины уже слишком театрально, грубо, нарочито. К тому же их поэтические темы, в сущности, даже

банальны, дешевы и не поднимаются над темами Айвазовского или Лагорио. Все огромное достоинство их в одной только краске, сильной, ясной, яркой и смелой.

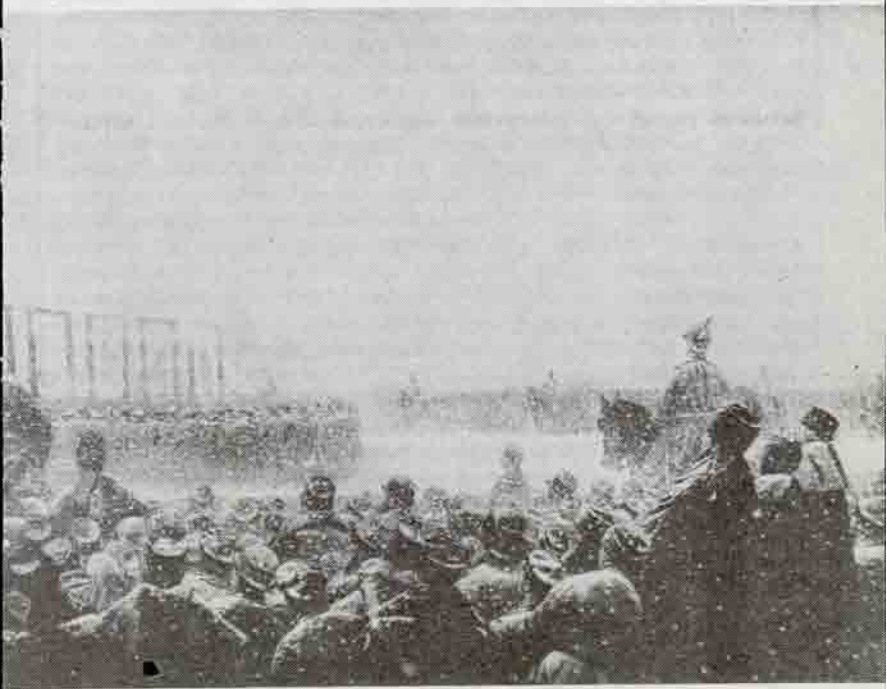
Такой краски не отыскать во всем тогдашнем русском искусстве. Теперь «Лунную ночь на Украине» принято называть «заслонкой» и олеографией, и действительно, она так почернела с тех пор, что краски не привлекают внимания, а, с другой стороны, ее дешевая композиция и грубое исполнение так стали бросаться в глаза, что трудно постичь ее прежнюю прелесть. Но нам помнится, какое впечатление эта картина производила 20 лет тому назад, и именно своей цветистостью, смелостью своих купоросно-зеленых, черно-зеленых и сине-зеленых тонов. Подкупающая прелесть этой картины, в дни ее свежести, заключалась в том, что она была, безусловно, лишена крикливости, и общий красочный аккорд получался мягкий, спокойный и тихий. Так точно и «Березовая роща». Эта картина в свое время так поразила наивную петербургскую публику, что многим тогда казалось, будто для достижения эффекта мастер должен был непременно прибегнуть к транспаранту, к освещению сзади и спереди и т. п. «шарлатанским фокусам». Но и в этом произведении Куинджи нам теперь сильно претит ее грубая форма. В особенности неприятна дурно понятая «симплификация», кулисное построение, бьющее на диорамный *trompe l'oeil*. Однако уже то почтенно, что Куинджи чувствовал необходимость этого упрощения и, первый в русской живописи, стал добиваться его в такие дни, когда еще безразличный «выписывальщик» Мейссонье стоял у нашего искусства в зените своей славы (стоит только вспомнить восторг от него Репина). Изучая эту вещь Куинджи, проникаешься большим уважением к ее творцу. Замечательны ее смелые, ясные краски, не безразлична и техника. Куинджи, видимо, добивался, чтоб каждый мазок «значил» и звучал, чтоб ничего не было лишнего. В общем, несмотря на бедность средств и на грубые недостатки, картина эта играет и живет своей весьма интенсивной, красочной жизнью. Вообразите себе эту самую вещь нарисованной лучше, осмысленнее, с полным пониманием форм и вниканием во все их тонкости, и сейчас же неминуемо вспомнится Бёклин лучшего периода — величайший колорист и живописец второй половины XIX в. Единственно «Гроза» не утратила и до сих пор своей прелесть. По этой, сравнительно хорошо сохранившейся, картине Куинджи можно вполне судить об исчезнувших красочных достоинствах прочих картин и вообще о значительности дарования мастера.

В этом художнике крайне любопытна вся его очень сложная фигура: его правдивость, доходящая до дерзости, до грубости, его безусловная честность и в то же время его склонность к дешевому эффекту, к театральным приемам, его потворство грубым вкусам толпы. В его воззрениях также выразилась эта раздвоенность. Он в одно и то же время широкий, смелый, страстный поклонник красоты, обожающий живопись, и, подобно большинству своих товарищей, убежденный сторонник мнения, что живопись бесконечно уступает литературе.

▲ В. В. ВЕРЕЩАГИН. Казнь заговорщиков в России. 1894—1895.

В. В. ВЕРЕЩАГИН. Продажа ребенка-невольника. 1872. ▲

Эта раздвоенность — черта общая всему поколению художников 70-х годов, далеко не столь прямолинейному, как предшествующее ему поколение безусловных направленцев, — выразилась в произведениях Куинджи в том, что при выполнении своих прекрасных замыслов он постоянно прибегал к самому недостойному эффектичнанию. Весьма возможно, что сознание своих недостатков очень тяготило его самого и что это-то сознание и следует считать одной из причин того, что Куинджи вдруг, среди своего колоссального успеха, удалился от публики и запер свою мастерскую даже для лучших друзей. Около двадцати лет Куинджи не показывал своих произведений. Быть может, впрочем, виноват в этом удалении Куинджи с художественной арены как раз этот колоссальный, нелепый успех. Ведь лучшие русские люди уверовали тогда, что Куинджи гений, каких не было в истории искусства. Никому не приходило в голову, что он, в сущности, довольно слабый отголосок французского импрессионистского течения. Как Брюллов, как Верещагин, как, к сожалению, весьма многие другие, Куинджи был захвален свыше всякой меры, и дальнейшая психология мастера, запуганного, так сказать, своим успехом, замолчавшего потому, что всякое его дальнейшее слово могло бы уже и не вызвать того же восторга, является вполне понятной. Куинджи предпочел оставаться со своей раз завоеванной славой, представляя будущим поколениям, уже *заглазно*, делать переоценку этой славы.

142 Куинджи в дни своей полной силы не имел вокруг себя учеников, но колористические завоевания его не прошли бесследно. Не будь этих завоеваний, русская живопись и в особенности русские пейзажисты долго бы еще не знали, что значит краска и свет, русские художники продолжали бы также робко и тупо списывать натуру, как во времена Перова. Впоследствии, в начале 90-х годов, Куинджи был приглашен преподавателем в реформированную академию. Здесь только обнаружилось, какой замечательный художественно-педагогический дар жил в этом мастере. Дар, впрочем, этот был очень простого, но тем более могучего свойства. Он заключался единственно в том, что Куинджи, как настоящий художник, так страстно любил и так глубоко понимал прелесть природы, что ему не стоило большого труда заразить других своей страстью, передать другим это понимание. Куинджи учил (если вообще здесь это слово применимо) не длинными теориями, не красивыми фразами, а короткими, сжатыми указаниями, попадавшими прямо в точку и действовавшими с удивительной силой, потому именно, что они были произнесены в каком-то сосредоточенном экстазе перед природой. Немудрено, что благодаря этому и отчасти благодаря своему отеческому, любовному отношению к ученикам он образовал их целый полк. Самые талантливые из них пошли своей дорогой, но они навеки остались признательными своему учителю за то, что он открыл им душу и глаза, вдруг сорвал с действительности скучный, мертвящий саван академической схоластики и показал им ее в полной ее наготе и прелести.

Кроме Куннджи и Шишкина, в 70-х и 80-х годах блистали еще несколько художников, которых можно назвать уже прямыми предшественниками Левитана, соединившего в своем лице все их искания и давшего гениальный синтез их частичному, отрывочному творчеству.

Саврасов выступил гораздо раньше, еще в 50-х годах, однако вся его деятельность до 1871 г., до появления картины «Грачи прилетели», прошла бледной, жалкой и ненужной. Уже это одно — довольно странный пример в истории искусства, но еще более странно, что, дав эту замечательную и многозначительную картину, он снова ушел в тень, опустился и последние двадцать пять лет прожил в полном бездействии, страдая запоем, еле-еле перебиваясь продажей в московских подворотнях своих очень неважных этюдов. Одинокая картина Саврасова по справедливости должна считаться (наряду, пожалуй, со столь же одинокой картиной Лосенки) каким-то феноменальным, необъяснимым случаем, находящимся вне всякой связи с прошлым, и это как по теме, по чудному поэтичному настроению, так и по исполнению, по простоте, непосредственности исполнения и отчасти даже по красоте красок (теперь картина сильно почернела и поблекла). Очевидно, в Саврасове, в этом скорее пустоватом, банальном художнике, ничем в прочих своих вещах не отличавшемся от разных Каменевых, Ясновских и Амосовых — от всего порядочного, но далеко не передового в искусстве, — жила настоящая душа живописца и настоящий могучий художественный темперамент, священный дар внимать таинственным голосам в природе, до него еще никем из русских живописцев не слышанным.

«Грачи прилетели» — чудесная картина, такая же поэтичная, в одно и то же время тоскливая и радостная, истинно весенняя, как вступление к «Снегурочке» Римского! Еще зима. Мрачный, сизый горизонт, далекая снежная равнина, старинная церковь, жалкие домики, голые деревья, зябнущие в холодной сырости, почти мертвые от долгого тяжелого сна... И вот чувствуется, как по этой сырой и холодной, мертвой, бесконечной мгле пронесется первое легкое и мягкое дуновение теплоты, жизни. И от ласки этого дуновения растаял пруд, встрепенились, ожили деревья, а снежный саван быстро исчезает. Целая стая веселых птиц примчалась с этим ветром. Они расселись по деревьям и без умолку твердят свою радостную весть о близости весны.

Теперь нас до пресыщения закармливали всевозможными веснами. На каждой выставке появляется их несколько десятков. Даже некоторые художники избрали себе весну своей специальностью: из года в год они только и пищут разные «распутицы», «последние снега» и т. п. Но в 1871 г. картина Саврасова была прелестной новинкой, целым откровением, настолько неожиданным, странным, что тогда, несмотря на успех, не нашлось ей ни одного подражателя. Может быть, потому и сам Саврасов ничего уже больше не сделал подобного, что картина была выше своего времени и его личного таланта, что и для него создание ее было

неожиданностью, плодом какой-то игры вдохновения! Зато в конце 80-х годов, когда лучшие силы в русском искусстве взялись за пейзаж, когда вся дорога в техническом отношении — и в смысле красок, и в смысле живописи и света — была пройдена, когда все, что требовалось для свободного и непринужденного творчества, было найдено, тогда картина Саврасова послужила путеводной звездой не одному из художников. Глядя на это простое, бесхитрое произведение, они сами набирались смелости и бодрости и отделялись от последних пут прикрашенной буржуазной условности.

Здесь же следует снова упомянуть о Поленове, прославившемся своими легковесными иллюстрациями Евангелия, но заслуживающем почетное место в истории русского искусства исключительно благодаря своим, к сожалению, не особенно многочисленным, пейзажам. Его восточные этюды теперь кажутся слащавыми и неприятно поражают своей вялой техникой, но в свое время они явились также своего рода откровением для глаза русских художников, так как никто до него не передавал такую легкость в тенях, такую прозрачность красок, такую воздушность перспективы.

Этюды Поленова сослужили русскому художеству, быть может, даже лучшую службу, нежели более точные, но сухие верещагинские этюды, потому именно, что они были доступнее, что они не так уж резко отличались от всего предыдущего и современно (напр., от Семирадского), нежели те.

Гораздо лучше, несмотря на робкую технику и небогатые, но достаточно правдивые краски, выразил Поленов свою впечатлительность и открытый к пониманию поэзии ум в нескольких пейзажах на русские темы, очень просто задуманных, иногда очень широко взятых и всегда трогательных. Знаменит его «Бабушкин сад», от которого пошли затем все бесчисленные «забытые» и «заглохшие усадьбы». Еще милее его тихий, ясный и светлый провинциальный уголок (явившийся на выставке одновременно с его ужасной деларошевской картиной: «Le droit du seigneur»). Наконец, очень хорош его широко раскинувшийся белый пейзаж — «Первый снег», на котором так эффектно желтеет незамерзшая река. Эти, несколько дряблые по живописи и не особенно сильные по краскам, картины заслуживают остаться в памяти будущих поколений, для которых «Грешница» и «Мечты» ровно ничего уже не будут значить; заслуживают они это потому уже, что в них с большой простотой и непосредственностью впервые были затронуты, задолго до Левитана, еще в 70-х и 80-х годах, прелестные «тургеневские темы», которые впоследствии стали на долгое время самыми излюбленными в русском искусстве.

На Передвижной 1886 г. наибольший успех выпал на долю картины «Ранняя весна» Дубовского, и с тех пор имя этого художника стало одним из самых у нас популярных. Действительно, с картины Саврасова не появлялось у нас произведений с более ясно выраженным поэтическим намерением. Тема была восхитительна: солнце, ликующее свою победу над холодом и смертью. Все сверкает и сияет, тает, течет.

Однако уже и в этой картине сказались недостатки мастера, со временем до того усилившиеся, что лишили его того видного места, которое он было занял. Эти недостатки заключались исключительно в технике.

Странное дело, объяснимое, впрочем, в среде передвижников, не обращавших из принципа на технику должного внимания, — живопись поэта Дубовского, занятого постоянно широкими и чудесными задачами, мало чем отличалась от несколько «подносной» живописи Айвазовского. Та же жидкость, та же поверхностность, та же резкость. Бедность в полутонах, грубость красочного эффекта, что-то дилетантское, вялое в кисти.

В 1887 г. в первый раз обратил на себя серьезное внимание Остроухов своими замечательными картинами: «Золотая осень» и «Весна», являющимися самыми близкими и по духу, и по времени, предшественниками Левитана. В 1891 г., одновременно с «Тихой обителью» последнего, Остроухов выставил свое лучшее произведение «Сиверко», удивительно верное и скромное изображение русской природы. Несмотря на свою жесткую и не особенно виртуозную живопись, эта одинокая картина должна быть отнесена к самым драгоценным явлениям в русской живописи... Холодный летний день. Серые холодные облака несутся по небу. Стальная река вьется между песчаными скучными, слегка возвышенными берегами. Вдали нахмуренный лес. Над всей далекой местностью гудит и ревет несносный северный ветер. Под его ударами вздрагивает река и покрывается острыми злыми волнами. К сожалению, Остроухов впоследствии уже не делал ничего равносильного этой картине и вообще почти бросил живопись, принужденный отдать все свое время далеко не художественным занятиям.

Одним из самых ранних чистых реалистов является Кузнецов. На него (и в то же время, по совершенно странной непоследовательности, на Бодаревского) указывал Крамской как на «новых людей» еще в первой половине 80-х годов и даже завидовал им. Действительно, у Кузнецова найдется несколько простых, незатейливых и скромных картин — этюдов с натуры, в которых очень ярко, очень правдиво, но не особенно художественно переданы разные деревенские сценки. Лучшие из этих картин — «Свиньи» и «Ремонтер» — находятся у Третьякова и до сих пор не утратили своей свежести. К таким же чистым реалистам должны быть отнесены: пейзажист-миниатюрист Похитонов, более известный за границей, где он и прожил полжизни (кличка русского Мейсонье вполне подходит к этому несколько сухому, но удивительно точному специалисту микроскопически-миниатюрной живописи); Костанди — автор немногочисленных, но довольно изящно и правдиво написанных сценок; наконец, акварелист Альберт Бенуа, к сожалению, слишком часто впадавший в общие недостатки акварельных выставок — в некоторую «салонность», но сделавший на своем веку (особенно в 80-х годах) немало превосходных по виртуозности и правдивости красок этюдов.

Продолжение следует.

СТАНСЫ

*Наверно, скоро будет дождь,
смотри, как поднебесье сплошь
густые тучи затянули,
и мухи мечутся, как пули:
какая где — не разберешь.*

*Но озарится светом даль,
едва вселенская печаль
ручьями изойдет на землю,
и, обновленной жизни внемля,
скажу я: прошлого не жаль.*

*Кто я? Обычный человек,
не важно, русский или грек,
но важно, что я по заданью,
сперва души, потом сознания,
в работе продолжаю век.*

*Но был ли мир мой одинок,
когда в плену земных тревог
я шел один по бездорожью?
Нет, не был, ибо осторожно,
но я надеялся: есть Бог!*

*Забвенье праведных церквей
сказалось на судьбе людей
обманом, подлостью, бездушьем,
и говорить об этом нужно,
и чем полнее, тем верней.*

==
*Уходит жизнь по капле, как вода,
в лихие дни, в печальные года.*

*Но перед тем, как на краю пути
сомкнуть глаза и в немоту сойти,*

*хотел бы я проговорить, светясь,
а все же жизнь как будто удалась!*

*Не много слов, но чтобы их сказать,
как надо петь, как надо вырастать*

*из горьких бед, из воспаленных грез
все выше, выше, до летящих звезд!*

Подумаю — и, словно огонь впотьмах,
встает в душе необоримый страх.

Над Родимой, стремящейся к покою,
полночные восходят небеса,
но я не сплю — в душе пылают Трои
и рушатся святые образа.

Жалею, нет ли — этого не знаю,
но изболевшей начисто душой
я как на окнах шторы раздвигаю —
и вижу мир воистину живой.

Ах, этот мир! Как мы к нему стремились,
и вот теперь, когда он в двух шагах,
достало бы и твердости, и силы
принять его и пронести в веках.

И прошлые здесь опыты трагичны —
смогли понять мы это на себе!
А новые — они так непривычны,
что не понять, где ты, в какой судьбе.

И все-таки одна у нас дорога,
и преступленье не пройти ее:
так верно, так надежно, так высоко
за нею расцветает бытие.

Живу без лишних потрясений —
так моя горница темна.
Но через тучи в час вечерний
к ней пробивается луна.

Ах, дорогая, ах, родная
не может, видимо, понять,
что даже с ней земного рая
мне — хоть кричи — не увидеть.

Вот разве что моей любимой
большие, добрые глаза
в ее лучах неповторимых
сияют мне, как образа.

Уйдем от многих зол на свете,
но будем, будем вспоминать,
как жизни горестные плети
не уставали нас стегать.

*Нет, мы пред ними не склонялись,
во имя помыслов благих
бойцовски, стоя мы встречали
расхлестанные силы их.*

*Да, руки целы, ноги целы,
спина без шрамов и рубцов,
зато душа, наш ангел белый,
сплошная рана — боль и кровь!*

*Как вынесли, как пережили,
как не сломались, как смогли!
Не на словах одних мы были
сынами праведной земли.*

*Среди других людей, живущих
по праву истины — не лжи,
мы каждым днем ее грядущим
крепили мужество души.*

≡
*Любовь, как свет, необычайна,
и потому в стихах о ней
живет, тебя волнуя, тайна
минувших и летящих дней.*

*Но ты, прошу я, не пытайся
к ней ключ разгадки подобрать,
а просто так любить старайся,
а просто так умеи прощать.*

*Зачем журавль в поднебесье,
когда синица — погляди —
одно и делает, что песней
гнездится прямо на груди?*

≡
*Подняться трудно к алтарю
и стать известным.
Я прежде на огне сгорю
заветной песни.*

*А разве пишутся стихи
затем, чтоб слышать,
как их похвалят старики,
юнцы освищут?*

*Кому-то, может, и затем,
а мне — чтоб душу,
как двери, распахнуть совсем
друзьям наружу.*

*Берите, вот она лежит,
как на ладони.
По вас надеждою звенит
и горем стонет.*

*Ах, жив я, жив. И слава Богу,
хотя он есть ли — не пойму.
Вот, значит, что такое строго
душой не следовать ему.*

*Простит, наверно, если сможет
найти и времени, и сил,
ведь что ни говори, а все же
я на планете честно жил.*

*Писал стихи, как получалось,
про грусть сплошную — бытие,
а в час, когда любовь встречалась,
я, как весну, хранил ее.*

*И было дело, что, как порох,
в руках горело у меня.
Короче, не с горы, а в гору
я шел и верил: небо — я.*

*Отец позвал меня на помощь,
да не расслышал я слова.
И смерти гробовая полночь
его объяла, как трава.*

*Глаза закрою, а он — рядом,
глаза открою, он — со мной.
И ничего-то мне не надо,
кроме любви его святой.*

*Чем искупить смогу ошибку
иль так приму свою судьбу:
во взгляде — с горькою улыбкой,
с тяжелой мукою — на лбу?*

*Так и приму. И пусть напишут
на вечном камне мастера:
он зов отцовский не расслышал —
и не было ему добра.*

На сопках, хотя еще холодно
и ветренно, дюны-снега
разъело дождями, как голодом,
и вспухла опасно река.

Эх, нету еще наводнения,
лишь двинулся лед не спеша,
с каким-то великим умением
себя же на части круша.

Но силы, преграды не знающей,
стоит уже гул над рекой.
В нем — мужество, в нем — окрыляющий
порыв и рассвет удалой!

О жизнь! Ты на радость обещана,
но только услышав его,
виденья картины торжественной
открылись глазам широко.

Что боль, что тоска, что страдания!
Я в этих виденьях, как Бог,
стремглав покорял расстояния
одною из вечных дорог.

Светились глаза мои звездами,
и сердце, зови не зови,
земле с соловьями и росами
желало надежд и любви.

Важнее дела в жизни нету —
с зарею встану и тропой
пойду, пойду искать по свету
свою надежду и покой.

Меня ничто не насторожит:
я сам себе холоп и царь.
И в колокол ударит Божий
выдавший виды пономарь.

Звон разольется над полями
и до души меня проймет
воспоминаньями о маме,
что вдруг ушла — и не придет.

Смахну слезу: эх, накатила,
и дальше, дальше — на луга.
Там золотом позолотила
заря свершенные стога.

У них закончу путь скорбящий,
сменив его за пять минут
на этот высоко горящий,
незаменимый сельский труд.

Он предо мной — и нету боли,
он на душе — и нету мук.
И, словно маков цвет на воле,
пылают небеса вокруг.

Безветренно будет, и сосны
настолько промерзнут уже,
что треском звенящим и грозным
как нож резанут по душе.

Со страха, как в диком угаре,
сохатый сквозь чашу рванет
и лишь на заснеженной мари,
сполна отдышавшись, замрет.

Охотник, устав от погони,
забудь про почей маету:
ты здесь его как на ладони
увидишь легко за версту.

Стреляй, в неудачу не веря,
но помни, сжимая ружье,
что пуля, сразившая зверя,
ударит и в сердце твое.

ПРОЗРЕНИЕ

Стремилась мы уйти от Бога,
а получилось — от людей:
вздыхалась, ширилась дорога
печали, горя и смертей.

И, как ее вершина, дальний,
но до сих пор в умах живой,
безжалостный, многострадальный
и проклятый тридцать седьмой.

Случившийся по страшной воле
того, кто свой народ предал,
он стал не только нашей болью,
но и позором нашим стал.

*В то время я не жил на свете,
и слава Богу — заключу.
Но за грядущий день в ответе —
опять, опять в него стучусь.*

*Стучусь и разумом, и сердцем,
стучусь и зреньем, и душой,
и жертвы с палачами вместе
встанут упрямо предо мной.*

*И сколько б не зывали ныне:
довольно время то склонять —
не говорить, а криком сильным
мне хочется о нем кричать.*

*Кричать, чтоб пусть не в одночасье,
но все-таки понять смогли:
нельзя, нельзя построить счастья
на страхе, подлости, крови.*

*И что за доброе и злое
нам всем в назначенный черед
воздаст история с лихою,
как ныне предкам воздает.*

≡

*Весна. Но стужи, как собаки,
еще срываются с небес
и затевают с людом драки
лихие и для этих мест.*

*Тот не насует — защищает
судьбу, познавшую тоску,
и печкой, что вовсю пылает,
и шубой, что на жар-меху.*

*Помимо этого, последний
выкладывает козырь свой:
пилою валит лес столетний,
в скалу вгрызается киркой.*

*И отступает чертов пламень
за даль туманную небес.
Но стонет от ударов камень,
но плачет от порезов лес.*

≡
*Ладно, мучиться не будем:
наше время не пустяк —
в нем поют и плачут люди
и встает холодный мрак.*

*В нем сошлись в последней схватке,
как шагнули на обрыв,
жизни прожитой остатки
и грядущих дней порыв.*

*В нем друзьям отца на смену,
затаив в душе восторг,
вышел я вчера на сцену,
и меня приветил Бог.*

*Вот летит он краем ясным,
полный света и огня,
и каким-то добрым счастьем
веет с неба на меня.*

≡
*Вся-то жизнь моя была —
это мука, это грусть.
От нее, как угорая,
я и нынче мчусь и мчусь.*

*Только нет во мне сомненья.
Я совсем не лгу душой,
вознося благодаренье
чуду светлому живой.*

*В силах слышать, в силах видеть
неба просинь, солнца нить,
и умею ненавидеть,
и могу, могу любить.*

ПРО ЭТО...

И

все-таки более всего мужчины тайне гордятся не крепостью бицепсов, а иной силой. И бывают более чем расстроены, если она им изменяет...
О мужских интимных проблемах с главным врачом медицинского центра «Андролог», кандидатом медицинских наук **АЛЕКСАНДРОМ ГРИШИНЫМ** беседует корреспондент «Смены» **СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ.**

Рисунок ОЛЕГА ТЕСЛЕРА

— *Вы, Александр Владимирович, врач-андролог. Что это за медицинская специальность?*

— Андрология — наука о мужских болезнях. У женщин есть «свой» врач — гинеколог. А андролог лечит специфические мужские заболевания — уретрит, простатит, импотенцию...

— *Но, если мужчина болен простатитом, он идет к урологу, если у него импотенция — к сексологу...*

— Однако те же импотенция и простатит зачастую «ходят рядышком». Их и лечить надо вместе... Буквально час назад у меня был пациент с жалобами одновременно и на преждевременное семяизвержение, и на слабую эрекцию. Ускоренное семяизвержение у него связано с хроническим простатитом (воспалением предстательной железы). А слабая эрекция возникла из-за собственной

«быстроты»: встретился с женщиной, рано «финишировал» — ни она, ни он не были довольны... Другое, третье свидание — та же история... И он начал думать о своей «ущербности», прислушиваться к себе — от такого «самоедства» и эрекция исчезла... Все в организме взаимосвязано.

— *Из-за чего возникает импотенция?*

— Примерно у половины наших пациентов заболевания предстательной железы наслаиваются на невротические проблемы. Вот типичная история. Муж возвратился из долгой командировки — и в первую ночь с женой очень быстро «финишировал». Супруга с упреками: «Поистратился там! Небось все шлюхи твои были!..» (Хотя в любви действует так называемый «закон силовых отношений»: чем чаще половые акты — тем они длительнее. И наоборот.)

Муж, человек мнительный, начал переживать. Второй раз подступился к жене только через две недели. Снова потерпел неудачу и выслушал попреки. Тогда супруг обратился к «экстрасенсу» из тех, кто заканчивает двухнедельные курсы и мнит себя великим целителем. Тот поводит руками и сообщил: «Истоцилась карма. Нужен покой». Мужчина «отдыхал» несколько месяцев, а потом все-таки пришел к нам в центр. И оказалось, что у него развился хронический застойный простатит. Ведь все наши органы рассчитаны на то, чтобы их использовали. Если они не функционируют, нарушается отток крови, начинается воспаление... Я назначил ему массаж предстательной железы и провел несколько сеансов психотерапии. Пришлось и с женой его работать. (Хотя жены, кстати, куда менее охотно идут на контакт с сексологом, чем постоянные партнерши, не связанные с мужчинами узами брака...) Мужа я отвлек от ожидания неудачи легкими успокаивающими таблетками, внушительно сказал, что в непривычной для него позе («жена сверху») у него все получится. А супруге посоветовал вести себя так, чтобы муж не убегал от близости... В конце концов жизнь их наладилась.

— А у другой половины ваших пациентов от чего слабеет мужская сила?

— У некоторых мужчин проблемы появляются из-за привычной женщины. Жена уже набилась оскомину, она сексуально «невкусная», неинтересная, поэтому влечение у него постепенно падает... Если они еще и спят на разных кроватях, то реализация «вдруг нахлынувшего чувства» бывает затруднена, и такой мужчина может угаснуть из-за «сексуальной растренированности». Как

спортсмен, который перестал тренироваться, оплыл жиром — перестает быть спортсменом... Особенно актуально это для мужчин после тридцати пяти. Угасание, климакс может начаться у сильного пола не в 70, не в 60, а до сорока. Если к нам обращается такой пациент, очень часто мы работаем с его партнершей, иногда даже втайне от него. Жена может стать снова желанной для мужа, если у нее... появятся от него тайны. Есть психологический закон: чем меньше мы знаем о женщине, тем сильнее она привлекает. Пусть «опостылевшая жена» вдруг отправится одна в театр. Или пригласит на семейную вечеринку мало знакомых мужу людей. Например, своих сослуживцев. Пусть танцует с ними, слегка кокетничает... Щепотка ревности приправит излишне пресный брак. Другое дело, если желание угасает из-за семейных дрязг, борьбы за власть, упреков из-за денег... Тогда врач работает с парой, чтобы выровнять психологический климат.

— Еще с какими бедами приходят к вам мужчины?

— Около 15 процентов испытывают так называемые «дебютантские проблемы»: не могут первый раз совершить половой акт. Вот типичный пример: восемнадцатилетний юноша где-то на пикнике попытался «стать мужчиной» с однокурсницей, которая была ему симпатична. Он ей тоже нравился, и она не отказывала — но голоса друзей поблизости, боязнь быть застигнутым врасплох, скомпрометировать подругу... Словом, в решающий момент ничего не вышло. Тогда он кинулся «проэкспериментировать» с другой — у себя дома, когда не было родителей. Но эта девушка ему не нравилась, к тому же юноша знал, что у нее много интимных друзей, и боялся.

что она его чем-нибудь «наградит»... Опять неудача. Парень «попробовал» с третьей, четвертой... Это так и не принесло ему долгожданного «опыта». Наконец, с той, первой, которую он любил, они пришли ко мне. И ему, и ей я — порознь — дал «инструкции». Они различались. Молодому человеку я разрешил все: обнимать ее, целовать, заниматься оральным сексом, — с одним «но»: ни в коем случае не совершать половой акт... А раз так, парню стало нечего бояться, он раскрепостился... Я ничуть не сомневался, что запрет мой в конце концов будет нарушен. В том и был его смысл! Так и случилось через две недели... А сейчас они муж и жена, любящая пара. Вообще «дебютантские проблемы» умелый врач решает в ста случаях из ста: с помощью психотерапии, иглорефлексотерапии, метода локального отрицательного давления (физиотерапевтический метод для тренировки эрекции).

— Сейчас у нас совсем иная жизнь, чем лет десять назад. Появились ли «типично капиталистические» больные?

— Многие деловые люди страдают сейчас «синдромом менеджера», давно описанном западными сексологами. Мужчина работает с утра до поздней ночи. У него нет времени на женщин... «Растренировавшись» в любви, в один «прекрасный» день он уже ничего не может... Словом, как писал Игорь Губерман: «Если жизнь излишне деловая — функция слабеет половая...» Примерно каждый десятый наш пациент страдает псевдоимпотенцией...

— А это что?

— Например, сорокалетний мужчина совершает два акта в неделю. И ему, и его партнерше этого хватает. Но он считает, что дол-

жен больше, что не соответствует некоей «норме»...

— А есть она, эта норма?

— Она очень индивидуальна. Зависит и от возраста, и от темперамента, и от партнерши. Американские сексологи описывали пятидесятилетнего мужчину, у которого за всю жизнь было лишь одно семяизвержение, а с другой стороны, мужчину того же возраста, который был способен на пять актов ежедневно...

— И все-таки, какие представители сильного пола наиболее сексуально активны?

— Молва подбрасывает нам образ высокого, стройного, худощавого... Но сексологи заметили, что наиболее сильны в этом отношении, напротив, мужчины: небольшого роста, коренастые. Кроме того, замечено: у кого либидо (сексуальное влечение) пробудилось раньше, чем у среднестатистического юноши (13—14 лет), у того сильнее потенция.

— Радость интимных встреч часто отравляет то, что «он» слишком быстро «финиширует»...

— Зачастую мужчина попросту эгоист, не заботящийся, чтобы его «половина» получила удовлетворение. Я хотел бы напомнить сильному полу: любовные ласки должны длиться в три-четыре, а то и в десять раз дольше, чем половой акт... Но многие действительно не могут справиться с ускоренным семяизвержением. Если они не стесняются обратиться к доктору, то у «свежих» пациентов порой все восстанавливается как в сказке, после двух-трех сеансов массажа предстательной железы или одной рефлексотерапевтической процедуры. Для тех же, кто долго тянул перед визитом к врачу, лечение потребует больше сил и средств.

— Сейчас становится популяр-

— Суть его в том, что мужчина владеет собой и «финиширует», когда захочет, а то и не кончает вовсе. Если не «транжирить» семя, уверяют китайцы, оно сохраняет жизненную энергию мужчины. Я как врач не могу рекомендовать этого способа: он приводит к застойным явлениям в простате, яичках. А от этого два шага до воспалений... Если же вы хотите осчастливить женщину долгой-долгой любовью, вспомните, что большинству из них, чтобы достичь оргазма, достаточно пяти (и меньше) минут акта — разумеется, если ему предшествовали страстные и умелые ласки.

— Сильному полу в случае его слабости хорошо помогают эректоры?

— Да, однако надо помнить, что подобные средства должен назначать и подбирать врач. Чаще всего эректор (жесткий проволочный каркас в мягкой оболочке) назначают мужчинам с нарушениями спинного мозга, у которых эрекция недостаточно выражена вследствие травм. С его помощью они начинают жить полноценной жизнью. Прописывают это устройство и тем мужчинам, которые «растренировались», — для них очень важно начать. Эректор для таких пациентов — своего рода временная опора, «костыль». Мужчина недолго живет с его помощью, а потом благополучно забывает об эректоре или даже демонстративно выбрасывает.

— Есть ли протезы соответствующего органа...

— Их запатентовано масса: пластиковые, металлические, силиконовые, даже из собственного ребра пациента... Эти «твердости» вшиваются под кожу или глубже. Протез неудобен из бытовых соображений — например, неловко ез-

дить в городском транспорте... Откровенно говоря, я ни одного пациента на такую операцию не направлял. Предпочитал обходиться другими средствами. А когда ко мне обратился с просьбой о протезе семидесятилетний пациент, я сказал ему, что он проходит через естественный период угасания сексуальности, и убедил, что это так же необходимо испытать, как ее зарождение и становление.

— А что вы скажете о биопотентере?

— Наш медицинский центр только начал работать с биопотентерами, причем отечественного производства, а не со сверхдорогими импортными. Это действительно похоже на чудо: носишь в кармане небольшое устройство, и оно усиливает сексуальность. За счет чего? Не знаю. Производители объясняют действием электромагнитных волн. Я не сделал для себя однозначного вывода о том, каков механизм его влияния на мужчину. Но то, что биопотентер помогает многим пациентам, — это бесспорно.

— Многие мужчины хотели бы сами, без помощи врачей, увеличить свои сексуальные возможности. На этот счет ходит много «рецептов»: например, поесть сметаны с укропом или орехов. Или кальмаров. А что скажете вы, врач?

— Никто из сексологов твердо не доказал, что, скажем, десять грецких орехов или полкило кальмаров увеличивают потенцию. Но если у вас есть рецепт, который, как вы считаете, вам помогает, — пользуйтесь. И полноценно питайтесь вообще. И спортом занимайтесь. Знаете, что существуют такие виды спорта, которые обладают эротизирующим действием и на мужчин, и на женщин?.. Например, плавание. Особенно брассом.

И помните: регулярная половая жизнь — это один из лучших рецептов долголетия. Мужчине, особенно среднего возраста (после тридцати пяти), рекомендую реализовывать каждое возникшее у него желание. Естественно, не надо атаковать на пустыре понравившуюся вам блондинку с болонкой, а делать это с постоянной любимой партнершей.

— Говорят, повышению потенции способствует алкоголь...

— У сомневающегося в себе человека алкоголь действительно снижает повышенный самоконтроль — и сексуальность, которая была забита собственным «сверхья», может прорваться. Таким людям в «ответственный момент» действительно можно порекомендовать пару-тройку рюмок коньяка. Но таких-то немного, а вообще Россия стала «страной победившего алкоголизма». По статистике, каждый шестой наш мужчина алкоголик. А алкоголизм приводит к тому, что сексуальность угасает значительно раньше, чем обычно. Например, спиртное поражает печень, и та начинает преобразовывать мужские половые гормоны в женские. Порой у алкоголиков даже перестает расти борода и появляется женская грудь... Алкоголь также отравляет гипофиз, предстательную железу, яички... Алкоголик в сексуальном плане не «хилец».

— Бытует мнение, что связь на стороне оживляет сексуальное чувство. Есть даже такое грубоватое присловье: «Хороший левак укрепляет брак».

— Да, порой укрепляет — благодаря тому, что мужчина испытывает комплекс вины перед женой. Кроме того, он выбивается из заведенной колеи (два раза в неделю перед сном) и где-то на чужой территории может даже подвиг со-

вершить: в свои сорок лет атаковать партнершу раза четыре, чего с женой у него не было лет двадцать. От этого мужчина чувствует себя богатырем. Такой подъем потом и его законную «половину» зацепит... Но знали бы вы, сколько заразы бродит сейчас в половых путях мужчин и женщин! Существует более двух десятков инфекций, которые передаются половым путем...

— Двух десятков? На слуху только СПИД, сифилис, гонорея...

— Хламидиоз. Гарднереллез. Микопlasма. Уреаплазма. Вирусы полового герпеса... Многие больные новорожденные обязаны своим нездоровьем именно последствиями «хорошего левака»... Я уж не говорю о гонорее, но знаете ли вы, что сейчас свирепствует эпидемия сифилиса? По сравнению с 1987 годом в Москве количество заболеваний выросло в семь (!) раз. Причем официальная статистика не отражает того, что творится на самом деле — часто «свежий» сифилис лечится подпольно. Думаю, за тот час, пока мы с вами беседуем, мимо этого окна прошли десятки, если не сотни зараженных мужчин и женщин... Для того чтобы продлить свою сексуальную жизнь, хорошо бы вооружиться божественной заповедью: «Не возжелай жены ближнего своего». Пусть будет рядом единственная, надежная, любимая...

— Ну а если все-таки «случайная связь»?

— Обязателен презерватив.

— А когда его нет?

— В аптеках продаются (очень недорого) средства «гарант» или «цидипол». Они упакованы так, что всегда можно носить с собой в кармане. После любовной встречи с незнакомкой хорошо бы ввести несколько капель этой жидко-

сти в мочеиспускательный канал. А если вы уж никак не предохранились — помочитесь, когда спадет возбуждение. Это уменьшит риск заразиться...

— Счастье любящей пары порой омрачается тем, что у нее нет детей... В прошлые века, насколько я знаю, вину за это всегда возлагали на женщину. Нынешнее просвещенное время утверждает, что частенько виноват и сильный пол...

— Статистика свидетельствует: в сорока случаях бесплодия из ста «вина» (я настаиваю, чтобы это слово было в кавычках) лежит на женщине, в сорока — на мужчине, в оставшихся двадцати и у того, и у другого есть какие-то отклонения. А вообще это огромная социальная и психологическая проблема: около 15 процентов семей в России хотят, но не могут иметь детей.

— Однако я слышал, что мужское бесплодие практически не лечится...

— Почему же?! Врачи вылечивают тысячи мужчин. Однако — сейчас я скажу банальность, но ее надо повторять раз за разом — родителям гораздо легче предупредить будущее бесплодие у своего мальчика, чем потом лечить его у взрослого. Например, в случае крипторхизма (неопущения яичка в мошонку). Чем раньше сделать операцию — тем больше шансов, что у мальчика, когда вырастет, будут дети. Зачастую к бесплодию приводит простатит, поэтому его тоже надо лечить как можно раньше. Бывает, что инфекция (полученная, как правило, половым путем) кончается тем, что зарастают семявыводящие протоки. (В таком случае спермограмма порой показывает: «Ноль сперматозоидов»!) При этом заболевании делают операцию, хирург восста-

навливает проходимость семени. Как правило, вскоре может наступить беременность... Нет, вы не правы: врачи в состоянии помочь и помогают многим бесплодным мужчинам.

— Порой у любящей пары бывает другая проблема: не хотят больше иметь детей. Не хотят, чтобы супруга делала аборт. Муж даже готов к тому, чтобы ему сделали операцию стерилизации, но ничего о ней не знает и боится...

— Суть стерилизации в том, что мужчине перевязывают семявыводящие протоки. Ни он, ни жена не теряют никаких сексуальных ощущений, но им не надо предохраняться от беременности — операция дает стопроцентную гарантию. В США стерилизацию делают ежегодно около миллиона мужчин. Способность к зачатию можно вернуть. Примерно пятьдесят тысяч американцев в год повторно делают восстановительную операцию (например, если супруги развелись и мужчина хочет, чтобы его новая подруга забеременела). Технически стерилизация настолько проста, что ее может сделать любой хирург-уролог в поликлинике: сделать, и тут же отпустить пациента домой. Но у нас обычно подстраховываются и оперируют в больнице, после консультаций и обычных анализов — и в день операции, как правило, выписывают... Конечно, стерилизацию мы рекомендуем не всем. Если приходит восемнадцатилетний мальчик, который находится в фазе повышенной сексуальности, ему скорей всего будет отказано. Если молодой человек, у которого один ребенок, — врач обсудит с ним все «про» и «контра», и они вместе решат, как быть. А отцу двоих детей, если он захочет, конечно, будет сделана операция. На нее может направить наш медицин-

ский центр. Думаю, сейчас ее можно сделать и в любом областном центре.

— Вы несколько раз упомянули о простатите. Что это за болезнь?

— Простатит, воспаление предстательной железы, — заболевание, которым, по данным некоторых медицинских статистиков, поражены до 70 процентов мужчин. Как правило, его вызывает инфекция, передающаяся половым путем. Сначала возникает воспаление мочеиспускательного канала (уретрит). Потом оно поднимается выше, захватывает предстательную железу. Может перейти на придаток яичка (он особенно важен для деторождения), наконец, на почки, и вызвать пиелонефрит... Простатит дает о себе знать болями в пояснице, в промежности, в низу живота, учащенным мочеиспусканием. Он может быть и «молчаливым»: не сопровождается никакими болями, но приводит к ускоренному семяизвержению и к тому, что оргазм ослабевает, становится таким вялым, смазанным, «дохлым»... Всем мужчинам после сорока я бы посоветовал пройти ультразвуковое исследование: нет ли простатита или аденомы предстательной железы — незлокачественной опухоли, которая, однако, приводит к возникновению цистита, пиелонефрита...

— Как можно уберечься от этого зловредного воспаления?

— Не переохлаждаться. Если искупались, не давайте плавкам сохнуть на себе, сразу переодевайтесь в запасные. Любителям зимней рыбалки советую в сильные морозы посидеть дома. Типичный больной простатитом — водитель, профессионал или любитель: сидячая работа приводит к застою крови в малом тазу, к этому доба-

вляется вибрация... Делайте упражнения по разгрузке малого таза: вращайте им, «крутя велосипед», массируйте ноги, побегайте в парке...

— Какая доля мужчин, страдающих интимными проблемами, обращается к врачам-специалистам?

— Полагаю, каждый третий, не больше.

— А остальные?

— Часть из них не обратится никогда: например, алкоголики. А у них у всех есть отклонения по мужской части... Вообще я считаю, что каждый мужчина должен проконсультироваться у специалиста. И предвижу рост проблем у сильного пола — из-за ухудшения экологической обстановки, из-за увеличения числа венерических заболеваний.

— А что бы вы посоветовали женщинам? Как им вести себя для того, чтобы мужчина, находящийся рядом, чувствовал свою силу?

— Следить за собой. Быть разнообразной, от прически до сексуального поведения. Быть мужу и женой, и любовницей тоже. Знать, где кончается пьянство и начинается алкоголизм, чтобы вовремя взять благоверного за руку и притащить к наркологу. Не наказывать мужа, отказывая ему в сексуальной близости: этак в конце концов «рикошетом» она может наказать саму себя...

От редакции

Мы предвидим интерес читателей к проблеме, поэтому сообщаем координаты медицинского центра «Андролог»:

телефоны — 958-96-27, 958-93-66.
Адрес: 109432, Москва, ул. Трофимова, 31.

Владимирские сюжеты

— Я на стоящую жизнь впервые увидел через объектив фотокамеры. До этого — так, мелькание... — говорит фотограф Сергей Скуратов.

И еще говорит:

— Нужно вглядываться, вслушиваться, а не просто смотреть и слушать. Только тогда увидишь и услышишь...

Или такое вот «резюме»:

— Каждое человеческое лицо — это еще и лик, «лицо души», я бы сказал...

Посмотрите внимательно на своего друга, соседа, прохожего. Постарайтесь «скадрировать» выражение его глаз, улыбку, морщины...

— Ты хочешь сказать, что в каждом из нас есть что-то божественное, возвышенное? — спрашиваю я.

— Ну, не только ведь обезьянье...

Я склонен воспринимать сказанное Сергеем достаточно серьезно.

Ему 43 года. Больше двадцати из этих сорока трех он смотрит на нас именно так: через объектив камеры. Сначала «Чайки-2», затем «Зенита»... Сегодня у него вполне профессиональная аппаратура и репутация «своеобычного» фотографа.

Он с детства много ездил. Сын военного, родился в Сибири, жил на Алтае, в Краснодарском крае, теперь вот — во Владимире. И как профессиональному газетчику помотаться по жизни пришлось. Да не по «большакам», а просёлками, и не только владимирскими.

Инженер-механик по образованию, он пристрастился к фотографии довольно поздно — в студенческие годы. А в профессионалы ушел осознанно, поняв, что именно это его дело. Но период ученичества был предельно краток — уже в семьдесят третьем году Скуратов занимает первое место на престижном конкурсе фирмы «Пентакон-Орво». Позже были дипломы и медали выставок в Финляндии, Германии, США...

— А какая для тебя, Сергей, самая памятная выставка?

— Последняя, весной этого года. В небольшой владимирской галерее были выставлены мои фотоработы и графика Ильи Скуратова, моего сына.

— И на чью долю выпал больший успех?

— Очень надеюсь, что на долю сына. Ведь он в самом начале пути — ему так нужна людская поддержка...

В. ГУРИНОВИЧ

Какие наши годы!

«Пора, мой друг, пора...»

Половодье
в Собинке.

Алеша из Покровского детдома.

В женской колонии: Господи, помилуй!

Мама будет рада...

«Давай-ка еще раз!»

Сказки бабы Марфы.

Не вытравить...

Котлован: страшная находка.

У гадалки.

Президент во Владимире.

Мастер.

Осетии по происхождению, петербуржец по месту рождения, русский писатель Гайто Иванович Газданов (1903—1971), автор девяти романов, четырех десятков рассказов, многочисленных литературных эссе, при жизни ни одного своего произведения не увидел напечатанным на родине. Сегодня же, когда эти книги стали доступны русскому читателю, можно смело признать его одним из крупнейших русских писателей XX века, наследников классического реализма XIX века.

Гайто Газданов покинул Россию вместе с остатками войск Врангеля в ноябре 1920 года (в Белую армию, в юношеском порыве помочь побежденным, он пошел добровольцем летом 1919 года), почти полвека жил в Париже и умер в Мюнхене в декабре 1971 года.

В литературном творчестве Газданов выразил свой богатейший, хоть и несладкий, жизненный опыт. И дело не только во внешних перипетиях, эмигрантских мытарствах, постоянном хождении по грани между жизнью и смертью в период гражданской войны, в стремлении выжить во что бы то ни стало в чуждом зарубежье, без профессии и связей. Вся эта как бы внешняя сторона жизни сочеталась с напряженнейшей духовной жизнью, с осмыслением судьбы собственной, судеб тех, кого забросило в Европу, почти для всех неприютную и чуждую.

Воспитанный на русской классике, оторванный от родины, без надежды когда-нибудь вернуться, Газданов оставался верен идеалам русской классической литературы и исповедовал ее высокие моральные принципы. Его проза необычна, поэтому доступна не каждому. При внешней простоте сюжетов и характеров его персонажей поражают внутреннее эмоциональное богатство и удивительная музыкальность всех произведений.

Рассказы «На острове» и «Шрам» на первый взгляд кажутся статичными, бессюжетными, но как много разных и ярких характеров мы находим в первом из них и с какой тонкостью и деликатностью проследживает Газданов жизнь своей героини во втором рассказе, находя неожиданные слова, неожиданные ритмы, чтобы передать биение живой человеческой души. Рассказ-воспоминание «На острове» автобиографичен, написан в середине 30-х годов, «Шрам» основан на реальном факте, взятом из газетной заметки, и написан десятилетием позже. Но, как заметит читатель, оба эти рассказа существуют вне времени, хотя и отражают целую эпоху. Они вечны, как любое большое искусство. Как вечна сама жизнь.

ШРАМ

У меня никогда не было точного представления о многом из того, что меня интересовало в жизни Наташи, хотя я знал ее давно и, казалось бы, близко. Ее собственные признания касались всегда незначительных и неважных вещей, и если бы я судил только по ним, то должен был бы прийти к выводу, что ее существование протекало почти спокойно и почти безбурно. Вместе с тем было очевидно, что она прожила жизнь, в которой вместились множество событий, и одного взгляда на нее достаточно, чтобы понять, почему это не могло быть иначе. Она была чрезвычайно далека от типа классической красавицы — неодинаковый разрез глаз, чуть-чуть скошенный рот, небольшое углубление посередине лба, но все это, вместе взятое, производило впечатление повелительной привлекательности, совершенно бесспорной для всех, кто ее знал. И наряду с этой внешней резкостью ее притягательности у нее был медленный и ленивый голос. Ее всегда спрашивали, не поет ли она, она отвечала — немного, — и это была неправда, потому что она была неспособна запомнить самый простой мотив или отличить одну ноту от другой. И так же, как она лгала в этом, она лгала во многом другом. В конце концов это даже не было ложью в точном смысле слова; она просто не возражала против того, что о ней думал ее собеседник. Если ей говорили — вы такая мягкая, вас так легко обидеть, — она неопределенно улыбалась, храня при этом смутное выражение нежности, и у того, кто ей это сказал, оставалось впечатление, что он совершенно прав и что она действительно такая. Если ей говорили — я думаю, что вы никого не любите, кроме меня, — она с такой же неопределенностью и с такой же улыбкой кивала головой, и это опять, при некоторой небольшой натяжке, можно было принять за ее согласие. И так как каждому хотелось, чтобы она была именно такой, какой он себе ее представлял, то почти никто не сомневался, что он прав и ошибаются все остальные.

Я думаю — в противоположность всему, что о ней говорили, — что она вообще, вплоть до самого последнего времени, никого не любила в том смысле, в каком это понимали те, кто ее любил. У нее было горячее и неисчерпаемое великолепное тело, которому как-то удивительно не соответствовала ее душевная незначительность. Ничто сколько-нибудь отвлеченное ее никогда особенно не интересовало. Наряду с этим во всем, что касалось

человеческих отношений, она разбиралась быстро и хорошо, у нее была прекрасная память, она почти никогда не оказывалась в положении непонимающей собеседницы, и никто из любивших ее людей не сомневался, что она по-настоящему умна. Но, кажется, этому она меньше всего была склонна придавать значение. И, пожалуй, самой характерной ее чертой было полное отсутствие нравственных принципов; но она очень хорошо знала, какую ценность они имели в глазах других людей, и старалась по возможности их этим не шокировать, — может быть, из какого-то своеобразного сожаления, ей обычно несвойственного.

Ей было двадцать два года, когда я с ней встретился впервые, и она жила тогда, так же, как я, на одном из Принцевых островов в Босфоре. В течение двух недель я с ней видался ежедневно, мы гуляли и разговаривали, и я помню взгляд ее спокойных глаз и их постоянное насмешливо-сочувственное выражение. Потом однажды я у нее завтракал, и этот день и утро, которое я с ней провел, ничем не отличались от других, и в ее поведении не было ничего, что обратило бы на себя мое внимание. После завтрака, не убирая со стола, она пересела со стула на диван. Я вижу как сейчас две ровных лестнички солнечных теней на стене от затворенных ставен прямо над ее головой, помню полуденную и знойную тишину над морем и звук чьих-то одиноких шагов издалека. Я думал в ту минуту об отвлеченных вещах, но когда поднял голову, я увидел ее глаза, и в них было такое ничем не передаваемое выражение, что даже я, несмотря на всю мою молодость и на то, что я никогда до этого не знал физической близости с женщиной, — даже я понял его. Это было тягостное и непреодолимое полупонимание, полуощущение, и в следующую секунду я подумал, что, может быть, лучше уйти, хотя я уже знал, что было слишком поздно.

— Идите сюда, — сказала Наташа. Это были единственные слова, которые она произнесла. Только через полчаса она меня спросила с улыбкой:

— Первый раз?

Я кивнул головой.

— Ну, повезло тебе, — сказала она.

Мне всегда было неприятно думать потом, много лет спустя, о какой-то сравнительной ценности женщин, мне казалось, что в таком сопоставлении есть нечто одинаково унижительное и для того, кто об этом думает, и для тех, о ком он думает. И все-таки каждый раз, возвращаясь к этому, я не мог не вспомнить о том, что Наташа была самой замечательной женщиной, какую я мог себе представить. Правда, ее замечательность касалась преимущественно одной стороны любви, той, о которой почти не принято говорить. Но в этом отношении она была несравненна. Она очень хорошо это знала о себе, я помню, как она мне сказала:

— Ты мальчишка, ты не можешь этого ни понять, ни оценить.

Она была старше меня на четыре года, но эта разница исчезла потом, и затем всю жизнь она была моложе меня на те же приблизительно четыре года. И это казалось тем более правдоподобно, что она менялась чрезвычайно медленно и до самого

последнего времени сохраняла почти такой же вид, как тогда, много лет тому назад, в Босфоре.

Я провел с ней в те времена целый месяц — и благодарная моя память сохранила его, я думаю, на всю жизнь. Вместе с тем мне всегда казалось, что я ее не любил, — так же, впрочем, как она не любила ни меня, ни кого бы то ни было другого. И ее тогдашняя нежность ко мне и почти трогательная обо мне заботливость были выражением все того же самого, несколько видоизмененного чувства, которое могло называться любовью лишь в очень условном и ограниченном смысле. Но именно это чувство было главным в ее жизни, и оно же предопределило всю ее судьбу, — оно и еще тот выбор людей, которые в разные времена играли более или менее значительную роль в ее существовании.

В ней была еще одна — и самая опасная — черта — любовь к вызову и поощрению нелепых и безрассудных поступков. Она могла сказать, например:

— Ты говоришь, что любишь меня? Докажи. Прыгни в море.

Или:

— Если я тебя о чем-нибудь попрошу, ты для меня это сделаешь? Постарайся украсть в магазине халвы.

Из-за ее пристрастия к такому «дикому спорту», совершенно порядочные люди попадали в очень неприятные истории, это случалось тогда, когда ее власть над ними была особенно сильна. Я очень много о ней не знал, что с ней и где она; потом оказалось, что она прожила некоторое время в Афинах, затем была в Вене и вернулась на два месяца в Турцию. Весь ее маршрут был, однако, разработан до отъезда; и в Афинах ее ждали с таким же нетерпением, как в Вене, и с такой же, я полагаю, напрасной надеждой, что она там останется навсегда. Я забыл сказать, что она одинаково плохо говорила на многих языках, что ей, впрочем, никогда не мешало.

— Сколько у тебя было любовников? — спросил я ее однажды.

Она посмотрела на меня насмешливыми глазами и ответила, что находит мой вопрос нескромным. Это было в Париже, в Булонском лесу, ранней осенью не помню которого года. Она ехала в автомобиле с каким-то седым человеком, — я успел только заметить его загорелое лицо и глаза с беспокойным, как мне показалось, выражением, — увидела меня, замахала рукой, и автомобиль остановился. Она вышла оттуда, сказала несколько слов своему спутнику, которые, по-видимому, ему очень не понравились, потом прибавила — я явственно слышал, — говорю вам, уезжайте — и он уехал. Она подошла ко мне и взяла под руку, так, точно мы расстались с ней вчера. Я не видел ее несколько лет и даже не знал, что она в Париже. Она всегда обращалась со мной иначе, чем с другими, в ее голосе слышалась насмешливая нежность, почти искренняя. Может быть, это объяснялось тем, что она тоже не забыла Босфора, когда относилась ко мне, как к мальчику, и в силу непонятной душевной инерции нечто похожее на это сохранилось у нее до конца.

Она рассказала мне, что живет в Париже уже много месяцев, что до этого была в других местах, — не говоря, где именно, — и что собиралась все эти годы выйти замуж.

— Все эти годы? Сколько же лет? И за кого?

— Три-четыре года, — ответила она уклончиво. — За кого? За человека, которого я люблю.

— В твоём возрасте очень трогательно, — сказал я и посмотрел вниз; я увидел её стройные ноги, с безошибочной быстротой и точностью ступающие по аллее — такой походкой ходят только здоровые люди. Я вспомнил — сквозь столько лет — всю линию её тела и почувствовал, как кровь медленно прилиwała к моему лицу. Я не знаю, как она угадала или ощутила это, — она, впрочем, была необыкновенно чутка в таких вещах, эту область жизни она знала до конца, — и спросила, даже не давая себе труда объяснить что бы то ни было и зная, что я не могу её не понять:

— Не забыл ещё?

— Знаешь, — продолжал я, — мне иногда кажется, что ты плохо кончишь. Тебе будет больше пятидесяти лет, и тебя найдут в комнате гостиницы, голую и мертвую, а через несколько дней арестуют того субъекта в кепке, который тебя задушит, соблазнившись содержанием твоей сумки.

— Умру бабушкой, — сказала она, смеясь, — и ты ещё придешь, надеюсь, на мои похороны — таким, знаешь, чистеньким, покашливающим старичком с дрожащими коленками.

Разговаривая с ней тогда, я не мог не заметить в ней некоторых изменений; раньше она была, я бы сказал, менее развита, менее словоохотлива, чем теперь, и, судя по тому, что она произнесла несколько слов о живописи, о какой-то модной книге и о концерте, на котором была недавно, и по тому, что в своих суждениях она не сделала ни одной резкой ошибки, я понял, что за эти годы она была близко знакома с довольно разными и сравнительно культурными людьми. Я заметил не только это: под левым её глазом виднелся беловатый шрам, которого раньше не было. Он не был похож на обыкновенный след от разреза, это было нечто вроде тупой и сравнительно широкой полоски кожи, как будто сорванной с лица. Расставаясь с Наташей — она усиленно приглашала прийти к ней как-нибудь на днях, — я все видел перед собой этот шрам. Я глубоко задумался, возвращаясь пешком из Булонского леса; в светлом и прозрачном воздухе этого солнечного осеннего дня я несколько раз едва не наткнулся на прохожих. Я силился и не мог вспомнить, где уже слышал что-то трагическое, что было непонятным образом связано с впечатлением от шрама. Но моя память изменила мне — и я не мог этого найти.

Я шел и думал о Наташе, жизнь которой всегда так интересовала меня, несмотря на то, что меня с ней, в сущности, почти ничто не связывало, особенно теперь; ничего, кроме воспоминаний, но воспоминаний у меня и так было слишком много. Если бы я возвращался к каждому из них, вся моя жизнь заключалась бы в постоянном беге назад, в прошедшие и исчезнувшие времена. Мне хотелось знать другое: не случится ли наконец что-нибудь в её существовании, что остановит рано или поздно это неутомимое движение?

Она, конечно, никого не любила — в том смысле, что не существовал, я думаю, человек, без которого она не могла бы себе представить свою жизнь. Но к каждому своему любовнику, в начале каждого нового романа, она относилась не так, как к другим, это не было повторением того, что предшествовало, и в пределах ее немногочисленных душевных возможностей это все-таки была любовь. Иначе она не умела или не могла. Но те, с кем она расставалась, никак не могли этого постигнуть, им все казалось, что с ее стороны это либо нежелание, либо невозможность понять свои собственные чувства, которые — в представлении этих людей — должны были быть, по отношению к каждому из них в отдельности, неизменными. И из-за этого в ее жизни было столько драм, и в основе всех драм всегда находилось какое-то идеально произвольное и ничему не соответствующее представление разных людей о том, какой должна быть Наташа. Они все думали, что она именно такая, и никак не хотели согласиться с бесспорнейшими фактами, неизменно опровергавшими это предствление. С совершенно таким же упорством они не понимали, как, после нескольких месяцев близости, Наташа, не покидая их окончательно и продолжая к ним, в сущности, хорошо относиться, могла иметь еще одного любовника. Вместе с тем было ясно, что она была такой до встречи с ними и будет такой после того, как с ними расстанется, и рассчитывать на ее перерождение каждый раз было бы по меньшей мере преждевременно.

Но самым удивительным мне казалось, что никто, ни один человек среди тех, которые испытали из-за нее мучительные и долгие чувства, иногда тянувшиеся целые годы, — никто не относился к ней отрицательно, и каждый, если бы Наташа пришла завтра к нему, бросил бы все и полагал бы, что теперь он будет счастлив. Она за свою жизнь была виновницей огромного количества ничем не оправданных иллюзий, не делая для этого почти никаких усилий и только не мешая никому думать о ней то, что ему хочется. В этом была ее несомненная и бессознательная сила — и даже расставшись с ней, они сохраняли каким-то непонятным образом подобные иллюзии. В ней было что-то, что пробуждало в этих людях, в сущности, лучшие их и самые длительные чувства, совсем, казалось бы, неуместные по отношению к ней; и в этом соединении ее измен и иллюзий и состояла, я думаю, та своеобразная отравка, которая так медленно проходила у ее покинутых любовников и которая делала их жизнь более важной и значительной, чем та, какая была до встречи и расставания с ней.

Я всегда полагал, что не принадлежу к категории покинутых Наташей, более или менее кратковременных ее спутников; впрочем, число тех, с кем ее связывали действительно длительные и действительно серьезные отношения, было не очень велико, значительно меньше, во всяком случае, чем могло показаться на первый взгляд. Другие ее романы носили очень короткий и случайный характер и происходили чаще всего одновременно и параллельно с главными. Так было, например, в тот раз, когда, проездом в Италию, где ее с нетерпением ждал тогдашний

любовник, она остановилась на один день в небольшом пансионе Ниццы и за завтраком познакомилась с американским журналистом, приехавшим для какого-то репортажа о французской Ривьере. В течение трех недель она с ним не расставалась. Я жил тогда в том же самом пансионе, его адрес Наташа узнала случайно через меня — я его сообщил ей в одном из тех десяти или двенадцати писем, которые написал ей за шестнадцать лет нашего знакомства. Из Рима ей присылались бесконечные телеграммы, простые и с оплаченным ответом, несколько раз в день оттуда звонили по телефону — она спускалась вниз, в халате на голое тело, и отвечала своим медленным и ленивым голосом, что сегодня выехать не может, наверное, выедет завтра и что по приезде все объяснит. Почему-то герой ее романа, появления которого я с нетерпением ждал, никак не мог приехать, я даже спросил Наташу, не в тюрьме ли он. Не знаю, какой репортаж получился у журналиста, времени для газетной работы у него, по-моему, не оставалось. Потом она все-таки наконец уехала и из Рима даже прислала американцу какую-то открытку. Я видел, как он ее читал и встряхивал головой. Я так же не мог себе представить, какие объяснения Наташа дала своему римскому корреспонденту — во всяком случае, никакой трагедии там не произошло, и после этого она прожила с ним еще два года.

Итак, я не принадлежал к числу Наташиных спутников и не влачил за собой, как они, никакого груза надежд и иллюзий. Мне казалось, что она в моей жизни была совершенно случайна и осталась слишком мне чужда во всех ее чувствах и романах. У меня не могло с ней быть даже дружбы, мы виделись раз в два или три года, и при каждой встрече она рассказывала о себе какие-то незначительные вещи. Но я ловил себя на мысли о том, что слежу за всеми изменениями ее существования с постоянным и неослабевающим любопытством. У меня были о ней только случайные сведения, но я никогда не пропускал возможности их узнать и поддерживал, например, знакомство с людьми, единственный интерес которых заключался в том, что в течение известного времени они были ей близки. Выходило так, что я с нетерпением ждал какой-то катастрофы в ее жизни, того дня, когда она наконец споткнется и с ней произойдет, быть может, то, что так часто происходило с героями ее романов. И я сравнивал себя шутя, когда говорил с ней об этом, с анекдотическим англичанином, который переезжал вместе с цирком из города в город, ожидая дня, когда наконец лев разорвет своего укротителя. Но годы шли, и все было сравнительно благополучно, если вообще это слово могло иметь какое-то значение в жизни Наташи.

И я знаю, в сущности, почему так следил за ее существованием. В Наташе было несомненное, хотя и жестокое человеческое великолепие, и я со стороны не мог не любить, совершенно бескорыстно, ее непередаваемую животную прелесть. И потом мне было досадно, что все-таки ее жизнь похожа на плохой роман, и когда я встречал некоторых — правда, всегда наиболее кратковременных — ее спутников, меня не мог не коробить ее дурной вкус. Короче говоря, если бы это могло зависеть от

меня — в каком-то отвлеченном и предположительном смысле, — я бы заставил ее прожить не такую жизнь, и мне казалось, что та, которую бы я для нее придумал, была бы интереснее и значительнее и заключала бы в себе непреходящий элемент трагического отражения, которого сама Наташа была, по-видимому, не способна создать и без которого мое представление о ней носило чем-то обидный и незаконченный характер.

После встречи с Наташей в Булонском лесу я пришел к ней однажды вечером — по тому адресу, который она мне дала. Наташа жила в мебелированной квартире возле Place de l'Etoile; в смысле обстановки это была какая-то безликая розовая ерунда, и было видно, что здесь подолгу люди не живут. Она приняла меня в синем бархатном халате, который мог бы сойти за платье — она вообще любила такие промежуточные и уклончивые вещи, — и меня удивило выражение ее лица, одновременно умиленное и серьезное. Мне показалось, что глаза ее блестели больше, чем всегда. В вечернем электрическом освещении на ее лице сильнее белел шрам.

— Что с тобой? — спросил я, поздоровавшись.

— Ты ничего не замечаешь? — сказала она с некоторым усилием. — Ты всегда был ненаблюдательный, это правда.

— Мне кажется, что ты в каком-то ненормальном состоянии.

— Я пьяна, — ответила она.

Я знал, что в прежние времена она не пила — или, во всяком случае, не пила до опьянения. Хотя, в конце концов, что я знал о ней вообще, кроме очень немногих вещей?

— Я научилась пить в Америке, — сказала она извиняющимся голосом. — Садись сюда, поговорим. Так давно тебя не видела. Ты был первым человеком, которого я любила.

— Теперь я вижу, насколько ты действительно пьяна. Сделать тебе теплого молока?

— Ты никогда ничего не понимал, — продолжала она, не раздражаясь. — Это правда, я тебя очень любила, ты этого так и не узнал бы до конца, если бы не застал меня сегодня в пьяном виде.

— Боюсь, что разговор завел бы нас очень далеко, — сказал я. — Кроме того, этот вопрос не имеет особенного значения, и я предполагаю, что ты любила не только меня.

— Я не говорю, что только тебя, а о том, что ты был первый.

— Чтобы доставить тебе удовольствие, готов с этим согласиться.

Она сидела рядом со мной, чем-то взволнованная и молчаливая; вырез халата на ее груди сходиллся большим треугольником, и под ровной смугловатой кожей угадывались плоские переделы мускулов.

— Ты счастлив? — спросила она.

— Тебе действительно вредно пить, Наташа.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Не все ли равно?

— Нет, скажи.

— Не надо капризничать. Расскажи лучше о себе, уверен, что у тебя больше материала, чем у меня.

— Я не умею рассказывать. Спрашивай, я буду отвечать. Пользуйся случаем, это редко бывает. Я тебе отвечу на три вопроса, знаешь, как в сказках, — сказала она, глубже усаживаясь на диване. — Любые три вопроса. Хочешь?

— Хорошо.

И я сказал, что мне прежде всего хотелось бы знать: во-первых, что она написала американскому журналисту, во-вторых, какие объяснения дала своему корреспонденту и что из этого вышло.

— А, — она на секунду нахмурила брови. — Я написала ему: «Мой дорогой, желаю вам всего хорошего. Мне очень жаль, что мы не можем встретиться в ближайшее время. Наташа».

— А что было в Риме?

Она улыбнулась широкой и пьяной улыбкой.

— Я рассказала ему всю правду, он смеялся и не поверил ни одному слову. Этим все кончилось.

Мне оставалось только пожать плечами, я не нашелся, как реагировать иначе на удивительный Наташин лаконизм и на какую-то странную естественность ее поведения.

— Ну, теперь третий вопрос, — сказала она, — последний.

— Хорошо, последний. Откуда у тебя этот шрам на щеке?

Наташа вдруг встала и сделала несколько шагов по комнате, не произнося ни слова.

— Что с тобой? — спросил я. — Не считай это за четвертый вопрос, пожалуйста.

— Можно не отвечать на третий вопрос?

— Конечно, можно.

Она очень пристально на меня посмотрела, и глаза ее на секунду стали сердитыми.

— Ты приняла на себя, может быть, непосильное обязательство, и я вовсе не хочу воспользоваться этим. Хочешь, я переменяю вопрос? Спрошу, например, любишь ли ты по-прежнему теннис?

В глубине души я упрекал себя за то, что дразню Наташу. Но чем яснее для меня становилось, что этот вопрос имеет неожиданно важное значение, тем больше мне хотелось знать, в чем дело.

— Хорошо, я расскажу, только выпью еще немного коньяку.

Она действительно выпила рюмку коньяку, потом села опять рядом со мной и стала рассказывать.

Это произошло в Америке, зимой, несколько лет тому назад. Она любила одного человека — давно знакомая мне классическая формула, — с которым жила за городом, далеко от его родных и семьи. Это был хороший и веселый человек, любивший выпить и отличавшийся страстью держать самые разнообразные пари. У него бывали иногда два его товарища по колледжу, такие же, в сущности, как и он. Она прибавила еще несколько слов по этому поводу, и у меня создалось впечатление, что эти трое товарищей были действительно похожи друг на друга — одно воспитание, одна среда, одни интересы. А главное — они питали к Наташе одинаковые чувства. Я не знал, в какой мере она отвечала им взаимностью, но тон ее был несколько стран-

ный, и я подумал, что она сама не могла бы сказать, кого именно любила. Они нередко вчетвером устраивали кутежи. И вот однажды Наташе, которая в тот вечер была совершенно пьяна, пришла в голову нелепая и страшная мысль — научить их играть в «кукушку».

— Знаешь, что это такое? — спросила она, перебивая себя.

— Знаю, тушат свет, у всех в руках револьверы, каждый играющий обязан время от времени подавать голос, и по направлению его голоса в него стреляют. Так?

— Да. Что бы ты сказал, если бы тебе предложили такую игру?

— Отказался бы, — ответил я, пожав плечами.

— А если бы ты был пьян и женщина, которую ты любишь, обвинила бы тебя в трусости?

— Не знаю. Думаю, что все равно отказался бы. — И вдруг я понял, как мне показалось, чем был вызван этот безумный поступок Наташи, и почувствовал холод в спине. Я почти с ужасом смотрел на это лицо, которое так давно и хорошо знал, и на эти остановившиеся глаза.

— И ты устроила лотерею?

— Нет, нет, нет! — с силой воскликнула она. Но именно по силе ее отчаянного отрицания я понял, что так и было.

Они пошли в переднюю, она и один из товарищей ее любовника, и выключили электрический счетчик. Потом вернулись — и началась эта страшная забава. Наташа сказала, что в течение первых минут они все молчали. Я подумал, что если кто-нибудь из них, вдруг протрезвившись и поняв все безумие происходящего, даже хотел положить этому конец, он не смог бы этого сделать, зная, что за первым звуком его голоса последует выстрел. И я представил себе тьму, троих товарищей с револьверами в руках и томительное молчание первых минут. Потом наконец ее любовник крикнул совершенно неестественным, по ее словам, голосом:

— Я здесь!

— I am here!* — повторила Наташа. И после этого началась стрельба. Выстрелов и криков было столько, что у нее звенело в ушах, и она уже ничего не понимала. Потом ей обожгло щеку, рядом раздался нечеловеческий хруст — и все кончилось. Ее любовник и один из его товарищей были убиты. Третий участник игры был тяжело ранен.

Наташа замолчала. Я сделал над собой усилие и поднялся, чтобы уходить.

— Останься еще со мной, — сказала она, и я с удивлением услышал в ее медленном голосе какую-то новую интонацию, которой до сих пор не знал. — Я никогда не скучаю, но сегодня мне неприятно одиночество, не хочется, чтобы ты уходил.

Я остался и пробыл с ней до рассвета. Это была долгая октябрьская ночь, я сидел в нелепом кресле розового цвета, под лампой с низким абажуром, Наташа — против меня, на диване.

* Я здесь! (англ.)

Мы пили сначала кофе, потом чай, потом опять кофе. И именно в эту ночь она была откровенна со мной — единственный раз в жизни, и говорила о вещах, которые обычно обходила упорным молчанием, неизменным при всех обстоятельствах. Из нашего разговора стало ясно, что в общем эта жизнь тяготила ее.

— Игра окончена? — сказал я. — Могу опять спрашивать о чем-нибудь?

Она улыбнулась и утвердительно кивнула головой.

— Ты знаешь по крайней мере, чего бы тебе хотелось? Какой должна быть твоя жизнь, чтобы это удовлетворяло тебя?

Ей хотелось бы, как она сказала, чтобы вчерашний день был непохож на сегодняшний, а сегодняшний непохож на завтрашний. И ей хотелось бы, чтобы менялось все: люди, обстановка, страны и даже климат.

— И тебе кажется, что тогда ты была бы счастлива?

— Оставь мне эту иллюзию. — Она опять улыбнулась.

— Иллюзию! — сказал я. — Это ты говоришь об иллюзиях? Я думал, что это участь только твоих спутников. Правда, у них другие иллюзии, как раз противоположные.

— И такие же в конце концов напрасные.

Не знаю почему, но эта октябрьская ночь была чем-то похожа на тот далекий босфорский полдень, о котором я навсегда сохранил воспоминание. Я несколько раз поднимал глаза на стену, и мне казалось, что, если бы я вновь увидел на ней ровные и параллельные полосы света от затворенных ставен, как тогда, это бы несколько меня не удивило. Но только теперь у меня не было томительного предчувствия, что вот сейчас, в течение ближайших минут, изменится мир в моем представлении, все было неподвижно, прозрачно и печально; за это время множество вещей и множество душевных способностей успели во мне умереть. И я вдруг, на очень короткое время, ощутил на себе тяжесть долгих лет и невозможность испытать те чувства, которые испытывал раньше. Это было чем-то, пожалуй, похоже на непоправимое открытие акробата, который в один прекрасный день замечает, что больше не способен к мускульному усилию, дававшемуся так легко в прежнее время.

В эту ночь я узнал о Наташе больше, чем за все годы нашего знакомства. В общем, ее жизнь приблизительно соответствовала представлению, которое у меня было о ней, — с той разницей, что для Наташи не все проходило так легко и бесследно, как казалось. Ее в особенности волновала судьба третьего участника игры в «кукушку», единственного оставшегося в живых. Это и был тот человек, которого она, по ее словам, любила и за которого собиралась все эти годы выйти замуж. В течение долгого времени он находился между жизнью и смертью. А когда, наконец, выздоровел, его посадили в тюрьму, откуда он вышел только через несколько лет. У него не осталось ничего, и доступ в его прежнюю среду был закрыт. По последним сведениям, он работал в какой-то конторе, в одном из портов Южной Америки, о чем рассказал Наташе один из их общих знакомых, американец, бывший проездом во Франции и встретившийся с ней год тому назад. Она дала ему адрес своей тетки, постоянно

жившей в Париже, и сказала, что по этому адресу ей можно писать. Но за все время не получила ни одного письма.

— Значит, то, что ты собиралась выйти за него замуж, было твоим личным проектом? — спросил я. — Он, по-видимому, этого не знал?

— Я предполагаю, что он тоже об этом думал, — медленно произнесла она.

После этого я поцеловал ей руку и ушел. Она сказала, что я могу прийти в любой день без предупреждения и что вечерами она обычно дома.

Я не сказал Наташе, что я знал уже почти все о трагической ночи в окрестностях Сан-Франциско. Я прочел об этом несколько лет тому назад, совершенно случайно, в номере американской газеты. В газетном отчете со всеми подробностями описывалась драма, причину которой не понимали ни полицейские, ни журналисты. Еще одна подробность, о которой Наташа не говорила мне: все трое товарищей были офицерами американского флота. По отгискам пальцев на револьверах было установлено, что каждым из них пользовался только тот, кому револьвер принадлежал, и что это снимало всякое подозрение о непосредственном участии в двойном убийстве женщины, найденной рядом с трупами, которая лежала в глубоком обмороке. Приводилось ее показание: все были пьяны, возникла ссора, потом потух свет, началась стрельба, ее легко ранили, и она потеряла сознание. Журналист, которому был поручен отчет, писал, что эта женщина, «подданная одного из славянских государств», обнаружила редкое присутствие духа и почти непостижимое равнодушие к своей собственной судьбе. «Может быть, — писал он, — это не первая трагедия в ее жизни, и она забудет о ней, как забыла о других. Единственным напоминанием об этом будет шрам, который несомненно останется на ее левой щеке». Когда я читал в свое время статью, то был предельно далек от мысли о Наташе. Но едва она начала рассказывать, я тотчас же вспомнил все — в особенности из-за последних слов отчета: «будет шрам, который»...

Всю дорогу домой и потом уже дома, поздним и холодным вечером, я не мог забыть об этом. Когда ехал в метро, через бесконечную последовательность электрических ламп, серых стен туннеля, медленно уносившихся в непередаваемом железном шуме колес и рельс, и отплывающих назад пассажиров, остающихся на перроне, я упорно возвращался к тому, что только что узнал. Но труднее всего сказать, что именно я тогда думал. Это мало походило на мысли вообще, скорее, особенно острое сознание непоправимости всего, что произошло, и непонятное чувство моей собственной вины, легко опровергаемое элементарным здравым смыслом и неизменно возвращающееся всякий раз.

В течение трех недель я собирался к Наташе каждый вечер, но какие-то незначительные вещи мешали мне, и визит откладывался и откладывался, пока, наконец, потерял всякий смысл. Так прошла зима, и вот однажды в марте, совершенно случайно

оказавшись в девять часов вечера недалеко от ее квартиры, я решил зайти, чтобы узнать, продолжает ли она там жить. К моему удивлению, она жила все там же. Я поднялся и позвонил, мне тотчас же отворили.

Наташа была дома, в платье другого цвета, но таком же плотном и так же похожем на халат. Она встретила меня без особого удивления. Едва взглянув на нее, я не мог не заметить изменившегося выражения ее глаз. Что-то с ней случилось за это время — и я ощутил мгновенную и смутную тревогу.

— Что-нибудь произошло?

— Я получила, наконец, письмо.

Я молчал, выжидательно глядя на нее. Она вышла из комнаты и вернулась с письмом, которое протянула мне, — и в этом ее движении, как мне показалось, было нечто беззащитное и совершенно ей раньше несвойственное. Я придвинул розовое кресло ближе к лампе и стал читать.

Ее корреспондент писал, что он молчал до сих пор, так как не был уверен, что будет в состоянии составить письмо так, чтобы впоследствии об этом не жалеть и не раскаиваться. В том, что следовало за первыми строками, действительно угадывалось судорожное желание сдержанности и — что мне казалось особенно странным — по тому, как оно было написано, почти явственно ощущалось, что между началом и концом письма как будто поднялась и опустилась какая-то далекая чувственная волна, умиравшая на последних строчках.

Это было очень замечательное в своем роде письмо, и я жалею, что не мог запомнить его целиком. Содержание его сводилось к тому, что он желал Наташе всего хорошего.

«Вы можете быть совершенно спокойны, никакая опасность вам не будет угрожать с моей стороны, где бы вы ни находились. Я верю, что вы любите меня». Дальше было несколько строк, густо и старательно зачеркнутых. «Я жалею, что не нахожу в себе той огромной благодарности к вам, которую должен был бы испытывать. Надеюсь, что вы извините меня за это. Я знаю, что вы ни в чем не виноваты, но меня отделяет теперь от того времени, когда вы меня любили, — опять целая строка зачеркнута, — смерть двух лучших моих товарищей, мое собственное неудачное умирание, годы тюрьмы и некоторые другие огорчения. Я полагаю, что заплатил за вас очень дорогую цену, и не сомневаюсь, что вы стоите этого, а может быть, даже гораздо большего. Но я слишком беден для вас, и у меня ничего теперь не осталось. Все могло бы быть иначе только в том случае, если бы мои душевные богатства позволяли мне тратить, не считая, жизнь моих товарищей, мою собственную и то, что я любил — кроме вас и до вас. Но мое состояние этого не позволяет. Желая вам всего хорошего. Думаю, если бы Джонни и Фред были живы, они бы присоединились к моему пожеланию — и может быть, у нас троих, вместе взятых, хватило бы средств, чтобы разрешить, по вашему выбору, одному из нас роскошь вас любить. Но вы не захотели нам оставить этой возможности и лишили нас надежды в ту самую ночь, на вилле Джонни, когда — вы помните? — вы помните? — вы помните? — свели наш счет с таким страшным и непоправимым результатом. Я очень надеюсь, по-

что уверен, что воспоминание об этом инциденте не будет преследовать вас. Но для Джонни, Фреда и меня это представляется иначе. Полагаю, вы найдете в себе достаточно снисходительности, чтобы извинить нас. Еще раз желаю вам всего хорошего. Простите за зачеркнутые строки».

— Теперь ты можешь вспомнить анекдот с англичанином и укротителем, — сказала Наташа.

Но я был далек от мысли о каких бы то ни было анекдотах. Я испытывал в эти минуты такую душевную тяжесть, точно и на мне, Бог знает каким образом, лежала ответственность за трагедию в Сан-Франциско. Это усиливалось смутным ощущением того, что теперь я вряд ли буду еще видеть Наташу. Во всем происшедшем была какая-то непреодолимая для меня вещь — будто в ту ночь и я находился на той вилле и так же ничего не забыл, как человек, написавший письмо Наташе.

Это было напрасное и неверное чувство, но я не мог его не испытывать.

И я понял тогда, что меня влекло к Наташе преступное бессознательное желание власти над ней и столь же преступное и нетерпеливое ожидание катастрофы, которая наказала бы ее за небрежный уход от меня, — и что, переживая это длительное волнение, я был, в сущности, виноват не меньше, чем она. Сознание душевной вины перед ней было так непреодолимо, что оно навсегда лишило меня возможности сделать над собой усилие, к которому я теперь был неспособен и которое было бы нужно, чтобы встретить ее и увидеть еще один раз ее изменившиеся глаза и этот шрам на лице.

На острове

*«В те дни, когда в садах лицей
Я безмятежно расцветал...»*

Я учился в четырех гимназиях, в реальном училище, в кадетском корпусе и, наконец, в парижском университете, но нигде не видел ничего, что хоть отдаленно напоминало бы то своеобразное учреждение, в которое поступил в Константинополе в тысяча девятьсот двадцать втором году: удивительное и неповторимое время, когда одинаково возможными казались и поездка в Америку, и превращение — как в Шехеразаде — в турецкого рыбака, или солдата британской армии, или подданного голландской королевы. Все было зыбко и расплывчато, никто бы не мог

сказать, что будет завтра; люди добывали средства к жизни самыми неожиданными способами. Один мой знакомый, например, не обладавший ни музыкальным образованием, ни даже слухом, хорошо зарабатывал, настраивая рояли. Это было так поразительно, что я попросил его рассказать, каким образом такая вещь могла удаваться.

— Очень просто,— сказал он,— все это чистейшая психология.

— Я до сих пор думал...

— Совершенно напрасно. Я прихожу в дом, где есть пианино, и спрашиваю, не нужно ли его настроить. Хозяйка мнется. Тогда я сажусь за рояль и играю вальс, который с величайшим трудом выучил, и не думайте, что по нотам, так как нот я не знаю; знаю, что есть ключ скрипичный и ключ басовый, а чем они друг от друга отличаются, черт их ведает. Да, играю вальс и нахожу, что пианино необходимо настроить. Хозяйка соглашается. Я прошу всех выйти из комнаты и закрыть дверь, так как иначе работать не могу. Все удаляются. Я сажусь, вынимаю книжку и читаю с полчаса, иногда для разнообразия нажимаю один клавиш. Потом отворяю дверь и говорю:

— Пианино настроено, мадам.

Она что-то там играет и находит, что действительно совершенно другой звук, что я прекрасно его настроил. Затем я получаю деньги и ухожу. Вот и все.

Он учился вместе со мной, потом работал во Франции, был маляром и собирался поступать в *Ecole de langues orientales*¹, он бегло говорил по-турецки, по-гречески, по-армянски и по-персидски. Умер от туберкулеза в Ницце несколько лет тому назад.

Константинопольская гимназия, в которую меня приняли, переехала через два месяца в один из городов Болгарии — я хотел написать — в небольшой провинциальный город, но в Болгарии все города небольшие и провинциальные. Это была закрытая восьмиклассная гимназия, где мы состояли на полном пансионе, который, впрочем, ввиду нерегулярного «поступления сумм», не всегда был достаточным, во всяком случае, летом из экономии мы ходили босиком. Гимназия занимала большое здание, окруженное двором и садом. Освещение было керосиновое, а отопление вовсе не было, пока мы сами не устроили глиняных печей. Учеников разных классов было, помнится, двести с чем-то и человек пятьдесят служебного и педагогического персонала. И ученики, и персонал были не совсем обыкновенными. Большинство гимназистов в недавнем прошлом были солдатами, офицерами или матросами. В седьмом классе самому младшему ученику было семнадцать лет, самому старшему — тридцать шесть, как это проходило в официальных отчетностях, не знаю. Среди нас были кочегары, артиллеристы, матросы коммерческого, военного и даже парусного флота, был комендант города Керчи, ставший учеником пятого класса — учился он средне, но обнаружил большую склонность к любительским спектаклям, где неизменно

¹ Институт восточных языков (фр.).

играл в пьесах Островского на патетических ролях с задушенными интонациями, были спекулянты, столяры, рабочие, офицеры разных чинов, впрочем, не старше капитана, был один ротмистр, милейший и беспечнейший человек, кончивший кадетский корпус в России в тысяча девятьсот десятом году. И вот эти люди усердно учились. Культурный уровень их был тоже очень различен, но учеников, обладающих нормальным для своего возраста запасом знаний, хотя бы по Пушкину:

Мы все учились понемногу

Чему-нибудь и как-нибудь, —

было ничтожное меньшинство. Помнится, преподаватель математики, увлекавшийся и очень любивший свой предмет, экзаменовал одного вновь поступающего юношу, чтобы определить, в какой класс он может быть принят. Юноша стоял у доски с угрюмым и недоверчивым видом, ему было лет восемнадцать, на нем были штаны галифе и сапоги бутылками. Преподаватель математики стал его спрашивать:

— Вы помните квадратное уравнение?

Экзаменующийся с трудом крикнул и промолчал.

— Не помните? Ну, это неудивительно. Это ничего, мы с вами сейчас выведем первую формулу квадратного уравнения. Существует, если вы не забыли, две формулы, но мы пока что ограничимся первой формулой простого квадратного уравнения. Ну, пишите: $x^2 + px + q = 0$.

Сапоги бутылками несколько раз тяжело переступили с места на место. Экзаменующийся не писал.

— Ну, пишите же: x^2 ...

Экзаменующийся не писал. Причина выяснилась довольно быстро: он не знал латинского алфавита. Это даже у нас было исключительно. Но я помню, как сокрушался один мой одноклассник, сидя над французским уроком: в трехстраничном отрывке из «Отверженных» Виктора Гюго, который он переводил, ему попало четыреста незнакомых слов. В пятом классе был ученик, написавший совершенно анекдотичное сочинение на тему о Кавказе, которое потом долго ходило по рукам и где Кавказ был назван «жемчужиной России с очень многими истакаемыми». «Истакаемые» значило ископаемые, и, что удивительнее всего, употребляя этот сомнительный термин, ученик имел в виду минеральные богатства Кавказа, полагая, по простоте душевной, что если их добывают из-под земной поверхности, то почему же им не быть ископаемыми.

Педагогический персонал был не менее оригинален. Далеко не все были профессиональными преподавателями. Это имело свои дурные и хорошие стороны. Лучший из них — директор гимназии, Григорий Григорьевич Мейер. Кажется, в России он был одним из преподавателей артиллерийской академии. В нем не было ничего военного или административного, но управлял он гимназией, что особенно трудно при таком составе учащихся, при всегда стесненных материальных обстоятельствах, так хорошо и умно, без резких мер, без наказаний, и все шло настолько прекрасно, насколько это вообще возможно. Каждый гимназист пользовался такой свободой, что мог бы делать все, что захотел;

но непостижимый секрет Григория Григорьевича заключался в том, что даже самые отпетые ученики ни разу не захотели воспользоваться этой свободой. Как и большинство очень дельных людей, Григорий Григорьевич не был особенно словоохотлив, но с тем большим вниманием его слушали, когда он говорил. Вместо наказаний он употреблял следующий способ воздействия: вечером после ужина собирал всех учеников и говорил с ними о тех или иных проступках, коротко их комментируя. Здесь он бывал безжалостен: читал нам вслух любовную переписку учеников (гимназия была смешанная) или говорил, с недоумением пожимая плечами, — речь шла об «Орле», ученике седьмого класса, бывшем профессиональном борце, человеке добродушном и миролюбивом, никогда не прибегавшем к физической силе, но не всегда словесно корректном и своеобразно диком: «Господа, ну, представьте себе: вот вы кончаете гимназию и едете за границу, и Орел тоже едет; и вот — Орел в Париже. Ну, представьте себе: Орел — в Париже!» Вся гимназия начинала хохотать, думаю, что Орел чувствовал себя неважно.

В другой раз директор читал нам послание гимназиста к Людмиле Д., ученице шестого класса:

«Дорогая Милочка, вы можете мне не верить, но я нахожусь на краю напряжения...»

— Я не говорю о стиле, — разводил руками Григорий Григорьевич, — но вообще разве можно так писать? На краю напряжения — это совсем нехорошо.

Он преподавал физику, и у него не было неуспевающих учеников. Мне плохо давались точные науки, и особенной любви я к ним не питал, но физику учил — было уж очень неловко выйти к доске и не знать, как устроен электроскоп или как идут лучи в лупе, смотреть в умные, понимающие и снисходительные глаза Григория Григорьевича и не суметь ответить — это казалось просто унижительным. Такое чувство было у всех, и к урокам физики готовились особенно усердно.

Другой преподаватель, непохожий на остальных, Валентин Валентинович Рашевич, он заслуживал бы того, чтобы о нем написали не несколько строк, а целую книгу. Принадлежал он к той породе энциклопедически образованных людей гуманистического порядка, которые существовали в блистательном девятнадцатом столетии и которых почти не осталось в нашем веке, невежественном и убогом. Кажется, он знал все: одинаково свободно говорил и о двигателях внутреннего сгорания, и об египетской культуре, и о медицине, математике, философии и английской литературе.

Никогда не забуду его последней речи — в день выпускного акта. Он говорил о Паскале и Пастере и кончил, обращаясь к нам:

— В мире есть три рода борьбы за существование: борьба на поражение, борьба на уничтожение и борьба на примирение. Помните, что самый лучший и самый выгодный род борьбы — это борьба на примирение.

Преподавал он нам русскую литературу, читал классиков и объяснял, как их следовало понимать, объяснения его, при всей

их замечательности, — мне не приходилось впоследствии ни слышать, ни читать ничего, что могло бы сравниться с их интуитивной безошибочностью и непогрешимым, мгновенным угадыванием самых удаленных сторон скрытого смысла: обычные критические статьи казались беспомощным лепетом по сравнению с его объяснениями, и было смешно и жалко открывать потом учебник словесности — правда, более глупых книг, чем русские учебники словесности, не существует, — объяснения его отличались тем недостатком, что были недоступны большинству учеников, и я помню мертвенно непонимающие лица, когда Валентин Валентинович с волнением в голосе повторял фразу Паскаля, ужасную по своему трагизму, почти нечеловеческому:

— *C'est ec silence éternel des espaces infinies qui m'effray!*¹.

Я как-то спросил его мнение о религии.

— Надо верить в Бога, — сказал он, — это, может быть, самое прекрасное, что придумали люди.

Через несколько дней после этого у нас в гимназии умерла от какой-то молниеносной болезни одна учительница, молодая женщина двадцати четырех лет. Ночью я вышел на балкон, было душно, неподвижное небо тяжело лежало над нами, в передней я увидел старика с седой бородой, отца умершей, он сидел за столом, плакал и читал Евангелие. На балконе я заметил широкую спину Валентина Валентиновича и на цыпочках подошел к нему. Он повернул ко мне свое лицо, освещенное медным светом луны, и сказал:

— Ну, что вы можете ответить этому старику, чем вы можете его утешить? Все сокровища мира не существуют для него, и нет человеческих слов для его утешения. Видите, он читает Евангелие. Чем вы замените ему эту единственную книгу?

Всем нам — и преподавателям тоже — жилось трудно, помню, мы узнали, что у Валентина Валентиновича нет денег на табак, мы собрали всем классом какую-то сумму и во время отсутствия Валентина Валентиновича поставили ему на стол в его комнате коробку с тысячью папирос.

Он помогал всем, кто к нему обращался: нужно было решить сложную задачу — шли к нему, нужен был трудный перевод — обращались к нему же. И однажды наша одноклассница, готовившаяся к экзамену и плакавшая над совершенно непонятной теплотой — никто не мог ей объяснить, что такое теплота, — пошла к Валентину Валентиновичу по нашему совету; было решено, что если уж он не объяснит, то значит это — вне человеческих возможностей, и, поговорив с ней полчаса, Валентин Валентинович заставил ее понять теплоту. Как он этого достиг — было непостижимо. Ученица выдержала экзамен.

— Это на вас вдохновение нашло, — сказал ей преподаватель.

— Валентин Валентинович объяснил, — ответила она.

Слишком долго рассказывать о всех наших преподавателях. Я приведу лишь несколько примеров. Был такой воспитатель, генерал Орлов, ныне покойный, который решительно не знал,

¹ Это вечное молчание бесконечного пространства страшит меня (фр.).

как с нами обращаться: то ли, как с солдатами, то ли, как с кадетами, штатских людей он до этого, я думаю, почти не видел. И он изобрел такую странную форму обращения: «Господин молодой человек».

Каждое воскресенье утром он неизменно приходил к нам в дортуар и заставлял меня в постели.

— Господин молодой человек, — громко говорил он, — извольте вставать и отправляться в церковь.

— Да я, Василий Степанович, в Бога не верю.

— Все равно, ведь вы же, слава Богу, православный, а не басурман. Глупости. Верите, не верите, а в церковь надо идти.

Однажды он отправил таким образом на богослужение одного нашего гимназиста, еврея, на том основании, что «Бог у всех один». Преподавал он историю и, оставляя в стороне конгрессы и торговые соглашения, особенно налегал на войны, в противоположность второму историку, дряхлому старику Тирце, не любившему войн и предпочитавшему конгрессы. Этот Тирце сказал мне, узнав, что я выписал из Берлина несколько книг и, в том числе, какой-то из романов Эренбурга:

— И зачем вы такие книги читаете? Ведь это все одна компания: Грузенберг, Эренбург и так далее, — ведь это же масоны.

У него была привычка говорить:

— Я вам откровенно скажу...

Фразу эту он произносил механически и говорил тогда, когда она не имела уже вовсе никакого смысла, например:

— Я вам откровенно скажу: Петр Великий умер в 1725 году.

Читал он свои исторические лекции по собственному курсу, им составленному и переписанному его рукой. Сочинения, которые ему подавали, он оценивал в четыре — если сочинение было, мягко говоря, заимствовано из учебника Платонова, и в три с плюсом — если из другого. Один гимназист захотел его перехитрить и скопировал свою письменную работу из собственного курса Тирце, все, от слова до слова. Тирце поставил ему три с минусом и внизу укоризненно приписал: «Стиль слабоват», — что, впрочем, было совершенно верно. Тирце был очень стар, он, кажется, родился в тысяча восемьсот сорок пятом году и преподавал, как кто-то сказал про него, всю новую историю по личным воспоминаниям.

Не знаю, каким чудом, в силу какого эмигрантского недоразумения к нам в воспитатели попал бывший жандармский полковник Травкин, человек почти сумасшедший и исключительно неудачливый во всем, за что ни брался. Ему поручили огород, он посадил пять мешков картофеля и в нужное время собрал только три. Тогда ему доверили скотный двор, но из шести свиней, над которыми он начальствовал, четыре скоро издохли, кажется, он гонял их на корде, чтобы они «не теряли формы». Отчаявшись найти Травкину какое-либо полезное применение; его попросили преподавать Закон Божий в приготовительном и первом классе, но однажды инспектор попал на его урок и услышал, как Травкин спрашивал своим жандармским басом восьмилетнего стриженного мальчика с испуганным лицом, сколько километров от

Вифлеема до Назарета. Мальчик не знал и получил двойку. После этого Травкина «освободили» от обязанности преподавать Закон Божий, и так он оставался в гимназии, ничего не делая, «без руля и без ветрил», то прохаживаясь по коридорам, то спускаясь в огород и сад и заглядывая на осиротевший скотный двор, где он недавно еще был властелином и экспериментатором. Последнее, что ему поручили, — вымостить дорожки внутреннего двора, соединявшие два корпуса здания; он их посыпал щебнем, а сверху положил толстый слой какой-то особенно вязкой глины, сделал эти дорожки совершенно непроходимыми после дождя.

Был еще заведующий библиотекой, болезненно бережливый и аккуратный человек: книги он выдавал с величайшей неохотой, уверяя, что если их не брать, то они будут в сохранности, это было бесспорно, но книги все-таки брали. Видя, что уговоры не действуют, он решил прибегнуть к более решительным мерам: прибил на дверях надпись: «Библиотека закрыта, по случаю проверки книг», — и успокоился. Через некоторое время ему заметили, что книги все-таки нужно выдавать. Тогда он написал другое объявление: «Библиотека временно открыта», — и опять стал давать книги чуть ли не со слезами на глазах.

Был у нас священник, говоривший с сильнейшим украинским акцентом, франт и щеголь, он низко стриг волосы *a la garconne*¹, носил узенькие штаны, и лакированные туфли, и тросточку, а рясу набрасывал на руку, как плащ или накидку. Он был удивительно красноречив, его можно было слушать часами, речь его убажкивающе катилась, почти как колыбельная песня, до тех пор, пока он не начинал говорить явные несообразности, вроде успехов современной хирургии: «Делали операцию пожилому пациенту и, можете себе представить, из одного носа шестьдесят три косточки вытянули», — по-видимому, в его представлении пациенты были более костистые и менее костистые, как рыбы, жил он в мечтах, окруженный воображаемыми чудесами хирургии и другими, столь же неправдоподобными вещами. Я попытался однажды вслушаться в то, что он говорит, это были плавные фразы, в которых временами появлялся частичный смысл, тотчас поглощавшийся потоком новых, ничем между собой не связанных слов.

— Как цветок тянется своими лепестками до солнца, — говорил он, — так душа человеческая до Господа Бога, и в последнее время многие ученые. Кроме того, но, не забывая, каждый ученик среднего учебного заведения может вести дневник...

Он уехал потом от нас, его сменил другой священник, озлобленный, несчастный и очень некультурный человек, вскоре умерший.

Особенно хорошо в гимназии было летом, когда можно сколько угодно лежать в саду, есть прекрасные болгарские дыни и арбузы, кругом болгарская тишина и зелень, все лениво, спокойно и хорошо. Хорошо еще то, что в те времена мы были непрестительно молоды, пели «Гаудеамус», и перед нами была целая

¹ под мальчика (фр.).

жизнь — Берлин, Вена, Париж, и все казалось легким и блистательным. Мы не знали тогда, какие страшные утраты ожидают нас, немногие увидели стены университетских аудиторий, остальных ждала бессмысленная и тяжелая жизнь иностранных рабочих.

Многие умерли, некоторые, в том числе Орел, сошли с ума, большинство надежд не оправдалось, и нужда, и горе оказались такой же плохой и бесплодной наукой, какой стал для нас опыт гражданской войны и долгой жизни за границей.

В гимназии был балкон, с которого открывался вид на поля и деревья, лежавшие перед глазами. В солнечные, летние дни, в силу странного зрительного обмана, казалось, что видишь перед собой синее море, и гимназия тогда представлялась островом или кораблем, медленно движущимся навстречу этому синему пространству.

**Предисловие и публикация
СТАНИСЛАВА НИКОНЕНКО.**

СЛАВЯНО

БОЙ

В РУКОПАШНОМ...

О, как бились наши предки!.. У славян в ходу были: стеношный бой, сеча, сцеплялка (куча мала), охотничий бой, бой в крест, русская борьба на вольную, на щипок, медвежья борьба, камаринский пляс, ломание... У ударов были свои названия: затрещина, распалина, пощечина, ротовище — удары руками; брык, уговица, подол, облеты — ногами...

И нынче можно увидеть, как

сражались наши пращурь. Например, на холмах в московском Коломенском. Бойцы бьются нешутейно — слышно, как кости трещат. И все-таки это не драка, бой очень похож на плясовую: та же размашистость движений, та же удаль, но подчиненная законам и стилю танца.

Дзюдо называют белой музыкой на татами, славяно-горецкую борьбу я бы назвал красно-белым плясом на холме. Красно-белым — потому что бойцы одеты в белые косоворотки с красными нашивками. Красный цвет — это цвет русов, древних воинов. Предания говорят, что не было им равных по силе и ловкости и в сражении их всегда можно было отличить по свойственной только им неповторимой манере ведения боя.

И сегодня появились люди, желающие возродить славные традиции далеких предков и их боевое искусство. Александр Белов восемь лет назад создал новый вид единоборств — славяно-горецкую борьбу. (Гореца — погребальный курган над могилой знатного воина, на котором на третий день после похорон — в тризну — устраивали погребальные бои.)

Победитель чемпионата России по славяно-горецкой борьбе будет биться с чемпионом мира по кикбоксингу, и Александр верит в победу нашего чемпиона...

Белов считает, что для более глубокого постижения искусства боя необходимо изучать языческое мировоззрение. Многие его ученики принимают язычество и получают новое имя.

— А какие вы даете имена?

— Например, Светлан — вот так, в мужском роде. Кстати, героев Куликовской битвы Пересвета и Ослябя мы знаем по их языческим именам. Они были крещены лишь незадолго до битвы, и по

христианским именам их мало кто звал. Россия была и остается страной двурелигиозной. И до сих пор мы отмечаем языческие праздники: святки, масленицу, радуницу, купалу...

На тренировке славяно-горецких борцов было смешно сначала слушать: «Следи, Светияр, за ногами Добромира, у него очень сильный брык...» Все же «Добромир» звучит лучше, чем «Лысый» или «Арнольд»...

Один из борцов — студент филологического факультета МГУ Радуйан (в «миру» — Алексей Терновой) — тренируется у Белова почти год:

— Лет с двенадцати я постоянно занимался единоборствами, в основном восточными: дзюдо, карате, ушу, — но ни одно из них не приносило полного удовлетворения. И это естественно: те виды борьбы были разработаны народами, с которыми мы совершенно различны по культуре, по стилю жизни, по антропометрическим данным, наконец. А ведь борьба, как губка, впитывает все. Почему, скажем, наша школа дзюдо отличается слабой техничностью и большой жесткостью? Да потому, что дзюдо культивировалось японцами, народом, не отличающимся особой крупностью. А как маленький человек может победить большого? Только хитростью и техникой. Но мы-то, славяне, очень крупный народ. Наша сила и вес требуют применения, и это подсознательно проявляется во всех видах спорта. Зачем же обманывать природу? Надо возрождать свои ратоборства. Славяно-горецкая борьба — это настоящий русский удалой бой, и я больше чем уверен, что все мужики, с кем я занимался год назад карате, сегодня мне уступят, как бы громко они ни кричали «ки-я-а!..».

ВАЛЕРИЙ НОВИКОВ

ОТ

Анатомия

История эта произошла в 1958 году. Я жил тогда в Ленинграде, на улице Ракова, недавно снова переименованной в Итальянскую. Это удивительное место. Если я шел из нашего дома налево, я мог попасть в Театр музыкальной комедии, филармонию, в Малый театр оперы и балета и Русский музей, а если поворачивал направо, то через минуту оказывался возле Театра имени Комиссаржевской или Пассажа. В универмаге Пассаж и случилась история, которую я хочу рассказать.

Пассажами именуют крытые галереи с торговыми помещениями, которые имеют выходы на параллельные улицы. Ленинградский Пассаж был встроен между Театром Комиссаржевской и жилым домом. Парадный его вход был — и есть — с Невского, а «черный» — с улицы Ракова.

Пассаж всегда считался универмагом respectable. Продавцы здесь были вежливы и предупредительны.

Если в Пассаже возникала очередь, она никогда не шумела. Тем, кто не знал этого правила, укоризненно объясняли: «Мадам, вы находитесь в Пассаже». Вечером массивные, высоченные двери универмага наглухо захлопывались.

И вдруг умопомрачительная но-

вость: Пассаж обокрали. Вор ночью беспрепятственно проник в универмаг, обчистил ювелирный отдел и спокойно ушел.

В Ленинграде эту новость даже не с чем было сравнить. Конечно, совершались преступления: в трамвае срезали с руки часы, на улице у женщин выхватывали сумочки с деньгами. Была и такая воровская мода — вырезали бритвой карман и вынимали бумажник или кошелек. Но чтоб ограбить Пассаж!..

Я часто здесь бывал. Чернила, тетради, писчую бумагу я покупал только в Пассаже. Я знал, что за четверть часа до закрытия начинали звенеть звонки. Поднималась суeta: уборщицы слезились протереть тряпками полы, продавщицы убрали товар в подсобные помещения, одновременно ухитряясь красить губы и пудрить нос. Неторопливо вела себя только ночная охрана. Сторожа обходили помещения, бесцеремонно разглядывали посетителей, которые задерживались. По заведенному порядку к началу девятого часа в магазине не должно было остаться ни одного постороннего, включая продавцов. Связано это было с весьма сложной процедурой запираания дверей.

Я забыл сказать, что обход помещений охрана производила с собаками — здоровенными овчарка-

СКУЖИ

одного преступления

ми на поводке и в намордниках.

Собак нанимали вместе с хозяевами. Стоило это очень дорого: платили хозяину, платили за овчарку, а еще нужно было ее специальным образом кормить. Но дирекция Пассажа шла на эти расходы, потому что содержать собственных собак обошлось бы еще дороже.

И вот специальным образом откормленные овчарки с их владельцами опростоволосились: не заметили, не услышали, не схватили грабителя. Вместе с собаками и сторожами предстали в нелепом виде милиция и прокуратура.

Уголовную хронику газеты в ту пору не печатали. Вся информация о том, что где случилось, громадный город черпал из слухов. Но в истории с ограблением Пассажа мне повезло больше других: я вдруг получил информацию из первых рук.

Мой отец работал в Куйбышевском райисполкоме, заведовал финансовым отделом. Райисполком помещался на углу Невского и Фонтанки. Из окна отцовского кабинета я любил рассматривать с высоты клодтовских коней, Аничков дворец (превращенный в Дворец пионеров), уходящий вдаль, к Неве, Невский проспект, который замыкал золотой шпиль Адмиралтейства. Виден был из того же окна и Пассаж.

Дня через два после несчастья в универмаге отец пришел обедать с высоким, светловолосым человеком, который, помню через столько лет, был стойко бледен. Казалось, он узнал о каком-то несчастье, побледнел — и румянец больше к нему не вернулся. Гостем нашим был районный прокурор. Вместе с отцом они только что посетили Пассаж. У прокурора там были дела в связи с расследованием, которое велось. Но я с удивлением узнал, что ограбление коснулось и служебных дел моего отца.

Каждый месяц отец и его сотрудники прилагали большие усилия, чтобы выполнить «план по доходам». Иными словами, они заботились о получении, как теперь говорят, «налички» для выплаты жалованья, пенсий, пособий на детей и т. п. Отец нередко по своим каналам добивался того, чтобы в начале месяца в магазины завозили модный ширпотреб или чтобы кинопрокат дал в кинотеатры на Невском две-три копии так называемых трофейных фильмов. Это были американские кинокартины, захваченные в Германии.

Последнее время громадный Пассаж давал все меньше выручки. Отец через Ювелирторг выпросил для него большую партию изделий из золота, которые могли сразу разойтись. Товар завезли —

и ювелирный отдел сразу ограбили. История оказалась малоприятной для всего районного начальства. Отец же огорчился еще и оттого, что банк оказался без денег для выплаты зарплаты учителям и воспитателям детских садов.

За обедом я сделался свидетелем разговора отца с прокурором и понял, отчего так стойко бледен наш гость.

— Ты понимаешь, Николай Осипович, — говорил прокурор отцу, — ограбление было мистическим. Понять, что произошло, можно только при условии, что вор вошел в универмаг и вышел сквозь стены, а драгоценности вынул, не открывая сейфа.

— Но ты же понимаешь, что такого не может быть! — рассердился отец. — Оперативники не хотят и не умеют работать.

— А ты посуди: двери входные с вечера до самого утра не отпирались. Сейф не взломан. Отмычкой его не царапали. И вообще нет никаких следов. Ангел божий мог совершить такое ограбление. При чем ушел сквозь стены с чемоданом.

— А если он ушел через окно? — робко спросил я.

— Какое окно?! — удивился прокурор. — Ты что, не знаешь: в Пассаже нет окон. Только две заставленные манекенами витрины, но они целы.

Месяца через два стало известно, что на Московском вокзале задержали молодого парня. Он предлагал пассажирам по дешевке золотые дамские часы. Возле поезда его и забрали. Из вокзальной дежурной комнаты милиции позвонили в угро, сверили номера украденных часов. Все совпало. Часы оказались из Пассажа.

Снова все надолго заглохло. Отец ничего не рассказывал. Как-то в будний день, возвращаясь из библиотеки, я обнаружил, что Пас-

саж закрыт. Вместе со мной удивлялись и недоумевали десятки людей, которые стояли у запертых дверей с надписью «Учет». Все ленинградцы знали, что целиком универмаг никогда не запирали. Учет всегда производился по секциям, поскольку проверить сразу весь громадный магазин было физически невозможно.

Мне же показалось подозрительным еще и то обстоятельство, что двери со стороны улицы Ракова были закрыты неплотно. В щель был просунут толстый кабель от рычавшего поблизости автофургона с энергоустановкой.

В Пассаже, догадался я, снимали какой-то фильм. Только зачем в таком случае на табличке стояло «Учет»?

Объяснение, как всегда, было простое: в Пассаже на самом деле снимали кино. И кино удивительное. Парня, которого арестовали за то, что он продавал на вокзале часы, заставили повторить шаг за шагом все, что он проделал в ночь ограбления. Для этого пришлось закрыть универмаг. Во-первых, чтобы не мешали посетители: посмотреть на парня, вероятно, сбежалось бы полгорода, а во-вторых, потому, что съемка была секретная.

Какой тут мог быть секрет, понять было трудно. Да мы уже давно привыкли, что нам все нельзя.

Внезапно Ленинград опять необычайно оживился от еще одной утечки информации. Фильм, который сняли в Пассаже, показывали, «где надо», не только в Питере, но и в Москве. Лента произвела такое впечатление, что, поговаривали, ставился вопрос даже о том, чтобы парня не судить, а взять на работу в уголовный розыск — такой обнаружился у него ум и особого склада талант. Неожиданному решению в немалой степени способствовало то, что он не был

профессиональным вором, все картонки нашлись и никакого ущерба, кроме беспокойства, он не причинил.

Через неделю после ареста парня к нам снова пожаловал прокурор. Бледность с его лица сошла.

— Дело, можно сказать, раскрыто, — слегка надменно сказал он отцу. — Подследственный после армии работал в закрытом НИИ. У него есть изобретения. Говорю ему на допросе: «У тебя изобретения. Ты был членом заводского комитета комсомола. Воровать-то зачем пошел?» «Я, — отвечает, — не вор». «А драгоценности на полтора миллиона зачем унес?» — «Решал интеллектуальную задачу. Я бы все потом до последней секундной стрелки вернул». — «Но не вернул же — продавать понес». «Несчастье случилось: мать заболела. Доктор сказал: «Нужно усиленное питание». Иначе бы вы никогда не узнали, как я это сделал».

Что на самом деле произошло в Пассаже, я услышал только через полгода, когда закончился суд, вынесший вполне справедливый приговор.

Тот 22-летний парень, назову его Кириллом, на самом деле не был вором. Скорей всего это был наш отечественный Эдисон, открытия которого оказались никому не нужны. Идеи приходили к нему в голову пачками. На секретном заводе при НИИ, где выпускали авиационные приборы, ему их оформляли как рацпредложения. Кирилл получал ежемесячно сверх жалованья до пятисот — семисот рублей (штатный оклад инженера составлял тысячу двести). Чертежи и даже модели, изготовленные Кириллом, бесследно исчезали в сейфах специальной кладовой. Интересоваться их судьбой не полагалось. Его разработки тут же становились военной

тайной. А завод продолжал гнать устаревший хлам. Кирилл понял, что занимается мартышкиным трудом.

Он перестал чертить схемы и допоздна пилить, обтачивать и припаивать детали. Но что прикажете делать с головой, которая продолжала неумоимо работать? Кино, компания с выпивкой — ничто не могло ее остановить. Голову нужно было чем-то отвлечь. Но чем?

Однажды вечером Кирилл шел по Невскому. Перед внутренним взором стояла новая схема прибора по ночному бомбометанию. «А что, — сказал он сам себе, — если попробовать ограбить Пассаж?»

Он был слегка пьян, поэтому вслух засмеялся. Идея понравилась ему своей полной нереализуемостью. Громадный универмаг запирался на ночь как средневековая крепость. Не хватало только рва с водой.

С того вечера Кирилл зачастил в Пассаж. Он изучал жизнь магазина, и эта игра увлекала Кирилла все сильнее и сильнее. Вглядываясь в то, как и чем живет Пассаж, Кирилл убеждался: да, снаружи универмаг неприступен, но при этом ограбить его несложно. Постепенно интеллектуальная игра, похожая на серию шахматных задач, превратилась в подготовку к дерзкой акции.

Чтобы проверить, все ли он учел, Кирилл однажды предпринял попытку уйти из Пассажа самым последним. На этот случай он купил большой кусок ватина и появился с ним возле выхода после того, как смолкли звонки. Один из сторожей, увидев Кирилла, с ругательством выключил сигнализацию, с грохотом отодвинул засов и буквально вытолкнул его на Невский. Кирилл на сторожа не обиделся, потому что выяснил: собак у выхода не было. Они нахо-

дились во внутренних помещениях.

Наконец, Кирилл назначил себе «день X» и с удивлением обнаружил, что его мозг с той же настойчивостью, с какой он недавно чертил схемы штурманских приборов, проверяет теперь четкость всех пунктов плана по освобождению ювелирного отдела от драгоценностей. Интеллект без малейшего напряжения давал ответы на вопросы, которые сам же и ставил, будто только теперь для него нашлась настоящая работа.

Интеллект жил в Кирилле как самостоятельное существо. Он подавлял все чувства — робость, угрызения совести, отметал одни варианты действий, предлагал другие, обращал внимание на мелочи, о которых Кирилл раньше никогда не думал.

«День X» наступил. Кирилл пришел в Пассаж за полчаса до закрытия, обошел его, чтобы убедиться: никаких перемен за минувшие дни не произошло, новых, видимых мер безопасности не принято.

Без двадцати восемь Кирилл был возле «черного хода». В семь сорок пять затрезвонили звонки, предупреждая, что рабочий день закончен.

Кирилл направился в туалет, заперся в кабинке. Там он достал из кармана пиджака чекушку, открыл ее, сделал глоток — чтобы пахло, вылил большую половину в унитаз. Остальное заткнул припасенной из дома пробкой и снова спрятав бутылку. Чекушка до поры могла послужить ему защитой.

Из кабинки он, чуть покачиваясь, направился к телефонной будке. Их было две. Они стояли возле самого выхода из туалета.

В ту пору телефонные будки были деревянные, закрытые со всех сторон. Остеклена была лишь верхняя часть, чтобы видеть, если

какой-то человек разговаривает.

Кирилл вынул из кармана пятнадцатикопеечную монету, снял трубку, будто собираясь звонить. На самом деле он через стекло оглядел все вокруг. За ним никто не наблюдал.

Раздался долгий, выматывающий душу звонок — последний. Кирилл подумал, что еще не поздно уйти. Мало того, ему просто захотелось бежать. Если даже входные двери закрыты, его выпустят. В крайнем случае скажет, что он нечаянно заснул. Запах водки и недопитая чекушка защитят и спасут.

Кирилл уже собрался было голкнуть дверь телефонной будки, чтобы пронестись через весь Пассаж к выходу, но всеми его поступками руководил уже как бы не он, а кто-то внутри него. Кирилл помимо своей воли опустился на пол. Фанерные стенки сделали его невидимым. Он обхватил руками колени и уткнул в них лицо. Если бы кто-то заглянул в будку — могло показаться, что человек спит.

Через четверть часа в магазине притушили свет. Он горел теперь только под потолком в центре галереи.

Неподвижное сидение в позе пьяного начало Кирилла утомлять. Вдобавок он не видел, что происходит за стенами будки.

А вскоре возникла еще одна проблема: стало не хватать воздуха. Кирилл встревожился, что теряет сознание. Еще раз убедясь на слух, что никого поблизости нет, он приоткрыл дверь. Она легонько скрипнула. Узенькая щелочка в дверях принесла облегчение лишь на несколько минут. Когда температура воздуха снаружи и внутри уравнилась, приток кислорода прекратился. Кирилл снова начал задыхаться. Стараясь не шуметь, он пересел так, чтобы

лицо оказалось возле щели.

Но больше он не рисковал и не шевелился и просидел в неподвижности часа полтора. Трижды он слышал голоса сторожей. Они показались ему слегка хмельными.

Кирилл дождался полуночи. По его расчетам, охрана должна была уснуть: что ей еще ночью делать? Он поднялся. Прежде чем толкнуть дверь, подумал: «А ведь можно здесь досидеть до утра...» Но сразу понял: это самое гибельное. На рассвете сторожа отправятся по отделам с собаками и сразу обнаружат постороннего. И он вышел из будки.

Возле ювелирного отдела, который он узнал по витрине, Кирилл остановился, надавил на левую половинку двери. Она была на пружинах, открывалась в любую сторону и на ночь не запиралась (как и другие отделы). И Кирилл очутился внутри.

Здесь стоял полумрак. Скупой свет поступал через стекла дверей и витрин. Прилавки с прозрачными крышками были пусты. В глубине помещения высился сейф — напольный, сваренный из толстых плит. Рядом с сейфом притулился столик на тонких ножках, с ящиком. Кирилл приподнял доску прилавка, сделал два шага и опустил ее.

Пока он не очутился за прилавком, у Кирилла еще оставался шанс выдать себя за подгулявшего покупателя. Теперь же он точно преступил закон. От этой мысли ему сделалось знобко. «Я не вору. Я все потом верну», — попытался он успокоить себя. И подергал ручку сейфа. Дверца не открылась.

Сейф в ювелирном отделе был допотопный. Вероятно, и замок стоял допотопный, но его невозможно было отпереть голыми руками. Чем же запяса Кирилл, идя

на такое серьезное дело?.. Наблюдательностью.

Когда Кирилл еще раз подергал дверцу сейфа и она не распахнулась, он потянул на себя ящик столика, стоявшего рядом: ящик не был заперт и приоткрылся. Кирилл засунул в него руку. Пальцы нащупали металл и схватили его. В ладони Кирилла оказались железное колечко и два ключа. Один был вполне обыкновенный, вероятно, от двери во внутреннее помещение, а второй — с двусторонними зубчиками — от сейфа.

...Недели три назад Кирилл уже был близок к тому, чтобы отказаться от бессмысленной затеи. Однажды вечером он сказал себе, что пойдет в Пассаж в последний раз и простоит возле ювелирного отдела до последнего звонка. Была одна проблема, которую Кирилл никак не мог решить: куда продавщицы относили ключи от сейфа? Он полагал, что к сторожам, у которых должна быть доска с названиями секций. В тот вечер Кирилл стоял в галерее, делая вид, что кого-то ждет, и наблюдая за тем, что происходит в ювелирном. Через стекло Кирилл видел, что продавщица заперла сейф. Девушка была озабочена, очень спешила и не обратила внимания, что какой-то человек давно торчит возле окна.

Заперев сейф, девушка повернулась к столику, думая о чем-то своем, открыла ящик, швырнула туда ключи и задвинула ящик обратно.

Открытие потрясло Кирилла. Он вспомнил: все девушки, собираясь домой, непременно подходили к столику, но они забрасывали ключи неприметным движением фокусника.

Неосторожность, проявленная спешащей продавщицей, делала похищение реальным. Мало того, не надо было снимать слепок,

тайно выпиливать ключ... Кирилл подумал, что сама судьба идет ему навстречу.

Одно его озаботило: он ни разу не видел, как девушки запирали сейф. Кирилл допускал, что существовала конструктивная хитрость. Сначала, допустим, ключ поворачивали в одну сторону, затем — в другую. Теперь предстояло это проверить.

Кирилл вставил ключ, почувствовал, что бороздки не слились с зубцами механизма, вынул ключ, перевернул его, вставил снова. Бороздки заняли свои места.

В груди потеплело — первая удача. Крепко сжав широкую головку ключа, Кирилл легонько шевельнул ею влево и вправо. Замок не поддавался. Механизм был довольно туг. Кирилл повторил движение с большим усилием. Ключ готов был повернуться в обе стороны. От волнения Кирилл вспотел. Вариант, который он принял во внимание при своих расчетах на всякий случай, становился явью. У замка имелся секрет.

Кирилл остановился. Если он сейчас не отперет сейф — это четверть беды. Будет хуже, если завоет сирена или замигает сигнализация в комнате охраны.

Кирилл почувствовал, как нарастает тревога: «умственная игра» внезапно стала смертельно опасной. Здесь, возле сейфа, его могли по команде «Фас!» растерзать собаки, а могли и пристрелить сторожа. Захотелось все оставить и тихо, пока не поздно, уйти.

Но внутренний голос приказал: «Стой! Если ключ готов повернуться и влево, и вправо, то скорей всего его нужно повернуть сначала влево. Если не сработает сигнализация, поверни вправо... Если включится — мгновенно уходи. Ты успеешь. Ведь даже собакам нужно время, чтобы до тебя добежать!

Чтобы сберечь несколько секунд. — продолжал голос. — откинь крышку прилавка. Хорошо было бы иметь открытой и дверь, но она на пружинах. Значит, прежде чем ты снова попытаешься отпереть замок, запомни: в случае, если сработает сигнализация, ты оставляешь ключ в замке, выбегаешь из-за прилавка, толкаешь дверь, а в галерее ты уже знаешь, как поступить дальше. У тебя в запасе будет примерно четверть минуты».

К Кириллу возвратилась уверенность. Он откинул крышку прилавка — проход был открыт, вернулся к сейфу и повернул ключ влево. Замок сухо, гулко щелкнул. Кирилл замер, ожидая звонков, sireны или топота. Но было тихо. Он перевел дыхание, подергал ручку. Дверь не открылась.

Нужно было попробовать еще раз повернуть ключ влево. Кирилл отстранился на расстояние вытянутой руки, будто железный ящик мог взорваться. В такой позе понадобилось гораздо большее усилие, чтобы повернуть ключ. Кирилл это усилие приложил, но ключ еще раз не повернулся. Кирилл снова переждал. У него мелькнула догадка, которая его даже слегка развеселила. Он повернул ключ вправо. Внутри ящика опять щелкнуло, еще поворот — и Кирилл почувствовал, что дверь мягко, бесшумно отошла. Кирилл снова прислушался и выждал. Догадка его оказалась верна. Никакой сигнализации у замка не было: просто продавщица, убегая, заперла сейф на один оборот.

Кирилл заглянул внутрь ящика и ничего не увидел — секция освещалась очень скупо. Сейчас бы пригодился фонарик, но Кирилл нарочно не взял с собой ничего, кроме чекушки. Он напряг зрение, будто собираясь разглядеть в ноч-

ном небе далекую звезду. Когда-то он читал, что зрение в темноте обостряется в триста тысяч раз. Чрево сейфа ответило ему множеством блеснувших точек. Кирилл вздрогнул. Разом вспомнились все фильмы, где люди находили несметные сокровища. Что там? Кольца, перстни россыпью? Подвески королевы?

Кирилл сунул руку в темную дыру — пальцы ощутили большую стопку толстого картона. Блики в чреве стального ящика и картон, пригодный для переплетных работ, не вязались с кадрами из фильма «Багдадский вор» или «Индийская гробница». Кирилл ухватил две или три верхние картонки и поднес их к свету. Стеклом и желтым металлом блеснули ровные квадратики. К картонке строгими рядами были прикреплены дамские золотые часы.

Кирилл вытащил все картонки, положил их на прилавок и засунул руку в глубину сейфа, но больше там не нашлось ничего.

Кирилл едва не застонал. Он рассчитывал найти серьги, перстни, броши, кулоны, которые видел всегда днем под стеклами пустых сейчас прилавков. Десятки раз он представлял заголовки газет: «Похищены драгоценности на миллионы рублей». А что напишут сейчас: «Из Пассажа украли картонки с часами?»

Снова захотелось все бросить и уйти. И опять Кирилла одернул все тот же голос: «Какая тебе разница?.. Главное — ты победил. Ты проник в Пассаж, отпер сейф и через несколько минут незаметно уйдешь. Только будь осторожен. Ты устал. Не наделяй напоследок ошибок. Сейчас запи сейф и положи на место ключ. Пусть все поломают голову над тем, как сейф был открыт. Продавщицы вряд ли признаются, что бросали ключи в столик».

Он прикрыл стальную дверцу, повернул ключ на один оборот — как и было. Подергал ручку. Сейф опять был заперт. Чистым носовым платком Кирилл обтер ключи и ручку, положил связку в ящик столика и задвинул его. Второй этап был закончен. Оставался третий — уход.

Но сначала нужно было во что-нибудь положить картонки. С собой у Кирилла не было ничего — даже «авоськи». Украшения — кулоны, перстни, серьги — он собирался просто ссыпать в карманы без всяких футляров и коробочек.

В карманы можно было бы сейчас положить и часы, но они были прикреплены к картонкам. А картонку, даже сложенную вдвое, положить было некуда. Отцеплять от картонок часы — долго. Можно было бы ограничиться несколькими парами, но тогда не вышло бы громкого скандала. Оставалось только унести все картонки. Кирилл уже прикинул — на них было не меньше тысячи золотых квадратиков. Это уже не походило на банальную кражу.

Но требовалась сумка или чемодан. Это его огорчило. Одно дело выйти на улицу с пустыми руками. Другое — когда у тебя чемодан. Нелепее всего было бы уйти ни с чем.

Кирилл не зря провел столько времени в универмаге. Он знал здесь все и помнил, что по соседству находится отдел кожгалантереи, но поймал себя на том, что не хочет туда идти.

«А что, если учуют собаки?» — спросил он себя.

«Тогда, чтобы уйти, у тебя останется не пятнадцать, а только десять секунд, — ответил ему загадочный голос. — Зато тебе помогут samozакрывающиеся двери. Собаки побегут быстрее, чем хозяева, но не смогут открыть двери, пружины там слишком туги. Пружины

помогут тебе с лихвой вернуть потерянные секунды».

Четкость предстоящих действий вернула Кириллу спокойствие. Он вышел в галерею. Его поразила абсолютная, устрашающая тишина. Он такой не слышал даже под водой, ныряя на глубину.

В отделе кожгалантереи от пола до потолка висели штабеля каких угодно чемоданов. Кирилл на ощупь выбрал дерматиновый, проверил замки — они отпирались и закрывались. Можно было возвращаться.

В ювелирном Кирилл положил в чемодан картонки, защелкнул замки. Все. Надо было поскорее уходить через черный ход, в сторону улицы Ракова. Он чувствовал, что отпущенный ему лимит удачи на пределе.

Ситуация возле черного хода складывалась так. Сторожей в этом крыле не было. Собак тоже. Пятиметровые двери запирались просто — на могучий засов. Открыть их с улицы можно было только взрывом. А чтобы отпереть изнутри, достаточно было отодвинуть толстый брус. Опасность могла представлять сигнализация, установленная возле двери, но Кирилл придумал, как ее обмануть — ее нужно было отключить. Он узнал, где и как она включалась. Постепенно сложился план: из ювелирного отдела он идет на лестничную площадку, заходит в помещение слева от ступенек. Помещение это — что-то вроде диспетчерской — не запиралось. Можно было только удивляться, что Пассаж не обворовывали ежедневно, по нескольку раз.

В диспетчерской Кириллу нужно было найти кнопку и отключить сигнализацию. После этого оставалось лишь отодвинуть засов и выйти на улицу. Здесь по плану он сразу сворачивал на Садовую, с Садовой — к цирку и, петляя по

закоулкам, двигался к родной Лиговке.

Правда, план строился на том, что он покинет Пассаж с пустыми руками, что драгоценности будут лежать в карманах. Теперь, когда он вынужден был обзавестись чемоданом, проект его был гораздо более уязвим, но Кирилл это уже мало тревожило.

Открыв стеклянную дверь из секции, он очутился в галерее. Держа чемодан с часами, повернул направо, миновал телефонную будку — свое недавнее пристанище, мужской туалет, и перед ним оказалась еще одна застекленная дверь на лестницу, которая тоже свободно открывалась в любую сторону и не имела замка. От дверей в секциях она отличалась только своими большими размерами.

Надавив на нее плечом, Кирилл просунул в щель чемодан, а затем проскользнул на площадку сам. Площадка была невелика. За ней начинались ступени, они заканчивались у самых входных дверей. Единственным препятствием к ним был невидимый луч, который перегораживал путь.

Слева от верхних ступеней темнела всегда открытая дверь в служебку. Кириллу оставалось туда заглянуть, надавить большую круглую кнопку. После этого нужно было только отодвинуть засов.

До самых последних дней Кирилл рассчитывал, что воспользуется черным ходом, но тут могли быть осложнения: скрежет ржавого засова, скрип немазанных петель тяжелой двери, на который могли ответить лаем собаки. И началась бы погоня...

Однако судьба пошла ему навстречу еще один раз. Последний.

...Когда Кирилл уже принял решение «брать Пассаж», смирившись, что придется отпирать ржавый засов, он сделал очередное

неожиданное открытие. В двух метрах от диспетчерской Кирилл обнаружил облезшую, безликую дверь. Чем-то она его заинтриговала. Покрутившись, Кирилл убедился, что за полтора часа никто в нее не вошел и никто из нее не вышел. Тогда, будто направляясь в служебку, Кирилл потянул загадочную дверь на себя.

Она поддалась. Кирилл быстро шагнул внутрь и прикрыл ее за собой. Здесь стояла полутьма, свет пробивался только в дверные щели, но и в этом полумраке Кирилл без труда различил, что у ног его начиналась узкая винтовая лестница. Он стал медленно подниматься по бетонным ступеням, пока над его головой не оказался квадратный люк. Кирилл уперся в него рукой — перед ним простиралась плоская крыша Пассажа.

Два дня Кирилл потратил на то, чтобы выяснить, как можно уйти с крыши. Оказалось, это несложно. Несколько дней Кирилл внутренне ликовал по поводу своего открытия, но однажды ночью он проснулся от пронзившей его догадки. Он подумал, что за ним давно следят, что план его разгадан и ему приготовлена ловушка.

Открытие это так напугало Кирилла, что он перестал ходить в Пассаж. Прошла неделя. «А если никакой ловушки нет? — подумал он. — Нужно проверить».

Вооружась карманным фонарем, Кирилл отправился после работы в универмаг. Толкнул дверь, которая скрывала винтовую лестницу, закрыл ее за собой и включил фонарь. Каменные ступени покрывал толстый слой пыли. Пара следов шла вверх. Такая же пара шла вниз. Это сохранились его собственные следы. Других не было.

Лестница была пожарной. По правилам безопасности ее полагалось держать всегда открытой.

Когда-то ее открыли — и навсегда забыли о ней. Универмаг, набитый ценностями на десятки миллионов, жил с распахнутой дверью. То, что дверь выходила на крышу, ничего не меняло.

...Крепко держа чемодан с часами, Кирилл потянул дверь, которая вела к винтовой лестнице, сделал шаг — и очутился в полной темноте. Снова мелькнула мысль: «А если ловушка?» Но пути назад не было. Последний шанс на удачу мог его ожидать только наверху.

Держась рукой за стену, Кирилл стал медленно подниматься, пока не почувствовал, что где-то над головой находится люк. Кирилл перевел дыхание, затем уперся свободной рукой в холодную крышку. Она приподнялась. Кирилл просунул в отверстие чемодан, затем вылез на кровлю сам. Справа он увидел площадь Искусств с памятником Пушкину. Слева — Невский с Гостиним двором и зданием Публичной библиотеки.

Кирилла никто на крыше не ждал.

В эту ночь он всех победил.

Остальное известно. Был суд. И хотя о дне его и даже часе заранее знал весь город, газеты не поместили по этому поводу ни строки. Почему?!

Причин было две. Первая состояла в том, что кража нанесла городским властям большой моральный ущерб. Преступление было совершено в центре города, прямо на Невском. Но охрана и милиция не сумели ни предотвратить кражу, ни найти грабителя. Если бы Кирилл не вышел со своим товаром на вокзальный перрон, его бы никогда не арестовали.

А вторая причина заключалась в том, что все сведения, касаю-

щиеся золота, считались в нашей стране сверхсекретными. В стране ежегодно добывались десятки тонн «желтого дьявола». Не меньше двух третей этого металла тут же уходило на оплату госзакупок. По размерам этих оплат весь мир отлично знал, сколь велика среднегодовая добыча.

Мало того, западные эксперты тщательно подсчитывали даже такой расход, как изготовление золотых звезд и лауреатских медалей, которые чеканились из первосортного металла. Но в самом Советском Союзе никаких статистических сведений на этот счет никогда не публиковалось.

Единственный род сообщений, появление которых в печати поощрялось, касался найденных старинных кладов и обнаруженных самородков. Советский народ и все прогрессивное человечество должно было знать, что золото в нашей стране в буквальном смысле валяется под ногами.

По всем этим причинам имя Кирилла не попало в печать.

И хотя прокурор требовал для подсудимого 15 лет, приговорили его только к семи. Помощь к Кириллу пришла с разных сторон.

Во-первых, завод, где он работал, дал ему отличную характеристику. Общественная защита принесла на заседание суда целую охапку свидетельств и грамот об изобретениях и усовершенствованиях, что произвело впечатление. Во-вторых, было учтено то обстоятельство, что, хотя кража была в особо крупных размерах, все картонки остались целы. А в-третьих, за Кирилла хлопотали высокопоставленные дамы, которые при этом никогда не видели его в глаза. Для всего города Кирилл несколько месяцев оставался романтической фигурой. И судебные власти без долгого сопротивления

подчинились «телефонному праву».

...С той поры минуло тридцать с лишним лет. Я больше ничего не слышал о Кирилле. Для меня очевидно, что это был человек незаурядных способностей, которые оказались никому не нужными. В полную силу они раскрылись только в истории с ограблением Пассажа.

Я давно знакома с публикациями Л. Жуховицкого на моральные темы, прежде всего в «Смене», даже храню некоторые вырезки, и мне до сих пор не верится, что именно он — автор статьи «Кирпич с балкона» (№ 2, 1994). Когда-то писатель утверждал совсем другое...

Вдумчиво и верно протянув нить суждений от девятнадцатого века, публицист в своей статье почему-то встает на защиту сегодняшних рэкетиров и проституток. И всему нашел оправдание!

Я тридцать лет работаю в школе (кстати, почти столько же выписываю ваш журнал), и, поверьте, у меня много доказательств того, что вот эти самые явления — «плоды» именно последних лет. И не будем искать истоки в веке девятнадцатом, чем же плохи были «тургеневские» девушки? Больше всего меня резануло по сердцу ироническое отношение к ним автора статьи. Тогда надо хотеть до колик в животе над теми мужчинами, которые при виде своей возлюбленной падали в обморок. Это ужас, какие они были хилые и слабые духом. Хлоп — и без сознания. То ли дело нынешние! Это от них падают женщины, да так, что и в себя не приходят.

Как можно вообще оправды-

вать то, что приводит к насилию, жестокости, к скотству, к агрессии, наконец? На сто процентов согласна с академиком Лихачевым, который постоянно пишет о том, что многие наши беды — от жестокости и агрессивности. С ужасом прочла я в статье Л. Жуховицкого, что даже рэкету можно найти оправдание.

Я постоянно читаю газеты и журналы, но ни в одной публикации не прочла о том, что нужно возрождать такие понятия, как честность, честь, целомудрие. И вот уже застаешь у себя в подъезде (воскресенье, час дня) трех подростков, занимающихся «любовью», видишь из окна, как, никого не боясь, грабят киоски, а вызвав по телефону милицию, с ужасом убеждаешься, что она не торопится приехать, и от бессилия и беспомощности подкатывает сердечный приступ. Тебя, гуляющую с маленькой девочкой, сбивает с ног идущий навстречу мужчина и начинает пинать — просто так, из прихоти, и ребенок твой чернеет от крика, а ты все еще считаешь, что это страшный сон, что такого не может быть в реальности, в нашей реальности.

Да, я часто ломаю голову над тем, почему наши дети, прочитав в раннем, восприимчивом

возрасте рассказ «Честное слово», не отложили его хоть в самый маленький уголок своего сердца?

Честь и совесть — наверное, самые важные черты человеческой души, основа личности, но оба понятия у нас сейчас просто перечеркнуты, и это самое страшное. Смотришь на экран телевизора, где кривляется пузатый «певец» в рваных трусах, где «поют», дергаясь и выламываясь, так называемые поп-и рок-певцы, и становится пусто, безысходно на душе. А фильмы последних лет? Лубочная сказка про благородную «интердевочку», например? Да ни один порядочный человек не поверит, что проститутки способны на милосердие. Проститутка есть проститутка. Ей доброй быть профессия не позволяет. В фильме же ее так подали, что народ валом валит. А писали сколько. Вот реклама так реклама! Впрочем, «Интердевочка» — давно пройденный этап, пора снимать фильм даже не о готовых на все школьницах, а о девочках из детского сада — есть уже жуткие публикации, есть фотографии. Фильм свое дело сделал.

Жестокость, агрессивность, бездуховность, полное отсутствие понятий чести и совести — что еще можно сказать о молодежи сейчас? «Жизнь заставила», — постоянно читаешь оправдания юных разбойников. Зачем же было бороться за такую жизнь? Да, впрочем, есть и достижения — очередней не стало, как пишет Л. Жуховицкий (а не стало их потому, что у большинства денег нет на покупки по нынешним бешеным ценам). Неужели не видно, какая страшная беда постигла нас? Задумывается ли кто-нибудь,

что же будет дальше, что страшнее: развал экономический, политический или духовный? Для меня, конечно, духовный.

Я вижу, как все уже становится кругозор моих учеников, скудость мышления не пробьешь ничем, зато насколько широк и велик объем потребностей. Когда-то много писали о «вещизме», клеймили этот порок, презирали за него, ну а сейчас о чем говорят, о каких высоких материях? Жвачки и «мерседесы», «баксы», «лимоны» — вот что на языке у молодых. Пионеры, комсомол — это плохо, вони из нашей жизни. Что же взамен? Ведь природа, как известно, не терпит пустоты. И эта пустота заполнилась торговлей в школьных туалетах, обменом наркотиками, занятиями «любовью» на школьных чердаках во время перемен, а то и уроков, драками, разборками. Хорошо стало?

Все, что свалилось на нас за последние пять-шесть лет, ужасно, непереносимо, однако почему-то никто не кричит, не волнуется. Только и слышишь: ничего, это болезнь переходного периода, переболевем, вылечимся, станем здоровыми. А сколько поколений изуродует эта болезнь, излечима ли она? А если смертельна?

Налицо культурная деградация страны. В правительстве полуграмотные люди, не умеющие говорить, держать себя, не способные мыслить. По радио дикторы запинаятся через слово — тошнотой иной раз слушать. Книжки, смакующие мат, газеты с грамматическими ошибками, рок-скакуны и поп-крикуны на эстраде. Прочтите названия

телепередач: «Джэм», «Бомонд», «Там-там-новости», «Блеф-клуб», «Брейн-ринг», «Поехали» и так далее — можно что-нибудь понять? Я уверена, все это растление — от полного отсутствия совести. Если у тебя есть совесть, ты не будешь материться ни в книге, ни на экране, ни дома. Ты не выйдешь, вывалив свое пузо, на сцену в семейных трусах. Ты не будешь выпускать безграмотные газеты на полублатном жаргоне. Ты не будешь продавать свое тело и убивать. Ты не будешь бить старушек и грабить старушечьи «богатства». Ты много чего не будешь делать грязного, стыдного. А ведь когда-то совесть людская была эталоном общества, и об этом каждый знает. Но сейчас буквально рухнула — как-то сразу и у многих. Говорят: «потерял совесть». Да если бы потерял! Ведь утерянное можно найти, а сейчас многие утратили ее — и навсегда, видимо. Утратили ее первыми наши правители, рыба, как известно, гниет с головы. И вирус этот распространился со страшной скоростью. Самое главное теперь — найти вакцину, которая победила бы этот вирус. Да только, может, многим не хочется «лечиться»?

Критерий духовного состояния нашего общества сейчас — «Просто Мария». У нормального человека ажиотаж вокруг этого фильма, где бездарность актерской игры, пустота сценария, скудость диалогов вызывают душевную боль, страх за свой народ, подвергающийся массовому оглушению. Вроде бы что особенного — во все времена один фильм нравился, другой нет. Но это уже явление, кото-

рое стоит осмыслить. Дело ведь не просто в абсолютно бездарной картине, дело в людях, которые от нее оторваться не могут. Почему им нравится вся эта фальшь, пустота, откровенная глупость? Как будто и нет в мире истинных культурных ценностей — спектаклей, фильмов, книг. Посмотрела я фильм о пребывании в Москве ставшей знаменитой у нас исполнительницы главной роли, услышала захлебывающихся от восхищения, ошалевших от счастья видеть очередного кумира живьем зрительниц, и невольно подумала, что весь этот ажиотаж, все эти приезды знаменитостей преследуют единственную цель: отвлечь людей от того, что творится в стране.

Не могу я спокойно жить, молча читать утешительные и оправдательные статьи, когда где-то идет война, людей жгут и сажают на кол, убивают детей, мучают стариков, моя родная Украина стала такой же далекой, как Майами, когда приходится учить подлупьяных ребят, матерящихся девочек видеть алчные глаза, в которых только один свет — денежный.

Есть ли еще хоть одна страна на планете, которая жила бы не за счет внутренней и внешней торговли произведенной продукцией, а за счет растраживания природных богатств да перепродажи чужого барахла? Деньги! Обогащение! И сейчас! Немедленно! Любым способом! — вот главный лозунг сегодняшнего дня.

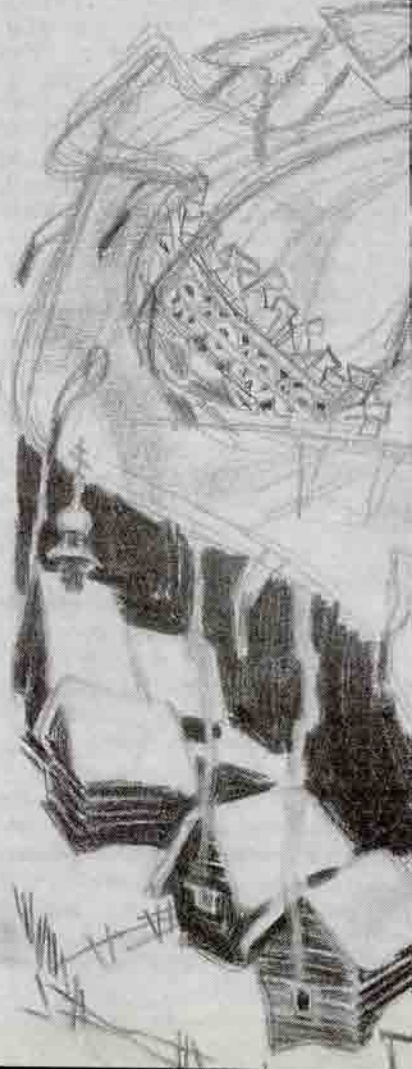
Леонид Жуховицкий, вам не больно, не страшно за будущее России?

В. Г. КОЙДА,
Пермь

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

КРАСНОЕ СЫРЬЕ

PETRUS
BIRON DUX

CURLANDIÆ

RUSSLAND

Четверть века корчилась, на грани жизни и смерти кровавым потом обливалась в медвежьих объятиях невиданного доселе царя Московская Русь, в муках обретая облик и образ империи.

Но, в грехах зачатая, и тем не нарушая, а повторяя опыт рождения иных всех империй, глядишь, и Российская, более грехами не отягощаясь, устояла б и дальше пошла бы по пути, ей на земле определенному, не соверши родитель ее греха последнего — сыноубийства. А как следствие того обрушился на устоявшуюся было империю Петров закон 1722 года — о престолонаследии, отменявший былой старомосковский — по династическому старшинству и заменявший его новым — по выбору и назначению царствующего государя.

Диву даешься: где была хваленая Петрова гениальность! Ну а коли не успел распорядиться, остановленный безвременной смертью, или бесплоден ушел в иной мир царствующий государь? Как не уразуметь было, что смутам и переворотам отворялся тут широкий простор. Но метит Бог шельму, метит: издав сей закон, Петр сам первый его не исполнил, и судьбою российской короны распорядился не он, царствующий, а внезапная его смерть. В тот самый миг, когда 28 января 1725 года костенеющая рука успела вывести: «Отдайте все...» — и выронила перо, в этот самый миг и заварилась на Руси каша, расхлебать которую не могли ровно столетие, а первые пять лет и того не ведали, с которого края начинать.

Не было прав, никаких не было прав наследовать вдове императора! По закону, им же данному, вдова-мать может только *опекать* несовершеннолетних наследников, но сама *не наследует*. Тут и схлестнулись — впервые в истории нашей жестоко схлестнулись — родовая знать и знать чиновная. С одной стороны, Голицыны, Долгорукие, признававшие законным наследником — единственным, кстати, по мужской линии и рожденным от достойного царской крови брака — великого князя Петра, сына казненного царевича Алексея; с другой — Меншиков, Толстой, Ягужинский, другие худородные выскочки, выведенные Петром, им же вознесенные и бывшие теперь против этого наследника, которого воцарение оказалось бы для них, врагов и погубителей его отца, гибелью, а с ними вместе — и Екатерины. Перед теми и другими стоял теперь Гамлетов вопрос, а диалектика выходила проще некуда: кто кого? Дело же все решала сила.

Сила эта вовремя подоспела на сцену российской истории. То была созданная Петром гвардия; та самая гвардия, которая едва ли не целое столетие решать будет на российском престоле все династические вопросы, а к тому несчастному сроку успевшая уже заслужить неблагозвучную кличку «янычар». Словом, Меншиков успел раньше.

Если сам Петр был отцом незаконного российского престолонаследия, то по праву крестным его отцом почитаться должен светлейший князь Александр Данилович Меншиков, показавший себя во всем блеске при первом же удобном к тому случае.

Смерть кормильца и благодетеля не оглушила его и даже не привела в замешательство. Когда Меншиков понял, что нет уже более надежды, он поднял от ложа агонизирующего царя нескольких прощавшихся с ним гвардейских офицеров и отвел их к Екатерине. Всегда привязанные к военной подруге императора, которую любовно называли «полковницей», гвардейцы тотчас же поклялись умереть у ее ног, но не допустить к трону никого другого. А в то самое время, когда рыдающая и счастливая Екатерина в знак особой благодарности подала гвардейцев водкою из собственных ее императорского величества рук, полагая тем на многие десятилетия начало славной и незыблемой российской традиции, и когда, помимо водки, дано им было торжественное обещание чохом выдать задолженное казною шестнадцатимесячное жалованье, в это самое время в соседней зале сенаторы и другие высшие сановники государства совещались о возможно законном почившему государю преемнике. Странным образом, как будто по чьему-то безмолвному приказанию, оказались вдруг в той же зале и гвардейские офицеры. «Подобно хору античной драмы, не принимая прямого участия в развертывавшейся на сцене игре, а только как бы размышляя вслух, они до неприличия откровенно выражали свои суждения о ходе совещания, заявляя, что разобьют головы старым боярам, если они пойдут против их матери Екатерины».

Дальнейшее развитие легко представимой этой картины (широко раскрытые изумленные глаза и полуоткрытые в немом вопросе рты почтенных старцев) прервано было четким, хорошо всем знакомым звуком барабанной дробы, проникшим в залу сквозь двойные зимние рамы и наглухо зашторенные окна. Президент военной коллегии князь Репнин, выглянув в окно и увидав внизу стоявшие под ружьем оба гвардейских полка, Семеновский и Преображенский, в гневе спросил:

— Кто смел без моего ведома привести сюда полки? Разве не я фельдмаршал?!

— Ты фельдмаршал, — отвечал оказавшийся тут командир Семеновского полка Иван Бутурлин, — а полки приведены по моему приказанию и... — здесь Бутурлин выдержал паузу, — по воле императрицы, которой каждый подданный обязан повиноваться, — сказал он и внушительно добавил: — Не исключая тебя.

Дальнейшие препирательства не имели уже смысла: Сенат провозгласил самодержавной императрицею Екатерину Первую; сделано это было так скоропалительно, что о восшествии Екатерины в Петербурге узнали едва ли не раньше, чем о кончине императора. Но чудеса тем не кончились.

Куда больше, нежели смертью преобразователя, поражены были российские подданные воцарением на нашем престоле женщины. «Статочное ли это дело — быть бабе на царстве?» — говорили одни. «Она же иноземка!» — удивлялись другие, а по вычислениям особливо дошлых разумников выходило и того страшнее: вспомнили, что восприемником ее при обращении в православие был царевич Алексей, сын мужа ее, — «стало быть, и женился он на своей внучке!».

Дело, однако, было сделано: Екатерина воцарена, а бразды правления крепко взял «дружок сердешный», князь Меншиков.

В сию же самую пору пребывал он под следствием по делу о злоупотреблениях, но думал не о расплате, которой не успел учинить над ним Петр, не о надвигающихся бедствиях могущего оказаться перед новою смутой государства — нет, думал отважный казнокрад о том, как ловчее похерить дела о своих злоупотреблениях, как стать генералиссимусом, как, наконец, заполучить Батурин в Черниговской губернии, в чем было ему Петром напрочь отказано... Екатерина не отказала ни в чем: к концу года уничтожены были все его счетные дела, скоро был отдан ему и Батурин с 1300 дворов и 2000, принадлежавших Гадяцкому замку, а еще малое время спустя и вожделенный чин генералиссимуса Меншикову был тоже вручен... Екатерина умела быть благодарной. Что она умела еще — другой вопрос.

«Знаменитая ливонская пленница принадлежала к числу тех людей, которые кажутся способными к правлению, пока не принимают правления», — говорит С. М. Соловьев. Добавим: потому, видно, и отпущено Екатерине было не много. В угарном дыму былых петровских трапез — по-прежнему в компании гвардейских офицеров и, как и раньше бывало, до шестого часу утра — отчадило и миновалось короткое ее царствование. За два с небольшим года двором истрачено 700 000 рублей на венгерское вино и еще 160 000 на гданскую водку. Недурная выходит цифирька, когда ежегодный государственный доход не превышал десяти миллионов рублей. Да думать еще надо, что и пили при дворе не без закуски и заедали не рукавом, не ржаным сухарем, а все балычком, семужкой да икоркой вволю, а икорка, она и по тем временам в красных сапожках бегала. Словом, подсчитал В. О. Ключевский, только за один последний год царствования ухнула первая российская императрица до шести с половиной миллионов рублей, а во времена Ключевского, на которые сия сумма и пересчитана, русский рубль стоял — не достать. Ну да Бог ей судья, чухонской этой полонянке, случаем заброшенной на российский трон; не о ней, собственно, речь.

Что говорить, наломал дров двусмысленным, дурным, прости Господи, законом о престолонаследии наш преобразователь, как бы нарочно уготовив последователям своим первым же шагом к трону наступать на грабли; да и это бы горе в полгоря, когда б одним царям и доставалось, но ведь век целый ни одна перемена на российском престоле не минуется без хитроумных, жестоких, кровавых подчас дворцовых интриг, без вмешательства гвардии, со времен Екатерины и приступившей к этим новым своим обязанностям весьма решительно.

Единственным, казалось бы, и законным преемником Екатерины должен стать малолетний внук Петра, великий князь Петр Алексеевич. Но Екатерина, которой царственный этот внук был седьмая вода на киселе, желала оставить престол одной из своих дочерей. Смута зрела уже при жизни императрицы, и вот-вот, как два года назад, должны были схлестнуться теперь интересы сторонников племянника, Петра Алексеевича, и приверженцев теток, Анны и Елизаветы. В этот момент и явился на сцене один из хитроумнейших российских вельмож, член Верховного тайного совета, вице-канцлер Андрей Иванович Остерман. Мягким, вкрадчивым, по обыкновению, голосом предложил он для успо-

коения сторон некий план: женить 12-летнего племянника на 17-летней тетке, Елизавете. Цинизм нашего иностранца заставил залиться багровым румянцем даже выдавшую виды Екатерину, и Остерманов план был отвергнут. Но полномочные при российском дворе господа европейские министры подсказали Меншикову другой, исполненный, впрочем, не меньшего цинизма выход: он, Меншиков, изменяет своей партии, становится за великого князя Петра, уговаривает Екатерину назначить того своим наследником, но с условием жениться на его, Меншикова, дочери, девице, годками тоже изрядно обогнавшей уготованного ей жениха.

Переметнуться в противоположный стан светлейшему не стоило ни труда, ни нравственных усилий. Благодаря дикой напористости, нерусской энергии его и беспардонности дело сладилось: Верховное совещание предпочло теткам племянника. Однако незадолго до смерти Екатерина уперлась и стала решительно настаивать на передаче престола дочери своей, цесаревне Елизавете. Тогда ей просто намекнули, что не ручаются за возможность спокойно доцарствовать... Короче, в момент смерти Екатерины, 6 мая 1727 года, новым российским императором оказался одиннадцатилетний Петр Алексеевич, причем императором «по завещанию, по избранию и по наследству», о чем и было незамедлительно всенародно объявлено. Гвардейские офицеры в том же, как и два года назад, составе, отойдя от холодеющего тела императрицы и не успев высушить слез на мужественных своих лицах, кричали под хрустальный звон «виваты» отроку-императору. Словом, и тут Меншиков поспел скорее иных, а дальше и вовсе не мешкал.

224

По малолетству якобы и дабы оградить от вредных влияний, переселил он Петра из царского дворца в собственный свой дом, взял в поднаторевшие руки вожжи российского правления и так резво погнал к государственному процветанию, что скоро скинут был с облучка вошедшими в фавор Долгорукими, сослан с семьей в Березов, а царскую невесту Марию Меншикову сменила Катерина Долгорукая...

Обручались 30 ноября 1729 года в Москве, при несметном стечении народа. При въезде в Лефортовский дворец с грохотом упала на землю украшавшая парадную карету императорская корона. Это сочли дурным предзнаменованием, но день свадьбы назначили — 19 января 1730 года... А к ночи 18-го, в том же Лефортовском дворце, подхлестнутые простудой, перешедшей в оспу, истекали последние часы второго российского императора*. Он бредил. Над Россией повисла тяжелая туча ожидания; ожидали и те, над кем был уже занесен дамоклов меч.

* Между двумя этими датами произошло следующее. 6 января государь прибыл на обычное торжество водосвятия, стоя на запятках саней, в которых сидела его невеста, и пробыл с непокрытой головой на льду и жестоком морозе около четырех часов. Возвращаясь в свои покои, он почувствовал головную боль и в тот же вечер слег в постель. На другой день открылась оспа, которую доктора приняли за лихорадку. Однако ему стало лучше, появилась надежда, но собственная неосторожность погубила Петра: он подошел к окну и отворил его. С этого дня надежды уже не было.

Смерть Петра II случилась в тот самый момент, когда, достигнув всех возможных пределов фавора, Долгорукие уже делили между собой наивысшие в Российском государстве должности: Алексей Григорьевич метил быть генералиссимусом и первым министром, Иван Алексеевич — великим адмиралом, Василий Лукич — канцлером, Сергей Григорьевич — обер-штальмейстером... Мудрено ли, что в ожидании таких назначений к роковому часу оказались Долгорукие в положении более чем тревожном? Оповещенная о большой беде, но более страшась последствий, съехалась к ночи 18 января в дом Алексея Григорьевича многочисленная фамилия. Тут произошла такая сцена, согласно запечатленная историками.

— Император болен, и худа надежда, что будет жив, — с места в карьер начал хозяин дома. — Надобно выбирать наследника.

— Кого выбирать думаете? — оглядел всех старый князь Василий Лукич.

Алексей Григорьевич пальцем указал в потолок. Жест был понятен: в верхних покоях помещались комнаты дочери Алексея Григорьевича Екатерины, которую после обручения называли уже императорским высочеством.

— Нельзя ли написать духовную, — сказал князь Сергей Григорьевич, — в которой прописать, что его императорское величество учинил ее наследницею?

— Неслыханное дело вы затеваете! — оборвал князь Василий Владимирович — фельдмаршал, подполковник гвардии, ветеран петровых войн — и продолжал с жаром: — Чтоб обрученной невесте быть российского престола наследницею! Кто захочет ей поданным быть? Не только посторонние, но и я, и прочие нашей фамилии — никто в подданстве у нее быть не захочет. Княжна Катерина с государем не венчалась!

— Хотя не венчалась, но обручалась, — возразил настойчиво Алексей Григорьевич.

— Венчание — иное, а обручение — иное, — твердо стоял на своем Василий Владимирович. — Да если бы она за государем и в супружестве была, то и тогда бы в учинении ее наследницею не без сомнения было б.

Спор разгорался, выплескивался уже за рамки семейных приличий, когда Алексей Григорьевич вспомнил о решающем доводе:

— Ты, князь Василий Владимирович, в Преображенском полку подполковник, а князь Иван — майор, и в Семеновском спорить о том будет некому.

— Что вы, ребячье, врите! — вспылил Василий Владимирович, побагровев. — Как тому можно сделаться? Как я полку объявлю? Да меня не только бранить станут, меня убьют!

С этими словами, прихватив брата Михаила, князь Василий Владимирович покинул разбушевавшееся собрание, тотчас, впрочем, и успокоившееся, потому как один только и оставался вопрос: кому писать царское завещание, что, недолгое время спустя, и слажено было общими силами. Фаворит государя и первый его любимец, хорошо знавший руку императора князь Иван Алексеевич, вывел под завещанием «ПЕТР», успокоив свою

и других Долгоруких совесть тем, что «за тяжкою болезнию императора сам он подписать духовной будет не в состоянии».

И верно: Петр уже не был в состоянии ничего подписывать. В начале первого часа ночи на 19 января он хрипло выкрикнул в бреду последние свои слова: «Запрягайте сани!.. Хочу ехать к сестре!..» — и от сей временной в вечную преставился жизнь. Было ему 14 лет и три месяца со днями.

А 25 января прискакавший в Митаву тайный курьер вручил герцогине курляндской письмо, последствиями которого будут события странные и неожиданные. Но, прежде чем рассказать о них, вернемся немного назад.

II

Старший брат Петра I Иван Алексеевич ушел в лучший мир в 1696 году, оставив 32-летнюю вдову Прасковью Федоровну и трех дочерей, почти погодок: Екатерину — 5, Анну — 3 и Прасковью — 2 лет. Ивановны подрастали в ту самую пору, когда дядя их только приступил к ворошить муравейник старинного российского бытия и двуликость русской жизни еще не обозначилась ясно на пространствах обширного государства, но в столицах, в семействах, ко двору близких, уже царила.

В подмосковном Измайлове, где с матерью-вдовой обитались царевны, неизбежная тяга к старинным порядкам волей-неволей уживаться должна была с новыми европейскими требованиями. Царь, сам не охотник туда ездить и называвший двор невестки «богадельней ханжей, уродов и пустосвятов», вовсе же рукою махнуть на воспитание племянниц не хотел, а потому по его приказанию среди перенаселенной измайловской челяди — приживалок, юродивых, гадалщиц, странников, говорящих скворцов, ученых мартышек, белых пав и других «курьезных» птиц и зверей — явились — в качестве гувернера и учителя немецкого языка — Дитерих Остерман (брат знаменитого вице-канцлера) и некто Рамбурх, о котором в перечне наставников говорилось: «танцевальный мастер, телесное благолепие и комплименты чином немецким и французским научает». Но если Остерман, оказавшись человеком не в пример брату довольно пустым, но все-таки с европейским образованием, хотя и с грехом пополам дал царевнам какую-то выучку, то Рамбурх, и вовсе, как говорится, пирожок ни с чем, в научении телесному благолепию и немецким да французским комплиментом преуспел совсем мало, так что созревание девиц заметно обскакало их знания. Беда, впрочем, была не из самых ужасных: речь-то не о царевичах — о царевнах.

Время шло к венцу, а дабы в девках не засиделись царевны да и потрафить чтобы деверю, все чаще объезжавшему за семь верст измайловскую богадельню, решила Прасковья Федоровна перебраться с дочерьми в Петербург. Жалко было подниматься с насиженного гнезда, от жарких печек, пуховых перин, от гадалок да лапотных странниц, от скворцов ученых, от сонного и вольного житья без царя догляду. Жалко, а надо. Как надо-

то — пойдем, заглянув в тогдашнее Измайлово, родовую семью Ивана Алексеевича вотчину.

Посланный с поручением к вдовой царице в Измайлово и приехавший туда ночью камер-юнкер Берхгольц принужден был пройти сначала через спальню царевен. Младшая, Прасковья, странно улыбаясь, протянула к нему руку; изумленный, он шагнул дальше и был поражен еще более, когда оказался в другой спальне, где придворные дамы лежали вперемежку со служанками. Недвусмысленные жесты, более чем откровенные одеяния, сказать проще — отсутствие оных, поначалу смутили камер-юнкера, а от соблазна удержало его только то, что все это являло картину столь же грязную, как и смрадную... В другой раз Берхгольцу пришлось приехать в Измайлово с новогодними поздравлениями; тотчас же препровожденный к царице Прасковье Федоровне, он не заметил, чтобы она смутилась тем, что принимала молодого человека в одной исподней рубашке...

Мудрено ли, что царь Петр, сам державшийся совсем не чрезмерных моральных устоев, но для всякого рода утех предпочитавший бывать в Немецкой слободе, велел Прасковье Федоровне поторопиться с переездом из Измайлова в Петербург, вместе с царевнами.

Поиски женихов не затянулись. Старшую, Екатерину Ивановну, выдали в 1716 году за мекленбургского герцога Карла-Леопольда. Надо сказать, сам он больше склонился к пригожей Анне, но сочиненный Петром брачный договор такими был уставлен приманками (чего стоит, например, что, помимо 200 000 рублей приданого за Екатериною, царь Петр обязывался отобрать у шведов Висмар и Барнеминд, отошедшие от Мекленбурга по Вестфальскому миру), что, вовсе не упрямясь, жених, со своей стороны, обязывался «обеспечить жене свободное отправление православною службы, выплачивать по 6000 ефимков шкатульных денег в год и закрепить за ней, на случай своей смерти, замок Гистров с 25 000 ефимков ежегодного дохода». Все бы ничего, да из покладистого жениха супруг вышел деспот, да такой деспот, что и у Петра, к сантиментам не склонного и племянницам потачки не дававшего, дрогнуло сердце: разрешил он Екатерине Ивановне вернуться в Россию с единственной ее дочерью Елизаветой (в православии Анной Леопольдовной, нашей впоследствии правительницей).

Младшая, Прасковья Ивановна, невидная из себя и, в отца, хвора была царевна, что, впрочем, не помешало ей мorganатическим браком, говорят, правда, с введом Петра, сочетаться с сенатором Дмитриевым-Мамоновым, которого она пережила на год.

Но кому-кому, а Анне-то Ивановне в девках, уж верно, никак было не засидеться. К невестиней поре выросла она высокою, гренадерского, можно сказать, роста девицею; вспоминают даже, что голова ее возвышалась над головами окружавших ее мужчин. Статная, плотная, что называется, «широка тельцем», но отменно сложенная — все это в сочетании с круглым смуглым лицом, с черными волосами и большими темно-голубыми глазами вызывало у всех ее видавших один только вопрос: «В кого

удалась?» Ни физически, ни нравственно не была она похожа на официально признаваемого отца. Хилый телом, «скорбный главою» и, по видимости, весьма сомнительных детородных достоинств, никак не походил царь Иван Алексеевич на лучшее свое произведение. Отцовство его и в те времена выходило чем-то вроде самозванства или, если угодно, плагиата, а позже отыскались и документы, из которых угледеть можно, что года за два до рождения Анны приставил Петр к жене слабосильного брата то ли дворецкого, то ли управляющего ее именьями, некоего стольника Василия Юшкова. Царь Иван, всегда сознававший перед братом свою малость, не перечил, а царица не была этим недовольна; тем более, как вспоминают, был Юшков — малый видный, отменно здоровый, дело знал, и потому, должно быть, именья Прасковьи Федоровны в отличном с тех пор пребывали порядке.

Напрасно думают, что красота исторической роли не играет. Политика политикой, государственные виды тоже в своей мере, но своих ли, иноземных женихов у Анны — отбою не было, и, думается, по эстетическим достоинствам не в последнюю очередь... Словом, 1710-го летом просватана, а осенью обвенчана была Анна с племянником прусского короля, герцогом курляндским Фридрихом-Вильгельмом. Жениху и невесте было по семнадцати лет. Можно бы думать, что тут дядюшка поторопился, но знать надобно, что на все про все был у Петра один аршин — государственный.

Петр ломился к морю, как лось сквозь чащу. Ко времени Аннинного сватовства Россия заняла балтийское побережье до Курляндии, настала очередь и этого герцогства, но расчетливый Петр разглядел возможность прибрать его к рукам не оружием, ковать да лить которое надобны время и деньги, а семейными узами, что по всем статьям выходило дешевле. Порешив сие, велел Петр подать, как водилось, анисовой, закусил пирогом с морковью и приказал готовить свадебный пир.

Пир горой, в петровом духе — безудержный, неумный, длившийся без передыху с 31 октября до половины ноября, а потом еще продолженный наезжающими друг на друга праздниками, оглушаемый непрекращаемым треском фейерверков, в свете которых на глазах ошалевших и отяжелевших гостей из взрезанных Петром пирогов выбегали к изумленным гостям две карлицы и плясали на столе менуэт, а более всех пораженный новобрачный пожелал тут же женить карлика с неременным условием, чтобы брачная ночь прошла в его спальне, — этот пир горой, превзойдя всякую меру, оказался роковым. Курляндскому герцогу и отроку не российского закалу выпел он боком: герцог захворал, зачах, простыл на питерских сквозняках и от свадебных столов по дороге в Митаву отдал Богу душу. Не отколос с черных волос венчальной фаты, прикатила в Курляндию семнадцатилетняя вдова.

Чопорные, расчетливые курляндцы приняли молодую герцогиню вежливо, но довольно прохладно, словно казанскую сироту или бедную родственницу из провинции. Выданных 12 680 талеров едва достало на приличный стол, конюшню и содержание

драгунской роты, от которой проку — одна потеха. Ни в каких яствах тут вроде бы и не отказывают, а капуста квашеная не допросишься. Но, того хуже, чужой иноземный глаз российским ее привычкам — помеха; да не хочет, не может она с ними распрощаться: полуголая, нечесаная, лежит часами на медвежьей шкуре, обходится без воды для умывания, а смазывает себя растопленным маслом; но покуда не румянится, не сурмит бровей; придет это потом — с короною Российской империи, о чем покуда и мыслышки малой нет в голове курляндской герцогини, а только томится она теперь, скучает по дому — по душегрейкам, по сарафанам измайловским, по ученым скворцам и мартышкам; да и по куртагам-то, по ассамблеям петербургским чего ж не попечаловаться? Нет-нет, а навевывается курляндская герцогиня то в Петербург, то в Измайлово свое и все норовит погостить подольше; да вот дядя засиживаться дома не дает, а, блюда, по обыкновению, интересы Отечества, гонит в Курляндию.

Но нет, за делами государственными не забыл Петр о личных племянницы интересах. Кто-кто, а он-то знал, что по смерти герцога снова станет Курляндия лакомым куском для соседей — и для Швеции, и для Пруссии, и для Польши, и для России тоже. Так и вышло, а с тем и то еще вышло, что сделалась Анна как бы невестой всех бедных европейских принцев, которые желали получить Курляндию в приданое и с которыми, на предмет нового супружества племянницы, входил Петр в переговоры. Женихов и охотников идти под венец с курляндскою герцогинею выходило сразу много, но единственный все не сыскивался, а только приискивался. И как в девках не засиделась царевной, так во вдовстве своем Анна явно перегуливала и все тяжелее несла свой вдовий, свой бабий избыток.

По всему выходило, пришло время беде пособить *домашними*, так сказать, *средствами*, наружу того не выказывая, но от чужого глаза подальше и без иноземных доброхотов. И надо же, как сон в руку, случился тогда, наряжен был к ее двору гофмейстером и управляющим курляндскими ее именьями Петр Михайлович Бестужев.

Отлично от управляющего именьями ее матушки Василия Юшкова, Петр Бестужев молод не был, а даже тому противно — стар; точно считать — тридцатью годками Анны потяжелее, и к поре затянувшегося ее вдовства нести должен был уже седьмой десяток, что, впрочем, не помешало взаимному согласию, следствием которого не явился, однако, будущий наследник порожнему российскому престолу, что также для нашего рассказа весьма важно.

Трудно сейчас с точностью до месяцев или даже годов реставрировать ветхую эту историческую конструкцию, но достаточно верно знаем мы о событии, прямо обозначенном 12 февраля 1718 года и имевшем следствие, в русской истории более чем значительное.

В этот день вместо заболевшего Бестужева бумаги на подпись принес герцогине некий молодой чиновник. А дальше то ли болезнь Бестужева затянулась, то ли другие какие виды себя

оказали, но герцогиня приказала молодому чиновнику приходить с докладом ежедневно. Визиты оказались настолько успешны, что недолгое время спустя молодой курляндец сделался сначала секретарем, а затем и камергером герцогини. Звали этого чиновника Эрнст-Иоганн Бирон.

И все же не знаем мы с точностью — историки не оставили нам возможной даты, — когда вытеснен был из сердца Анны ее соотечественник и заменен курляндцем. Возможно, этой даты вообще не существует, поскольку есть предположения, что обширность Анниного сердца в ладу была с его добротой настолько, чтобы не обидеть и не обездолить ни одну из двух персон, в нем поселившихся. Более того, неумолимо приближалось время, когда в пору уже было задуматься, поместится ли в этом сердце и третья персона: перезревающий в курляндском саду российский плод вот-вот должен был упасть к ногам какого-нибудь европейского принца.

Европа волновалась — вдовство курляндской герцогини непозволительно затягивалось, а со смертью царственного ее дядюшки дело о приданом стало еще более непонятным, но и еще более заманчивым. Причин для волнений у Европы было достаточно.

Курляндское герцогство, бывшее в то время ленным владением короля Польши, после смерти супруга Анны управлялось его дядею, Фердинандом, который весьма скоро рассорился с курляндским рыцарством, вынужден был бежать, а сейм постановил избрать нового герцога. Среди многих европейских принцев, маркграфов и ландграфов главными претендентами оказались двое: с польской стороны — побочный сын Августа II Мориц Саксонский, видеть которого герцогом Курляндии желал и его отец, польский король, и курляндский сейм, а с российской стороны — светлейший князь Александр Данилович Меншиков. С Меншиковым мы знакомы; несколько слов о сопернике.

О!.. Этим возгласом могли бы начать рассказ о Морице Саксонском многие, очень многие знатные дамы Европы. Он был одним из самых блестящих героев европейского XVIII века, и более всего в *альковных* ее главах. Надо сказать, у беспутного короля Августа подкопилось к концу жизни больше сотни побочных детей, но признавал он одного только Морица и ему одному присвоил титул графа. Но, разумеется, не это было причиной его успеха у прекрасной половины рода человеческого. Рядом с изнеженными, *барочными* мужчинами европейских салонов Мориц казался Геркулесом, легко разгибал подковы и скручивал в жгут каминные щипцы. Но главное, он был воин и игрок, снискавший славу на обоих этих поприщах. Но часто терпя поражения за ломберным столом, Мориц не позволял себе этого на поле брани. Одна только битва при Фонтенуа, где он разбил союзных австрийцам англичан, голландцев и ганноверцев, сделала его национальным героем Франции. Но с неизменным успехом обнажал он шпагу, сражаясь под разными знаменами то со шведами, то с испанцами, то с турками. Однако в собственной жизни отважный воин был беспутен, и, дабы обуздать это отнюдь не лучшее его качество, Август женил сына на одной из богатейших невест Европы. Но едва соединив себя узами брака с этою

прусской графиней, Мориц неожиданно и так *по-русски* загулял, что в два счета спустил состояние жены, которой только и оставалось требовать развода, к обоюдному счастью супругов скоро удовлетворенному. Этот банальный в общем-то для жизни Морица эпизод не остудил его страсти к приключениям, а восхищение отважным воином и блестящим кавалером со стороны прекрасного пола не пострадало; скорее наоборот, и все тот же ветер приключений продолжал забрасывать его в будуары многих красавиц.

И тут в нашем рассказе появляется еще одна европейская знаменитость — подруга Вольтера и великая трагическая актриса Франции, прелестнейшая и неотразимая Андриенна Лекувер. Три года горела не сгорая эта любовь двух пылких, испепеляющих друг друга сердец. Андриенна никогда никого не любила с такою страстью, какая выпала на долю Морица. Но доброта любящей женщины поразительна и поистине безгранична: в один прекрасный день, со слезами на глазах расцеловав возлюбленного, Андриенна пожелала ему счастья в поисках курляндской короны, добавив на прощание, что ее сердце и объятия остаются для него открытыми.

Мориц поскакал в Митаву. Но здесь мы не можем оставить в стороне тех необычных и весьма любопытных обстоятельств, которые сама история позаботилась ввести в наш рассказ.

В то самое время, когда сжигаемый страстью Мориц стремился скорее пасть к ногам курляндской герцогини, саксонский посол Лефорт в письмах из Петербурга нахваливал ему прелести цесаревны Елизаветы Петровны, причем в выражениях, способных разбудить чувственность носорога, и можно себе представить смущение, в каковое привели они пылкого Морица. «У нее, — писал Лефорт о Елизавете Петровне, — круглое, как у кошки, лицо, голубые глаза с поволокой и приятно возвышенный бюст. — И наконец изящным росчерком посол прибавляет: — Живость ума делает ее ветреной!» А когда сладкословный искунитель ко всему уже сказанному добавлял, что наслышанная о нем цесаревна только и говорит что о нем и уже влюблена в него без памяти, Морицу, казалось, следовало немедленно сворачивать с митавской дороги и скакать в Петербург. Перезрелый тридцатичетырехлетний плод в курляндском саду, пускай и украшенный приданым в виде герцогской короны, никак не выдерживал сравнения с едва созревающим* на берегах Невы.

Но нет, не повернул Мориц Саксонский лошадей, доскакал до Митавы. И был вознагражден! Пораженный формами своей избранницы, показавшимися ему настолько прелестнее всего, описанного Лефортом, он тотчас же понял: здесь его счастье!

Что же до курляндской герцогини, то на другой день после первого свидания она писала в Петербург императрице Екатерине, выражаясь со свойственным только ей изяществом: «И оный прынец моей светлости не противен».

Что говорить, мужественная красота баловня европейских красавиц, блестящее его прошлое и еще более блестящее, как рисо-

* В ту пору Елизавете Петровне шел 17-й год.

вало воображение, будущее вскружили Анне голову с первой же встречи, а его пылкость, скоро ею обнаруженная, сразила курляндскую герцогиню наповал. Не знала она только, что это же самое качество в полной мере оценила и любимая ее фрейлина Магден...

Но вот — о чудо! — не молодая русская цесаревна явилась соперницей вдовствующей герцогине, не коварная фрейлина, совращенная опытным искусителем и обманувшая доверчивую госпожу, но возможный обенх соперниц жених и легкомысленный любовник оказался вдруг поперек дороги — и кому? — всесильному русскому князю!

Едва узнав, что курляндский сейм выбрал Морица Саксонского своим герцогом, единственным условием положив ему взять в качестве приданого к курляндской короне вдовствующую герцогиню, что не противоречило желаниям Морица, Меншиков поскакал в Митаву, не озаботившись даже тем, что его отсутствие может дорого ему обойтись: Петр II был уже плотно обложен Долгорукими, и, хотя официальной невестой императора все еще считалась Мария Меншикова, до рокового поворота событий было рукой подать. Желание курляндской короны оказалось, однако, сильнее чувства надвигающейся опасности, и, пренебрегая ею или будучи уверенным в незыблемости своего могущества, очертя голову Меншиков поскакал в Митаву.

Точно предчувствуя недоброе, и Анна мигом, что было ей не свойственно, поднялась и с одною горничною выехала навстречу Меншикову; они встретились в Риге.

232 Забыв о герцогском своем достоинстве, о царской крови наконец, Анна рыдая умаливала его не разрушать так долго ожидаемого ею счастья. Но не было ни чувств таких, ни обстоятельств, которые смогли бы разжалобить светлейшего, когда сам он желал того, о чем молили другие. Нет, Меншиков вовсе не хотел разрушать счастья Анны, он не желал и самой Анны, ему и в голову не приходило соперничать с молодым красавцем Морицем — он воцарился к курляндской короне, и было это сильнее всех прочих чувств и обстоятельств. Вот почему, всегда думавший о целях и никогда не рассуждавший о средствах, Меншиков нанес невесте сокрушительный и, прямо сказать, подлый удар. С помощью шпионов, которые были у него везде, он знал об отношениях Морица с ее фрейлиною и теперь выложил все это в самых циничных подробностях, на которые был способен. Близкая к обмороку Анна была оглушена еще и приказанием Меншикова, от имени государя данным, немедленно ехать в Петербург. Сам он отправился в Митаву.

Здесь он прямо заявил своевольно курляндскому рыцарству, что за ним следуют 20 000 штыков, а поскольку при Морице Саксонском, так неосмотрительно ими выбранном в герцоги, всего лишь — он знал это точно — 214 солдат и 33 человека прислуги, из чего он, Меншиков, заключает, что «Курляндия не может искать ничего покровительства, кроме русского», а при сложившихся обстоятельствах — в его, князя Меншикова, лице.

Решительность Меншикова граничила с наглостью, причем последняя эту границу весьма часто переходила, а потому вовсе

не следует удивляться, что, встретившись с Морицем, Меншиков сразу спросил его, сколько он хочет получить, чтобы убраться из Митавы.

— А сколько хотите вы, князь, за ту же услугу? — парировал Мориц. Впрочем, он был игрок. — Предлагаю пари в 100 000 рублей. Эту сумму получит тот из нас, кто станет герцогом Курляндии. Идет?

Нет, не идет; у Меншикова не идет. Благородство не было в числе его достоинств, и он не хотел рисковать. Окончательно убедившись, что курляндский сейм горой стоит за его соперника, Меншиков решает уломать этот самый сейм с помощью ввода в Митаву русских войск и с их же помощью схватить Морица.

Дальше, если верить рассказам современников, события развивались в духе романов Александра Дюма, что, впрочем, было вполне в духе времени. Рассказывают, будто Морица спасло лишь то, что он оставался верен своим страстям даже во время смертельной опасности и что при попытке ареста, будучи в спальне известной нам фрейлины и услышав голоса солдат, поднимавшихся по лестнице, он быстрее, чем обычно, раздел свою возлюбленную, облачился в ее платье и выпрыгнул в окно... Но это, возможно, из области легенд; вернемся к событиям, в подлинности которых нет оснований сомневаться.

Меншиков выполнил свои намерения: малочисленный отряд Морица, преследуемый по пятам превосходящими силами русских, был загнан на остров большого озера. При самой отчаянной храбрости у Морица не было иной возможности, помимо сдачи; кроме того, за личные выгоды Мориц не хотел платить кровью преданных ему солдат. Он приказал им сложить оружие, распрощался с каждым, а сам бросился с лошадыю в воду, переплыл озеро и достиг противоположного берега. Тут, казалось бы, подхваченный всегда сопутствующим ему ветром приключений, Мориц должен был кинуться в новые. Но здесь, собственно, и кончается роль Морица Саксонского в нашем рассказе. Узнав о падении в России своего врага и соперника, он не сделал попытки ни искать курляндской короны в Митаве, ни породниться с царствующим домом в Петербурге, а предпочел вернуться в раскатытые объятия Андриенны Лекуврер. Но это уже другая история.

III

Письмо из Москвы, которое 25 января 1730 года вручил в Митаве тайный курьер герцогине курляндской, было таково:

«Премилостивейшая Государыня! С горьким соболезнованием нашим Вашему Императорскому Величеству Верховный тайный совет доносит, что сего настоящего году, Генваря 18, по полуночи в первом часу, вашего любезнейшего племянника, а нашего всемилостивейшего Государя, его Императорского Величества Петра II не стало, и как мы, так и духовного и всякого чина шведские люди того же времени заблагорассудили российский престол вручить Вашему Императорскому Величеству, а каким образом Вашему Величеству правительство иметь, тому

сочинили кондиции, которые к Вашему Величеству отправили (далее следует перечень имен и титулов тех, с кем это отправлено. — А. Н.), и всепокорнейше просим оные собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды в Москву ехать и российский престол и правительство воспринять».

Письму этому, с неподдельным изумлением прочитанному теперь курляндскою герцогинею, предшествовали события, которых началом явилось известное уже нам собрание вечером 18 января, когда изготовлено было и князем Иваном Долгоруким подписано подложное царское завещание. А спустя несколько часов многих участников этого келейного собрания мы встретим снова, теперь — в Лефортовском дворце, где, при буквально последнем вздохе императора, собрался Верховный тайный совет, учрежденный в 1726 году Екатериною I в качестве органа, государевым делам подспорного. Теперь же, в *безгосударное* время, в коем оказалась Россия, Совет счел себя вправе поступить так, как поступила в 1610 году Боярская Дума при избрании в цари польского королевича Владислава. Однако прямое сравнение с Боярской Думой вряд ли возможно, хотя бы уже потому, что к описываемому нами дню (ночи — будет точнее) Совет состоял из пяти членов, которые назывались на новый манер министрами. Это были канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, вице-канцлер и старший гофмейстер умершего императора, барон Андрей Иванович Остерман, второй гофмейстер, князь Алексей Григорьевич Долгорукий, князь Василий Лукич Долгорукий и князь Дмитрий Михайлович Голицын*.

234 Министры Верховного тайного совета, пригласив с собою князя Михаила Владимировича Долгорукого и двух фельдмаршалов — Долгорукого и Голицына, удалились в «особую камору» для совещания о том, кому быть государем на Руси. Третий фельдмаршал, князь Трубецкой, и другие члены сената и генералитета остались дожидаться решения «осьмиличного совета».

Не обойдем вниманием одну любопытнейшую деталь: Андрей Иванович Остерман, будучи, разумеется, приглашенным на совещание как по должности члена Совета, так и по причине самого, быть может, выдающегося государственного ума, чего отрицать не решались и заядлые его враги, ушел из собрания, объяснив это крайне деликатным своим в данном случае положением: в решении вопроса о судьбе русской короны вряд ли удобно принимать участие сановнику, пускай и находящемуся на российской службе, но иноземного происхождения; впрочем,

* В тот день заседал в Совете и сибирский губернатор князь Михаил Владимирович Долгорукий, прибывший к назначенному на тот день бракосочетанию покойного государя и его племянницы, княжны Екатерины Долгорукой. При кончине императора находились еще в Лефортовском дворце три фельдмаршала — князь Василий Владимирович Долгорукий, князь Михаил Михайлович — старший Голицын и князь Иван Юрьевич Трубецкой; трое князей Долгоруких — сенатор Иван Григорьевич, камергер Сергей Григорьевич и их племянник, обер-камергер и фаворит Петра II, Иван Алексеевич; шталмейстер Павел Иванович Ягужинский и генералы — Иван Ильич Дмитриев-Мамонов и Лев Васильевич Измайлов. Повторяемость фамилий объясняет многое в ситуации, сложившейся тогда вокруг русского трона.

он заранее присоединяется к решению, какое будет принято большинством Совета.

Все, что произойдет далее в ту ночь, точнее запечатлено на скрижалях нашей истории без сколько-нибудь значительных разночтений, о чем, не вмешиваясь комментариями ни в содержание, ни в последовательность событий, мы и расскажем.

Все Долгорукие были крайне взволнованы, особенно Алексей Григорьевич, отец «государыни-невесты». Он заявил, что Петр II оставил завещание, которым передает престол обрученной своей невесте, но тут же был резко остановлен князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, сказавшим буквально следующее:

— Мужская отрасль императорского дома пресеклась, с нею пресеклось прямое потомство Петра I. Нечего думать о его дочерях, рожденных до брака с Екатериной; завещание Екатерины I не может иметь для нас никакого значения. Эта женщина низкого происхождения (князь Голицын выразился гораздо резче) не имела права воссесть на российский престол, тем менее располагать короной российской. Завещание покойного императора подложно.

Тут князь Василий Лукич Долгорукий приподнялся, чтобы возразить Голицыну, но был остановлен фельдмаршалом Долгоруким:

— Да, это завещание подложно! Никто не вправе вступать на престол, когда находятся на лице женские члены императорского дома. Всего справедливее и разумнее было бы избрать государыню-бабку, царицу Евдокию Федоровну.

— Я воздаю полную дань достоинствам вдовствующей царицы, — снова начал князь Дмитрий Михайлович Голицын, — но она только вдова государя. Есть дочери царя, три дочери царя Ивана. Избрание старшей из них, Екатерины Ивановны, привело бы к затруднениям. Сама она добрая женщина, но ее муж, герцог мекленбургский, зол и сумасброден. Мы забываем Анну Ивановну, герцогиню курляндскую, — это умная женщина; правда, у нее тяжелый характер, но в Курляндии на нее нет неудовольствий.

Пауза, было возникшая, не затянулась долго. Первым подал голос фельдмаршал Василий Владимирович Долгорукий.

— Князь Дмитрий Михайлович! — воскликнул он, как бы просветлев лицом. — Сам Бог внушил тебе эту мысль. Что и толковать, выбираем Анну!

Согласно закивал вдруг и князь Василий Лукич, а за ним другие изъявили полное одобрение и согласие. Внимательно оглядывая каждого, правивший бал князь Голицын сказал:

— Выберем, кого изволите, господа. — Здесь он выдержал немного и добавил, разделяя слова: — Только, во всяком случае, надобно нам себе полегчить.

— Как это — полегчить? — спросил канцлер Головкин.

— А так полегчить, — отвечал Голицын, снова разделяя слова, — чтобы воли себе прибавить.

Возникшая здесь и соответствующая важности сказанного пауза была нарушена нерешительным голосом Василия Лукича:

— Хоть и затеем, да не удержим этого.

— Неправда, господа, удержим, — твердо отвечал Голицын.

И снова повисла пауза, более продолжительная. Никто не спорил с избранием Анны, но, понимая, что в последних словах речь шла не о чем ином как об *ограничении самодержавной власти*, и полагая, что и у стен есть уши и двери могут быть не плотно затворены, Совет предпочел на этот счет более покуда не распространяться. И, возможно, иначе развернулись бы события ближайших часов, дней, а быть может, и лет, если бы и здесь князь Дмитрий Михайлович Голицын не проявил твердости.

— Во всем будет ваша воля, господа, — сказал он, — но нам следует сейчас же составить пункты и послать их государыне.

Здесь можно было ожидать событий самых неожиданных и зависящих от того, как поведет себя каждый из участников, но именно в этот самый момент и раздался осторожный стук в двери. Вошел Андрей Иванович Остерман.

О дальнейших и, как можно догадываться, чрезвычайно важных минутах совещания мы не знаем с достаточной точностью. Главное, не знаем того, *было ли при Остермане сказано что-нибудь о «прибавке воли»?* Только этот, но чрезвычайно важный, повторим, момент и остался нам неизвестен — как одна вырванная страница истории. Все последующие события можно реставрировать с достаточной точностью.

Было уже четыре часа утра, когда верховники решили перейти в другую залу дворца, в которой совещались в это время генералитет и члены сената и где в это же самое время генерал-прокурор Павел Иванович Ягужинский, оканчивая свою речь и обращаясь к камергеру Сергею Григорьевичу Долгорукому, произнес слова, в достоверности которых, по многим свидетельствам, сомневаться нет оснований, но вот толковать их можно по-разному:

— Мне с миром беда не убыток. — И тут же добавил: — Долго ли нам терпеть, что нам головы секут? Теперь самое время, чтобы самодержавию не быть! — закончил он, уже прямо обращаясь почему-то к Сергею Григорьевичу Долгорукому.

— Не мое то дело, — отвечал тот, словно опешив, — я в такие дела не плетусь...

И в этот момент двери растворились и в залу вошли все члены Совета. Ягужинский словно ждал; он подошел к Василию Лукичу и несколько театрально, как бы отвечая на чьи-то слова, произнес:

— Батюшки мои, *прибавьте нам как можно воли!*

И Василий Лукич, словно эти слова и ему не были неожиданными, отвечал:

— Говорено уже о том, но то не надо.

Нет, не сходится как-то концы с концами или, напротив, очень уж ловко сходятся. Кажется, и весьма на то похоже, что те и другие, и верховники, и генералитет с сенатом, *таись друг от друга, играли в одну игру*, в тайны которой посвящены были, однако, не все.

Когда речь зашла о «пунктах», иными словами, об условиях, ограничивающих царскую власть, которые здесь же и немедленно надлежит составить, большинство из генералитета и сената

поняли, что дело пахнет жареным, и взялись за шапки. Вернуть князю Голицыну удалось не многих, и тайна уже не была тайной. Особенным приверженцем «пунктов» оказался вдруг Павел Иванович Ягужинский; истинные тому причины откроются позже.

Круг заговорщиков сильно усох, и за составление «пунктов» принялись в самом келейном сообществе. Диктовали наперебой; особенно напористо — Дмитрий Михайлович Голицын и Василий Лукич Долгорукий. Писавший, правитель дел Совета Степанов, развел руками: не можно так, господа. Тут, как по чьему-то мановению, взоры обратились на сиротливо прикорнувшего в сторонке Остермана, «яко иных лучше знающего штиль», и тотчас выложили перед ним отменно отточенные перья.

Можно представить, что творилось в душе старого царедворца! Немец, не мог он питать особой любви к старинному московскому самодержавию, где иноземцев не жаловали, а только при Петре да чуток при Екатерине вздохнуть дали, но, как человек умный и хорошо изучивший русское общество, Остерман понимал, что иной образ правления, кроме неограниченного самодержавия, в этой огромной, на полмира раскинувшейся стране невозможен, что все попытки ввести его гибельны всякому, кто о том помыслит. Остерман видел дальше других, и потому теперь знаток «штиля» отвечал в том смысле, что, мол, вестфальскому уроженцу, уважающему национальные чувства и т. д. ... Но, припертый к стенке, согласился только словесно редактировать «пункты», своею же рукою притронуться к перу и бумаге — от этого Остерман увильнул. «Пункты» продиктовал Степанову Василий Лукич. Суть их была такова.

Государыня обещает сохранить Верховный тайный совет в числе восьми членов и без согласия с ним обязуется: 1) ни с кем войны не начинать, 2) мира не заключать, 3) подданных новыми налогами не отягощать, 4) не производить в знатные чины служащих как в статской, так и в военной и в морской службе выше полковничьего ранга, 5) не определять никого к важным делам, 6) не жаловать вотчин, 7) не отнимать без суда живота, имущества и чести у шляхетства и 8) не употреблять в расходы государственных доходов.

Подписей своих к этим «пунктам» — «за поздним зело временем» — верховники не приложили, положив явиться в полном составе к 10 утра в Кремль «пред лице народа». Народ сей, не считая особо приглашенных сената, синода и генералитета, представлен был в изобилии по причине съезда в белокаменную провинциального дворянства и целых полков на бракосочетание почившего вчера государя, еще прежде назначенное именно на сей, 19 января, день.

Взявший первым слово негласный, но признанный верховод верховников князь Дмитрий Михайлович Голицын сообщил об избрании российской императрицею курляндской герцогини Анны Ивановны и предложил всем, с таковым избранием согласным, изъявить свою волю открытым «виват».

(Заметим в скобках, что князь Дмитрий Михайлович не сообщил народу, что Анна была избрана именно потому, что менее

других соперников имела на то прав. Это и был психологический трюк верховников: выбранная таким образом, Анна из чувства благодарности должна была пойти на все условия, ей поставленные. Впрочем, об условиях этих Голицын тоже не сообщил народу.)

После того как громогласное и трижды повторенное «виват!» отзвучало над площадью, верховники снова уединились в «особой камере», чтобы переписать «пункты» набело и добавить в конце одну только фразу: «а буде что по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской».

Тотчас же наряжены были и вечером 19 января из Москвы в Митаву выехали гонцы-депутаты, в числе Василия Лукича Долгорукого, князя Михаила Голицына и генерала Леонтьева, снабженные инструкцией, которая предписывала вручить «пункты» Анне Ивановне наедине, без присутствия посторонних, строго следить, чтобы, помимо сей депутации, не было ей никем сообщено из Москвы никаких сведений, объяснить герцогине, что «пункты» заключают волю и желание всего русского народа, по подписании ею сих «пунктов» прислать их немедленно в Москву с одним из депутатов, обязать ее не брать с собою в Москву камергера своего Бирона, саму же Анну Ивановну поторопить приездом в Москву, до чего не будет объявлено в народ о кончине Петра II и ее избрании. Гонцам-депутатам вменялось еще в обязанность с каждой станции от Митавы до Москвы доносить Совету обо всем происходящем (для чего князю Василию Лукичу выдана была «цифирная азбука», т. е. условный цифровой шифр) и, конечно, исключить всякую Анне Ивановне возможность ехать свободно, а только в строгом сопровождении названных депутатов, которым, кроме всего прочего, надлежало озаботиться еще и тем, чтобы ни о чем поименованном выше не проникло никуда и никаких слухов.

Но, несмотря на все предосторожности — оцепление Москвы по всем трактам на расстоянии 30 верст с военными командами и строжайшим приказом из города никого не выпускать, — несмотря на все это, депутацию Совета *обскакали*, в полном смысле этого слова и по всем статьям. Левенвольд, живший в Москве, посредством ходока, обошедшего 30-верстный кордон, сообщил брату в Лифляндию, а тот лично передал Анне Ивановне о том, что затевают в Москве верховники, дабы она имела возможность принять меры. Столь же хитроумный путь в Митаву проделал и гонец Ягужинского, гвардейский офицер Сумароков. О «затейках» верховников Ягужинский, конечно, знал от тестя своего, канцлера Головкина, и написал об этом герцогине, подчеркнув, что «пункты» не есть желание всего народа, а умысел всего лишь «осьми лиц», но настоятельно советовал ей подписать их, с тем чтобы по прибытии в Москву поступить с ними соответственно. Сумароков успел передать письмо, но по выходе от герцогини был опознан Долгоруким и арестован. Впрочем, последнее было излишней предосторожностью вдвойне: Левенвольдов гонец сделал то же. Таким образом, к депутации Совета Анна была готова, и, зная всю подноготную, не изменившись в лице, она подписала «пункты», вручила вместе с ними генералу Леонтьеву

благодарственное письмо, 1 февраля доставленное им в Москву, а 2-го там оглашенное.

«Так как,— писала в нем герцогиня,— во всех государствах руководствуются благими советами, то мы, пред вступлением нашим на престол, по здравом рассуждении, изобрели <...> для пользы Российского Государства и к удовольствованию наших верных подданных, написать, какими способами мы то правление вести хотим, и, подписав нашею рукою, послать в Верховный тайный совет, а сами сего месяца в 29-й день, конечно, из Митавы к Москве для вступления на престол пойдем».

Но ликовать верховникам было рано. Огласив письмо перед множеством вновь собравшегося народа, князь Дмитрий Михайлович Голицын увидел то, чего предвидеть не мог. Это был перелом. Это был глас народа, как в иные, годуновские, времена выраженный безмолвием.

— Для чего никто ни единого слова не скажет? — спросил он бывшее ему ответом молчание.

И тут кто-то, тогда не опознанный, а позже историей не названный, смекнув, видимо, что дело неладно, проговорил в недоумении и голосом, показавшимся среди тишины площади особенно громким:

— Не ведаю; удивительно, отчего это государыне пришло на мысль так писать?..

И за эту прозвучавшую над безмолвной площадью фразу все поняли: в самом деле, отчего бы избранной государыне самой накидывать на себя удавку и отдавать власть, народом ей данную, неким «осьми лицам»?

Не последовало и не могло последовать на этот вопрос ответа. Быть может, теперь впервые пришло верховникам в голову, отчего это с такой легкостью, не споря приняла и подписала государыня «пункты», ограничившие царскую ее власть? Предупреждена? Кем? И тут как бы невзначай Голицын спросил Ягужинского: «Как вам кажутся кондиции?» (так называли подписанные «пункты»). Ягужинский смешался, явно застигнутый врасплох, был арестован по приказу фельдмаршала Долгорукого и препровожден в тюрьму. Но было уже поздно, как и с арестованным его гонцом в Митаве; дело шло к развязке. Единственное, что как-то вдохновляло еще верховников, — кондиции были все-таки подписаны императрицею.

Между тем из Митавы, неотступно и неусыпно сопровождаемая князем Василием Лукичем Долгоруким, ехала к Москве герцогиня курляндская. 10 февраля поезд ее остановился в нескольких верстах, в селе Всесвятском, во дворце имеретинского царевича Арчила. Самый въезд в белокаменную назначался на 15 февраля; прежде нужно было похоронить прах почившего императора, что и совершили 11 февраля в Архангельском соборе Кремля.

В то время, когда гроб выносили из дворца, над Москвою среди солнечного зимнего дня повисла и в течение получаса не уходила с неба радуга. Дурным счастьем это предзнаменованием или, напротив, добрым — не знали.

Хотя, казалось, все шло по назначенному распорядку, что-то недоброе чувствовалось в воздухе. Слухи о «затейках» Голицыных и Долгоруких проникали в общество, непонятно только было — откуда. Поселившийся во Всесвятском дворце рядом с покоями Анны Василий Лукич Долгорукий не спускал с нее недреманного ока, и всякое свидание с кем-либо происходило у него на глазах. Будучи всего в одном шаге от трона, Анна оказалась в плену, иногда просто несносном, и всеми силами стремилась обрести связь с миром. Но беспрепятственно допускались к ней только придворные дамы.

Помог, как всегда в таких случаях хворавший, но ни ума, ни смекалки от того не терявший Андрей Иванович Остерман. Через жену свою, баронессу, он передавал Анне советы и наставления, как оказалось, весьма дельные. Так, по его совету герцогиня сразу же по прибытии в Всесвятское постаралась привлечь на свою сторону охранявших дворец гвардейцев, способом, открытым, как помнится, Екатерину I, а теперь успешно использованным и Анною: она собственноручно потчует офицеров водкой и уже 12 февраля объявляет себя полковником Преображенского полка и капитаном кавалергардов. Тем самым гвардия, эта незаменимая в дворцовых делах сила, была на ее стороне, а объявление себя полковником гвардии и капитаном кавалергардов, кроме того, и *формальным актом самодержавия*, совершенным императрицею, еще не взошедшей на престол.

240
Фантазии Остермана или кого другого приписать трюк, с помощью которого общалась в те дни со своими единомыслицами и союзниками охраняемая курляндская герцогиня, мы не знаем. Но известно, что условием Анне поставлено не брать с собою в Москву Бирона, что и было до поры ею исполняемо. Однако условие это не распространялось на бироновых детей, к которым, все знали это, питала Анна необыкновенную, прямо-таки материнскую привязанность. Разобраться в этом теперь довольно трудно, но были разговоры, которым можно, конечно, и не особенно доверять, но говорили довольно упорно, будто во время беременностей Анна Ивановна всячески скрывала свое положение, что по условиям тогдашних туалетов сделать было не так-то трудно, а мадам Бирон, напротив, обкладывала свой стан подушками, добавляя оных по мере необходимости, и от которых в нужный день преспокойно освобождалась... Впрочем, прямого отношения к событиям, в настоящий момент описываемым, сие не имеет, что и позволяет нам не продолжать пикантной этой темы, а перейти прямо к событиям, этим отступлением прерванным.

Так вот, каждое утро в покои Анны приносили биронова младенца, и каждое утро, распеленывая его, она находила за пазухой или под иным каким местом записки, в которых обстоятельно излагались события, происходящие в городе, и, главное, советы, как вести себя с верховниками. Вечером младенца уносили в других пеленках, под которыми были ее, Анны Ивановны, записки. Таким образом, имея возможность пересекать границу, как голубь или дипломат — без «таможенного досмотра»,

младенец этот сыграл свою роль в российской истории, и весьма существенную.

Так, с помощью биронова младенца подготовлена была Анна к очень важному тех дней событию, когда 14 февраля «господа министры, також сенат и некоторые из генералитета и шляхетства были у Ея Величества во Всесвятском». Вот как передает это представление журнал Верховного тайного совета:

«Все вышеупомянутые сановники собрались во Всесвятском в доме, занимаемом кн. Михаилом Михайловичем-меньшим Голицыным, за три дома от квартиры Анны Ивановны. Кн. Василий Лукич Долгорукий прислал к ним сказать, «что время к Ея Величеству идти». Тогда все они пошли, а правитель дел Верховного тайного совета тайный советник В. П. Степанов нес за ними на серебряном вызолоченном блюде «кавалерию святого Андрея и звезду». Они вошли в большую светлицу; через несколько времени появилась Анна Ивановна. Сановники низко ей поклонились, а князь Д. М. Голицын говорил от лица всех, благодаря Ея Величество за милость, учиненную ко всему народу, которую изволила письменно своею рукою подписать, обнадеживая подданным к Ея Величеству верность, что во оной непременно пребудут не жалея и живота своего».

Остался сохраненным и самый текст речи Голицына. Вот он:

«Благочестивейшая и всемилостливейшая государыня! Мы — всенижайшие и верные подданные Вашего Величества, — члены российского Верховного совета, вместе с генералитетом и российским шляхетством, признавая Тебя источником славы и величия России, — являемся вручить Тебе Твой орден св. Андрея, первейший и самый почетный, а также и орден св. Александра Невского, установленный императором Петром I по случаю славного мира с могущественным государством шведским, дабы Ты своевременно носила каждый из них и жаловала бы ими тех, кого признаешь достойными. Мы благодарим Тебя за то, что Ты соблаговолила принять наше избрание Твоей особы Всемилоостливейшей императрицей для царствования над нами; благодарим Тебя за то, что Ты удостоила принять из наших рук корону и возвратиться в отечество; с не меньшей признательностью благодарим мы Тебя и за то, что Ты соизволила подписать кондиции, которые нашим именем предложили Тебе наши депутаты на славу Тебе и на благо Твоему народу. Вот почему, Всемилоостливейшая Императрица, мы все явились пред Твоим Величеством. Удостоите всё сие милостиво принять и положите на нашу ненарушимую верность к особе Вашей».

На это сладкогласие князя Голицына Анна и ответствовала тому соответственно:

— Дмитрий Михайлович и вы, прочие господа из генералитета и шляхетства! Да будет вам известно, что я смотрю на избрание меня вами Вашей Императрицей как на выражение преданности, которую вы имеете ко мне лично и к памяти моего покойного родителя. Я постараюсь поступать так, что все будут мною довольны; согласно вашему желанию, я подписала в Мита-ве кондиции, о которых упомянул ты, Дмитрий Михайлович, — и вы можете быть убеждены, что я их буду свято хранить до

конца моей жизни в надежде, в которой и теперь пребываю, что вы никогда не преступите границ вашего долга и верности в отношении меня и отечества, коего благо должно составлять единственную цель наших забот и трудов».

Спектакль был разыгран отменно с обеих сторон, но партнеры императрицы не знали, что она играла крапленными картами. С видимым удовольствием канцлер Головкин, «сниз с блюда кавалерию, надел на Ея Величество». При этом знаки ордена и ленту поддерживал князь Голицын. Затем все по очереди склонялись перед нею, целуя руку.

В воскресенье 15 февраля последовал торжественный въезд императрицы в Москву. Звон колокольной Ивана Великого и всех московских церквей приветствовал государыню. На три дня — 15, 16 и 17 февраля — был снят траур по случаю кончины Петра II. Москва ликовала, приняв праздничный вид.

Присяга — по московским церквам — назначена была на 20 февраля. 21-го Совет распорядился о приводе к присяге иноземцев; все жители Немецкой слободы присягали в лютеранской кирхе. 22-го из Верховного тайного совета — от имени императрицы — последовал указ, которым объявлялось о восшествии ее на престол. Ко всем губернаторам и воеводам отправлены были нарочные офицеры с текстом этого указа и с присяжными листами.

А между тем соотношение сил в городе заметно менялось, о чем Анна бывала постоянно извещаемая с помощью все той же безотказно работавшей «пеленочной почты». Так она узнала, например, что 23 февраля в доме генерал-поручика князя Бяритинского собралось более семидесяти человек дворян, которые единодушно постановили просить императрицу от имени всего народа принять самодержавие, а с этою вестью из дома князя Бяритинского был отправлен Василий Никитич Татищев, историк, в дом князя Черкасского, где, в свою очередь, собралось около сотни офицеров и генералы гвардии. Ими и была подписана принесенная Татищевым челобитная, которая в тот же день пошла по полкам. Дальше, легко догадаться, дело двинулось как по маслу, а утром 25 февраля собравшиеся в доме Черкасского человек триста офицеров решили сейчас же отправиться с челобитной к императрице. Но прежде, по православному обычаю, поехали в Успенский собор отслужить молебен.

Обо всем этом Анна знала. Накануне единомысленник ее и враг верховников известный Феофан Прокопович передал ей в подарок столовые часы, а за пазухой у Биронова сына в тот же день нашла она записку, извещающую ее, что в часах под доскою положен «план», коим должно ей руководствоваться при готовящихся событиях. И была к ним готова.

Из Успенского собора офицеры явились во дворец, испросив аудиенции. Анна приняла их в тронной зале, которая являла в этот час картину несколько странную. Партикулярные платья крепко были разбавлены гвардейскими мундирами: Анна восседала на троне, окруженном плотным кольцом гвардейцев, которых и по всей зале было много более в таких аудиенциях полагававшихся, и тронная зала походила скорее на казарму или

гарнизонный плац. Бывшие тут же Василий Лукич Долгорукий, главный ее цербер, и другие верховники казались приметно смущены и даже растеряны.

Генерал-фельдмаршал князь Трубецкой вышел вперед, поклонился и подал Анне Ивановне челобитную, приняв которую, она, с заметной поспешностью, приказала Василию Никитичу Татищеву прочесть ее вслух, что ученый наш отменно исполнил, выделяя интонациями и голосом места, представляющие особенную важность. Так, в «пунктах», данных Верховным советом на подпись императрице и ею подписанных, есть, говорилось в челобитной, такие, что «заставляют народ опасаться бедственных на будущее время происшествий», а потому от имени народа дворянство просит *установить такую форму правления, которая при прежних государях имела быть.*

Когда Татищев закончил читать, Василий Лукич Долгорукий тотчас же попросил императрицу выйти с ним в другую комнату, чтобы обсудить просьбу дворянства. Тут зал заволоновался. Все заговорили громко. Несколько раз повторенное отчетливо прозвучало слово «самодержавие». Императрица казалась или на самом деле была взволнованной. Обратившись к гвардейскому капитану, она сказала, что находится здесь «не в безопасности». Это было как сигнал. «Мы верные слуги твоего императорского величества! Мы не потерпим, чтобы нашей императрицей повелевали! — кричали гвардейцы. — Прикажи — и мы положим к твоим ногам головы бунтовщиков!» Анна несколько охладила гвардейский пыл, а затем потребовала перо и написала на челобитной: «Учинить по сему».

Члены Верховного тайного совета не произнесли ни слова, и только это их спасло, потому что заранее было уговорено в случае малейшего сопротивления «повыкидывать верховников в окно». Но оппозиция ликовала. Тут же решили написать новую петицию, что тотчас же исполнили, а князь Антиох Кантемир по приказанию императрицы прочел ее вслух:

«Обязанность наша, как верных подданных вашего императорского величества, требует от нас не оставаться неблагоприятными, и посему мы являемся пред ваше величество с величайшим благоговением для изъявления нашей признательности и всенижайше просим соизволить *принять самодержавие*, с которым царствовали ваши предшественники, и *уничтожить условия*, присланные вашему величеству от верховного совета и подписанные вами».

Кульминация этой драмы обставлена была по-царски.

— Как! — театрально воскликнула Анна. — Разве условия, подписанные мною в Митаве, не были изъявлением воли всех сословий?

— Нет! Нет! — ответствовало собрание.

Тогда она приказала принести *кондиции* и читать их вслух.

— Согласно ли это с желанием русских? — спрашивала Анна при каждом пункте.

— Нет, государыня!

— Так, выходит, ты обманул меня, Василий Лукич? — обернулась она к Долгорукому.

Князь молчал.

Тут и последовал этот знаменитый жест, истинно по-царски увенчавший историческое действие. Анна Ивановна — а теперь величать ее следует *Анна Первая Иоанновна* — берет поданные ей кондиции и, словно не на глазах здесь присутствующих, но на виду всей России, мира всего, медленно, медленно их разрывает.

В тот день была иллюминация, какой припомнить не могли и во времена Петра Великого. Москва пылала в треске ослепительных фейерверков, но тысячи вспыхивающих огней не могли погасить, пересилить вставшего вдруг над городом северного сияния. Было это, однако, странное сияние, какого никогда не видывали, — красное. Весь горизонт казался залитым кровью.

IV

В тот же день вдохновитель верховников и главный противостоятель Анны князь Дмитрий Михайлович Голицын скажет, подводя итог событиям, разыгравшимся вокруг российского трона в морозном январе 1730 года: «Пир был готов, но гости оказались не достойны его. Я знаю, что я буду его жертвою. Тому и быть, я пострадаю за отечество; я близок к концу моего жизненного поприща, но те, которые заставляют меня плакать, будут проливать слезы долее меня». Пророчество его сбудется, но позже.

244

Нам же самое время спросить, почему верховники, люди решительные и в большинстве умные, которым и в дворцовых интригах опыта было не занимать, потерпели поражение от женщины, имевшей на русский престол права более чем сомнительные и за которой в России почти не было тогда серьезных сил?

При всей видимой *историчности* вопроса ответ, в сущности, прост. Дело в том, что ни одна из противостоящих сторон не боролась за какие-то конкретные идеи или принципы государственного правления. Борьба шла самая примитивная — за власть, но руководило обеими сторонами одно и то же всепоглощающее чувство — властосластие, если будет позволено позвать здесь на помощь такое, откуда отсутствовавшее в русской лексике, но, как нам кажется, очень подходящее ко многим перипетиям нашей истории слово.

А народ? Что ж народ? Говорить можно только о российском дворянстве, имевшем за собою, как ни кинь, общественное мнение, силу, в конечном счете и решившую противостояние. Что до выбора, он был до крайности примитивен: выбирать приходилось лучшее из худшего. Трудно в самом деле предположить, что большинство русских дворян питало чувства особой привязанности к самодержавной форме правления, но оно было искренним и, возможно, правым, предпочтя власть одной государыни власти двух фамилий.

Государыня же сия не принесла с собою на русский трон ни мудрости, ни милосердия, но волею случая взгромоздив на него тучное свое тело, открыла десятилетие, помеченное в русской истории страшным именем *бироновщины*...

Я много лет выписывала «Смену», живя в Таджикистане, читаю журнал и сейчас, когда стала беженкой, а точнее — бом-жентом. Бомжами можно теперь считать и всех моих близких: мужа и троих детей, так как, кроме названия села, у нас нет ничего — ни дома, ни работы.

Тринадцатилетней девочкой посылала я в «Смену» свои стихи и получила такое наставление, что теперь стихи сочиняю редко, в основном в воображении.

Словом, девочка стала врачом-терапевтом, вышла замуж за летчика (теперь он — пенсионер), и оказались мы нигде и никому в своей стране не нужными. Измучились так, что прошу помощи у редакции: напечатайте мое письмо, вдруг кто-то сможет принять нас под свой кров. Семья моя согласна даже на общежитие. Хочется верить, что мир не без добрых людей и нам не зря пришлось убежать от войны.

Написать можно по адресу: 393930, Тамбовская область, Моршанский район, село Алкужи.
Е. А. ПАНФИЛОВА

6 мая этого года в Санкт-Петербурге, в парке городов-героев на Средней Рогатке, рядом с памятником героическим защитникам города, началось строительство новой церкви во имя Георгия Победоносца. Строительство будет осуществляться церковным приходом во имя Преподобного Сергия Радонежского. В нашем городе немало церквей, построенных в честь побед, одержанных российским воинством. А этот храм, строительство которого началось в день святого Георгия

Победоносца, — в честь Победы в Великой Отечественной войне, к ее 50-летию.

Непросто в наше время строить, а строить надо — чтобы в этом храме возносились молитвы о душах погибших за нас людей.

Дорогие соотечественники! Наш приход просит вас принять посильное участие в строительстве храма, ибо только Русь православная спасет нас и избавит от всякия скверны.

Наш телефон: (812) 251-78-29.
Адрес банка: 199406, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 49, корп. 11.

Церковный филиал КБ «Петровский», РКЦ-3 ГУ ЦБ России в Санкт-Петербурге, МФО 161002, корреспондентский счет 800161609, р/счет 70100020403.

**Приход Преподобного
Сергия Радонежского**

Купила «Смену» случайно — журнал толстый, есть что почитать в поезде, и была поражена, увидев в нем имя Тимура Зульфикарова. Уж очень не вязалось в моем представлении такое сочетание: творчество этого необыкновенного, элитарного, изящного, сладкоголового прекрасного писателя и — комсомольский (в памяти человека, прошедшего комсомол) журнал. Теперь, увидев «Смену» в киоске, обязательно пролистываю: а вдруг опять чем-нибудь удивите? На фоне всеобщих ступидий по поводу духовной деградации молодежи тот факт, что журнал печатает произведения высокой литературы, радует мне весьма обнадеживающим: значит, можно и не стелать, а доверять молодому читателю, полагая, что у него достаточно вкуса и ума не только на боевик, но и на серьезную литературу. Спасибо вам.

ГАЛИНА ВИКТОРОВА,
аспирантка МГУ

Тебе нужно, — неожиданно сказал Ричард в ноябре, — познакомиться с моей матерью.

Труди, втайне давно мечтавшая об этом, была все же сильно удивлена.

— Ах, а разве она знает обо мне?

— Предостаточно.

— Ах!

— Не волнуйся, — успокоил ее Ричард. — Она очень славная. Приходи в воскресенье пить чай.

— О, да! Конечно. С удовольствием.

Они познакомились в июне прошлого года в австрийском озерном городке Брейлахе. Брейлах — один из тех городков на озерах, где все значительно дешевле по сравнению с другими курортными местечками. Труди приехала туда со своей соседкой по квартире Гвен — молодой женщиной, в совершенстве владеющей немецким.

— Гвен, я и не думала, что здесь, на юге Австрии, могут идти дожди, — сказала Труди на третий день после их приезда. — А тут почти как в Уэльсе.

— Ты это уже говорила вчера, — засмеялась Гвен. — Правда, вчера светило солнце, и ты радовалась, что здесь почти как в Уэльсе.

— Но ведь действительно похоже.

— Я бы сказала, в Брейлахе больше разнообразия.

— А не переехать ли нам в какое-нибудь другое место, подороже? — задумчиво произнесла Труди.

— В местах подороже тоже идет дождь. Он поливает и праведных, и неправедных. — Гвен посмотрела на Труди таким пронизательным взглядом, словно давала понять: я праведная, а ты неправедная.

Тридцатипятилетняя Гвен преподавала в школе. Она одевалась, причесывалась и красилась так, будто давно уже оставила все мысли о замужестве.

Следующий день выдался замечательным. Ярко светило солнце, невинно улыбались горы. Женщины решили прогуляться по пляжу. Гвен, в ярко-синих шортах, и Труди, в махровом купальном костюме, медленно брели по берегу озера, разглядывая загорелых туристов, приехавших со всего земного шара.

— Здесь нет мужчин, — сказала Труди.

— Мужчин сотни, — ответила Гвен таким голосом, который мог означать все что угодно.

— Мне надо почитать разговорник. — Труди казалось, что если она не будет зависеть от Гвен, знающей немецкий, то у нее появится больше возможностей.

— Тогда ты сможешь познакомиться с каким-нибудь интересным мужчиной, — усмехнулась Гвен. Она постоянно говорила вслух то, о чем думала Труди. Похоже, вынужденное тесное общение научило ее читать мысли подруги.

— Да нет, я не за этим сюда приехала. Мне нужно просто отдохнуть. Я же не...

— Боже мой, Ричард! — Гвен бросилась к идущему навстречу

МЮРИЗЛ СПАРК

ЧЛЕН СЕМЬИ

Рисунок ВЛАДИМИРА ПЛЕВИНА

мужчине. Он был невысокий, темноволосый, с маленькими светло-русыми усиками и широкой грудью, бронзовой от загара.

— Какими судьбами? — Мужчина поцеловал Гвен в щеку, глядя при этом на Труди.

Ричард остановился в гостинице на другой стороне озера. В течение последующих двух недель он приходил к ним по утрам, а иногда проводил с ними целый день. Труди была очарована. Она не верила в показное равнодушие Гвен, хотя и знала, что Ричард работает учителем в той же школе и они с Гвен видятся ежедневно. Всякий раз при встрече Ричард целовал Гвен в щеку.

— Похоже, вы с ним неплохо ладите, — сказала Труди.

— О, мы знакомы сто лет.

Через неделю Гвен стала уезжать по своим делам, оставляя их вдвоем.

— Сюда приезжают только знатоки, — сообщил Ричард Труди, а она зачарованно смотрела на облупившуюся штукатурку домов, на декоративные балкончики с цветочками, на лувичные купола, понимая, что смотрит на все его глазами.

Ричард залюбовался шумной группой молодых туристов, расположившейся в палатках на берегу озера. Туристы были длинноволосыми, резвыми, как дикие животные, ярко одетыми.

— О чем они говорят? — спросила Труди Ричарда, когда часть группы пробегала мимо них, громко выкрикивая какие-то слова и сверкая белоснежными зубами.

— О своих гоночных машинах.

— Ах, у них есть гоночные машины?

— Нет, конечно. Иногда они говорят о контрактах на съемки, которых тоже не существует. Потому-то они и хохочут.

— Но ведь это не очень остроумно, правда?

— Им приходится сдерживать свое чувство юмора, чтобы шутки были понятны всем.

Труди захихикала, демонстрируя, что поняла шутку. Ричард взглянул на нее и отвернулся, затем посмотрел вновь и взял за руку. Она потом рассказывала Гвен, что это прозвучало, как приглашение к началу романа.

Их роман начался в тот же вечер, когда они в лодке прижимались друг к другу босыми ступнями. Труди визжала и, откидываясь назад, давила Ричарду на ногу.

Позже, встретившись с Гвен дома, она сказала:

— Я божественно провела время с Ричардом. Так приятно быть с женщиной старше тебя.

Гвен села на постели и с интересом посмотрела на Труди.

— Он не намного старше.

— Я слегка приуменьшила свой возраст. Надеюсь, ты меня не выдашь?

— И сколько же ты скинула?

— Семь лет.

— Это очень храбро.

— А тебе не кажется, что ты злишься?

— Нет. Нужна храбрость, чтобы начинать все снова и снова.

Я только это имела в виду.

— Ах, я совсем неопытная девушка. Почему ты решила, что у меня есть опыт?

— Верно, — ответила Гвен. — По тебе никак не скажешь, что жизнь тебя чему-нибудь научила.

— Мне кажется, ты просто ревнуешь. Этого следует ждать от большинства женщин в возрасте, но от тебя я никак не ожидала.

— Всегда узнаешь что-то новое, — усмехнулась Гвен.

— Да, мне придется многому учиться. — Глядя в окно, Трудि теребила прядь волос.

В последний день отпуска Ричард с Трудि отправились на прогулку вдоль озера.

— Сегодня здесь похоже на Виндермир, правда? — сказал он.

Трудि никогда не видела Виндермира, но согласилась с ним и посмотрела на Ричарда сияющим взглядом двадцатидвухлетней девушки.

— Иногда здесь бывает похоже на Йоркшир, — продолжил он, — но только в плохую погоду. А вот там, где горы, — это Уэльс.

— Я так и говорила Гвен, — перебила его Труди. — Я говорила, что здесь похоже на Уэльс.

— Ну, конечно, есть различие. Это...

— Но Гвен и слушать не захотела. Понимаешь, она старше, а поскольку еще и учительница, то считает, что может обращаться со мной как с ребенком.

— Ну...

— Ты давно знаешь Гвен?

— Несколько лет. Гвен очень хорошая. Она большой друг моей матери. Настоящий член семьи.

249

Труди собиралась переехать в Лондон, но желание быть рядом с Гвен удерживало ее — ведь Гвен каждый день встречалась с Ричардом в школе и так хорошо знала его мать. Она могла помочь заполнить пробелы в сведениях о той жизни Ричарда, которую Трудि не знала и которая интриговала ее.

Обычно она, задыхаясь, влетала в комнату Гвен со словами:

— Гвен, как ты думаешь? Он ждал меня после работы и отвез домой, а потом звонил в семь, а в следующий уик-энд...

Гвен спокойно отвечала:

— Ты задохнулась. У тебя что, сердце большое?

Труди приходила в ярость от того, что Гвен, похоже, не понимает, что когда тебе двадцать два и тебя разволновал твой любимый, ты и должна задыхаться.

— Он не приглашал тебя домой познакомиться с матерью? — осведомилась Гвен.

— Нет, пока нет. А ты думаешь, он это сделает?

— Думаю, что да. Когда-нибудь он непременно это сделает.

— Ах, неужели ты серьезно так думаешь? — И Труди, как девчонка, обвила руками бесстрастную шею Гвен.

— Когда придет твой отец? — спросила Гвен.

— Не скоро, если вообще придет. Он не может сейчас уехать из Лестера, и он терпеть не может Лондон.

— Тебе нужно попросить отца приехать и спросить Ричарда

о его намерениях. Молодой девушке, такой, как ты, нужна опека.

— Какие глупости, Гвен.

Труди часто расспрашивала Гвен о Ричарде и его матери.

— Они богаты? А какой у них дом? Как давно ты знаешь Ричарда? Почему он раньше не женился? А мать — она...

— Люси — прекрасный человек.

— Ах, неужели ты называешь ее Люси?

— Да, я с ней близко знакома. В своем роде я член их семьи.

— И ты ходишь туда каждое воскресенье?

— Почти. Иногда бывает очень весело, особенно когда появляется новый человек.

— Почему же, — спросила Труди на исходе лета, после нескольких уик-эндов, проведенных с Ричардом, — он не приглашает меня познакомиться с матерью? Если бы моя мама была жива и жила бы в Лондоне, я обязательно попросила бы его познакомиться с ней.

Труди стала всячески намекать Ричарду.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты познакомился с моим отцом. Тебе надо просто приехать к нему на Рождество. Он очень привязан к Лестеру и никуда не выезжает. Он страхового менеджера. И весьма преуспевающий.

— Я не могу оставить мать на Рождество, — ответил Ричард, — но с удовольствием познакомлюсь с твоим отцом в другой раз.

— Я считаю, что правильно, когда мужчина знакомит родителей со своей любимой, — торжественно продолжала Труди, поскольку они с Ричардом уже договорились о том, что любят друг друга.

Но октябрь подходил к концу, а Ричард так и не пригласил ее познакомиться с матерью.

— Неужели это так важно? — как-то спросила ее Гвен.

— Это будет определенный шаг вперед, — ответила Труди. — Мы же не можем и дальше оставаться просто друзьями. Мне бы хотелось знать, чего ждать. В конце концов мы влюблены и свободны. Знаешь, я уже начинаю думать, что у него нет в отношении меня серьезных намерений. Но, если он пригласит меня познакомиться с матерью, это будет каким-то знаком, ведь правда?

— Конечно.

— Я даже не могу звонить ему, пока не познакомлюсь с его матерью. Мне неудобно говорить с ней по телефону. Нужно с ней познакомиться. Это уже становится навязчивой идеей.

— Да, действительно. А почему бы тебе не сказать ему просто: «Я хочу познакомиться с твоей матерью»?

— Ну, Гвен, есть вещи, которые девушки не могут говорить.

— А женщины могут.

— Ты опять о моем возрасте? Говорю же тебе, Гвен, я чувствую себя так, словно мне двадцать два. Двадцать два во всем, что касается Ричарда. Не думаю, что ты можешь мне чем-то реально помочь. В конце концов ведь тебе всегда не везло с мужчинами.

— Да. Не везло. Я всегда была старше.

— Вот именно. Ты ничего не добьешься, если будешь чувствовать себя старухой. Если хочешь иметь успех у мужчин, нужно оставаться молодой.

— Думаю, что такой ценой не стоит. Судя по ситуации, в которой ты сейчас оказалась.

Труди разрыдалась, убежала к себе, но потом вернулась, чтобы в очередной раз задать Гвен вопросы о Ричарде и его матери. Она почти все время проводила у Гвен, когда не уезжала куда-нибудь с Ричардом.

— Какая она все-таки, его мать? Как ты думаешь, мы с ней поладим?

— Если хочешь, я возьму тебя с собой как-нибудь в воскресенье.

— Нет, нет, — ужаснулась Труди. — Это должно исходить от него, иначе не будет никакого смысла. Ричард сам должен меня пригласить.

Труди почти потеряла уверенность и начала подумывать, а не наскучила ли она Ричарду. Но вдруг в ноябре во время одного из уик-эндов, ставших редкими, он сказал:

— Тебе нужно познакомиться с моей матерью.

— Ах! — воскликнула Труди.

— Мне бы хотелось, чтобы ты с ней познакомилась. Она тебя ждет.

— Она знает обо мне?

— Предостаточно.

— Ах!..

— Это случилось. Все в порядке. — Задыхаясь, Труди вбежала в комнату Гвен.

— Он пригласил тебя познакомиться с матерью, — произнесла Гвен, не отрывая глаз от тетради, которую проверяла.

— Для меня это очень важно, Гвен.

— Да, да, я понимаю.

— Я пойду в воскресенье вечером. Ты там будешь?

— Только к ужину, — ответила Гвен. — Но ты не беспокойся.

— Ричард сказал: «Я хочу, чтобы ты познакомилась с моей матерью. Я ей все про тебя рассказал». Его слова для меня много значат, Гвен. Так много.

— Это только начало, — задумчиво протянула Гвен.

— Ах, это начало всего, я уверена.

Ричард приехал к Труди в четыре часа в воскресенье. Выглядел он озабоченным. Не стал, как обычно, открывать перед ней дверцу машины, а просто сел за руль и подождал, пока Труди сядет рядом. Она решила, что он волнуется перед ее встречей с матерью.

Дом на Кампион Хилл оказался восхитительным. «Нам здесь будет очень уютно», — подумала Труди. Миссис Ситон оказалась высокой сутуловатой женщиной с густыми седыми волосами и большими светлыми глазами.

— Надеюсь, вы будете называть меня Люси, — сказала она при встрече. — Вы курите?

— Нет,— ответила Труди.

— Успокаивает нервы. Когда требуется. Вы, конечно, можете еще какое-то время обойтись.

— Конечно,— подтвердила Труди.— Какая у вас милая комната, миссис Ситон.

— Люси,— напомнила миссис Ситон.

— Люси,— робко повторила Труди и посмотрела на Ричарда, ища поддержки. Но он молча пил чай, глядя в окно и проверяя, прояснилось ли небо.

— Ричард приглашен на ужин,— сказала миссис Ситон, изящно помахивая мундштуком.— Смотри не опоздай, Ричард. А Труди останется поужинать со мной. Надеюсь, нам есть о чем поговорить.— Она посмотрела на Труди и едва заметно подмигнула ей.

Труди выжидающе взглянула на Ричарда — может, он скажет, где собирается ужинать. Но Ричард, не отрываясь, смотрел в окно и постукивал пальцами по подлокотнику старинного виндзорского кресла, в котором сидел.

Он ушел в половине восьмого и выглядел гораздо радостней при уходе, чем по прибытии.

— Ричарду не сидится дома по воскресеньям,— сказала его мать.

— Да, я уже заметила,— тихо произнесла Труди.

— Думаю, вы хотите побольше узнать о Ричарде.— Миссис Ситон захихикала и подняла плечи так, что они почти коснулись серег.

Труди неуверенно попыталась повторить этот жест.

— О да, миссис Ситон.

— Люси. Теперь вы должны называть меня Люси. Я хочу, чтобы мы подружились и чтобы вы стали членом семьи. Хотите осмотреть дом?

Она повела гостью наверх и показала просторную спальню, одну стену которой полностью закрывало зеркало, на туалетном столике стояли фотографии Ричарда и его отца.

— Вот Ричард на пони, его звали Лоб. Он обожал Лоба. Все мы обожали Лоба. Мы тогда жили в пригороде. А вот Ричард с Наной. А это отец Ричарда во время войны. А что вы делали во время войны, дорогая?

— Я была в школе,— ответила Труди и не солгала.

— Ах, значит, вы тоже учительница?

— Нет, я работаю секретаршей, но школу я закончила после войны.

Миссис Ситон внимательно осмотрела Труди.

— Боже мой, как обманчива внешность. Я подумала, что вы с Ричардом примерно одного возраста, как и Гвен. Гвен такая душа. А вот это Ричард сразу после окончания школы. Я не знаю, зачем он пошел работать в школу. Ну, да ладно, он хороший учитель. Гвен всегда отзывается о нем положительно. А вы тоже обожаете Гвен?

— Гвен значительно старше меня.— Труди все еще оторчал разговор о возрасте.

— Она вот-вот должна прийти. Обычно Гвен приходит к ужи-

ну. А теперь я покажу вам другие комнаты и комнату Ричарда.

Когда они подошли к комнате Ричарда, мать остановилась на пороге, прижала палец к губам и распахнула дверь. По сравнению с остальным домом эта комната была безликой и неаккуратной, будто здесь жил школьник. Зеленые пижамные штаны валялись на полу. Для Труди это зрелище стало привычным за те несколько уик-эндов, когда они вместе с Ричардом путешествовали по Темзе и останавливались в гостиницах.

— Такой неряха. — Миссис Ситон горестно пожала плечами. — Такой неряха. Когда-нибудь, дорогая Труди, мы с вами как следует посплетничаем.

Тут появилась Гвен. Она чувствовала себя как дома и сразу же отправилась на кухню готовить салат. Миссис Ситон нарезала холодное мясо, а Труди наблюдала за ними и прислушивалась к разговору, свидетельствующему о близкой дружбе. Мать Ричарда, похоже, всячески старалась угодить Гвен.

— А Грейс придет? — спросила Гвен.

— Нет, дорогая, я подумала, что сегодня не стоит. Я правильно поступила?

— О, конечно. А Джоана будет?

— Ну, поскольку это первый визит Труди, я решила, что ей лучше не приходить...

— Ты накроешь на стол, моя дорогая? Ножи и вилки здесь, — обратилась Гвен к Труди.

Труди понесла вилки и ножи в столовую. Ей показалось, что это был лишь предлог избавиться от нее.

За ужином миссис Ситон сказала:

— Немного странно, что сегодня нас только трое. Обычно у нас бывает так весело по воскресеньям за ужином. На следующей неделе, Труди, непременно приходите вместе со всеми — не правда ли, она должна прийти, Гвен?

— Ну да, — согласилась Гвен. — Конечно, должна.

Мать Ричарда посмотрела на часы.

— Уже половина одиннадцатого. Ричард, наверное, не успеет вернуться, чтобы отвезти вас домой. Противный мальчишка. Даже не представляю, где он может быть.

— Ну, теперь ты рада, что познакомилась с Люси? — спросила Гвен, когда они шли к автобусной остановке.

— В общем, да. Но думаю, что Ричард мог бы и остаться. Он, видимо, хотел, чтобы мы познакомились без его помощи. Но на самом деле мне так нужна была его поддержка.

— Вы поговорили с Люси?

— Поговорили, но недолго. Ричард, наверное, не знал, что ты придешь к ужину, и надеялся, что мы с его матерью поговорим по душам...

— Я почти всегда обедаю у Люси по воскресеньям.

— Зачем?

— Мы с миссис Ситон подруги. Я ее хорошо знаю. Мне с ней весело...

В течение следующей недели Труди лишь один раз виделась с Ричардом. Они посидели в баре и выпили по коктейлю.

— Экзамены,— объяснил он.— Я здорово занят, дорогая.
— Экзамены в ноябре? Я полагала, они начинаются в декабре.
— Подготовка к экзаменам. Дополнительные занятия. Полно работы.

Ричард проводил ее домой, поцеловал в щеку и уехал.

Труди посмотрела вслед машине, и на какое-то мгновение ей стали ненавистны эти усики. Но она взяла себя в руки и, вспомнив о том, как она молода, решила, что ее молодость не позволяет всерьез оценивать поступки и настроения такого мужчины, как Ричард.

Он заехал за ней в воскресенье в четыре часа.

— Мама ждет тебя. Она надеется, что ты останешься поужинать.

— А ты не уйдешь, Ричард?

— Сегодня нет.

Но оказалось, что ему все-таки нужно пойти на встречу. Сразу же после чая мать напомнила ему об этом. Он улыбнулся и произнес:

— Спасибо.

Труди изучила семейный альбом, затем выслушала рассказ миссис Ситон о том, как она познакомилась с отцом Ричарда в Швейцарии и как тогда одевалась.

В половине седьмого собрались гости, приглашенные к ужину. Это были три женщины, включая Гвен. Та, которую звали Грейс, была очень хорошенькой и немного стеснялась. Той, которую звали Ирис, было далеко за сорок, и она была несколько шумной.

— А где сегодня Ричард, этот старый грубиян? — спросила Ирис.

— Откуда мне знать? — ответила его мать. — Кто я такая, чтобы задавать ему вопросы?

— По крайней мере всю неделю он работает не покладая рук. Блестящий учитель, — перебила их Грейс с глазами оленя.

— О, Гвен! Как он любит свою работу, — восторженно произнесла миссис Ситон.

— Надо думать, — продолжила Грейс. — Он так носится с этими мальчишками.

— А эти шекспировские постановки в конце летнего семестра действительно великолепны! — заорала Ирис. — Молодец, старый черт!

— Великолепны, — подтвердила его мать. — А ты что думаешь, Гвен?

— Очень средние спектакли. — Гвен наконец удалось включиться в разговор.

— Наверное, ты права, но ведь в конце концов они всего лишь школьники. Многого не сделаешь с непрофессиональными актерами, Гвен.

— Обожаю Ричарда, — сказала Ирис. — Когда он занят и озабочен, он такой...

— О да, — присоединилась к ней Грейс. — Ричард прекрасен, когда что-то затевает.

— Знаю, — встрепенулась миссис Ситон. — Как-то раз, когда

Ричард только начал учиться... Я непременно должна вам рассказать эту историю...

Перед их уходом миссис Ситон обратилась к Труді:

— Придете с Гвен на следующей неделе? Вы должны стать одной из нас. У Ричарда есть два друга, с которыми мне хотелось бы вас познакомить. Старые друзья.

По дороге к остановке автобуса Труді спросила Гвен:

— Тебе не надоедает ходить к миссис Ситон каждое воскресенье?

— И да, и нет, моя юная подруга. Время от времени здесь можно встретить новое лицо, а это очень забавно.

— А Ричард никогда не остается дома по воскресеньям?

— Нет, не остается. Обычно он уезжает на весь уик-энд.

— А кто эти женщины? — Труді остановилась посреди улицы.

— Просто старые друзья Ричарда.

— А они часто видятся?

— Теперь уже нет. Все они стали членами семьи.

**Перевод с английского
ТАТЬЯНЫ ШАШКОВОЙ.**

О СМЕРТИ

КРИСТИАН ШАРЬЕ

УРСУЛА

Я расскажу вам эту историю, мсье... Хотя сам не верю, что она произошла именно со мной. Я был очень занят тем летом, готовился к экзаменам. И совсем не собирался влюбиться. Но Урсула! Ах, Боже мой... Вы и представить себе не можете, какой ангельской красоты была эта девушка. Помню, как она вошла в комнату с чемоданом в руке. Моя мать открыла окно и выглянула в сад...

I

Мадам Берже открыла окно и выглянула в сад. Солнечный свет и тепло проникли в комнату.

— Они снова здесь! — простонала мадам Берже. — Нет, я этого не вынесу!

Урсула Фишер, стоявшая за ее спиной, смотрела на буйные заросли цветов и сверкающий на солнце океан. За решеткой сада, на другой стороне пешеходной дорожки, усевшись на низенькой лавочке и подставив солнцу свои морщинистые лица, грелись какие-то старцы.

— Так и глядят на нас своими мертвыми глазницами...

— Но послушай, мамочка! — воскликнул Жан-Клод. — Старрики ничем не отличаются от остальных. Сидят себе, отдыхают...

— Жан-Клод! Не перечь, прошу тебя. Я знаю, что это заговорщики, замышляющие что-то против моих цветов! — Она повернулась к Урсуле: — Надеюсь, вам тут понравится. Работы у нас будет немного. Антуан и Раймонд, конечно, туповаты, но это возрастное. Джульетта — спокойная девочка. Она целыми днями может возиться со своими ракушками. Жан-Клода интересуют одни книги. Так что проблемы только с Робертом.

Урсула вспомнила этого придурка. Когда она вошла в дом, мальчик, тяжело сопя, спускался по лестнице. Заметив ее, он издал ужасный хриплый вой и стремглав исчез в саду.

— Значит, вы из Германии? — спросила мадам Берже. — Студентка?

— Да, я изучаю французский в университете.

— Хорошо. Ну что ж, располагайтесь и отдыхайте, а завтра с утра приступите к работе. — Мадам Берже вышла, уводя с собой сына.

СКАЖИ ТАМ

Рисунок АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

Урсула открыла чемодан, затем внимательно осмотрела шкаф. Она долго и скрупулезно раскладывала белье и вещи по полкам, передвигая их с места на место и разглаживая каждую складку на одежде. Наконец, удовлетворенная, она подошла к окну и, увидев стариков напротив, улыбнулась им. Те зашущукались и засмеялись. Старческий смех был похож на звуки старого дырявого клаксона.

Урсула умылась и спустилась на кухню, где уже хлопотала, готовя первый завтрак, служанка Консепсьон.

Позже всех появился в столовой хозяин дома — Жак Берже. Поэтому все были очень удивлены, когда он раньше обычного вошел в комнату, с красными веками и всклокоченными волосами.

— Кто заходил в мою спальню сегодня ночью? — спросил он с порога, обводя всех взглядом. — Подошел к моей кровати, наклонился надо мной и вышел. Это была ты, Франсуаза?

— Нет... нет. Я уснула в десять часов и спала как убитая.

— А я уверен, что ты. Признайся!

— Да нет же!

— Все твои сумасбродства! С меня хватит проклятых историй со стариками и твоей чертовой ботаники!

Маленькая Джульетта ухватила за руку Урсулы, а дурачок Роберт стал издавать лающие звуки. Сморгнув лицо и зажав ладонями уши, Жак Берже вышел из комнаты. Мадам Берже вздохнула и жалобно произнесла:

— Насчет стариков я ничего не выдумываю. Они — посланники дьявола. Я их ненавижу.

Урсула поднялась к себе в комнату, переоделась и причесалась. Когда она снова вышла, до нее донесся плач Джульетты. Девочка лежала на полу в своей спальне, и вокруг нее валялись раздавленные и поломанные ракушки.

— Это Роберт, — рыдала она. — Я не знаю, почему он так поступил...

Джульетта была просто влюблена в свои ракушки. Когда она смотрела на них, то забывала обо всем на свете. Они даже снились ей по ночам.

Утро выдалось жарким и душным, и Урсула повела детей на

пляж. Жан-Клод скромно шел рядом с ней. Когда она спросила, любит ли он классическую музыку, юноша довольно ответил:

— Да, обожаю. Не то что современная чепуха.

— Я тоже. Бах — мой любимый композитор. Вы знаете, я играю на фортепиано.

— О! Замечательно! В комнате мамы есть пианино, но на нем никто не играет. Как бы я хотел послушать вас! Можно перенести инструмент вниз, в гостиную.

— Не стоит. Слишком хлопотно. Если хотите, я как-нибудь сыграю вам. Когда ее не будет.

Жан-Клод пришел в восхищение от того, что девушка предложила ему как бы маленький заговор. Они закроются в комнате вдвоем!

Дети пришли на пляж, и Урсула сняла платье, оставшись в купальном костюме. «Она прекрасна!» — подумал Жан-Клод, разглядывая ее великолепное тело.

Из-за выступа скалы появилась небольшая яхта с мотором и подошла к берегу. За штурвалом стоял Жак Берже. Он спрыгнул на песок и уселся рядом с Урсулой, нахмуренный и молчаливый. К ним неожиданно подошел Антуан, державший в руке черный пластмассовый револьвер — точную копию настоящего. Целясь в Урсулу, мальчик громко выговаривал «тах-тах-тах...». Жак Берже вскочил на ноги и выхватил пистолет из руки сына.

— Я запрещаю тебе! — закричал он и остановился, пораженный своим поступком и своими словами.

258 Что он, собственно, запрещал? И почему? Потому что револьвер напоминал ему сцену из далекого прошлого и он снова слышал раскатистые выстрелы? И снова ощутил, как дрожит и подпрыгивает в его руках оружие, а сам он, согнувшись пополам, падает на землю и катится по желтым осенним листьям?

Глупо. Надо забыть ужасную рожу, склонившуюся над его постелью сегодня ночью, и больше не мучиться вопросом, был ли это чудовищный кошмар или еще более чудовищная реальность.

Жак бросил игрушечный пистолет на песок и быстрыми шагами направился к яхте.

— Ах, это вы, — произнес доктор Комольи. — Я и не ожидал вас в такой час. Что случилось? Опять плохо спали?

— Да, доктор. От вас ничего не скроешь. Я хотел бы проконсультироваться. Похоже, у меня начались галлюцинации.

— Присядьте-ка и расскажите все по порядку.

Комольи, милый толстяк с живым и теплым взглядом, вытащил из ящика стола коробку сигар и протянул ее своему другу. Жак закурил, поудобней устроился в кресле и сказал:

— Этой ночью я отчетливо видел человека, склонившегося над моей кроватью. Он смотрел на меня и был... ужасен.

— Мужчина?

— Не знаю. Кажется, женщина... Длинные белые волосы. Лицо дергалось, изо рта текла слюна... И отвратительные глаза.

— Гм... Что дальше?

— Я поднял руку и зажег лампу. В комнате никого не было. Остался только запах... Запах серы. Больше я не мог уснуть.

— Успокойтесь, ничего серьезного. Просто сон. Это чудище вам снилось раньше?

— Не знаю. Хотя бывали сны и пострашнее.

— Расскажите мне о них.

— Ни за что. Оставьте эти кошмары в моем «личном архиве».

Мадам Берже плавно шла по коридору, держа в руках громадный букет. Она снова выглянула в окно. Старики по-прежнему сидели напротив дома — неподвижные и загадочные. Цветы вывалились из рук мадам Берже. Она поспешно нагнулась, подобрала их и, прижав букет к груди, быстро убежала...

После обеда было решено отправиться в небольшую экспедицию по окрестностям. Маленькая группа дружно зашагала к Лионской скале, издали похожей на спящего фавна. Когда они достигли ее, тут же началась игра в прятки. Дети с криком разбежались в разные стороны. Даже Жан-Клод, который никогда не принимал участия в их развлечениях, разошелся вовсю и носился как угорелый.

И лишь одна Джульетта не принимала участия в общем веселье. Она ходила взад-вперед, не зная, чем заняться, и все думала о своих разбитых ракушках. Ей понадобятся целые месяцы, чтобы восстановить коллекцию. Сердце девочки разрывалось от горя. На ресницах застыли слезинки. Она подошла к самому краю скалы и наклонилась.

В сотне метров под ней вскипал океан, а над головой носились ласточки. Казалось, все пространство заполнилось движением из крыльев и клювов. Птицы, небо, океан. Океан, птицы, небо. Крылья, клювы, маленькие черные бусинки глаз, бесконечный океан... и ракушки.

Она не услышала шагов за спиной и не почувствовала, как две руки надавили на нее и столкнули в пустоту. А потом, какие-то доли секунд, она парила среди ласточек, обездумевшая, легкая и кричащая, как они...

Океан бережно хранил ее всю ночь. А утром волны прибили труп на песчаный пляж. В волосах девочки запуталось несколько маленьких ракушек.

II

Комиссар Фонтанель с жалостью смотрел на сидящего перед ним юношу. Жан-Клод выглядел таким изможденным и одновременно напряженным, что чувствовалось, как в душе парня закипает нечто дикое и свирепое. Вот он провел рукой по волосам и продолжил свой рассказ...

...В этот момент, мсье, я заметил его впервые. Мы всей семьей возвращались с кладбища и остановились на минутку: к нам подошли знакомые, чтобы выразить свои соболезнования. Кто-то полез обнимать меня. Но я этого не люблю, поэтому, заметив открытое кафе, я быстро распрощался и пошел туда.

Хозяин подсчитывал выручку, а на террасе сидел единственный посетитель. Он пил грог и читал газету. Мне показалось странным, что кто-то может пить грог. Вы же знаете, какая жара стоит у нас в середине июля. Ну, ладно... Я тихо приблизился и вдруг увидел, что посетитель держит газету вверх ногами. Почему, спрашивается? Мне стало как-то не по себе, и я вернулся к семье, которой все еще высказывали соболезнования: «Она теперь на небесах», «Такой ребенок, такая душа...».

Я смотрел в сторону кафе на человека, сидящего за столиком с перевернутой газетой в руках. У него было тяжелое лицо со шрамом и равнодушно-ленивый взгляд. В общем, совершенно неинтересная личность.

Отец в какой-то момент тоже посмотрел в сторону бистро, и мужчина тут же опустил глаза в газету.

Позднее, когда мы сели в свой «пежо», я увидел в зеркальце, как он направляется к потрепанной спортивной машине серого цвета, припаркованной у ограды. Мой отец спешил домой, поэтому прибавил газу, и я потерял «сыщика» из виду...

Я ничего не мог с собой поделать и постоянно думал о гибели Джульетты. Не верилось, что она могла просто упасть с обрыва. Кроме того, Урсула рассказала, что в день ее смерти Роберт поломал все ракушки. Понимаете, мсье, для Джульетты ракушки примерно то же самое, что цветы для моей матери, и мне все чаще приходила в голову мысль о самоубийстве сестры.

В нашем доме не я один испытывал сомнения. Однажды утром я услышал, как моя мать, срезая цветы для могилы, приговаривает: «Нет, нет, я не верю!» Порой она со злостью поглядывала сквозь кусты рододендронов на стариков, сидевших за решеткой сада. Для нее все было ясно: ужасный заговор стал осуществляться, и Джульетта пала его первой жертвой...

Постепенно все стали успокаиваться, и жизнь потекла своим чередом. Мой отец, как обычно, запирался в кабинете. Антуан и Раймонд целыми днями плавали на его яхте. Урсула давала им деньги на бензин.

Я переживал смерть Джульетты дольше всех. Но... вы знаете, как это бывает. Красота Урсулы, глаза Урсулы, ее теплые, волнующие руки...

Урсула взяла Жан-Клода за руку и рассмеялась.

— Где вы пропадали все утро? — спросила она.

— Занимался математикой. Вы ведь тоже готовитесь к экзаменам?

— Нет-нет, я давно забросила эту ерунду.

— Но... Не вы ли говорили, что учиться в университете?

— Говорила? Не помню. Просто хотелось произвести хорошее впечатление. — Урсула смущенно посмотрела на Жан-Клода и добавила: — У меня отличная идея. Давайте поднимемся в комнату вашей матери, и я сыграю на пианино.

— А мама? — пробормотал Жан-Клод.

— Она уехала.

— Дети...

— Роберт спит, Раймонд и Антуан ушли на яхте. Джульетта... мертва. Так что — идем.

В комнате царил полумрак. Пианино, покрытое слоем пыли, стояло в углу.

— Что ты мне сыграешь? — неожиданно для самого себя Жан-Клод перешел на «ты».

— Подожди. Где твоя мать хранит семейные фотографии?

Урсула прильнула у нему всем телом. Жан-Клод растерялся на мгновение, затем его руки легли ей на талию. Он почувствовал жар мягких бедер и задрожал.

— Жан-Клод, — шепнула она, — пожалуйста!

— В том комодке, — пробормотал Жан и вытащил из ящика большой конверт.

Урсула уселась на кровати и стала рассматривать фотографии.

— А кто этот мужчина?

— А! Это отец. Но здесь он непохож на себя. Я сам удивился, когда мама показала мне фотографию.

Урсула спрятала снимок за корсаж.

— Что ты делаешь? — воскликнул Жан-Клод.

— Успокойся. Я верну. А сейчас — поиграем.

Она села за пианино и пробежалась пальцами по клавишам. Комната наполнилась грустными чарующими звуками.

— Здорово!

— Да. Мне тоже нравится эта вещь.

Урсула встала, и тогда он крепко обнял ее и прижал к себе... Нежная музыка донеслась до кабинета, где работал Жак Берже, и, казалось, всколыхнула его душу. Он подошел к окну и, скрестив на груди сильные руки, задумался.

Перед его глазами возникла давно забытая картина. Величественный замок, и он сам — посреди громадной залы с высокими окнами, выходящими в старинный мрачноватый парк. В дальнем конце залы красивая женщина с длинными белокурыми локонами, спадающими на обнаженные матовые плечи, играет на пианино. Он подходит ближе и замечает, что она беременна. Его фотография в изящной рамочке стоит на пианино, а по стенам висят портреты предков. Гармонию нарушает один портрет, висящий почему-то вниз головой...

В этот момент музыка оборвалась, женский образ растаял, и Жак Берже снова увидел перед собой привычные клумбы и склоненную фигуру своей жены. Он вернулся к письменному столу и долго сидел неподвижно, напоминая собой старую, большую птицу.

...В этот вечер, мсье комиссар, мы с Урсулой вышли прогуляться. Никогда еще она не казалась мне такой прекрасной.

Во время нашей прогулки произошел странный случай. На углу улицы Клеменсо и Морского бульвара всегда стоит фотограф-югослав. Заметив нас, он захотел сделать пару снимков, но Урсула неожиданно закрыла лицо руками и топнула ногой, приказав ему убраться. Я был очень расстроен, потому что сам выбрал этот маршрут в надежде сфотографироваться вместе с Урсулой. Мне пришлось вежливо извиниться, а фотограф

тихонько сунул мне в руку квитанцию и сказал, что все же успел сделать один кадр.

Когда мы вернулись домой, я заметил перед оградой мужчину со шрамом, разглядывавшего нашу виллу. Я сказал Урсуде, что видел его в день похорон Джульетты, и мне показалось, что она чего-то испугалась. Урсуда внимательно посмотрела на мужчину и посоветовала мне разузнать о нем — вдруг это какой-нибудь грабитель.

Я с радостью согласился и остался на улице приглядывать за незнакомцем, курившим одну сигарету за другой. Через некоторое время мужчина затушил сигарету и пошел вдоль улицы. Я подумал, что сейчас он сядет в свою машину и уедет, но машины поблизости не оказалось. Он продолжал медленно шагать по улице, пока наконец не дошел до парка, где и уселся передохнуть. Через пять минут я увидел, кого бы вы думали? Мою мать! Она села на ту же скамью, и у них завязалась оживленная беседа, из которой я мог разобрать лишь одно часто употреблявшееся слово — «фотография».

Мама вытащила из своей сумки пачку денег и передала мужчине. Тот, казалось, был вполне удовлетворен. Когда она ушла, мужчина старательно пересчитал каждую бумажку, положил деньги в карман и, выйдя из парка, побрел какими-то темными, малознакомыми мне закоулками, закончив свой путь в портовом квартале, на пороге бара с многозначительным названием «Ворота в рай». Через пять минут он вышел, но не один, а с ярко накрашенной женщиной. Она все время спотыкалась, цеплялась за его руку, громко смеялась и болтала какую-то чепуху вроде «ты мой медвежонок», «ты мой котеночек»... Я слышал, как он сказал ей: «Пойдем, Мадлен, выпьем еще шампанского».

Я последовал за ними и, войдя в большой ресторан, облокотился на стойку бара, наблюдая за странной парочкой. Они заняли столик в центре зала и заказали ужин. Было похоже, что их тут хорошо знают. Ко мне подошла официантка и спросила, чего я хочу. Я потребовал виски, вспомнив, как герой одного детективного романа пьет этот адекий напиток, словно воду.

Закончив ужин, Мадлен встала из-за стола и потянула своего спутника к выходу. Оказалось, что на улице стоит его консервная банка мощностью в две лошадиных силы. Они как-то умудрились залезть в нее вдвоем и даже поехать, тем самым оборвав мое преследование. Но зато я узнал, что мужчину зовут Жерар Ролян.

Я вернулся домой поздно и застал на кухне Урсуду. Она ждала меня и, выслушав мой рассказ, заставила раза три повторить имя мужчины. После чего поцеловала в щеку и, приложив палец к губам, выбежала из кухни...

— Как жаль, что эта каюта все время закрыта, — сказал Антуан. — В ней можно было бы отлично отдохнуть.

— И убрать туда продукты, чтобы не портились на солнце, — добавил Раймонд, заглядывая в замочную скважину.

— Ключ от кают у отца. Он ни за что его не даст.

«Нефертити», как они называли яхту, величественно бороздила воды лагуны, направляясь в открытое море.

— Если мы достанем ключ, то можно в следующий раз взять с собой Урсуду.

— Думаешь, она согласится?

— Конечно. Она умирает со скуки. А тут мы здорово повеселимся.

Антуан снова подошел к двери каюты и в сотый раз осмотрел замок.

— Может, искупаемся? — неожиданно предложил Раймонд.

— Давай!

Антуан отпустил лебедку, и якорь плюхнулся в воду. Братья одновременно прыгнули за борт. Они бултыхались, хватая друг друга за ноги и смеясь. Неожиданно Раймонд воскликнул:

— Антуан! Смотри!

Яхта быстро удалялась. Якорная цепь исчезла. Они поплыли изо всех сил, но течение в этом месте было коварным. Дистанция увеличивалась с каждой минутой. Раймонд уцепился за Антуана, закричал и стал захлебываться. Над морем раздался крик, потом наступила полная тишина...

На следующий день яхту заметили с вертолета и вызвали катер. Каюта была закрыта на ключ. Когда взломали дверь, оказалось, что там не было ни души.

III

...Близнецы исчезли. Я уже не верил в несчастные случаи, мсье комиссар. Непонятен был мотив преступления, но что это убийство, я не сомневался. Все время думал о закрытой каюте. В ней кто-то прятался! Неужели Жерар? Я решил пойти в полицию, но Урсуда отговорила меня: ведь тут была замешана моя мать, давшая деньги проходимцу, которого я считал причиной всех зол, обрушившихся на нашу семью.

Моя матушка совсем сошла с ума. Она никого не узнавала, не разговаривала и не отвечала на вопросы.

Отец тоже вел себя странно. Он не вспоминал о близнецах, а начал усиленно ухаживать за Урсудой. В моих глазах его действия выглядели чудовищно, но я не осмеливался что-либо предпринять, наблюдая, как каждое утро он спешит в модные магазины и возвращается с ворохом подарков для Урсуды. Она принимала их благосклонно, иногда намекая, где можно купить вещи получше и, естественно, подороже. И отец тут же мчался туда и привозил указанную часть туалета, будь то платье или белье.

Я не ревновал, понимая, что никогда такая девушка, как Урсуда, не ляжет в постель со старым болваном. Просто было неприятно видеть, что все больше времени она проводит именно с ним.

Чтобы завоевать сердце Урсуды, я решил совершить какой-нибудь героический поступок. Например, изобличить Жерара в его темных делах и схватить негодяя за глотку. Для этого мне нужен был револьвер. Тот самый, что отец прятал на чердаке.

Я вытащил револьвер из тайника. Он был большой и ржавый, в обойме не хватало двух патронов.

Я вернулся в свою комнату, напялил на себя старую отцовскую шляпу и длинный желтый плащ, взял в руки револьвер и прицелился в зеркало. Удовлетворенный, я подмигнул своему отражению. Единственное, что меня заботило, сможет ли эта громадная черная штукавина выстрелить.

Я отправился к ресторану, в котором Жерар ужинал с Мадлен. Не знаю, сколько прошло времени и какое количество пива я выпил, но Жерар так и не появился...

На следующий день мне повезло. Мы столкнулись в дверях ресторана, и я пошел следом за ним. Вскоре Жерар скрылся в подъезде своего дома. Но тут, мсье комиссар, я испугался. А вдруг он вооружен и мне не удастся с ним справиться?

Я стоял, обуреваемый сомнениями, как вдруг увидел... Урсулу! Не узнав меня, она проследовала к подъезду дома, где жил Жерар...

Осматривая в зеркале свою густую щетину, Жерар поморщился. Она появляется так быстро, что приходится бриться два раза в день.

Урсула придет с минуты на минуту. Нежная и застенчивая. Не то что Мадлен, которая вечно рыгает за столом и обзывает его гориллой. Бриться или нет? Жерар махнул рукой. Так или иначе, она все равно ляжет с ним. Это уж, как говорится, «точняк».

Он развалился на кровати и начал вспоминать молоденьких испанок-проституток, Мадлен и танцовщиц из кабачка, показавшихся ему вдруг слишком грязными и низкими в сравнении с Урсулой.

В дверь тихо стукнули, и Жерар побежал открывать. На ней было то самое платье — с разрезом. И взгляд — дьявольски возбуждающий!

— У меня тут жарко, — начал извиняться Жерар. — Не переносу сквозняков.

— Ничего. Я разденусь.

Легкая дрожь пробежала по телу Жерара. Он обнял ее за талию и нервно засмеялся. Урсула не сопротивлялась, только слегка отодвинулась и прошептала:

— Подожди...

Она прошелестела гладкой тканью над головой и, сверкая наготой, встала перед ним во весь рост. Страстно и жадно Жерар кинулся целовать ее грудь и шею. Урсула слегка напружилась.

— Что такое? — недоуменно спросил Жерар.

— Щетина колется, — ответила Урсула.

— Извини, — смутился он. — Забыл побриться.

Жерар тяжело поднялся, направился к умывальнику и, намылив лицо, взял бритву.

— Я сама! Обожаю брить волосатых мужчин! Садись, — подбежала к нему Урсула.

Жерар повиновался. Он был на седьмом небе от счастья. Ух!

Рассказать кому — не поверят. Впрочем, у него не было друзей, кроме собутыльников из кабака.

Неожиданно Жерар почувствовал смутное беспокойство. Лезвие заходило рядом с его шеей, а рука Урсулы стала как будто тяжелее. Или ему почудилось? Лезвие сейчас прямо на шее. В комнате и в самом деле душно! Жерар посмотрел на голые груди Урсулы, и они уже не казались спелыми, сочными грушами. Ему было больно. Он хотел это сказать и не мог. Жерар поднял глаза и увидел странно изменившееся лицо Урсулы, жесткий, холодный взгляд. Рука с бритвой замерла, и Жерар сразу же понял неизбежность следующей сцены. Ему захотелось крикнуть, но...

Лезвие глубоко погрузилось в мягкую плоть, рассекло артерию, и алая кровь фонтаном брызнула на белую грудь Урсулы.

...Я ждал ее целый час, мсье комиссар. Сжимая в кармане револьвер, я шатался как дурак по тротуару, не зная, что делать, и опасаясь самого худшего.

Наконец не выдержал и вошел в подъезд. Постояв у двери Жерара, достал револьвер и громко крикнул: «Выходи, или я буду стрелять!» Тишина. Я толкнул дверь, и дрожащая Урсула упала в мои объятия. При первом взгляде на Жерара мне показалось, что он пьян. Но вдруг я заметил кровь и сразу понял, что Жерар мертв.

Мы уселись на кровати, и Урсула, всхлипывая, начала рассказывать, как этот убийца набросился на нее и хотел изнасиловать. Она защищалась, и ей под руку попала бритва... Урсула обняла меня и запричитала: «Жан-Клод, ты должен помочь мне. Он убил Джульетту и близнецов... А я не хотела его убивать. Так получилось».

Что делать? Прежде всего нужно было избавиться от трупа. Рана выглядела ужасно, поверьте мне, мсье комиссар. И сам он был такой страшный и волосатый, как горилла. Я заглянул в шкаф, обыскал карманы его пиджака и вытащил бумажник, в котором лежали десять франков, паспорт и удостоверение частного детектива. Я чуть не подскочил. Значит, Жерар был частным детективом! Теперь понятно, почему моя мать давала ему деньги. Она нанимала его следить за кем-то. Продолжая поиски, я обнаружил несколько монет, два билета в кино, брелок, порнографическую фотографию и записную книжку черного цвета. Полистал ее и обратил внимание на одну запись, которая мне смутно что-то напомнила: «14 августа, фон Геренталь».

Куда же все-таки спрятать труп? Лучше всего зарыть его где-нибудь за городом, на пустынном пляже. Можно было воспользоваться машиной Жерара, которая стояла перед домом. Надо также оборвать с одежды Жерара все этикетки. Я читал о таком трюке в детективном романе. Каких только полезных штучек не печатают в этих романах!

Покончив с мерами предосторожности, мы сели на кровати и стали ждать наступления ночи. Чтобы немного успокоиться, я погладил волосы Урсулы, а затем несколько раз поцеловал ее в щеку. Она повернулась ко мне, и наши губы встретились...

Неожиданно раздался громкий стук в дверь, и чей-то голос завопил в коридоре:

— Открой, сволочь! Я знаю, что ты с бабой!

Мы переглянулись, застигнутые врасплох громоподобным женским голосом.

— Открывай!!! Старая свинья! Где мои деньги?! — Женщина еще раз пнула дверь ногой. — Я тебя убью! Да, я убью тебя!

В глубине коридора скрипнула дверь, и какой-то мужчина, видимо, сосед, заорал:

— Эй, хватит буяннить! Ваши сцены ревности у меня уже вот где! Дайте поспать!

Мадлен — а это была она — выругалась и посоветовала мужчине не вмешиваться в чужие дела.

Несмотря на страх, сковывавший мои члены, я был поражен богатством ее образных выражений и яркостью языка. Мужчине ее «литературный» дар понравился меньше, так как он перебил этот словесный поток:

— Если вы сейчас не прекратите, я вызову полицию. И расскажу, что вы угрожали убить человека.

Дверь хлопнула. Мадлен еще немного почертыхалась и ушла.

Необходимо было действовать быстро. Я открыл окно и с чемоданом, в который мы сложили вещи Жерара, выпрыгнул во двор. Подбежал к машине, залез внутрь и попытался завести ее. Мотор почихал, покашлял и заурчал. Я подъехал к окну. Перетащить труп оказалось гораздо сложнее, но мы справились и уложили Жерара на заднее сиденье. Ночь была непроглядная, на небе ни звездочки. Урсула сидела рядом, неподвижная и молчаливая. Труп позади нас — тоже.

Мы ехали по шоссе, удаляясь от города. На этой пустынной дороге, с чудовищным грузом на заднем сиденье, я почувствовал, как внутри меня растет противный страх. В голову лезли всякие истории о вурдалаках, привидениях и упырях.

Нас обогнал грузовик, ослепив мощными фарами. На секунду я скосил глаза, встретил удивленный взгляд мужчины в берете, сидящего рядом с шофером, и, обернувшись, похолодел. Накидка, которой мы прикрыли тело, сползла, и из окна машины торчала голая нога.

Я притормозил. Урсула вышла, поправила накидку, снова села рядом со мной и погладила меня по щеке.

— Все нормально. Они подумают, что это пьяный.

Через десять минут мы услышали шум океана. Еще некоторое время катили по песку, потом остановились. Я вышел, чтобы поискать подходящее место. Вдруг на пляже появилась еще одна машина. Урсула подошла ко мне, обняла, и мы стали целоваться, изображая влюбленную парочку. Из машины вылезли мужчина и женщина. Они быстро разделись и со смехом бросились в воду. Я облегченно вздохнул. Мы с Урсулой посоветовались и решили, что лучше всего вырыть яму прямо за машиной.

Минут пятнадцать я усердно трудился, и наконец глубокая яма была готова. Я вытащил тело Жерара, столкнул его в яму и засыпал песком. Один раз я оступился, и голова «человека со шрамом» вновь появилась на поверхности. Дрожащими руками

я стал кидать песок на ужасное лицо с широко открытым ртом.

Все это происходило под непрерывный аккомпанемент радостных восклицаний купающихся. Женщина то и дело громко завещала, как она счастлива.

Надо было срочно уезжать. Я завел мотор, но колеса увязли в песке, машина не трогалась с места. Парочка подошла к нам, и мужчина обратился ко мне с вопросом:

— Проблемы, дружок? Сейчас помогу. Нужно только подложить что-нибудь под колеса.

Он стоял прямо на «могиле». Я выскочил из машины, побежал к лесу и притащил большой сук.

— Ну, я толкаю. Раз-два...

Выпрыгнув из песка, машина покатила к шоссе. Они помахали нам издали.

— Куда теперь? — спросила Урсула.

— Нужно избавиться от этой рухляди.

Я притормозил в удобном месте, мы вышли и столкнули машину с обрыва. Она нырнула в темную бездну...

Все молча ели сыр. Раздавалось лишь громкое чавканье Роберта да тяжелые шаги дорожной Концепшон.

Мадам Берже резко встала и подбежала к китайской напольной вазе, занимавшей целый угол в прихожей.

— Вы только посмотрите на эти георгины! — воскликнула она. — Шедевр! Почти полтора метра высотой. А гайллярдия еще чудесней!

Жак Берже повернулся к Урсуле:

— Вы спрашивали меня на днях, что я нахожу интересного в пыльных манускриптах? Могу ответить, что меня потрясла личность одного фараона, выступившего против олигархии. Мечь жрецов настигла его уже после смерти.

— Как это?

— Они приказали уничтожить все изображения мятежного фараона и все надписи о нем.

— То же самое произошло с корнетом Карлом.

— Корнетом Карлом?

— Да. Это один из моих предков. Он перешел на сторону Наполеона, и семья не простила ему предательства. Его портрет повесили вверх ногами.

Жак Берже побледнел.

— Я просто без ума от своих георгинов! — закричала мадам Берже и залилась долгим смехом.

...Утром моя мать не вышла к завтраку. Мы обыскали весь дом, но она словно испарилась. Мое сердце сжималось от тяжелого предчувствия. Осмотр шкафов показал, что все вещи и платья на месте.

Моя мать не вернулась ни вечером, ни на следующий день. Больше никто не видел ее в живых...

Как и следовало ожидать, газеты не упустили это дело. К нам зачастили журналисты. В статьях муссировалась загробная

тема, всплывали тени египетских мумий, насылающих смерть на неосторожных исследователей тайн фараонов. Дескать, их карающая рука настигла нашу семью и за два месяца истребила ее чуть ли не полностью.

Полицейских, видимо, такая версия мало устраивала, и они перевернули весь дом, но, увы... ничего не обнаружили. И все же я был уверен, что мать где-то рядом. Вспомнив, как мы избавились от Жерара, я взял лопату и отправился в сад. Пробовал рыть повсюду. Безрезультатно.

Мои мучения продолжались. Я перестал спать по ночам, вскакивал от разных кошмаров и непонятных звуков. То скрипела лестница, то хлопали двери, то слышался жуткий смех. Я боялся выйти из комнаты и лежал, сжимая в руке черный револьвер.

И в саду, и в доме осиротевшие, неухоженные цветы начали потихоньку вянуть и хиреть. Только те, что находились в большой китайской вазе и которыми так восхищалась мать, цвели пуще прежнего. Над виллой повис запах смерти и разложения...

IV

— Нужно выбросить эту гниль, — сказал Жак Берже. — Весь дом провонял.

— Если мама вернется, она расстроится, не обнаружив цветов. Впрочем, георгины стоят как живые.

— Да, верно. Комиссар не мог налюбоваться ими... Но Консепсьон следует немного прибраться в доме!

Несколько нот, задумчивых и нерешительных, проплыли в воздухе. Музыка доносилась сверху, из комнаты матери.

— Слышите? — вскрикнул Жан-Клод. — Пианино!

Жак Берже уронил сигару в свою тарелку и затравленно оглянулся по сторонам. Взгляд Урсулы затуманился, а пальцы тихо застучали по столу, отбивая ритм.

— Прекрасная мелодия, — выдохнула она. — Волшебная...

— Жан-Клод, иди посмотри, — хриплым голосом произнес отец.

Юноша поднялся по лестнице, вошел в свою комнату и взял из-под подушки револьвер. Музыка прекратилась. Жан-Клод осторожно заглянул в приоткрытую дверь и похолодел от страха. На клавишах пианино лежала длинная дамская перчатка. Он подошел поближе и наклонился, чтобы внимательно осмотреть ее...

Жак Берже неподвижно сидел в своей комнате, закрыв лицо руками. Прошел час, второй... Один и тот же образ мучил его: летний парк и в нем — женщина, играющая на фортепиано.

Ах, да... И еще Урсула. Ему не верилось, что в его возрасте с ним могло такое случиться. Он дрожал как мальчишка при каждой встрече с ней. Он был влюблен...

Однажды Урсула вошла к нему перед сном. Она только что приняла душ, и на ней был прозрачный пеньюар, прилипающий к еще влажному, соблазнительному телу. Да, он осмелился... и обнял ее. Урсула не протестовала. Было видно, что ей это

приятно. Жак, однако, чего-то испугался. Она ушла, но Жак знал, что завтра, а может, через несколько дней, это неминуемо случится.

...Кто мог играть на пианино в пустой комнате? Моя мать? Или ее дух? Мне было страшно, мсье комиссар. В нашем большом доме есть где спрятаться, и теперь в каждом углу мне мерещились призраки.

Один раз, мсье комиссар, я ЭТО увидел. Была буря, лил дождь. Мне нравится такая погода. Я сидел у окна и смотрел в темный сад, когда в свете молнии мелькнула белая фигура. Заметив меня, она быстро скрылась за углом дома. Я отскочил от окна, ударился об стол и упал.

А на следующий день, мсье комиссар, я нашел труп Роберта. Я всю ночь не спал, у меня пересохло в горле. Только под утро забьлся беспокойным сном, но вскоре проснулся, умирая от жажды, и пошел в подвал, где всегда стояло прохладное пиво. Сначала мне нужно было пройти помещение, где хранились окорока.

Войдя, я заметил перевернутую табуретку и сильно удивился. Что это могло значить? И тут за огромным окороком я заметил босые ноги. Подойдя поближе, я увидел Роберта, висевшего на веревке, страшного и синего. Меня вырвало на цементный пол...

— Жан-Клод, тебе нужно немного прогуляться, — сказала Урсула, входя в комнату. — Нельзя лежать целыми днями. Ты переживаешь оттого, что Роберт повесился, но уверяю...

— Повесился? Его убили, Урсула! Как и всех. И ты это хорошо знаешь.

Урсула побледнела.

— Нет... Нет... Я ничего не знаю.

— У меня есть доказательства, Урсула. Я тебе больше не верю.

— Какие доказательства?

Жан-Клод отвернулся, притворившись, что читает книгу. Урсула села рядом. Он слышал ее дыхание. Потом что-то сдавило горло, и Жан-Клод едва успел подставить палец. Его душили поясом от платья. Перед глазами поплыли круги. Он сунул руку под подушку и вытащил револьвер. Урсула бросила пояс, отскочила в сторону и ошалело уставилась на оружие.

— Я убью тебя! — крикнул Жан-Клод и, глубоко вздохнув, нажал на спуск.

...Я не хотел убивать ее, мсье комиссар. Револьвер был на предохранителе. Просто напугал и опустил пистолет. Она тут же выбежала.

Я чувствовал, что Урсула является лишь слепым орудием каких-то злых сил. Мне было жаль ее. Я услышал за окном быстрые шаги и увидел, как Урсула с чемоданом в руке бежит по направлению к калитке. Недолго думая, я собрал свои вещи и опрометью кинулся вниз. В прихожей я остановился, так как меня поразила странная мысль. Я подошел к большой китайской вазе, посмотрел на цветущие георгины и все понял. Мама не

покидала наш дом. Она была все время рядом. Ее лицо виднелось среди плавающих лепестков. Каждый день мы проходили мимо ее тупа, полагая, что гниют цветы, в то время как у нас под носом разлагалось ее тело.

Я схватил чемодан и выбежал из дома. Стояла ночь, свистел ветер, а я бежал и бежал... Вблизи шевелился океан, невидимый и угрюмый.

Нет-нет, мсье, прошу вас, не перебивайте меня. Обещайте выслушать мою историю до конца. О! Какие красивые гладьюлысы на том столе! Что? Букет подбирала ваша жена? Поздравляю, мсье, у нее хороший вкус.

Да, так о чем я говорил? Ага! Я шел с чемоданом, а перед моими глазами стояло лицо матери, выглядывающее из воды. И вот такая мысль меня посетила. Ведь я с самого момента ее исчезновения знал, что она все время находилась там. А Урсула... Она тоже знала и не хотела выбрасывать цветы. Я должен ее найти. Где она? Скорее всего уехала в Германию.

Я отправился на вокзал. Поезд в Париж ушел час назад, а следующий по расписанию должен был быть только утром. Я оставил чемодан в камере хранения и двинулся куда глаза глядят. Незаметно для себя я очутился у знакомого кабачка, того самого, где Жерар подцепил свою Мадлен. Позвонил и сунул вместо пропуска стофранковую бумажку. Войдя, сразу заказал виски. Барменша, пухлая крашенная блондинка, наклонилась, наполняя стакан, и я подумал, что ее груди вот-вот вывалятся из платья. Заметив мой напряженный взгляд, барменша улыбнулась и провела мягкой ладошкой по своим прелестям.

После нескольких стаканов виски я почувствовал себя как в тумане. Кто-то тронул меня за локоть, и женский голос произнес: «Пойдем со мной». Я расплатился и вышел. Высокая, худая и уродливая брюнетка цепко держала меня за руку, будто боялась, что я убегу. Минут пять она таскала меня по закоулкам, потом впихнула в узкую дверь. «Здесь я живу», — сказала она. Ее комната находилась под самой крышей. Когда мы вошли, брюнетка разделась и произнесла, гордо поглядывая на меня: «Посмотри, какая я красивая!»

Я был пьян, мсье комиссар, и не совсем понимал, что происходит, а в какой-то момент уснул как убитый.

Проснулся я на рассвете и, поглядывая на раскинувшееся рядом изможденное тело, быстро оделся и вышел. На вокзале я забрал чемодан, купил билет во втором классе и вечером был уже в Париже. Ночь провел в дешевом отеле, а утром с Восточного вокзала уехал в Хейдельберг. Урсула часто упоминала этот город.

Я искал ее всю осень и всю зиму. Урсула мерещилась мне на каждом углу. Я бросался вслед за каждой красивой девушкой. Но, увы! Мои деньги таяли. Нужно было либо уезжать, либо устраиваться на работу. Я выбрал второе и вскоре нанялся в одну частную оранжерею ухаживать за цветами. Я полюбил эту простую работу и подружился с хозяином и его сыном. Мы с ними часто гуляли по городу и пили пиво.

Однажды вечером он пригласил меня в кафе. Мы сидели прямо у сцены, прихлебывая из пузатых кружек и глядя на девушку-аккордеонистку. Она перебирала клавиши, положив голые руки на сверкающий позолотой аккордеон. Вдруг я заметил надпись «Троссинген» и вспомнил, что на внутренней стороне перчатки, найденной в маминной комнате, было написано то же слово: «Троссинген».

Мой приятель объяснил, что Троссинген — небольшой городок недалеко от Штутгарта. Я легко нашел его на карте и через два дня уже рыскал по его улицам. К вечеру, обойдя все кафе, парки и соборы, сбившись с ног, голодный и усталый, я присел на скамью и заплакал. Сбоку от меня лежала свернутая пополам газета. Машинально я взял ее в руки и... фотография Урсулы на первой полосе показалась мне сначала нереальной. Дрожа от волнения, я прочитал следующий текст под снимком: «Мы счастливы объявить нашим согражданам о том, что церемония обручения Урсулы фон Геренталь с графом Карлом фон Лейбвиц состоится в семейном замке Геренталей 15 апреля с. г.».

То есть сегодня!

Голова у меня пошла кругом. Я поднялся и быстро зашагал, спрашивая дорогу у прохожих. Когда я добрался до замка, уже совсем стемнело. Ворота были открыты. Я без колебаний вошел в парк. Окна нижнего этажа ярко светились, гремела музыка. Подойдя вплотную, я стал разглядывать через стекло великолепную залу, в которой кружились в танце и просто расхаживали мужчины в смокингах, дамы в длинных платьях. Я заметил Урсулу и вздрогнул. Она разговаривала с высоким серьезным юношей, часто поглядывая на часы.

Но мое внимание привлекла группа старцев, сидящих за длинным столом и посмеивающихся беззубыми ртами. И среди них — одна ведьма с горящим взором. Я узнал ее! Это ее лицо мелькнуло в свете молнии. Ведьма поманила пальцем Урсулу и что-то шепнула ей на ухо.

Я долго стоял под окном, пока мне в голову не пришла одна идея. Завернув за угол, я нашел то, что мне было нужно, — вход в подвал. По узкой лестнице я проник во внутренние помещения замка, дошел до второго этажа и остановился. Вскоре послышался звук шагов. Урсула, рыдая, прошла по коридору и исчезла за одной из многочисленных дверей. Через несколько минут она вышла, тихая и спокойная, и направилась в зал.

Я вошел в комнату Урсулы, внимательно осмотрел ее, погасил свет и спрятался в ванной.

Ждал я недолго. Музыка стихла, а через некоторое время открылась входная дверь, стукнули сброшенные туфли, послышался шорох снимаемой одежды, от которого у меня екнуло сердце, босые ноги прошлепали к ванной комнате, щелкнул выключатель... и обнаженная Урсула предстала передо мной!..

V

Жан-Клод схватил ее за руку

— Урсула! — воскликнул он. — Я нашел тебя. Какое счастье!

— Не говори ничего, — прошептала она. — Просто обещай, что увезешь меня отсюда.

— Урсула, я приехал для того, чтобы узнать...

— Не волнуйся, я все расскажу.

— Тогда говори сейчас.

— Ладно. Прежде всего мой отец — он же и твой — жил в этом замке двадцать лет назад. Его настоящее имя не Жак Берже, а Клаус фон Геренталь. Он сбежал от моей матери за несколько месяцев до моего рождения. С пеленок я слышала разговоры о кровавой мести. Мать все эти годы жила словно в заточении, не покидая комнаты, где в последний раз видела своего мужа. Ее родственники поклялись, что разыщут Клауса и отомстят ему.

Геренталь подвела страсть к египтологии. Сменив страну, имя и фамилию, он не смог поменять профессию и продолжал публиковать работы, посвященные его любимому фараону. В какой-то степени журналисты были правы, говоря о «карающих мумиях». Из года в год мать отслеживала все статьи по археологии: скопилось два полных шкафа. И наконец она «вычислила» Клауса. Дядя Отто съездил во Францию на разведку. Когда никаких сомнений не осталось, был вынесен вердикт, а в меня заложена лишь одна программа: смерть.

Джюльетту я столкнула со скалы. Близнецов решили утопить, но по чистой случайности они погибли сами. Старики были в ярости.

274 Под ногами путался еще этот частный детектив, которого твоя мать наняла следить за непорочностью наших с отцом отношений. Он что-то пронюхал и позвонил мне, требуя свидания. Его следовало убрать, что я и сделала. А ты подоспел вовремя и помог избавиться от трупа.

Мадам Берже я задушила поясом, а с Робертом вообще не было проблем. Моя мать требовала, чтобы я прикончила и тебя. Но тут я воспротивилась, поняв, что являюсь лишь слепым орудием в ее руках, с помощью которого она осуществляет планы мести, не дающие ей покоя всю жизнь.

Я вернулась в Германию, и мать решила выдать меня замуж за Карла. Но этого не будет никогда. Мы уедем с тобой! Правда!

— А мой отец? Что с ним?

— Ты разве не знаешь? — удивилась Урсула. — Он сошел с ума, и его, кажется, упрятали в психушку.

...Я пролежал всю ночь, не смыкая глаз, и напряженно думал. Рядом мирно спала Урсула. Наконец сквозь тяжелые шторы пробилось утро. Я встал, оделся, спустился в холл и, заметив портрет, висящий вверх ногами, вернул его в правильное положение. Подойдя к большому шкафу, набитому старыми журналами, я достал спички, чиркнул и бросил горящий коробок обратно в шкаф. Затем спокойно вышел из дома и уселся на лужайке. Через пять минут из окон повалил густой дым, и вскоре весь замок был облит языками пламени, в которых метались высохшие тени. Я встал и побежал прочь...

Когда я вернулся во Францию, вы арестовали меня, мсье комиссар. Теперь не откажите в одной просьбе. Позвольте взять один из этих гладиолусов с собой в тюрьму...

— Нет, — ответил комиссар и тяжело вздохнул.

Вечером, вернувшись домой, комиссар Фонтанель застал свою жену у зеркала. Доротея примеряла новое платье, а в волосах у нее красовалась пунцовая роза. Он подошел к ней, сорвал цветок и вскрикнул, уколотившись о шипы. На пальце комиссара заделала капелька крови. Он бросил розу на пол, раздавил ее каблуком и громко произнес:

— Пока мы любим друг друга...

Она внимательно посмотрела на него.

— Пока мы любим друг друга, — продолжал комиссар, — я не хочу видеть ни одного цветка в нашем доме.

Он обнял ее за талию, и она изогнулась в его руках, словно нежный стебелек.

**Перевод с французского
ГЕННАДИЯ ДОНОВСКОГО.**

АНДРЕЙ КУЧЕРОВ
ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

ПШЦЕЙ

ЛИЦОМ В ЛИЦУ

«**М**не мало что нравится, но из всего того, что за последние пять лет появилось, мне понравилась группа «Лицей».

Такими словами патриарх современного музыкального движения Александр Градский предварил на одном из полузакрытых концертов выступление трех совсем юных и симпатичных девчушек в синих джинсах, белых рубашках и с гитарами наперевес. Патриарх оказался прав. Впрочем, на то он и патриарх. Во-первых, девочки пели и красиво. Во-вторых, делали они это умело и красиво. Их разноголосие сливалось в звук очень приятного тембра. Иногда даже поприятнее, чем тембр незабываемой «АББА». В любой тональности девичий «контрапунктный» аккорд не фальшивил, наоборот — был на редкость гармоничен, сочен, характеризуя девчонок в высшей степени музыкально одаренными, что на нынешнем попсовом подиуме встречается, увы, не каждый день.

Группу «Лицей» мы знаем в основном благодаря телевидению: «Утренняя почта», «2×2», «Песня-94», ну, и престижный «Музобоз», конечно. То, что называется крутыми «сольниками», с «Лицедем» пока еще не случалось. Ходит слух, что все еще впереди. А пока идет большая, временами изнурительная черновая работа в студии. идет накопление художественно-

го, физического и энергетического капитала. Это обещает высокий профессионализм на концертной эстраде. Поручкой тому хотя бы компакт-диск, выпущенный известной фирмой «Синтез-Рекордс». Говорят, что записи группы «Лицей» в магазинах не залеживаются. А это кое-что да значит. Есть и еще один маленький «говорящий секрет». В прошлом году в белокаменную пожаловал Сид Бернстайн, открывший когда-то парней из «Битлз». Так вот, мистер Бернстайн лично изволил заслушать девочек из «Лицея», затем собственноручно поцокал своим английским языком, улетел в свою Америку, а через пару месяцев прислал факс, из коего следовало, что Сид принял решение пригласить нынешним августом «лицеисток» в США для временного прохождения дальнейшей службы. Говорят, что девчонки в связи с факсом чуть не повредились умом и собрались гастролировать в Штатах аж до конца жизни с периодическими наездами в Европу. «Нам же фак прислали!» — воскликнула одна из «лицеисток».

— Во-первых, не фак, а факс, а это не совсем одно и то же, — охладил артистку знающий по-английски их «крестный отец», продюсер и художественный руководитель Алексей Макаревич. — Во-вторых, и факс еще не факт,

а в-третьих, работать надо как следует!

Ох, и строг их «крестный». Он ставит на профессиональные рельсы не только артистизм своих подопечных, но и отношение к делу, для чего заключил с каждой из них юридический контракт, жестко оговаривающий обязанности членов трудового коллектива под названием «Лицей». По-моему, это педагогическая находка, сулящая юной группе и трудовую дисциплину, и рост музыкального совершенства. На ехидный вопрос корреспондента, какой самый противный пункт контракта, артистки засмутились и что-то пролепетали насчет некоторых драконовских ограничений по части личной жизни.

— Хотя на это у нас совсем нет времени, — в унисон пропели они.

Ладно, с девочками разберемся после. А пока есть один очень умный вопрос: каким образом и откуда свалился вдруг на нашу беззащитную голову этот самый «Лицей»? Из показаний задействованных в это благородное дело лиц вытанцовывается такой сюжет.

Шел суровый 1991 год. Но, несмотря на это, в столице функционировал детский театр-студия эстрадной песни. Сюда со всех концов Москвы три раза в неделю съезжались в сопровождении родителей мальчишки и девочки, чтобы немного попеть хором, а если удастся, то и соло. Ставились и музыкальные спектакли. Сольные арии кошечек, собачек и разных зайчиков поручались, понятное дело, наиболее одаренным и перспективным. Таким образом в результате различных арий возникли, а затем обратили на себя внимание три «бельканто»: Настя, Лена, Изольда.

НАСТЯ. 16 лет. Высокая. Краси-

вая. Стеснительная. Замечена в манто из натурального меха. Находясь на сцене, поет в центре группы. Скромная барышня, но в рот палец не кладет. Трудяга. Любит поесть, но не очень. Склонна к творчеству. Хорошо чувствует музыку. Знает наизусть весь русский алфавит. Тембр голоса наиболее красив в неторопливом легато. С ее слов, мальчишками пока не интересуется, ибо всю себя отдает искусству. Свободно читает по-русски. Любимая книга — «Белая гвардия» Мих. Булгакова. Закончила музучилище по классу гитары. Учится в 10-м классе одной очень средней школы. Уроки делает не каждый день. «Сникерс» не любит, лучше мамин борщ со сметаной. Любимая группа — «Лицей». Далеко пойдет.

В том же 91-м году одному умному человеку пришла в голову идея создать из Насти, Изольды и Лены группу «Лицей» и начать с ней серьезную профессиональную работу. Голова, в которую пришла эта идея, находится в настоящее время на плечах Алексея Макаревича — жутко талантливого человека с двумя вузовскими дипломами, дизайнера, художника, музыканта, композитора, педагога и предпринимателя. У которого даже двоюродный брат и тот — Андрей Макаревич из «Машины времени». Автор этих строк немножко видел, как Алексей работает с группой, поэтому не каждый день хотел бы быть на месте девочек. Это не для нервных. Видимо, отсюда и результат. Между прочим, хиты «Лицея», скажем, «След на воде» и «Домашний арест», созданы Алексеем Макаревичем в содружестве с поэтом Кареном Кавалеряном.

ИЗОЛЬДА. Те же 16 лет. Очаровательная улыбка. Мама — русская, папа — грузин. Кокетлива, наблюдательна, обаятельна, лучезарна,

женственна. Работать любит, только устает очень. Видимо, надо заняться утренней зарядкой и бегом трусцой. Да и со штангой побаловаться не грех. Хорошая музыкальная память. Окончила музучилище по классу фортепиано. Знает наизусть всю таблицу умножения, но очень любит Фредерика Шопена. Как и Настасья, зачитала до дыр «Белую гвардию». А вот любимая группа — «АББА». Голос скорее всего от Бога, ибо мама — библиотекарка, а папа — бизнесмен. На сцене располагается всегда слева от Насти, которая против этого не возражает. Предана «Лицею» не только из-за сурового контракта. Мечтает с «Лицеом» объездить весь мир и, если представится возможность, вернуться домой к родителям.

Я, конечно, с девочками немножко поразговаривал. Например, задавал такие умные вопросы:

— Скажите, а кто из вас самая красивая?

«Лицеистки» внимательно и требовательно оглядели друг друга, молчаливо пожали плечами и опустили глаза, оставшись каждая при своем мнении.

— Скажите, а кто из вас самая умная?

Они опять внимательно изучили глазами друг друга, затем корреспондента, как бы мысленно прикидывая уровень его интеллекта, и, хихикнув не то в адрес друг друга, не то в адрес корреспондента, снова потупили взор свой, оставаясь каждая при своем мнении.

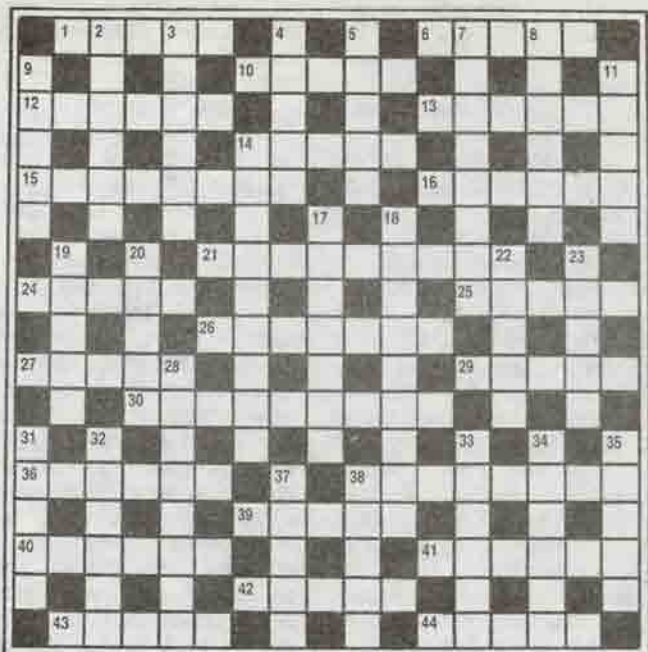
— Скажите, а кто из вас лучше поет?

И тогда они рассмеялись, давая понять, что шутка дошла и с чувством юмора у них и у корреспондента все в порядке.

ЛЕНА. 17 годков. Ненавистная школа уже позади. Впереди все остальное. Среднее фортепианное

образование. Знает наизусть все ноты. В настоящее время перечитывает Альфонса Додэ (кажется, Франция). Тащится от Скрябина. Торчит от Малинина. С гитарой — на «ты». Характер мальчишеский. Предана «Лицею». В порочных связях с другими группами не замечена. Говорит, что некогда. Может запросто починить розетку, разобрать и собрать импортный электроутюг. За словом в карман не ползет. Голос создан матушкой-природой для пения «аллегретто», но и не без «модерато». На сцене — справа от Настеньки. Артистична, энергична, безупречна и симпатична. Музыкальная память проявляется посредством дополнительного усердия. Мечтает окончательно избавиться от естественной лени. Когда улыбается — глаз не оторвать. Когда сердится, может дать по морде, но мысленно. А вообще любит иногда поговорить за жизнь и поучить кое-кого уму-разуму. Политически грамотна, но не до конца.

Вот, господа хорошие, вкратце вам на сегодня лицо «Лицея». Не буду лукавить, оно мне очень симпатично. Что будет с ним завтра? А не торопитесь, пусть они как можно дольше побудут в нелегкой, но счастливой юности. Вы что, никогда не были такими молодыми? И талантливыми?..

ЗРУДИТ По горизонтали.

1. Штат между Миссисипи и Миссури. 6 Река на западе Украины с другим названием Подгорец. 10. Официальный художник-баталист, историограф наполеоновской армии. 12. Оружие, занесенное в Египет гиксосами. 13. Разведывательный отряд в казачьих войсках. 14. В псалмах 18, 19 и 148 солнце — ... луна — невеста, звезды — двое детей. 15. Политик Ж. Клемансо по увлечению. 16. Геометрическая форма камер в катакомбных могильниках алан. 21. Французский революционер. 24. Знаменитый среднеазиатский полководец, над чьей могилой довлело табу. Ее вскрыли 19 июня 1941 года, а через три дня Гитлер напал на Советский Союз. 25. Итальянский гуманист, объявивший в 1465 году Яна ван Эйка первым художником века. 26. Старинное название разметки дороги. 27. Судно, построенное уцелевшими беринговцами на острове Беринга. На нем они доплыли до Камчатки. 29. Непогода, стоящая «всяких морских бурь» (И. Гончаров. «Фрегат «Паллада»). 30. Солёное озеро в России, лежащее на двадцать один метр ниже уровня моря. 36. Австрийский министр-президент, один из организаторов Тройственного союза. 38. Камень, из которого были изготовлены тысячи сосудов в усыпальнице фараона Джосера. 39. Вышеющееся растение, из чьих шишек делают лечебные кремы и растворы. 40. Французский «танец королей», а затем «король танцев». 41. Голубь, хороший почтовек. 42. Созвездие с «гранатовой» звездой, как назвал ее

У. Гершель. 43. Первый тропарь в каждой песне церковного канона. 44. Четвертый наряду с высотой, громкостью и длительностью признак музыкального звучания.

По вертикали.

2. Немецкий физик, лауреат Нобелевской премии, разводивший на досуге черепах. 3. Зложелательство (В. Даль). 4. Свободный человек, поселившийся в греческом полисе и плативший особый налог. 5. Страна, где на самом деле появились цифры, которые мы называем арабскими. 7. Обычная средневековая «книга для неграмотных» в европейских храмах. 8. Крик филина. 9. Рыба, которой в мае 1888 года Л. Сабанеев на подмосковном озере Сенеж удочкой за день наловил три с половиной пуда. 11. Степень чина в российской таблице о рангах. 14. Горький — «Хитровка», Бунин — ..., Вересаев — «Каменный мост» (прозвища писателей в известном кружке Н. Телешова). 17. Человек за обеданным столом. 18. Забавное необычное происшествие. 19. Тропическое дерево, способное образовать высокий ствол, только будучи душителем. 20. Представитель славянских племен, с X века известных как бужане и вольняне. 22. Солнце — туча, ... — страсть. 23. Имя двух Веласкесов — художника и конкистадора. 28. Альфонсо ... Пьерре Филиберт Гуглиельми ди Валентина д'Антонгуолла — настоящее имя знаменитого американского киноактера Р. Валентино. 31. «Волга впадает в Каспийское море» или «лошади едят овес» (суть). 32. Автор венских вальсов, предшественник Штраусов. 33. Выписка, извлечение из сочинения. 34. Лесной хищник, кладущий в гнездо зеленые ветки. 35. «Дерево Луны» в греческой Аркадии. 37. Полба, устойчивая против шведской мухи. 38. Мальва, проскурник, проскурняк.

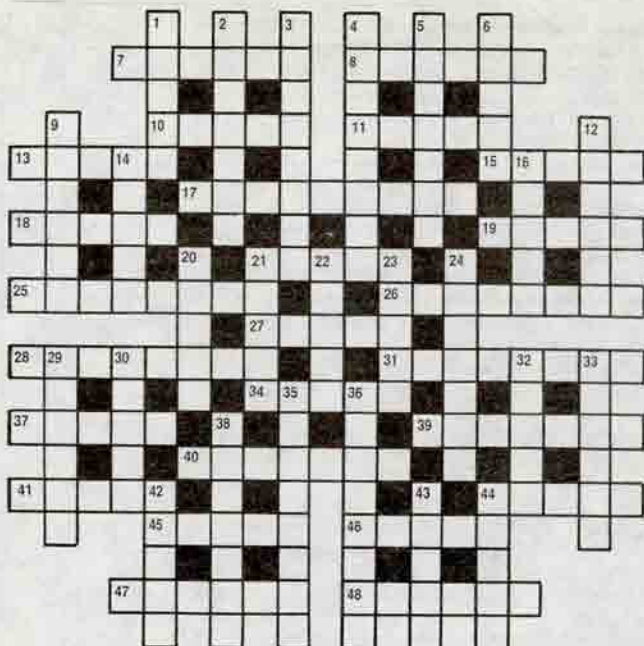
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали.

3. Эвфуизм. 10. Торпедо. 11. Лазурит. 12. Остаток. 13. Укус. 15. Хетты. 16. Хафиз. 17. ...выбор. 23. Губернатор. 24. Валери. 26. Амир. 27. Пифагор. 28. Пали. 31. Уиклиф. 32. Католицизм. 35. Монах. 36. Пчела. 39. Чабер. 41. Енном. 42. ...барышня. 44. Кальман. 45. «Индевор». 46. Стратег.

По вертикали.

1. Кошка. 2. Шпрух. 3. Эдо. 4. Воспитание. 5. Уран. 6. Злотый. 7. Мак. 8. Дукер. 9. Фихте. 14. Сайра. 15. Хорал. 18. Игуасу. 19. Обвинка. 20. Тофалар. 21. «Желание». 22. Фимиам. 25. Докончание. 29. Ритор. 30. Цилле. 33. Барант. 34. Надар. 35. Менье. 37. Ангел. 38. Чосон. 40. Дыба. 42. Бас. 43. Янг.

КРОССВОРД
Составил
В. ЯЛИ,
Мариуполь
Донецкой
области

По горизонтали.

7. Российский спортивный клуб. 8. Растворитель красок, лаков. 10. Заключительная часть спортивного соревнования. 11. Круглое здание для состязания левцов в Древней Греции. 13. Американская киноактриса, игравшая в фильме «Анна Каренина». 15. Разновидность вулканических туфов. 17. Процесс частичного расплавления горных пород на месте их залегания. 18. Американская кошка, основной, наряду с пумой, враг пекари. 19. Учебно-воспитательное заведение. 21. Крупный болгарский порт. 25. Город в Донецкой области. 26. Элемент внешнего вида военнослужащего. 27. Хлебное изделие. 28. Химическое вещество с запахом ржаного хлеба. 31. Любый потребитель энергии в электрической цепи. 34. Бог в греческой мифологии, из чьей крови вырастают весенние цветы и деревья. 37. Пастух. 39. Разлив реки. 40. Американская птичка, опыляющая цветы. 41. Тестообразная масса. 44. Салатное растение с целебным соком. 45. Соревнования ковбоев. 46. Доказательство невинности обвиняемого, если в момент преступления он был в другом месте. 47. Ударение как смысловоразличительная единица. 48. Дирижабль, на котором У. Нобиле летал к Северному полюсу.

По вертикали.

1. Аббат в романе Ж. Санд «Пиччинино». 2. Местность без холмов и гор. 3. Лекарственное растение

с целебным клубнем. 4. Актер, исполнивший роль Чапаева в одноименном фильме. 5. Переплетная ткань. 6. Стальной цилиндр для оттаивания паром мерзлых горных пород. 9. Условный язык группы людей. 12. Точильный камень. 14. Передаточная надпись на векселе. 16. Велосипедная коляска для перевозки пассажиров в странах Азии. 20. Животное, символ полосатости. 21. Рыба, которой до Октябрьского переворота было больше, чем пива. 22. Кондитерское или кулинарное изделие. 23. Денежный задаток. 24. Афоризм, пословица, цитата, предпосланная произведению. 29. Ветер разрушительной силы. 30. Щеголь. 32. Смешной, смешливый человек. 33. Число участников собрания, полномочное принимать решения. 35. Машинная вязаная ткань. 36. Страна с Мертвым морем. 38. Американский космический аппарат для исследования Сатурна и Юпитера. 42. Газ, которого в земной коре в пятьдесят семь раз больше, чем неона. 43. Обманчивое видение. 44. Цветок, старинная эмблема непорочности.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7**

По горизонтали.

1. Галлон. 4. «Юнкера». 9. Пуччини. 10. ...лемпира. 15. «Вирь». 16. Венесуэла. 17. Эпос. 20. Бонанг. 21. Нивхи. 22. Ширица. 25. Гаусс. 26. Ульянов. 29. Пуансон. 30. Холод. 35. Павлин. 36. Фанза. 37. Хитрец. 40. Олег. 41. Запорожец. 42. Эфир. 45. Рисовод. 46. Керлинг. 47. Шарада. 48. Платан.

По вертикали.

2. Акче. 3. Линней. 5. Кресло. 6. Репа. 7. Чуприна. 8. Триптих. 11. Квебек. 12. Жених. 13. Суахили. 14. Эспада. 18. Андалузит. 19. Микология. 23. Осень... 24. Ляхов. 27. Ромашов. 28. Диплом. 31. Цицеро. 32. Евгений. 33. Изгой. 34. Графиня. 38. Чакона. 39. Береза. 43. Мода. 44. «Елка».

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

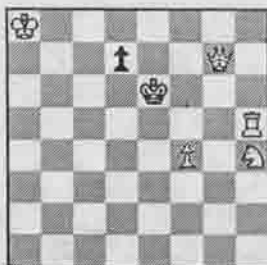
Начинаем публикацию итогов II международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена» за 1993 год. В конкурсе двухходовок участвовали 274 задачи 113 авторов (опубликованы 32). Из конкурса исключаются № 2, 58, 90 — из-за предшествеников, № 16, 19, 33, 80 как опубликованные в другом издании.

Присуждение — предварительное. Замечания следует присылать в течение двух месяцев после публикации итогов, затем они вступают в силу.

I приз

М. МАРАНДЮК

г. Новоселица, Украина

1. Kf5? d6,d5 2. Kd4,Фe7х, но 1...Kpd5!
 1. Лf5? угр. 2. Фf6х и 2. Фe5х, 1...d6,d5 2. Фf7,Лf6х, но 1...Kpd6!
 1. Kpb8? Kpd6,d5 2. Фf6,Лh6х, но 1...d6!
 1. Лс5! — цугцванг. 1...Kpd6,d6,d5 2. Фe5,f5,Лс6х.

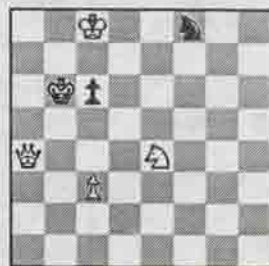
Масштабная задача, что очень редко можно сказать в адрес миниатюры. Четыре фазы с переменной матов объединяют две сюжетные линии — простую переменную матов на два хода черной пешки и парадокс Домбровски при защите 1...Kpd6.

Задача небезупречна. Наличие 1. Kpb7? компрометирует ложный след 1. Kpb8? Но даже с этим изъяном миниатюра превосходит остальные конкурсные композиции.

II приз

В. МЕЛЬНИЧЕНКО,

г. Котовск, Украина

0) Ke4 — a6 в) Ke4 — d3

- a) 1. Kd6? Kpc5,c5 2. Фd4,Kc4x,
1...K∞!
1. Kf6! Kpc5,c5 2. Фb4,Kd5x.
б) 1. Kb8! Kpc5,c5 2. Фc6,Фa6x.
в) 1. Ke5!

В двух первых близнецах проходит трехкратная перемена двух матов. Последний близнец, пожалуй, мало что добавляет.

III приз

В. ПИЛЬЧЕНКО

г. Сухой Лог Свердловской обл.

1. Cg5? Kpf5 2. Фd5x, но 1...Kpf7!
1. Lg8? Kpf7 2. Фd5x, но 1...Kpf5!
1. Kf6!∞ 2. Фd5x, 1...Kpf7, Kpf5
2. Фе8, Фе4x.

Тематически сложное для миниатюры содержание представлено четко, но и здесь ложные следы весьма условны.

1-й почетный отзыв — задаче № 47 **В. Мельниченко** (г. Котовск). Удачная идея: одна лишь замена в старой схеме черной пешки (e7) конем значительно расширила игровое содержание задачи. Близнецы позволяют полнее раскрыть возможности данной схемы.

2-й почетный отзыв — задаче № 88 **М. Чернушко** (г. Уссурийск).

Хорошая находка — блок с радикальной переменной матов. Вступительный ход с шахом лишь немного снижает впечатление.

3-й почетный отзыв — задаче

№ 46 **М. Марандюка** (г. Новоселица). Трехфазная миниатюра в сочетании с темой Салазара.

4-й почетный отзыв — задаче № 89 **В. Квятковского** (с. Киянка, Украина).

Выбор превращения белой пешки f7 (в ферзя или коня) приводит к перемене матов.

5-й почетный отзыв — задаче № 32 **М. Чернушко** (г. Уссурийск). Тема Оянена представлена здесь несхематично, с хорошим вступлением.

1-й похвальный отзыв — задаче № 54 **М. Марандюка** (г. Новоселица).

2-й похвальный отзыв — задаче № 3 **В. Мельниченко** (г. Котовск).

3-й похвальный отзыв — задаче № 68 **В. Иванова** (п. Повенец, Карелия).

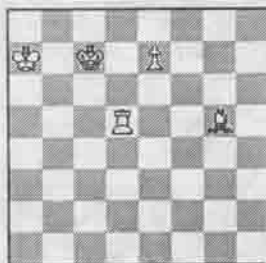
4-й похвальный отзыв — задаче № 59 **Н. Пархоменко** (г. Винница).

5-й похвальный отзыв — задаче № 53 **В. Матзуша** (г. Старая Русса).

Специальный приз

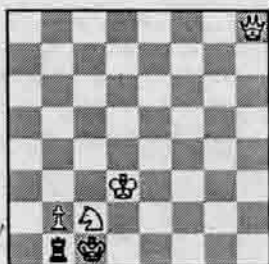
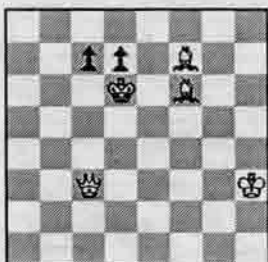
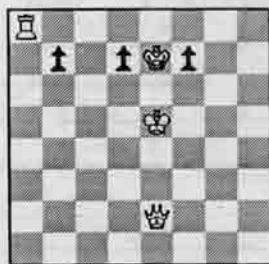
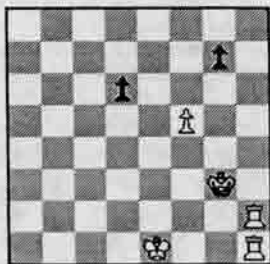
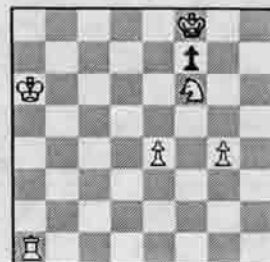
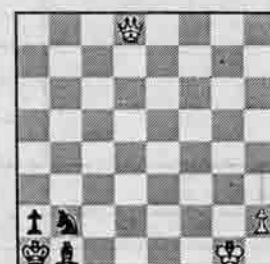
В. МЕЛЬНИЧЕНКО

г. Котовск, Украина

- б) Cg5 — a8, в) Cg5 — f3,
г) Ld5 — h5
а) 1.e8C!
б) 1.e8K!
в) 1.e8П!
г) 1.e8Ф!

Малютка с четырьмя превращениями белой пешки на одном поле. В двух первых близнецах с превращениями в легкие фигуры — маты идеальные.

73. М. ВЛАСОВ*г. Кудымкар Пермской обл.***Мат в 2 хода****74. В. ЖЕЛТОНОЖКО***Екатеринбург***Мат в 2 хода****75. В. ИВАНОВ***п. Повенец, Карелия***Мат в 3 хода****76. В. АНТИПОВ***г. Боровичи***Мат в 4 хода****77. М. Чернушко***г. Уссурийск***Мат в 5 ходов****78. М. ВЛАСОВ***г. Кудымкар Пермской обл.***Мат в 11 ходов**

«СМЕНА»-95

В первом полугодии мы предполагаем опубликовать: повесть Григория Глазова «Запах лаванды», фантастический роман Гарри Таррисона «Пункт вторжения — Земля», роман Джорджа Эффинджера «Когда под ногами бездна», а также детективные повести и романы Николая Леонова, Мэри Кэй Симменс, Жака Брюса, Шарля Эксбрайя. В каждом номере вас ждет интересный очерк о малоизвестных страницах русской истории.

Ф. СП-I

АБОНЕМЕНТ на 70820
журнал (индекс издания)
«СМЕНА»

Количество комплектов

на 1995 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

70820
на журнал (индекс издания)
«СМЕНА»

<small>Стоимость</small>	<small>подписки пере-адресовки</small>	<small>руб.</small>	<small>коп.</small>	<small>Количество комплектов</small>
		<small>руб.</small>	<small>коп.</small>	

на 1995 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

уда

(почтовый индекс)

(адрес)

ому

(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-95

Это 3900 рублей за один номер, 11 700 — за три, полугодовая подписка — 23 400 рублей (цены указаны по каталогу без стоимости доставки). Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи.

▼ В. Д. ПОЛЕНОВ. Мечты. 1894 г.

▲ А. К. САВРАСОВ. Печерский монастырь
близ Нижнего Новгорода. 1871 г.

▲ И. К. АЙВАЗОВСКИЙ. Парусник.

▲ А. И. КУИНДЖИ. Степь. Стюд.

ИНДЕКС 70820

Музыкальная антенна представляет: